

**Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /**

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

IV

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА**

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. IV.

„ИСКРА“ 1900—1903 г.г.

(84—99 тыс.)

*Печатается по постановлению
IX съезда Р. К. П.*

Часть I

СТАТЬИ ИЗ „ИСКРЫ“

1900—1903 г.г.

Объявление об издании „Искры“ *).

Предпринимая издание политической газеты «Искра» ¹⁾, мы считаем необходимым сказать несколько слов о том, к чему мы стремимся и как понимаем наши задачи.

Мы переживаем¹ крайне важный момент в истории русского рабочего движения и русской социал-демократии. Последние годы характеризуются поразительно быстрым распространением социал-демократических идей среди нашей интеллигенции, а навстречу этому течению общественной мысли идет самостоятельно возникшее движение промышленного пролетариата, который начинает объединяться и бороться против своих угнетателей, начинает с жадностью стремиться к социализму. Кружки рабочих и социал-демократов интеллигентов появляются повсюду, распространяются местные агитационные листки, растет спрос на социал-демократическую литературу, далеко обгоняя предложение, а усиленные правительственные преследования не в силах удержать этого движения. Битком набиты тюрьмы, переполнены места ссылки, чуть не каждый месяц слышно о «провалах» во всех концах России, о поимке транспортов, о конфискации литературы и типографий, но движение все растет, захватывает все больший район, все глубже проникает в рабочий класс, все больше привлекает общественное внимание. И все экономическое развитие России, вся история русской общественной мысли и русского революционного движения ручаются за то, что социал-демократическое рабочее движение будет расти, несмотря на все препятствия, и, в конце концов, преодолеет их.

Но, с другой стороны, главная черта нашего движения, которая особенно бросается в глаза в последнее время,—его раздробленность, его, так сказать, кустарный характер: местные кружки возникают и действуют независимо друг от друга и даже (что особенно важно)

*) Статья коллективная; печатается здесь, как необходимое введение к статьям «Искровского» периода. *Ред.*

независимо от кружков, действовавших и действующих в тех же центрах; не устанавливаются традиции, нет преемственности, и местная литература всецело отражает раздробленность и отсутствие связи с тем, что уже создано русской социал-демократией.

Несоответственность этой раздробленности с запросами, вызываемыми силою и широтой движения, создает, по нашему мнению, критический момент в его развитии. В самом движении с неудержимой силою сказывается потребность упрочиться и выработать определенную физиономию и организацию, а между тем в среде практически действующих социал-демократов необходимость такого перехода к высшей форме движения сознается далеко не везде. В довольно широких кругах наблюдается, наоборот, шатанье мысли, увлечение модной «критикой марксизма» и «бернштейниадой» ²⁾, распространение взглядов так называемого «экономического» направления ³⁾ и в неразрывной связи с этим—стремление задержать движение на его низшей стадии, стремление отодвинуть на второй план задачу образования революционной партии, ведущей борьбу во главе всего народа. Что подобного рода шатанье мысли наблюдается среди русских социал-демократов, что узкий практицизм, оторванный от теоретического движения в его целом, грозит свратить движение на ложную дорогу, это — факт; в этом не могут усомниться люди, непосредственно знакомые с положением дел в большинстве наших организаций. Да есть и литературные произведения, подтверждающие это: стоит назвать хотя бы «Credo» ⁴⁾,—вызвавшее уже вполне законный протест, «Отдельное приложение к Рабочей Мысли» (сент. 1899), столь рельефно выразившее тенденцию, проникающую всю газету «Рабочая Мысль» ⁵⁾, или наконец—воззвание петербургской «Группы Самоосвобождения Рабочего Класа», составленное в духе того же «экономизма». И совершенно неверно утверждение «Рабочего Дела» ⁶⁾, что «Credo» представляет собой не больше, как мнение единичных лиц, что направление «Рабочей Мысли» выражает лишь сумбурность ее редакции, а не особое направление в самом ходе русского рабочего движения. А рядом с этим в произведениях писателей, которые читающая публика, с большим или меньшим основанием, считала до сих пор видными представителями «легального» марксизма ⁷⁾, все более и более обнаруживается поворот к воззрениям, сближающимся с буржуазной апологетикой. Результатом всего этого и являются тот разброд и та анархия, благодаря которым экс-марксист или, вернее, экс-социалист Бернштейн, перечисляя свои успехи мог печатно заявить, не встречая возражений, будто большинство действующих в России социал-демократов состоит из его последователей.

Мы не хотим преувеличивать опасность положения, но закрывать на нее глаза было бы неизмеримо вреднее; вот почему мы от всей души приветствуем решение «Группы Освобождение Труда»⁸⁾, возобновить ее литературную деятельность и начать систематическую борьбу против попыток извращения и опошления социал-демократизма.

Практический вывод из всего этого такой: мы, русские социал-демократы, должны сплотиться и направить все усилия на образование крепкой партии, борющейся под единым знаменем революционной социал-демократии. Именно эта задача была намечена уже съездом 1898 года, образовавшим Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию и опубликовавшим ее «Манифест»⁹⁾. Мы признаем себя членами этой партии, вполне разделяем основные идеи «Манифеста» и придаем ему важное значение, как открытому заявлению ее целей. Поэтому для нас, как членов партии, вопрос о ближайшей и непосредственной нашей задаче ставится таким образом: какой план деятельности должны мы принять, чтобы достигнуть возможно более прочного возобновления партии?

Обычный ответ на этот вопрос состоит в том, что необходимо выбрать центральное учреждение и поручить ему возобновить организации партии. Но в переживаемый нами период разброда такой простой путь едва ли был бы целесообразен.

Создать и упрочить партию значит создать и упрочить объединение русских социал-демократов, а по указанным выше причинам такого объединения нельзя декретировать, его нельзя ввести по одному только решению какого-либо, скажем, собрания представителей его необходимо выработать. Необходимо выработать, во-первых, прочное идейное объединение, исключаящее ту разногласию и путаницу, которые, — будем откровенны! — царят среди русских социал-демократов в настоящее время; необходимо закрепить это идейное объединение партийной программой. Необходимо, во-вторых, выработать организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения, доставке полных и своевременных сведений о движении и правильному снабжению периодической прессой всех концов России. Только тогда, когда выработается такая организация, когда будет организована русская социал-демократическая почта, партия получит прочное существование и станет реальным фактом, а следовательно, и могущественной политической силой. Первой половине этой задачи, т.-е. выработке общей, принципиально-выдержанной литературы, способной идейно объединить революционную социал-демократию, мы и намерены посвятить свои силы, видя в этом насущную потребность современного движения и необходимый подготовительный шаг к восста-

новлению деятельности партии. Но мы уже говорили, идейное объединение русских социал-демократов еще надо выработать, для чего необходимо, по нашему мнению, открытое и всестороннее обсуждение основных принципиальных и тактических вопросов, поднятых современными «экономистами», бернштейнцами и «критиками». Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей радикальному устройению. Понятно поэтому, что мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строго определенного направления. Это направление может быть выражено словом: марксизм, и нам вряд ли есть надобность добавлять, что мы стоим за последовательное развитие идей Маркса и Энгельса и решительно отвергаем те половинчатые, расплывчатые и оппортунистические поправки, которые вошли теперь в такую моду с легкой руки Эд. Бернштейна, П. Струве и многих других. Но, обсуждая все вопросы с своей определенной точки зрения, мы вовсе не отвергаем полемики между товарищами на страницах нашего органа. Открытая полемика перед всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими необходима и желательна для выяснения глубины существующих разногласий, для всестороннего обсуждения спорных вопросов, для борьбы с крайностями, в которые неизбежно впадают не только представители различных взглядов, но даже представители различных местностей или различных «профессий» революционного движения. Мы считаем даже, как уже было замечено выше, одним из недочетов современного движения отсутствие открытой полемики между заведомо расходящимися взглядами, стремление держать под спудом разногласия, касающиеся очень серьезных вопросов.

Мы не станем подробно перечислять тех вопросов и тем, которые входят в программу нашего органа, ибо эта программа сама собою вытекает из общего понятия о том, чем должна быть издаваемая, при данных условиях, политическая газета.

По мере наших сил мы будем стремиться к тому, чтобы все русские товарищи смотрели на наше издание, как на свой орган, в который каждая группа сообщала бы все сведения о движении, с которым бы она делилась своим опытом, своими взглядами, своими запросами на литературу, своей оценкой социал-демократических изданий, делилась бы, одним словом, всем, что она вносит в движение и что она выносит из него. Только при таком условии возможно будет создание действительно общерусского социал-демократического органа. Только

такой орган способен вывести движение на широкий путь политической борьбы. «Раздвинуть рамки и расширить содержание нашей пропагандистско-агитационной и организаторской деятельности». Эти слова П. Б. Аксельрода должны стать лозунгом, определяющим в ближайшем будущем деятельность русских социал-демократов,—и мы принимаем этот лозунг в программу своего органа.

Мы обращаем свой призыв не только к социалистам и сознательным рабочим. Мы призываем также всех, кого гнетет и давит современный политический строй, мы предлагаем им страницы наших изданий для разоблачения всех гнусностей русского самодержавия.

Кто понимает социал-демократию, как организацию, служащую исключительно стихийной борьбе пролетариата, тот может удовлетвориться только местной агитацией и «чисто-рабочей» литературой.

Мы не так понимаем социал-демократию: мы понимаем ее, как направленную против абсолютизма революционную партию, неразрывно связанную с рабочим движением. Только организованный в такую партию пролетариат, этот наиболее революционный класс современной России, в состоянии будет исполнить лежащую на нем историческую задачу: объединить под своим знаменем все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом.

*Ноябрь
1900 года.*

Насущные задачи нашего движения.

Искра» № 1, декабрь 1900 года.

Русская социал-демократия не раз уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы. Это заявляли больше 15 лет тому назад представители русской социал-демократии, члены группы «Освобождение Труда», это заявили два с половиной года тому назад и представители русских социал-демократических организаций, образовавшие весной 1898 году Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. Но, несмотря на эти неоднократные заявления, вопрос о политических задачах социал-демократии в России снова выступает на очередь в настоящее время. Многие представители нашего движения выражают сомнение в правильности указанного решения вопроса. Говорят, что преобладающее значение имеет экономическая борьба, отодвигают на второй план политические задачи пролетариата, суживают и ограничивают эти задачи, заявляют даже, что разговоры об образовании самостоятельной рабочей партии в России—просто повторение чужих слов, что рабочим надо вести одну экономическую борьбу, предоставив политику интеллигентам в союзе с либералами. Это последнее заявление нового символа веры (пресловутое «Credo») сводится уже прямо к признанию русского пролетариата несовершеннолетним и к полному отрицанию социал-демократической программы. А «Рабочая Мысль» (особенно в отдельном приложении) высказалась в сущности в том же смысле. Русская социал-демократия переживает период колебаний, период сомнений, доходящих до самоотрицания. С одной стороны, рабочее движение отрывается от социализма; рабочим помогают вести экономическую борьбу, но им вовсе не разъясняют социалистических целей и политических задач всего движения в целом. С другой стороны, социализм отрывается от рабочего движения: русские социалисты опять начинают все больше и больше говорить о том, что борьбу с правительством

должна вести одними своими силами интеллигенция, ибо рабочие ограничиваются лишь экономической борьбой.

Троякого рода обстоятельства подготовили, по нашему мнению, почву для этих печальных явлений. Во-первых, в начале своей деятельности русские социал-демократы ограничились одной кружковой пропагандистской работой. Перейдя к агитации в массах, мы не всегда могли удержаться от того, чтобы не впасть в другую крайность. Во-вторых, в начале своей деятельности нам приходилось очень часто отстаивать свое право на существование в борьбе с народолюбцами, которые понимали под «политикой» деятельность, оторванную от рабочего движения, которые суживали политику до одной только заговорщицкой борьбы. Отвергая такую политику, социал-демократы впадали в крайность, отодвигая на второй план политику вообще. В-третьих, разрозненно действуя в местных мелких рабочих кружках, социал-демократы недостаточно обращали внимание на необходимость организации революционной партии, объединяющей всю деятельность местных групп и дающей возможность правильно поставить революционную работу. А преобладание разрозненной работы естественно связано с преобладанием экономической борьбы.

Все указанные обстоятельства породили увлечение одной стороной движения. «Экономическое» направление (поскольку тут можно говорить о «направлении») создало попытки возвести эту узость в особую теорию, попытки воспользоваться для этой цели модной бернштейниадой, модной «критикой марксизма», проводящей старые буржуазные идеи под новым флагом. Лишь эти попытки породили опасность ослабления связи между русским рабочим движением и русской социал-демократией, как передовым борцом за политическую свободу. И самая насущная задача нашего движения состоит в укреплении этой связи.

Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача:—не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности. Оторванное от социал-демократии, рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность: ведя одну экономическую борьбу, рабочий класс теряет свою политическую самостоятельность, становится хвостом других партий, изменяет великому завету: «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Во всех странах был такой период, когда рабочее движение и социализм существовали отдельно друг от друга и шли особой дорогой,—и во всех

странах такая оторванность приводила к слабости социализма и рабочего движения; во всех странах только соединение социализма с рабочим движением создавало прочную основу и для того и для другого. Но в каждой стране это соединение социализма с рабочим движением вырабатывалось исторически, вырабатывалось особым путем, в зависимости от условий места и времени. В России необходимость соединения социализма и рабочего движения теоретически провозглашена уже давно,—по практически это соединение вырабатывается лишь в настоящее время. Процесс этой выработки есть очень трудный процесс, и нет ничего особенно удивительного в том, что он сопровождается разными колебаниями и сомнениями.

Какой же урок вытекает для нас из прошлого?

История всего русского социализма привела к тому, что самой его насущной задачей оказалась борьба против самодержавного правительства, завоевание политической свободы; наше социалистическое движение концентрировалось, так сказать, на борьбе с самодержавием. С другой стороны, история показала, что в России оторванность социалистической мысли от передовых представителей трудящихся классов гораздо больше, чем в других странах, и что при такой оторванности русское революционное движение осуждено на бессилие. Отсюда сама собою вытекает та задача, которую призвана осуществить русская социал-демократия: внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную с стихийным рабочим движением. Много уже сделано в этом отношении русской социал-демократией; но еще больше остается сделать. С ростом движения поприще деятельности для социал-демократии становится все шире, работа все разностороннее, все большее число деятелей движения сосредоточивает свои силы на осуществлении различных частных задач, которые выдвигаются повседневными нуждами пропаганды и агитации. Это—явление—совершенно законное и неизбежное, но оно заставляет обращать особое внимание на то, чтобы частные задачи деятельности и отдельные приемы борьбы не возводились в нечто самодовлеющее, чтобы подготовительная работа не возводилась на степень главной и единственной работы.

Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса—наша главная и основная задача. Всякий, кто отодвигает эту задачу на второй план, кто не подчиняет ей всех частных задач и отдельных приемов борьбы, тот становится на ложный путь и наносит серьезный вред движению. Отодвигают же ее, во-первых, те, кто зовет революционеров на борьбу с правительством силами

отдельных заговорщических кружков, оторванных от рабочего движения, во-вторых, те, кто суживает содержание и размах политической пропаганды, агитации и организации, кто считает возможным и уместным угощать рабочих «политикой» только в исключительные моменты их жизни, только в торжественных случаях, кто слишком заботливо разменивает политическую борьбу против самодержавия на требование отдельных уступок от самодержавия и недостаточно заботится о том, чтобы эти требования отдельных уступок возвести в систематическую и бесповоротную борьбу революционной партии против самодержавия.

«Организуйтесь», повторяет рабочим на разные лады газета «Рабочая Мысль», повторяют все сторонники «экономического» направления. И мы, конечно, всецело присоединяемся к этому кличу, но мы непременно добавим к нему: организуйтесь не только в общества взаимопомощи, стачечные кассы и рабочие кружки, организуйтесь также и в политическую партию, организуйтесь для решительной борьбы против самодержавного правительства и против всего капиталистического общества. Без такой организации пролетариат не способен подняться до сознательной классовой борьбы, без такой организации рабочее движение осуждено на бессилие, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на нем великую историческую задачу; освободить себя и весь русский народ от его политического и экономического рабства. Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им. И русский рабочий класс показал уже, что он способен выдвигать таких людей: широко разлившаяся борьба русских рабочих за 5—6 последних лет показала, какая масса революционных сил таится в рабочем классе, как самые отчаянные правительственные преследования не уменьшают, а увеличивают число рабочих, рвущихся к социализму, к политическому сознанию и к политической борьбе. Съезд наших товарищей в 1898 г. верно поставил задачу, а не повторил чужие слова, не выразил одно только увлечение «интеллигентов». И мы должны решительно взяться за выполнение этих задач, поставив на очередь вопрос о программе, организации и тактике партии. Как мы смотрим на основные положения нашей программы, мы уже сказали, а подробно развивать эти положения здесь, конечно, не место. Вопросам организационным мы намерены посвятить ряд статей в ближайших номерах. Это—одни из самых больных наших вопросов. Мы сильно отстали в этом отношении от старых деятелей русского революционного дви-

жения; надо прямо признать этот недочет и направить свои силы на выработку более конспиративной постановки дела, на систематическую пропаганду правил ведения дела, приемов надувания жандармов и обхода сетей полиции. Надо готовить людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь, надо готовить организацию, настолько крупную, чтобы в ней можно было провести строгое разделение труда между различными видами нашей работы. Что касается, наконец, до вопросов тактики, то мы ограничимся здесь следующим: социал-демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической борьбы,—она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность достигать наибольших результатов, достижимых при данных условиях. При крепкой организованной партии отдельная стачка может превратиться в политическую демонстрацию, в политическую победу над правительством. При крепкой организованной партии восстание в отдельной местности может разрастись в победоносную революцию. Мы должны помнить, что борьба с правительством за отдельные требования, отвоение отдельных уступок, это—только мелкие стычки с неприятелем, это—небольшие схватки на форпостах, а решительная схватка еще впереди. Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего революционера Петра Алексева: «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»¹⁰⁾.

Китайская война¹¹⁾.

«Искра» № 1, декабрь 1900 года.

Россия заканчивает войну с Китаем; мобилизован целый ряд военных округов, затрачены сотни миллионов рублей, десятки тысяч войска отправлены в Китай, дан ряд сражений, одержан ряд побед,—побед, правда, не столько над регулярными войсками неприятеля, сколько над китайскими повстанцами и еще более над безоружными

китайцами, которых топили и избивали, не останавливаясь перед умерщвлением детей и женщин, не говоря уже о грабеже дворцов, домов и лавок. И русское правительство, вместе с холопствующими перед ним газетами, торжествует победу, ликует по поводу новых подвигов доблестного воинства, ликует по поводу поражения китайской дикости европейскою культурою, по поводу новых успехов русской «цивилизаторской миссии» на Дальнем Востоке.

Не слышно только во всем этом ликовании голоса сознательных рабочих, этих передовых представителей многомиллионного рабочего народа. А всю тяжесть новых победоносных походов несет на себе именно рабочий народ: у него отнимают работников для отправки за тридевять земель, с него собирают особо повышенные подати на миллионные расходы. Попробуем же разобраться в вопросе: как должны относиться социалисты к этой войне? в чьих интересах она ведется? каково настоящее значение той политики, которой следует русское правительство?

Правительство наше уверяет, прежде всего, что оно даже не ведет войны с Китаем; оно только подавляет восстание, умиряет мятежников, помогает законному китайскому правительству восстановить законный порядок. Война не объявлена, но суть дела от этого нимало не меняется, так как война все равно ведется. Чем же вызвано нападение китайцев на европейцев, этот мятеж, умиряемый с таким рвением англичанами, французами, немцами, русскими, японцами и проч? «Враждой желтой расы к белой расе», «ненавистью китайцев к европейской культуре и цивилизации», — уверяют сторонники войны. Да, китайцы, действительно, ненавидят европейцев, но только каких европейцев они ненавидят и за что? Не европейские народы ненавидят китайцы, — с ними у них не было столкновений, — а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства. Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленной цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны только для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства? Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колониальною политикою. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистическою промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т.-е. таких стран, в которых слабо развита

промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги. И ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны, морили полки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти. Вспомните восстание индийских туземцев против Англии и голод в Индии или тепершнюю войну англичан с бурами.

И вот теперь жадные лапы европейских капиталистов потянулись к Китаю. Потянулось чуть ли не прежде всех и русское правительство, которое теперь так распинаятся о своем «бескорыстии». Оно «бескорыстно» взяло у Китая Порт-Артур¹²⁾ и стало строить железную дорогу в Маньчжурии под охраной русских войск. Одно за другим, европейские правительства так усердно принялись грабить, то бишь «арендовать», китайские земли, что недаром поднялись толки о разделе Китая. И если называть вещи их настоящим именем, то надо сказать, что европейские правительства (и русское едва ли не первое из них) уже начали раздел Китая. Но они начали раздел не открыто, а исподтишка, как воры. Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление,—они бросились на него, как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей. И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей китайцев, дерзающих поднять руку на цивилизованных европейцев. Занятие Нью-Чжуана и введение русских войск в пределы Маньчжурии, это—временные меры,—заявляет российское самодержавное правительство в своей циркулярной ноте державам от 12 августа 1900 года; эти меры «вызваны исключительно необходимостью отражать агрессивные действия китайских мятежников»; они «отнюд не могут свидетельствовать о каких-либо своекорыстных планах, совершенно чуждых политике императорского правительства».

Бедное императорское правительство! Оно так христиански бескорыстно, а его так несправедливо обижают. Оно бескорыстно захватило несколько лет тому назад Порт-Артур и теперь бескорыстно захватывает Маньчжурию, оно бескорыстно наводнило пограничные с Россией области Китая сворой подрядчиков, инженеров и офицеров, доводивших своим обращением даже известных своею покорностью китайцев до возмущения. На постройке китайской железной дороги рабочим-китайцам платили по 10 коп. в день на их содержании,—это ли еще не бескорыстие со стороны России?

Но чем же объяснить, что наше правительство ведет эту безумную политику в Китае? Кому выгодна эта политика? Она выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах (некоторые заводы, производящие предметы вооружения, припасы для войск и т. п., работают теперь всюду и принимают сотни новых поденщиков). Такая политика выгодна кучке дворян, занимающих высокие посты на гражданской и военной службе. Им нужна политика приключений, потому что в ней можно выслужиться, сделать карьеру, прославить себя «подвигами». Интересам этой кучки капиталистов и чиновных пройдох наше правительство, не колеблясь, приносит в жертву интересы всего народа. Самодержавное царское правительство и в этом случае, как и всегда, оказывается правительством безответственных чиновников, раболепствующих перед тузами-капиталистами и дворянами.

Какая польза русскому рабочему классу и всему рабочему народу от завоеваний в Китае? Тысячи разоренных семей, у которых отняты работники на войну, громадный рост государственных долгов и расходов, увеличение налогов, усиление власти капиталистов, эксплуататоров рабочих, ухудшение положения рабочих, еще большее вымирание крестьянства, голод в Сибири—вот что обещает принести и уже приносит с собою китайская война. Вся русская печать, все газеты и журналы находятся в рабстве, они не смеют ничего печатать без разрешения правительственных чиновников,—и потому мы не имеем точных сведений о том, во что обходится народу китайская война, но несомненно, что она требует денежных расходов *во много сотен миллионов рублей*. Есть сведения, что правительство сразу выдало на войну 150 миллионов рублей по неопубликованному указу, да затем текущие расходы на войну поглощают *по одному миллиону рублей* каждые три или четыре дня. И эти бешеные деньги бросает правительство, которое бесконечно урезывало пособия голодающим крестьянам, торгуясь из-за каждой копейки, которое не находит денег на народное образование, которое, как любой кулак, выжимает соки из рабочих на казенных заводах, из мелких служащих в почтовых учреждениях и проч! Министр финансов Витте заявил, что к 1 января 1900 г. в казначействе есть свободная наличность в 250 милл. руб.,—теперь уже этих денег нет, они ушли на войну, правительство ищет займов, увеличивает налоги, отказывается от необходимых расходов за недостатком денег, приостанавливает постройку железных дорог. Царскому правительству грозит банкротство, а оно бросается в политику завсѣгда

ваний,—политику, которая не только требует громадных денежных средств, но и грозит вовлечь в еще более опасные войны. Набросившиеся на Китай европейские державы начинают уже ссориться из-за дележа добычи, и никто не в состоянии сказать, как кончатся эти ссоры.

Но политика царского правительства в Китае представляет из себя не только надругательство над народными интересами,—она стремится развратить политическое сознание народных масс. Правительства, которые держатся только силой штыков, которым постоянно приходится сдерживать или подавлять народное вомущение, давно уже сознали ту истину, что народного недовольства не устранить ничем; надо попытаться отвлечь это недовольство от правительства на кого-нибудь другого. Разжигают, напр., вражду к евреям; площадные газеты травят евреев, как будто бы еврейский рабочий не страдает точно так же, как русский, от гнета капитала и полицейского правительства. В настоящее время поднят в печати поход против китайцев, кричат о дикой желтой расе, об ее вражде к цивилизации, о просветительных задачах России, о том, с каким воодушевлением идут в бой русские солдаты, и проч. и проч. Пресмыкающиеся перед правительством и перед денежным мешком журналисты из кожи лезут вон, чтобы разжечь ненависть в народе к Китаю. Но китайский народ ничем и никогда не притеснял русского народа: китайский народ сам страдает от тех же зол, от которых изнемогает и русский,—от азиатского правительства, выколачивающего подати с голодающих крестьян и подавляющего военной силой всякое стремление к свободе,—от гнета капитала, пробравшегося и в Срединное Царство.

Русский рабочий класс начинает выбиваться из той политической забитости и темноты, в которой находится масса народа. На всех сознательных рабочих лежит поэтому долг—всеми силами восстать против тех, кто разжигает национальную ненависть и отвращает внимание рабочего народа от его истинных врагов. Политика царского правительства в Китае есть преступная политика, еще более разоряющая народ, еще более развращающая и угнетающая его. Царское правительство не только держит наш народ в рабстве,—оно посылает его усмирять другие народы, восстающие против своего рабства (как это было в 1849 году, когда русские войска подавляли революцию в Венгрии). Оно не только помогает русским капиталистам эксплуатировать своих рабочих и связывает руки рабочим, чтобы они не смели соединяться и защищаться, оно посылает солдат грабить другие народы ради интересов кучки богачей и знати. Чтобы избавиться от нового ярма, которое взваливает война на рабочий народ, есть только одно

средство: созыв народных представителей, которые положили бы конец самовластию правительства и заставили его считаться с интересами не одной только придворной шайки.

Отдача в солдаты 183-х студентов *)

«Искра» № 2, февраль 1901 г

11 января в газетах опубликовано правительственное сообщение от Мин. Нар. Просв. об отдаче в солдаты 183-х студентов киевского университета «за учинение скопом беспорядков». Временные правила 29 июля 1899 г.—эта угроза студенчеству и обществу—приводятся в исполнение менее, чем через полтора года после их издания, и правительство точно спешит оправдаться за применение невиданной карательной меры, выступая с целым обвинительным актом, не жалея красок на изображение студенческих злодейств.

Злодейства одно другого ужаснее. Летом—общестуденческий съезд в Одессе с программой организовать все русское студенчество для выражения всякого рода протестов по поводу явлений академической, общественной и политической жизни. За эти преступные политические цели все студенты-делегаты были арестованы, документы отобраны. Но брожение не утихает, а растет и настойчиво обнаруживается во многих высших учебных заведениях. Студенты хотят свободно и самостоятельно обсуждать и вести свои общие дела. Их начальство—с тем бездушным формализмом, которым ископи отличается русское чиновничество,—отвечает мелкими придирками, доводит недовольство до крайних размеров и невольно наталкивает мысль не погрязшей еще в тине буржуазного прозябания молодежи на протест против всей системы полицейского и чиновнического самовластья.

Киевские студенты требуют удаления профессора, занявшего место уехавшего товарища. Начальство противится, доводит молодежь до «сборищ и демонстраций» и... уступает. Студенты собирают сходку для обсуждения того, почему возможны такие гнусности, как изнасилование двумя белоподрядочниками одной девушки (так гласит слух). Начальство приговаривает главных «виновников»—к карцеру. Те отказываются подчиниться. Их увольняют. Толпа демонстративно провожает на вокзал уволенных. Собирается новая сходка, студенты остаются до вечера, отказываясь уйти, пока не явится ректор. Являются вице-губернатор и начальник жандармского управления

*) Номер был сверстан, когда появилось правительственное сообщение.

с отрядом солдат, окруживших университет и вошедших в аудиторию, и—приглашают ректора. Студенты требуют,—вы думаете, может быть, конституции? Нет, они требуют, чтобы не применяли наказания карцером и приняли обратно уволенных. Участников сходки переписывают и отпускают по домам.

Вдумайтесь в это поразительное несоответствие между скромностью и безобидностью студенческих требований—и переполохом правительства, которое поступает так, как будто бы топор был уже занесен над опорами его владычества. Ничем так не выдает себя наше «всемогущее» правительство, как этим переполохом. Лучше всяких «преступных воззваний» оно показывает этим,—показывает всякому, имеющему глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать,—что оно чувствует себя совершенно непрочным и верит только в силу штыка и нагайки, охраняющих его от народного возмущения. Искушенное опытом десятилетий, правительство твердо убедилось в том, что оно окружено горючим материалом, что достаточно малейшей искорки, достаточно протеста против карцера, чтобы зажечь пожар. А если так, то понятно, что расправа нужна примерная: отдать в солдаты сотни студентов! «Фельдфебеля в Вольтеры дать!»—эта формула нисколько не устарела. Напротив, XX веку суждено увидеть ее настоящее осуществление.

На многие мысли и сопоставления наводит эта новая карательная мера, новая своей попыткой воскресить давным-давно отжившее старое. Поколения три тому назад, во времена николаевские, отдача в солдаты была естественным наказанием, вполне соответствовавшим всему строю русского крепостного общества. Дворянчиков отдавали в солдаты, чтобы заставить их служить и выслуживаться до офицера в отмену вольности дворянства. Крестьянина отдавали в солдаты как в долготлетнюю каторгу, где его ждали нечеловеческие пытки «зеленой улицы» и т. п. Но вот уже более четверти века, как у нас существует «всеобщая» воинская повинность, введение которой прославлено в свое время, как великая демократическая реформа. Всеобщая не на бумаге только, но и на деле воинская повинность, несомненно есть демократическая реформа: она порывает с сословностью и вводит равноправность граждан. Но если бы это было так на самом деле, разве могла бы тогда отдача в солдаты служить наказанием? И если правительство превращает воинскую повинность в наказание, не доказывает ли оно этим, что мы стоим гораздо ближе к рекрутчине, чем к *всеобщей* воинской повинности? Временные правила 1899 г. срывают фарисейскую маску и разоблачают азиатскую сущность даже тех наших учреждений, которые всего больше походят на европейские. В суп по-

сти, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе. Наоборот, казарма насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попираание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье. А для тех, у кого есть влиятельные связи и деньги,—льготы и изъятия. Неудивительно, что отдача в эту школу произвола и насилия может быть наказанием и даже очень тяжелым наказанием, приближающимся к лишению прав. Правительство рассчитывает в этой школе обучить «бунтовщиков» дисциплине. Не ошибется ли оно в своем расчете? Не будет ли школа русской военной службы военной школой для революции? Конечно, не всем студентам под силу пройти полный курс такой школы. Одних сломит тяжелая лямка, погубит столкновение с военными властями, других—слабых и дряблых—запугает казарма, но третьих она закалит, расширит их кругозор, заставит их продумать и прочувствовать их освободительные стремления. Они испытают теперь всю силу произвола и угнетения на собственном опыте, когда все их человеческое достоинство будет поставлено в зависимость от усмотрения фельдфебеля, способного зачастую умышленно поглотиться над «образованным». Они увидят, каково на деле положение простого народа, они изболеются за те ругательства и насилия, которых ежедневными свидетелями заставят их быть, и поймут, что те несправедливости и придирки, от которых страдают студенты, это—капля в море народного угнетения. Кто поймет это, тот выйдет из военной службы с Аннибаловой клятвой борьбы вместе с передовым классом народа за освобождение народа от деспотизма.

Но не меньше жестокости нового наказания возмущает его унижительность. Правительство делает вызов всем, в ком осталось еще чувство порядочности, объявляя протестовавших против произвола студентов простыми дебоширами,—вроде того, как оно объявило ссыльных рабочих-стачечников—людьми порочного поведения. Взгляните на правительственное сообщение: пестрят слова: беспорядок, буйство, бесчинство, беззастенчивость, разнузданность. С одной стороны, признание преступных политических целей и стремление к политическим протестам; с другой—третирование студентов, как простых дебоширов, нуждающихся в уроках дисциплины. Это—пощечина русскому общественному мнению, симпатии которого к студенчеству очень хорошо известны правительству. И единственным достойным ответом на это со стороны студенчества было бы исполнение угрозы

киевлян, — устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29 июля 1899 г.

Но ответить правительству обязано не одно студенчество. Правительство само позаботилось сделать из этого происшествия нечто гораздо большее, чем чисто студенческую историю. Правительство обращается к общественному мнению, точно хвастаясь энергичностью своей расправы, точно издеваясь над всеми освободительными стремлениями. И все сознательные элементы, во всех слоях народа, обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных, молча переносящих оскорбления рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации. Рабочий класс постоянно терпит неизмеримо большие угнетения и надругательства от того полицейского самовластия, с которым так резко столкнулись теперь студенты. Рабочий класс поднял уже борьбу за свое освобождение. И он должен помнить, что эта великая борьба возлагает на него великие обязанности, что он не может освободить себя, не освободив всего народа от деспотизма, что он обязан прежде всего и больше всего откликаться на всякий политический протест и оказывать ему всякую поддержку. Лучшие представители наших образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и идти в ряды социалистов. И тот рабочий не достоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен прийти на помощь студенту. Правительство хочет одурачить народ, заявляя, что стремление к политическому протесту есть простое бесчинство. Рабочие должны публично заявить и разъяснить самым широким массам, что это — ложь, что настоящий очаг насилия, бесчинства и разнузданности — русское самодержавное правительство, самовластие полиции и чиновников.

Как организовать этот протест, это должны решить местные социал-демократические организации и рабочие группы. Раздача, разбрасывание, расклейка листов, устройство собраний, на которые были бы приглашаемы по возможности все классы общества, — таковы наиболее доступные формы протеста. Но было бы желательно, чтобы там, где есть крепкие и прочно поставленные организации, была сделана попытка более широкого и открытого протеста посредством публичной демонстрации. Хорошим образчиком может служить

харьковская демонстрация первого декабря прошлого года перед редакцией «Южного Края». Праздновался юбилей этой паскудной газеты, травящей всякое стремление к свету и свободе, восхваляющей все зверства нашего правительства. Перед редакцией собралась толпа, которая торжественно предавала разодранию номера «Южного Края», привязывала их к хвостам лошадей, обертывала в них собак, бросала камни и пузырьки с сернистым водородом в окна с кликами: «Долой продажную прессу!» Вот какого чествования поистине заслуживают не только редакции продажных газет, но и все наши правительственные учреждения. Юбилей начальственного благоволения празднуют они лишь изредка,—юбилей народной расправы заслуживают они всегда. Всякое проявление правительственного произвола и насилия есть законный повод для такой демонстрации. И пусть открытое заявление правительства о расправе со студентами не останется без открытого ответа со стороны народа!

Рабочая партия и крестьянство.

«Искра» № 3, апрель 1901 года.

Минуло сорок лет со времени освобождения крестьян. Вполне естественно, что наше общество с особенным одушевлением празднует день 19-го февраля,—день падения старой крепостной России, начало эпохи, которая сулила народу свободу и благосостояние. Но не надо забывать, что в хвалебных речах празднующих, наряду с искренней враждой к крепостничеству и всем его проявлениям, есть масса лицемерия. Насквозь лицемерна и лжива та оценка «великой» реформы, которая стала у нас ходячей: «освобождение крестьян с землей при помощи государственного выкупа». А на самом деле это было освобождение крестьян от земли, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены,—посажены на четвертной или нищенский надел. На самом деле, крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отрезали землю, их заставили еще платить «выкуп» за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены. Сами помещики десять лет спустя после освобождения признавались перед правительственными чиновниками, последовавшими положение сельского хозяйства, что крестьян заставили платить не только за свою землю, но и за свою свободу. И, взявши выкуп за личное освобождение, крестьян все же не сделали свободными

людьми: их оставили на двадцать лет временно-обязанными, их оставили—и они по сию пору остаются—низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства. Не о великодушии правительства свидетельствует наша крестьянская реформа; напротив, она является величайшим историческим примером того, до какой степени изгаженным выходит всякое дело из рук самодержавного правительства. Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян, правительство прямо-таки *вынуждено* было освободить их. Сам царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу. Но, взявшись за освобождение, правительство сделало все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить алчность «обижаемых» крепостников; правительство не остановилось даже перед такой гнусностью, как подтасовка людей, призванных осуществить реформу,—хотя эти люди были призваны из числа дворян же! Мировые посредники первого призыва были распущены и заменены людьми, неспособными отказать крепостникам в объегоривании крестьян и при самом размежевании земли. И великая реформа не могла быть приведена в исполнение без помощи военных экзекуций и расстреливания крестьян, отказывавшихся принимать уставные грамоты. Не удивительно, что лучшие люди того времени, сдавленные цензурным намордником, встретили эту великую реформу проклятьем молчания...

«Освобожденный» от барщины крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобраным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» итти на барщину. И мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина, «аредюя» у него свои же отрезные земли, подражаясь зимой—за ссуду хлеба голодающей семье—на летнюю работу. Отработка и кабала—вот чем оказался на деле тот «свободный труд», призвать на который «божие благословение» приглашал крестьянина манифест, составленный попом-иезуитом.

А к этому помещицкому гнету, сохраненному благодаря великодушию создававших и осуществлявших реформу чиновников, прибавился еще гнет капитала. Власть денег, придавшая даже, напр., французского крестьянина, освобожденного от помещицкой власти не жалкой, половинчатой реформой, а могучей народной революцией,—эта власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика. Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало: и на уплату податей, увеличенных благотельной реформой, и на наем

земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина, и на покупку хлеба и проч. Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибивавших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии. Все повеформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания: процесс медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупаясь* от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически, и десятками тысяч умирали от голода и эпидемии во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще.

Так стоит дело в нашей деревне и сейчас. Спрашивается, в чем искать выхода и какими средствами добиваться улучшения участи крестьянина? От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства (фабрик, заводов, машин и пр.), в общественную собственность. Пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма значило бы бесполезно задерживать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного и при капитализме благосостояния, разъединять трудящиеся классы, создавая меньшинству привилегированное положение на счет большинства. Вот почему социал-демократы всегда будут бороться против таких бессмысленных и вредных учреждений, как неотчуждаемость крестьянских наделов, круговая порука, запрещение свободного выхода из крестьянской общины и свободного приема в нее лиц каких-угодно сословий! Но наш крестьянин страдает, как мы видели, не только и даже не столько от гнета капитала, сколько от гнета помещиков и от остатков крепостничества. Беспощадная борьба против этих пут, неизмеримо ухудшающих положение крестьянства и связывающих его по рукам и ногам, не только возможна, но и необходима в интересах всего общественного развития страны, ибо безысходная нищета, темнота, бесправие и приниженность мужика кладут на все порядки нашего отечества отпечаток азиатчины. И социал-демократия не исполнила бы своего долга, если бы не оказала всей

и всяческой поддержки этой борьбе. Такая поддержка должна выразиться, коротко говоря, *во внесении классовой борьбы в деревню.*

Мы видели, что в современной русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая—постепенно ослабевает. Первая—вся еще в будущем, вторая—в значительной степени уже в прошлом. И, несмотря на это, для современных русских социал-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение. Что мы должны пользоваться всеми предоставляющимися нам поводами для развития классового самосознания в сельско-хозяйственных наемных рабочих, что мы должны обратить внимание поэтому на переселение в деревню городских рабочих (напр., механиков, занимаемых при паровых молотилках и т. п.), на рынки найма сельско-хозяйственных рабочих,—это понятно само собой, это—аксиома для всякого социал-демократа.

Но наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством, над ними слишком еще тяготят общекрестьянские бедствия, и поэтому общенационального значения движение сельских рабочих никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем. Наоборот, вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неправомерности и принижении десятков миллионов «простолюдов»,—этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса.

Признание бедствий крестьянина сделалось теперь (в более или менее общей форме) почти всеобщим, фраза о «недостатках» реформы 1861 г. и о необходимости государственной помощи стала ходячей истиной. Наш долг указывать на то, что эти бедствия происходят именно от классового угнетения крестьянства, что правительство—верный защитник классов угнетателей, что не помощи от него, а избавления от его гнета, завоевания политической свободы должны добиваться те, кто искренно и серьезно хочет коренного улучшения положения крестьян. Говорят о чрезмерной высоте выкупных платежей, о благотворительной мере понижения и пересрочки их правительством. Мы скажем на это, что все эти выкупные платежи—не что иное, как прикрытое законными формами и чиновническими фразами ограбление крестьян помещиками и правительством, не что иное, как дань крепостникам за освобождение их рабов. Мы выдвинем требование

немедленной и полной отмены выкупных платежей и оброчных сборов, требование вернуть народу те сотни миллионов, которые годами выколачивало царское правительство для удовлетворения appetitов рабовладельцев. Говорят о малоземельи крестьян, о необходимости государственной помощи для расширения крестьянского землевладения. Мы скажем на это, что именно *благодаря* государственной помощи—помощи помещикам, разумеется,—крестьяне лишились в такой массе случаев необходимейшей для них земли. Мы выдвинем требование вернуть крестьянам те отрезки, посредством которых продолжает держаться подневольный, кабальный, барщинный, т.-е. на деле тот же крепостной труд. Мы выдвинем требование учредить крестьянские комитеты для исправления тех вопиющих несправедливостей, которые наделали по отношению к освобождаемым рабам учрежденные царской властью дворянские комитеты. Мы потребуем учреждения судов, которые бы имели право понижать безмерно высокую плату за землю, взимаемую помещиками благодаря безвыходности положения крестьян, — судов, перед которыми крестьянин имел бы право преследовать за ростовщичество тех, кто заключает кабальные сделки, пользуясь крайней нуждой другого. Мы будем стараться всегда и по всяким поводам разъяснять крестьянам, что люди, говорящие им об опеке или помощи от современного государства,—либо дурачки, либо шарлатаны и худшие враги их, что крестьянству нужно прежде всего избавление от произвола и гнета власти чиновников, нужно прежде всего признание их полной и безусловной равноправности во всех отношениях со всеми другими сословиями, полной свободы передвижения и переселения, свободы распоряжения землей, свободы распоряжения всеми мирскими делами и мирскими доходами. Самые обыденные факты из жизни любой русской деревни могут дать всегда тысячи поводов для агитации во имя указанных требований. Эта агитация должна исходить из местных, конкретных, наиболее назревших нужд крестьян, но не останавливаться на этих пуждах, а неустанно расширять кругозор крестьян, неустанно развивать их политическое сознание, указывать на особое место, занимаемое в государстве помещиками и крестьянами, указывать на единственное средство избавления деревни от висящего над ней гнета произвола и угнетения—созыв народных представителей, низвержение самовластья чиновников. Нелепо и вздорно утверждение, будто это требование политической свободы недоступно сознанию рабочих: не только рабочие, пережившие годы прямой борьбы с фабрикантами и полицией, постоянно видящие произвольные аресты и преследование лучших из их рядов, не только эти зараженные уже социализмом рабочие,

но и всякий толковый крестьянин, хоть сколько-нибудь задумывающийся над тем, что он видит вокруг себя, в состоянии будет понять и усвоить, за что борются рабочие, усвоить идею земского собора¹³⁾, освобождающего всю страну от всевластия ненавистных чиновников. И агитация на почве непосредственных и наиболее насущных нужд крестьянства только тогда будет в состоянии исполнить свою задачу:— внести классовую борьбу в деревню,—когда с каждым разоблачением того или другого «экономического» зла она сумеет связать определенные политические требования.

Но спрашивается, может ли социал-демократическая рабочая партия внести в свою программу требования, подобные вышеуказанным? Может ли она взять на себя агитацию в крестьянстве? Не поведет ли это к тому, что мы разбросаемся и направим в сторону от главного и единственно надежного русла движения наши революционные силы, и без того столь немногочисленные?

Такие возражения основаны на недоразумении. Да, мы непременно должны внести в свою программу требования об освобождении нашей деревни от всех пережитков рабства, требования, способные вызвать в лучшей части крестьянства если не самостоятельную политическую борьбу, то сознательную поддержку освободительной борьбы рабочего класса. Мы сделали бы ошибку, если бы стали отстаивать меры, способные задержать общественное развитие или искусственно оградить мелкое крестьянство от роста капитализма, от развития крупного производства, но еще более губительна была бы ошибка, если бы мы не сумели воспользоваться рабочим движением для распространения в крестьянстве тех демократических требований, которых не исполнила реформа 19-го февраля 1861 г., благодаря её искажению помещиками и чиновниками. Включить такие требования необходимо для нашей партии, если она хочет встать во главе всего народа на борьбу с самодержавием*). Но такое включение вовсе не предполагает, чтобы мы стали звать активные революционные силы из города в деревню. Об этом не может быть и речи. Не подлежит никакому сомнению, что все боевые элементы партии должны стремиться к городам и фабрично-заводским центрам, что только промышленный пролетариат способен на бесповоротную и массовую борьбу против самодержавия, что только этот пролетариат способен вынести на своих плечах такие средства борьбы, как устройство открытой демонстрации или постановка правиль-

*) Проект социал-демократической программы со включением вышеуказанных требований составлен уже нами. Мы надеемся после обсуждения и переработки этого проекта при содействии «Группы Освобождение Труда» опубликовать в одном из ближайших номеров проект программы нашей партии.

но выходящей и широко распространяемой *народной* политической газеты. Не для того, чтобы отозвать из города в деревню убежденных социал-демократов, не для того, чтобы приковать их к деревне, должны мы внести в свою программу крестьянские требования,—нет, а для того, чтобы дать руководство для деятельности тем силам, которые *не могут* найти себе приложения иначе, как в деревне, для того, чтобы использовать для дела демократии и политической борьбы за свободу те связи с деревней, которые в силу обстоятельств имеются у немалого числа преданных социал-демократии интеллигентов и рабочих и которые по необходимости расширяются и растут вместе с ростом движения. Мы давно уже переросли ту стадию, когда мы были маленьким отрядом добровольцев, когда весь запас социал-демократических сил исчерпывался кружками молодежи, поголовно «ходивших к рабочим». Наше движение располагает теперь целой армией, армией рабочих, затронутых борьбой за социализм и за свободу,—армией интеллигентов, принимавших и принимающих участие в движении и разбросанных уже в настоящее время по всем концам России,—армией сочувствующих, с верой и надеждой взирающих на рабочее движение и готовых оказать ему тысячи услуг. И перед нами стоит великая задача: организовать все эти армии, организовать так, чтобы мы способны были не только устраивать мимолетные вспышки, не только наносить врагу случайные, разрозненные (и потому неопасные) удары, а преследовать врага неуклонной, упорной и выдержанной борьбой по всей линии, травить самодержавное правительство везде, где оно сеет угнетение и покидает ненависть. А разве возможно достигнуть этой цели, не занеся в многомиллионную массу крестьянства семена классовой борьбы и политического сознания? И не говорите, что такое занесение невозможно: оно не только возможно, оно уже происходит, оно идет тысячами путей, ускользающих от нашего внимания и нашего воздействия. Оно пойдет неизмеримо шире и быстрее, когда мы сумеем дать лозунг для такого воздействия и выкинем знамя освобождения русского крестьянства от всех остатков позорного крепостного права. Приходящий в города деревенский люд и теперь уже с любопытством и интересом присматривается к непонятной для него борьбе рабочих и разносит весть о ней по всяким захолустьям. Мы можем и должны добиться того, что это любопытство сторонних зрителей будет сменяться, если не полным пониманием, то хотя смутным сознанием того, что рабочие борются за интересы всего народа, будет сменяться все большим и большим сочувствием к их борьбе. А тогда—день победы революционной рабочей партии над полицейским правительством будет приближаться с неожиданной-негаданной для нас самих быстротою.

С чего начать?

«Искра» № 4, май 1901 г.

Вопрос: «что делать?» за последние годы с особенной силой выдвигается перед русскими социал-демократами. Речь идет не о выборе пути (как это было в конце 80-х и начале 90-х годов), а о том, какие практические шаги и как именно должны мы сделать на известном пути. Речь идет о системе и плане практической деятельности. И надо признать, что этот основной для практической партии вопрос о характере и способах борьбы остается у нас все еще нерешенным, возбуждает все еще серьезные разногласия, обнаруживающие прискорбную неустойчивость и шатание мысли. С одной стороны, далеко еще не умерло «экономическое» направление, старающееся обкарнать и сузить работу политической организации и агитации. С другой стороны, по-прежнему гордо поднимает голову направление беспринципного эклектизма, подделывающегося под каждое новое «вевание», не умеющего отличать запросов минуты от основных задач и постоянных нужд движения в его целом. Как известно, такое направление свило себе гнездо в «Рабочем Деле». Его последнее «программное» заявление—громкая статья под громким заглавием «Исторический поворот» (№ 6 «Листка Раб. Дела»)—особенно наглядно подтверждает сделанную характеристику. Еще вчера мы заигрывали с «экономизмом», негодовали по поводу решительного осуждения «Раб. Мысли», «смягчали» Плехановскую постановку вопроса о борьбе с самодержавием,—а сегодня мы уже цитируем слова Либкнехта¹⁴⁾: «Если обстоятельства изменятся в 24 часа, то нужно и тактику изменить в 24 часа», мы уже говорим о «крепкой боевой организации» для прямой атаки, для штурма на самодержавие, о «широкой революционной политической (вот уж как энергично: и революционной, и политической!) агитации в массе», о «неустанном призыве к уличному протесту», об «устройстве уличных манифестаций резко (sic!) политического характера» и проч., и т. п., и т. д.

Мы могли бы, пожалуй, выразить удовольствие по поводу того, что «Раб. Дело» так быстро усвоило выдвинутую нами уже в первом номере «Искры» программу создания крепкой организованной партии, направленной на завоевание не только отдельных уступок, но и самой крепости самодержавия, но отсутствие у усвоивших всякой твердой точки зрения способно испортить все удовольствие.

Имя Либкнехта «Р. Дело», конечно, приемлет все. В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу, тактику проведения какой-нибудь детали партийной орга-

низации, а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужны ли вообще, всегда и безусловно боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев. Смешно ссылаться на различие обстановки, на смену периодов: работать над созданием боевой организации и ведением политической агитации обязательно при какой-угодно «серой, мирной» обстановке, в период какого-угодно «упадка революционного духа»—более того: именно при такой обстановке и в такие периоды особенно необходима указанная работа, ибо в моменты взрывов и вспышек поздно уже создавать организацию; она должна быть наготове, чтобы сразу развернуть свою деятельность. «Изменить в 24 часа тактику»! Да для того, чтобы изменить тактику, надо прежде иметь тактику, а если нет крепкой организации, искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о том систематическом, освещенном твердыми принципами и неуклонно-проводимом плане деятельности, который только и заслуживает названия тактики. Посмотрите в самом деле: нам говорят уже, что «исторический момент» выдвинул перед нашей партией «совершенно новый» вопрос—о терроре. Вчера «совершенно новый» был вопрос о политической организации и агитации, сегодня—вопрос о терроре. Не странно ли слышать, как люди, до такой степени забывающие родства, рассуждают о коренном изменении тактики?

К счастью, «Раб. Дело» не право. Вопрос о терроре совершенно не новый вопрос, и нам достаточно вкратце напомнить установившиеся взгляды русской социал-демократии.

Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это—одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения. Да при отсутствии центральной и слабости местных революционных организаций террор и не может быть ничем иным. Вот поэтому-то мы решительно объявляем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецелесообразным, отвлекающим наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизующим не правительственные, а революционные силы. Вспомните последние события: на наших глазах широкие массы городских рабочих и городского «просто народа» рвутся

к борьбе, а у революционеров не оказывается штаба руководителей и организаторов. Не грозит ли при таких условиях уход самых энергичных революционеров в террор ослаблением тех боевых отрядов, на которые только и можно возлагать серьезные надежды? Не грозит ли это разрывом связи между революционными организациями и теми разрозненными массами недовольных, протестующих и готовых к борьбе, которые слабы именно своею разрозненностью? А ведь в этой связи—единственный залог нашего успеха. Мы далеки от мысли отрицать всякое значение за отдельными героическими ударами, но наш долг—со всей энергией предостеречь от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы, к чему так сильно склоняются в настоящее время очень и очень многие. Террор никогда не может стать заурядным военным действием: в лучшем случае он пригоден лишь как один из приемов решительного штурма. Спрашивается, можем ли мы в данный момент *звать* на такой штурм? «Раб. Дело», повидимому, думает, что да. По крайней мере, оно восклицает: «Стройтесь в штурмовые колонны!» Но это опять-таки усердие не по разуму. Главная масса наших военных сил—добровольцы и повстанцы. Постоянного войска есть у нас лишь несколько небольших отрядов, да и те не мобилизованы, не связаны между собой, не приучены строиться в военные колонны вообще, а не то что в штурмовые колонны. При таких условиях для всякого, кто способен обозреть общие условия нашей борьбы, не забывая о них при каждом «повороте» исторического хода событий,—должно быть ясно, что лозунгом нашим в данный момент не может быть: «итти на штурм», а должно быть: «устроить правильную осаду неприятельской крепости». Другими словами: непосредственной задачей нашей партии не может быть призыв всех наличных сил теперь же к атаке, а должен быть призыв к выработке революционной организации, способной объединить все силы и руководить движением не только по названию, но и на самом деле, т.-е. быть всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя.

Урок февральских и мартовских событий так внушителен, что вряд ли можно встретить теперь принципиальные возражения против такого вывода. Но от нас требуется в настоящее время не принципиальное, а практическое решение вопроса. Требуется не только уяснить себе, какая именно организация, для какой именно работы необходима,—требуется выработать известный *план* организации, чтобы к постройке ее могло быть приступлено со всех сторон. Ввиду неотложной важности вопроса мы решаемся с своей стороны предло-

жить вниманию товарищей набросок плана, подробнее развиваемого нами в подготовляемой к печати брошюре.

По нашему мнению, исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию,—должна быть постановка общерусской политической газеты. Нам нужна прежде всего газета,—без нее невозможно то систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации, которое составляет постоянную и главную задачу социал-демократии вообще и особенно насущную задачу настоящего момента, когда интерес к политике, к вопросам социализма пробужден в наиболее широких слоях населения. И никогда не чувствовалось с такой силой, как теперь, потребности в том, чтобы дополнить раздробленную агитацию посредством личного воздействия, местных листков, брошюр и пр., той обобщенной и регулярной агитацией, которую можно вести только при помощи периодической прессы. Вряд ли будет преувеличением сказать, что степень частоты и регулярности выхода (и распространения) газеты может служить наиболее точным мерилom того, насколько солидно поставлена у нас эта самая первоначальная и самая насущная отрасль нашей военной деятельности. Далее, нам нужна именно общерусская газета. Если мы не сумеем и пока мы не сумеем объединить наше воздействие на народ и на правительство посредством печатного слова,—будет утопией мысль об объединении других, более сложных, трудных, но зато и более решительных способов воздействия. Наше движение и в идейном и в практическом, организационном отношении всего более страдает от своей раздробленности, от того, что громадное большинство социал-демократов почти всецело поглощено чисто местной работой, суживающей и их кругозор, и размах их деятельности, и их конспиративную сноровку и подготовленность. Именно в этой раздробленности следует искать наиболее глубоких корней той неустойчивости и того шатания, о которых мы говорили выше. И *первым* шагом вперед по пути избавления от этого недостатка, по пути превращения нескольких местных движений в единое общерусское движение должна быть постановка общерусской газеты. Наконец, нам нужна непременно *политическая* газета. Без политического органа немыслимо в современной Европе движение, заслуживающее названия политического. Без него абсолютно неисполнима наша задача—сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста, оплодотворить ими революционное движение пролетариата. Мы сделали первый шаг, мы пробудили в рабочем классе страсть «экономических»,

фабричных обличений. Мы должны сделать следующий шаг: пробудить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть *политических* обличений. Не надо смущаться тем, что политически обличительные голоса так слабы, редки и робки в настоящее время. Причина этого—отнюдь не повальное примирение с полицейским произволом. Причина—та, что у людей, способных и готовых обличать, нет трибуны, с которой бы они могли говорить,—нет аудитории, страстно слушающей и ободряющей ораторов,—что они не видят нигде в народе такой силы, к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство. И теперь все это изменяется с громадной быстротой. Такая сила есть, это—революционный пролетариат, он доказал уже свою готовность не только слушать и поддерживать призыв к политической борьбе, но и смело бросаться на борьбу. Мы в состоянии теперь, и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства;—такой трибуной должна быть социал-демократическая газета. Русский рабочий класс, в отличие от других классов и слоев русского общества, проявляет постоянный интерес к политическому знанию, предъявляет постоянно (а не только в периоды особого возбуждения) громадный спрос на нелегальную литературу. При таком массовом спросе, при начавшейся уже выработке опытных революционных руководителей, при той сконцентрированности рабочего класса, которая делает его фактическим господином в рабочих кварталах большого города, в заводском поселке, в фабричном местечке,—постановка политической газеты есть дело вполне посильное для пролетариата. А через посредство пролетариата газета проникнет в ряды городского мещанства, сельских кустарей и крестьян и станет настоящей народной политической газетой.

Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета—не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обобщать общие результаты, достигнутые организованным трудом. При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целе-

сообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии. Одна уже техническая задача—обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение ее—заставляет создать сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробующих свои силы на организации тех или иных революционных действий. Эта сеть агентов *) будет остоном именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» и неожиданностях вести неуклонно *свою* работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения. Сегодня перед нами встала сравнительно легкая задача поддержать студентов, демонстрирующих на улицах больших городов. Завтра встанет, может быть, более трудная задача,—напр., поддержать движение безработных в известном районе. Послезавтра мы должны оказаться на своем посту, чтобы принять революционное участие в крестьянском бунте. Сегодня мы должны воспользоваться тем обострением политического положения, которое создало правительство походом на земство. Завтра мы должны поддержать возмущение населения против того или другого зарвавшегося царского башибузука и помочь—посредством бойкота, травли, манифестации и т. п.—проучить его так, чтобы он принужден был к открытому отступлению. Такую степень боевой готовности можно выработать только на постоянной деятельности, занимающей регулярное войско. И если мы соединим свои силы на ведении общей газеты, то такая работа подготовит и выдвинет не только наиболее умелых пропагандистов, но и наиболее искусных организаторов, наиболее талантливых политических вождей партии, способных в нужную минуту дать лозунг к решительному бою и руководить им.

*) Понятно само собой, что такие агенты могли бы работать успешно только при условии полной близости их к местным комитетам (группам, кружкам) нашей партии. Да вообще весь намеченный нами план осуществим, конечно, лишь при самой активной поддержке комитетов, которые не раз делали шаги к объединению партии и которые—мы уверены—добьются этого объединения не сегодня, так завтра, не той, так в другой форме.

В заключение—пару слов во избежание возможного недоразумения. Мы говорили все время только о систематической, планомерной подготовке, но мы отнюдь не хотели этим сказать, что самодержавие может пасть исключительно от правильной осады или организованного штурма. Такой взгляд был бы нелепым доктринерством. Напротив, вполне возможно и исторически гораздо более вероятно, что самодержавие падет под давлением одного из тех стихийных взрывов или непредвиденных политических осложнений, которые постоянно грозят со всех сторон. Но ни одна политическая партия, не впадая в авантюризм, не может строить своей деятельности в расчете на такие взрывы и осложнения. Мы должны идти своим путем, неуклонно делать свою систематическую работу, и чем меньше будем мы рассчитывать на неожиданности; тем больше вероятия, что нас не застанут врасплах никакие «исторические повороты».

Ценное признание

«Искра» № 6, июль 1901 года.

Рабочие волнения в последнее время снова заставили повсюду усиленно говорить о себе. Обеспокоились и правящие сферы, обеспокоились не на шутку: это можно видеть из того, что сочли необходимым «покарать» приостановкой на одну неделю даже такую архиблагонамеренную, всегда угодничающую перед начальством газету, как «Новое Время»¹⁵⁾ за его статью в № 9051 (от 11 мая): «По поводу рабочих беспорядков». Кара вызвана, конечно, не содержанием статьи, которая преисполнена самых добрых чувств по отношению к правительству, самой искренней заботливости об его интересах. Опасным признано всякое обсуждение этих «волнующих общество» событий, всякое упоминание об их распространении и их важности. Приводимый нами ниже тайный циркуляр (от 11 же мая) о том, чтобы печатать статьи о беспорядках на наших фабриках и заводах и об отношениях рабочих к хозяевам *только с разрешения департамента полиции*, доказывает лучше всяких рассуждений, насколько само правительство склонно считать рабочие волнения событием государственной важности. И статья «Нов. Времени» представляет особый интерес именно потому, что в ней намечается целая государственная программа, которая, в сущности, целиком сводится к тому, чтобы потушить недовольство посредством нескольких мелких и частью лживых подачек, снабженных громкой вывеской попечительности, сердечности и т. п. и дающих повод усилить чиновничий надзор. Но эта не новая программа

воплощает в себе, можно сказать, «предельную» мудрость современных государственных людей и даже не в одной только России, а и на Западе: в обществе, основанном на частной собственности, на порабощении миллионов неимущих и трудящихся кучке богачей, правительство не может не быть вернейшим другом и союзником эксплуататоров, вернейшим стражем их владычества. А для того, чтобы быть надежным стражем, недостаточно в наше время пушек, штыков и нагаек: надо постараться внушить эксплуатируемым, что правительство стоит выше классов, что оно служит не интересам дворян и буржуазии, а интересам справедливости, что оно печется о защите слабых и бедных против богатых и сильных и т. п. Наполеон III во Франции, Бисмарк и Вильгельм II в Германии положили немало труда на такое заигрывание с рабочими. Но в Европе, при существовании более или менее свободной печати и народного представительства, избирательной борьбы и сложившихся политических партий, все эти лицемерные проделки разоблачались слишком быстро. В Азии, и в том числе в России, так забиты и невежественны народные массы, так сильны предрассудки, поддерживающие веру в царя-батюшку, что подобные проделки пользуются большим успехом. И вот, одним из весьма характерных признаков того, что и в Россию проникает европейский дух, служит *неудача* подобной политики в последние 10—20 лет. Пускали в ход эту политику много и много раз, и всегда оказывалось, что через несколько лет после издания какого-либо «попечительного» (будто бы попечительного) закона о рабочих дело снова приходило в прежнее положение—увеличивалось число недовольных рабочих, росло брожение, усиливались волнения,—опять с шумом и треском выдвигается «попечительная» политика, гремят пышные фразы о сердечном попечении к рабочим, издается какой-нибудь закон, в котором на алтын пользы рабочим и на целковый—пустых и лживых слов, и через несколько лет повторяется старая история. Правительство вертится, как белка в колесе, оно из кожи лезет, чтобы заткнуть то здесь, то там недовольство рабочих какой-нибудь тряпичкой,—а недовольство прорывается в другом месте и еще сильнее.

В самом деле, припомните самые крупные вехи, знаменующие историю «рабочего законодательства» в России. В конце 70-х годов происходят очень крупные стачки в Петербурге, социалистами делается попытка воспользоваться случаем для усиления агитации. Александр II включает в свою так назыв. «народную» (а на самом деле дворянско-полицейскую) политику фабричное законодательство. В 1882 году учреждается фабричная инспекция, которая публиковала даже сна-

чала свои отчеты. Правительству, конечно, отчеты не понравились, и оно прекратило печатание их. Законы о фабричном надзоре оказались именно тряпичкой. Наступает 1884—1885 год. Кризис в промышленности вызывает громадное движение рабочих и ряд самых бурных стачек в центральном районе (особенно замечательна морозовская стачка). Снова выдвигают «попечительную» политику,—на этот раз с особенной силой выдвигал ее Катков¹⁶⁾ в «Моск. Вед.»¹⁷⁾. Катков рвет и мечет по поводу того, что морозовских стачечников отдали под суд присяжных, он называет сто один вопрос, поставленный судом на разрешение присяжным,—«сто одним салютационным выстрелом в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса», но он требует в то же время, чтобы «государство» заступилось за рабочих, запретило те безобразные штрафы, которые взорвали, наконец, морозовских ткачей. Выходит закон 1886 г., усиливающий во много раз фабричный надзор и запрещающий произвольные штрафы в пользу фабриканта. Проходит десять лет,—и новый взрыв рабочих волнений. Стачки 1895 года и особенно громадная стачка 1896 г. наводят трепет на правительство (особенно потому, что с рабочими теперь уже систематически идут рука об руку социал-демократы), и оно с невиданной прежде быстротой издает «попечительный» закон 2 июня 1897 г.¹⁸⁾ о сокращении рабочего дня; в комиссии, обсуждавшей этот закон, чиновники министерства внутренних дел, и директор департамента полиции в том числе, во весь голос кричат: необходимо, чтобы фабричные рабочие видели в правительстве постоянного защитника, справедливого и милосердного покровителя (см. брошюру: «Тайные документы, относящиеся к закону 2 июня 1897 г.»). А попечительный закон, между тем, под сурдинкой всячески урезывается и отменяется циркулярами того же правительства. Наступает новый промышленный кризис,—рабочие в сотый раз убеждаются, что никакие «попечения» полицейского правительства не могут дать им серьезного облегчения и свободы самим заботиться о себе,—новые волнения и уличные битвы,—новое беспокойство правительства—новые полицейские речи о «государственной попечительности», изрекаемые на этот раз в газете «Новое Время». И не надоест это вам, господа, воду в решете носить?

Нет, правительству никогда, конечно, не надоест повторять свои попытки запугать непримиримых рабочих и подманить к себе какой-либо подачкой тех, кто послабее, поглупее и потрусливее. Но и нам никогда не надоест разоблачать истинный смысл этих попыток, разоблачать тех «государственных» мужей, которые сегодня кричат о попечительности, после того, как они вчера приказывали солдатам стрелять в рабочих,—которые вчера заявляли о своей справедливости

и покровительстве рабочим, а сегодня хватают и хватают для полицейской расправы без суда лучших людей и из рабочих и из интеллигентов. И поэтому мы считаем нужным остановиться на «государственной программе» «Нового Времени» заранее, прежде чем появился какой-нибудь еще новый «попечительный» закон. Да и те признания, которые делает при этом такой «авторитетный» в области нашей внутренней политики орган, заслуживают внимания.

«Новое Время» вынуждено признать, что «прискорбные явления в сфере рабочего вопроса» — не случайность. Конечно, виноваты тут и социалисты (газета избегает этого страшного слова, предпочитая более глухо говорить о «вредных лжеучениях», о «пропаганде противогосударственных и противообщественных идей»), по... по почему же это именно социалисты пользуются успехом в рабочей среде? «Новое Время», конечно, не упускает случая обругать рабочих: они так «неразвиты и невежественны», что охотнее слушают вредную для полицейского благополучия проповедь социалистов. Виноваты, значит, и социалисты и рабочие, — с этими виноватыми жандармы и ведут давным-давно отчаянную войну, наполняя тюрьмы и места ссылки. Не помогает. Очевидно, есть такие *условия в положении фабрично-заводских рабочих*, которые «вызывают и поддерживают недовольство своим настоящим положением» и таким образом благоприятствуют «успеху» социализма. «Тяжелый труд фабрично-заводского рабочего в крайне мало-благоприятной житейской обстановке дает ему не более того, чтобы кормиться, пока в силах работать, а при всякой случайности, когда он на более или менее продолжительное время остается без работы, он оказывается в том беспомощном положении, о котором, напр., на днях сообщалось в газетах про рабочих на бакинских нефтяных промыслах». Таким образом, сторонники правительства должны признать, что успех социализма объясняется действительно плохим положением рабочих. Но признается это очень неопределенно и уклончиво, с такими оговорками, которые ясно показывают, что ни само-малейшего намерения затронуть «священную собственность» капиталистов, гнетущую рабочих, не может и быть у подобного рода людей. «К сожалению, — пишет «Нов. Время», — мы слишком мало знаем фактическое положение вещей в сфере рабочего вопроса у нас в России». Да, к сожалению! И мало знаем «мы» именно потому, что позволяем полицейскому правительству держать в рабстве всю печать, затыкать рот всякому честному обличению наших безобразий. Зато вот «мы» стараемся направить ненависть рабочего человека не на азиатское правительство; а на «инородцев»: «Нов. Время» кивает на «инородческие» заводские администрации, называет их «грубыми и жадными».

Такой выходкой можно поймать на удочку только самых неразвитых и темных рабочих, которые думают, что вся беда идет «от немца» или «от жида», которые не знают, что и немецкие и еврейские рабочие соединяются для борьбы со своими немецкими и еврейскими эксплуататорами. Да даже и незнающие этого рабочие видят из тысячи случаев, что всех «жаднее» и бесцеремоннее русские капиталисты, всех «грубее» русская полиция и русское правительство.

Интересно также сожаление «Нового Времени», что рабочий уже не так темен и не так покорен, как крестьянин. «Новое Время» плачет о том, что рабочий «отрывается от своих деревенских гнезд», что в «фабрично-заводских районах скапливаются сборные массы», что «сельчанин отрывается от села с его скромными (вот в чем суть-то!), но самостоятельными общественно-экономическими интересами и отношениями». Как же не плакать, в самом деле? «Сельчанин привязан к своему гнезду и из боязни потерять это гнездо не решается предъявить требование своему помещику, припугнуть его стачкой и т. п.; сельчанин не знает порядков в других местах, интересуется только своей деревушкой (сторонники правительства про это и говорят: «самостоятельные интересы» сельчанина; знает сверчок свой шесток, не сует носа в политику, — что может быть приятнее для начальства?), — а в этой деревушке местная пиявка, помещик или кулак, знает всех наперечет, и все от отцов еще и дедов переняли холопскую науку подчинения, и некому пробудить в них сознание. А на фабрике народ «сборный», к гнезду не привязанный (все равно, где работать), виды выдавший, смелый, интересующийся всем на свете.

Несмотря на это горестное превращение скромного мужика в сознательного рабочего, наши полицейские мудрецы надеются еще провести рабочую массу посредством «государственной попечительности о благоустройстве быта рабочих». «Новое Время» подкрепляет эту надежду следующим избитым рассуждением: «Гордый и всесильный на Западе, капитализм у нас — пока еще слабый ребенок, могущий ходить только на помочах, и водит его на помочах правительство»... Ну, этой старой песенке о всемогуществе власти поверит разве только скромный крестьянин! Рабочие же слишком часто видят, как капиталисты «водят на помочах» полицейских и духовных, военных и штатских чиновников. И вот, — продолжает «Новое Время», — все дело в том, чтобы правительство «настояло» на улучшении быта рабочих, т. е. потребовало бы от фабрикантов этого улучшения. Видите, как просто: приказать — и дело в шляпе. Но просто это только сказать, а на деле приказания начальства, даже самые «скромные», вроде устройства больниц при фабриках, не исполняются капиталистами по целым десяти-

летиям. Да и не посмеет правительство ничего серьезного потребовать от капиталистов, не нарушая «священной» частной собственности. Да и не захочет правительство серьезного улучшения быта рабочих, потому что оно само в тысяче случаев является хозяином, обчитывает и притесняет и рабочих Обуховского завода и сотен других заводов, и десятки тысяч почтовых, железнодорожных служащих и проч., и проч. «Новое Время» и само чувствует, что в приказания нашего правительства никто не поверит, и оно старается найти себе опору в возвышенных исторических примерах. Это следует сделать,—говорит оно про улучшение быта рабочих,—«подобно тому, как полвека назад правительство взяло в свои руки крестьянский вопрос, руководствуясь мудрым убеждением, что лучше преобразованиями сверху предупредить требование таковых снизу, чем дожидаться последнего».

Вот это действительно ценное признание! Перед освобождением крестьян, царь намекал дворянам на народное восстание, говоря: лучше освобождать сверху, чем ждать, когда станут сами освобождать себя снизу. И вот теперь прислужничающая правительству газета признается, что настроение рабочих внушает ей не меньше страха, чем настроение крестьян «перед волей». «Лучше сверху, чем снизу»! Глубоко заблуждаются газетные лакеи самодержавия, находя «подобие» между тогдашним и теперешним требованием преобразований. Крестьяне требовали отмены крепостного права, ничего не имея против царской власти и веря в царя. Рабочие восстановлены прежде всего и больше всего против правительства, рабочие видят, что их бесправие перед полицейским самодержавием связывает их по рукам и ногам в борьбе с капиталистами, и рабочие требуют поэтому свободы от правительственного самовластья и правительственного бесчинства. Рабочие волнуются тоже «перед волей»,—по это будет воля всего народа, вырывающего политическую свободу у деспотизма.

* * *

Знаете ли, какой величайшей реформой хотят заткнуть недовольство рабочих и проявить к ним «государственную попечительность»? Если верить довольно упорным слухам,—идет борьба министерства финансов с министерством внутренних дел: последнее требует, чтобы фабричную инспекцию передали в его ведомство, уверяя, что тогда она меньше будет потакать капиталистам и больше заботиться о рабочих, предупреждая этим волнения. Пусть готовятся рабочие к новой царской милости: фабричные инспектора оденут новые мундиры и

будут зачислены по другому ведомству (вероятно, с повышением содержания) и притом по тому самому ведомству, которое так давно и так любовно (особенно департамент полиции) печется о рабочих.

Уроки кризиса.

«Искра» № 7, август 1901 года

Вот уже почти два года, как тянется торгово-промышленный кризис. И он, повидимому, все разрастается, захватывая новые отрасли промышленности, распространяется на новые районы, обостряется новыми банковыми крахами. Наша газета, начиная с декабря прошлого года, в каждом номере отмечала так или иначе развитие кризиса и его гибельные действия. Пора поставить общий вопрос о причинах и значении этого явления. Для России оно сравнительно ново, как нов и весь наш капитализм. В старых же капиталистических странах, т.-е. в таких странах, в которых большинство продуктов производится на продажу, в которых большинство рабочих не имеет ни земли, ни орудий труда и продает свою рабочую силу, нанимаясь в чужие хозяйства, нанимаясь к собственникам, владеющим землей, фабриками, машинами и проч.,—в капиталистических странах кризис есть явление старое, повторяющееся от времени до времени, как припадок хронической болезни. Кризисы можно, поэтому, предсказывать, и когда в России стал особенно быстро развиваться капитализм,—в социал-демократической литературе был предсказан и теперешний кризис. В брошюре: «Задачи русских социал-демократов»¹⁹⁾, написанной в конце 1897 г., говорилось: «В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла (оборота, повторяющегося одни и те же события, как повторяются зима и лето), когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают во-всю, и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных»... И крах наступил—такой крутой, какого еще Россия не видывала. От чего же зависит эта ужасная хроническая болезнь капиталистического общества, возвращающаяся так правильно, что ее можно предсказывать?

Капиталистическое производство не может развиваться иначе, как скачками, два шага вперед и шаг (а иногда и целых два) назад

Как мы уже заметили, капиталистическое производство есть производство на продажу, производство товаров на рынок. А распоряжаются производством отдельные капиталисты, каждый поодиночке, и никто не может в точности знать, сколько именно и каких именно продуктов требуется на рынке. Производят наугад, заботясь только о том, чтобы перегнать друг друга. Вполне естественно, что количество произведенного может не соответствовать потребности рынка. И эта возможность особенно велика, когда громадный рынок внезапно расширяется на новые, неизведанные и громадные области. Так именно обстояло дело, когда начиналось недавно пережитое нами «процветание» промышленности. Капиталисты всей Европы протянули лапы к населенной сотнями миллионов части света, к Азии, в которой до тех пор только Индия да небольшая часть окраины были связаны тесно со всемирным рынком. Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию, «Великая Сибирская дорога» (великая не только по своей длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплуатации строивших ее рабочих) открывала Сибирь, Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии. Постройки гигантских железных дорог, расширение всемирного рынка и рост торговли—все это вызвало неожиданное оживление промышленности, рост новых предприятий, бешеную погоню за рынком для сбыта, погоню за прибылью, основание новых обществ, привлечение к производству массы новых капиталов, составленных отчасти и из небольших сбережений мелких капиталистов. Неудивительно, что эта бешеная всемирная погоня за новыми неизвестными рынками привела к громадному краху.

Чтобы ясно представить себе эту погоню, надо принять во внимание, какие колоссы участвовали в ней. Когда говорят: «отдельные предприятия», «одиночные капиталисты», то часто забывают, что в сущности эти выражения неточны. В сущности, отдельным и одиночным осталось только присвоение прибыли, а само производство стало общественным. Гигантские крахи только потому и стали возможны и неизбежны, что в подчинении у шайки богачей, ищущих одной наживы, оказались могучие общественные производительные силы. Поясним это примером из русской промышленности. В последнее время кризис распространился и на область нефти. А в этой промышленности ворочают такие, напр., предприятия, как «Товарищество нефтяного производства бр. Нобель». В 1899 г. товарищество продало 163 милл. пудов нефтяных продуктов на сумму 53 1/2 милл. рубл., а в 1900 г.

уже 192 милл. пуд. на сумму 76 милл. руб. В один год увеличение производства в одном предприятии на $18\frac{1}{2}$ милл. руб.! Такое «одно предприятие» держится объединенным трудом десятков и сотен тысяч рабочих, занятых добыванием нефти, переработкой ее, доставкой ее по нефтепроводам, железным дорогам, морям и рекам, занятых постройкой необходимых для этого машин, складов, материалов, барж, пароходов и пр. Все эти десятки тысяч рабочих работают на все общество, а распоряжается их трудом горсточка миллионеров, которая и присваивает себе всю прибыль, приносимую этим организованным трудом масс. (Тов. Нобель получило чистой прибыли в 1899 г.—4 милл. руб., а в 1900 г.—6 милл. рубл., из которых акционеры получили по 1.300 руб. на пай в 5.000 руб., а пять членов правления получили награды 528.000 руб.!) Если несколько таких предприятий бросается в бешеную гонку для захвата места на неведомом рынке, то удивительно ли наступление кризиса?

Мало того. Чтобы получилась прибыль от предприятия, надо продать товары, найти покупателей. И покупателем должна быть вся масса населения, потому что громадные предприятия производят горы и горы продуктов. А во всех капиталистических странах девять десятых населения состоит из нищих: из рабочих, получающих самую скудную заработную плату, из крестьян, живущих в массе еще хуже рабочих. И вот, когда крупная промышленность во время процветания размахивается произвести как можно больше,—она выбрасывает на рынок такую массу продуктов, что за них не в состоянии заплатить неимущее большинство народа. Количество машин, орудий, складов, железных дорог и проч. все возрастает, но это возрастание от времени до времени прерывается, потому что масса народа, для которого в конце концов предназначены все эти улучшенные способы производства, остается в бедности, доходящей до нищенства. Кризис показывает, что современное общество могло бы производить несравненно больше продуктов, идущих на улучшение жизни всего трудящегося народа, если бы земля, фабрики, машины и проч. не были захвачены кучкой частных собственников, извлекающих миллионы из народной нищеты. Кризис показывает, что рабочие не могут ограничиться борьбой за отдельные уступки со стороны капиталистов: во время оживления промышленности такие уступки можно завоевать (и русские рабочие своей энергичной борьбой не раз завоевывали себе уступки в 1894—1898 г.г.),—но приходит крах, и капиталисты не только отбирают назад данные ими уступки, но и пользуются беспомощностью рабочих для еще большего понижения платы. И так неизбежно будет продолжаться до тех пор, пока армии социали-

стического пролетариата не низвергнут господства капитала и частной собственности. Кризис показывает, как близоруки были те социалисты (называющие себя «критиками», должно быть, на том основании, что они без критики перенимают учения буржуазных экономистов), которые два года тому назад шумно заявляли о том, что крахи становятся теперь менее вероятными.

Уроки кризиса, разоблачающего всю нелепость подчинения общественного производства частной собственности, так назидательны, что теперь и буржуазная печать требует усиления надзора,—напр., над банками. Но никакой надзор не мешает капиталистам основать во время оживления такие предприятия, которые неминуемо потом банкротятся. Алчевский, бывший основателем обанкротившихся земельного и торгового банков в Харькове, доставал себе правдами и неправдами миллионы рублей, для основания и поддержки горно-промышленных предприятий, суливших золотые горы. И заминка в промышленности погубила эти банки и горные предприятия (Донецко-Юрьевское общество). Но что означает эта «гибель» предприятий в капиталистическом обществе? Это означает, что слабые капиталисты, капиталисты «второй величины», вытесняются более солидными миллионерами. Харьковского миллионера Алчевского заменяет московский миллионер Рябушинский, который, как более богатый капиталом, будет еще сильнее давить на рабочего. Замена второстепенных богатей первостепенными, увеличение силы капитала, разорение массы мелких собственников (напр., мелких вкладчиков, теряющих с крахом банка все имущество), страшное обнищание рабочих—вот что ведет за собой кризис. Напомним еще описанные в «Искре» случаи, что капиталисты удлиняют рабочий день и стараются при расчете заменить сознательных рабочих более покорными сермягами.

В России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране. К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян. Безработных рабочих высылают из городов в деревни,—но куда будут высылать безработных крестьян? Высылкой рабочих хотят очистить от беспокойного народа города; но, может быть, высылаемым удастся пробудить хоть часть крестьян от их вековой покорности и поднять их на заявления не одних только просьб, но и *требований*? Рабочих и крестьян сближает теперь не только безработица и голод, но также и тот полицейский гнет, который отнимает у рабочих возможность соединения и защиты, отнимает у крестьян даже приходящую к ним от доброхотных жертвователей помощь. Тяжелая полицейская лапа становится во сто раз тяжелее для миллионов народа, потерявшего всякие средства к жизни. Жаң-

дармы и полиция в городах, земские начальники и урядники в деревнях ясно видят, что ненависть к ним растет, и они начинают бояться не только деревенских столовых, но и газетных объявлений о сборе пожертвований. Боязнь пожертвований! И вправду, верно, на воре шапка горит. Когда вор видит, что обокраденному им человеку прохожий протягивает подающие, — вору начинает казаться, что они подают друг другу руки, чтобы общими силами расправиться с ним.

Крепостники за работой.

«Искра» № 8 10 сентября 1901 года.

Вышел новый закон 8 июля 1901 г.: об отводе частным лицам казенных земель в Сибири. Какое применение получит новый закон, — это покажет будущее. Но уже самый характер этого закона настолько поучителен, так наглядно показывает он неподкрашенную натуру и истинные стремления царского правительства, что стоит обстоятельно разобрать этот закон и позаботиться о самом широком распространении знакомства с ним в рабочем классе и крестьянстве.

Подачки благородным дворянам-помещикам давно уже делает наше правительство: оно устроило для них дворянский банк, дало тысячи льгот по выдаче им ссуд и отсрочке недоимок, оно помогло им устроить стачку миллионеров-сахарозаводчиков для повышения цен и увеличения прибыли, оно позаботилось о местечках земских начальников для промотавшихся дворянских сынков, оно устраивает теперь благородным винокуренным заводчикам выгодный сбыт водки в казну. Но посредством отвода земель оно уже не только дает подачку самым богатым, самым знатным эксплуататорам, — оно создает *новый* класс эксплуататоров, оно обрекает миллионы крестьян и рабочих на постоянную кабалу новым помещикам.

Рассмотрим главные основания нового закона. Надо заметить, прежде всего, что закон этот, прежде чем министр земледелия и государственных имуществ внес его в государственный совет, обсуждался в *особом совещании по делам дворянского сословия*. Всем известно, что в настоящее время всего более бедствуют в России не рабочие и не крестьяне, а дворяне-помещики, и вот «особое совещание» не замедлило изыскать способ помочь их бедствию. Казенные земли будут в Сибири продаваться и отдаваться в аренду «частным лицам» под «частно-владельческие хозяйства», при чем нерусским подданным и инородцам (в число инородцев входят и евреи) *навсегда* запрещается какое бы то ни было приобретение этих земель, а сдача в аренду (эта,

как увидим, самая выгодная для будущих помещиков операция) разрешается исключительно дворянам, «которые—гласит закон—по хозяйственной благонадежности своей являются желательными, в правительственных видах, землевладельцами в Сибири». Итак, правительственные виды состоят именно в том, чтобы трудящееся население было порабощено крупным землевладельцам—дворянам. Насколько крупным,—видно из того, что размер продаваемых участков не должен превышать, по закону, *трех тысяч десятин*, размер сдаваемых в аренду участков не ограничен вовсе, а срок аренды определен до 99 лет! Бедствующему помещику нужно, по расчету нашего правительства, *в двести раз* больше земли, чем крестьянину, которому нарежают в Сибири по 15 дес. на семью.

И притом каких только льгот и изъятий не предусматривает закон относительно помещиков! Арендатор в течение первых пяти лет никакой платы не вносит. Если он покупает арендуемую им землю (а он имеет на это *право*, по новому закону), то пользуется рассрочкой продажной цены на 37 лет. По особому разрешению допускаются и отвод для продажи более трех тысяч десятин земли, и продажа по вольной цене, а не с публичного торга, и отсрочка недоимки на один год и даже на три года. Не надо забывать, что воспользуются вообще новым законом только высшие сановники и лица, имеющие связи при дворе, и т. п.,—таким лицам все эти льготы и изъятия даются шутя, после пары слов в гостинном разговоре с губернатором или министром.

Но—вот беда. Какую пользу извлекут из кусочков земли хотя бы и по три тысячи десятин все их владельцы-генералы, если не найдется «мужика», вынужденного на этих генералов работать? Как ни быстро растет народная нужда в Сибири, все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее «российского» и к работе из-под палки мало приучен. Новый закон старается его приучить. «Предназначаемые для частновладельческих хозяйств земли *нарезаются, по возможности, вперемежку с площадями, наделенными крестьянам*»,—гласит ст. 4 закона. Царское правительство заботится о «заработке» для бедных крестьян. Десять лет тому назад тот самый г. Ермолов²⁰⁾, который теперь, в качестве министра земледелия и государственных имуществ, внес в государственный совет закон об отводе казенных земель в Сибири частным лицам, издал (без своей подписи) книгу: «Неурожай и голод». В этой книге он прямо заявлял, что нет основания разрешать переселение в Сибирь тем крестьянам, которые могут иметь «заработки» у местных помещиков. Русские государственные люди не церемонятся выражать чисто крепостнические взгляды: крестьяне созданы для работы на помещиков, и потому крестьянам не

следует даже «разрешать» переселяться, куда они хотят, если от этого помещики лишатся дешевых рабочих. А когда крестьяне, несмотря на все затруднения, волокиту и даже прямые запрещения, стали продолжать сотнями тысяч выселяться в Сибирь,—тогда царское правительство, точно бурмистр старого барина, побегало за ними вдогонку, чтобы донять их на новом месте. Если «впереमेжку» с скудными надеждами и крестьянскими землями (лучшие из которых уже заняты) окажутся участки благородных помещиков по три тысячи десятин,—тогда, пожалуй, в скором времени мало будет и соблазна переселяться в Сибирь. И земли новых помещиков будут тем быстрее повышаться в цене, чем теснее станет жизнь окрестных крестьян: придется этим крестьянам и наниматься задешево, и снимать помещичьи земли втридорога—совсем как в «России». Новый закон прямо о том и заботится, чтобы создать поскорей новый рай для помещиков и новый ад для крестьян: именно насчет сдачи земли в аренду на *один* посев сделана особая оговорка. Вообще говоря, на передачу взятой в аренду казенной земли требуется особое разрешение, а передача на один посев допускается совершенно свободно. Помещик может ограничить все свои заботы тем, что наймет приказчика, который будет сдавать землю подесятинно живущим «вперемежку» с помещичьим именем крестьянам—и посылать барину чистые денежки.

Впрочем, не всегда захотят дворяне вести даже и такое «хозяйство». Они могут сразу получить куш, если перепродадут казенную землю настоящим хозяевам. Недаром ведь новый закон выходит именно в такое время, когда в Сибирь проведена железная дорога, когда ссылка в Сибирь отменяется, а переселения в Сибирь возросли в громадных размерах: все это неминуемо поведет (и ведет уже) в повышению земельных цен. Поэтому отвод казенных земель частным лицам в настоящее время есть, в сущности, расхищение казны дворянами: казенные земли повышаются в цене, а их на особо льготных условиях сдают и продают всяким генералам, которые этим повышением цен и воспользуются. Напр., в Уфимской губ. в одном только уезде дворяне и чиновники сделали такую операцию с проданными им (на основании подобного же закона) землями: они заплатили казне за земли 60 тыс. руб., а через два года продали эти же земли за 580 тыс. руб., т.-е. получили за простую перепродажу *больше полумиллиона рублей!* Можно себе представить по этому примеру, сколько миллионов попадет в карманы бедствующих помещиков, благодаря отводу земель по всей Сибири.

Правительство и его сторонники выдвигают для прикрытия этого наглого хищения всякие возвышенные соображения. Говорят о раз-

витии культуры в Сибири, о важном значении образцовых хозяйств. На самом деле крупные имения, ставящие в безвыходное положение соседних крестьян, могут в настоящее время усилить только самые некультурные приемы эксплуатации. Образцовые хозяйства не создаются посредством казнокрадства, и отвод земель поведет к простому маклерству земель со стороны дворян и чиновников, либо к процветанию кабальных и ростовщических приемов хозяйства. Благородные дворяне в союзе с правительством для того устранили от казенных сибирских земель евреев и прочих инородцев (которых они стараются выставить перед темным народом особенно беззащитными эксплуататорами), чтобы *самим* заняться без помехи самого низкого сорта кулачеством.

Говорят еще о политическом значении дворянско-поместного сословия в Сибири: среди интеллигенции там особенно много бывших ссыльных, людей неблагонадежных, и вот, дескать, в противовес им надо создать надежный оплот государственной власти, надежный «земский» элемент. И в этих толках заключается гораздо больше и более глубокой правды, чем воображают «Гражданин»²¹⁾ и «Московские Ведомости». Полицейское государство настолько восстанавливает против себя массу населения, что ему необходимо искусственно создавать группы лиц, способных служить столпом отечества. Ему необходимо создать класс крупных эксплуататоров, которые бы всем были обзаны правительству, которые зависели бы от его милости, которые извлекали бы громадные доходы самым низменным способом (маклерство, кулачество) и в силу этого являлись бы всегда надежными сторонниками всякого произвола и угнетения. Азиатскому правительству нужна опора в азиатском крупном землевладении, в крепостнической системе «раздачи имений». И если в настоящее время нельзя раздавать «населенные имения», то можно раздавать имения *сперемешку* с землями нищающих крестьян; если неудобно прямо раздавать тысячи десятин придворным лизоблюдам, то можно прикрыть раздачу обставленными тысячами льгот продажей и «арендой» (на 99 лет). Как же не назвать крепостнической эту поземельную политику по сравнению с поземельной политикой современных передовых стран, напр., Америки? Там никто *не смеет* рассуждать о разрешении или неразрешении переселений, потому что каждый гражданин имеет право переселяться куда ему угодно. Там свободные земли на окраинах государства *по закону* имеет право занять всякий, кто хочет заниматься сельским хозяйством. Там создается не класс азиатских сатрапов, а класс энергичных фермеров, которые развили все производительные силы страны. Там рабочий класс,

благодаря обилию свободных земель, занял первое место по высоте жизненного уровня.

И в какое время выступило наше правительство со своим крепостническим законом! Во время самого сильного промышленного кризиса, когда десятки и сотни тысяч не находят занятия, во время новой голодовки миллионов крестьян. Правительство все заботы направило на то, чтобы не «шумели» о бедствии. Для этого оно повысылало на родину безработных рабочих, для этого оно передало продовольственное дело из рук земства в руки полицейских чиновников, для этого оно запретило частным лицам устраивать для голодающих столовые, для этого оно заткнуло рот газетам. И вот, когда неприятный для сытых «шум» о голоде прекратился,—царь-батюшка принялся помогать, помогать бедствующим помещикам и несчастным генералам-придворным. Повторяем: наше дело теперь—просто распространить сведения о новом законе. Ознакомившись с ним, самые неразвитые слои рабочих, самые серые и забытые крестьяне поймут, кому служит правительство и какое правительство нужно народу.

Борьба с голодающими ²²⁾.

«Искра» № 9, октябрь 1901 года.

Какую удивительную заботливость о голодающих проявляет наше правительство! Какой длиннейший циркуляр (от 17-го августа) выпустил министр внутренних дел к губернаторам пострадавших губерний! Это целое литературное произведение объемом больше обыкновенного печатного листа, изъясняющее устами г. Сипягина²³⁾ всю политику правительства в продовольственном деле. Опубликованием этого произведения рассчитывали, очевидно, произвести впечатление на «общество»: вот, дескать, как мы попечительны, как мы торопимся с мерами помощи, как мы заранее предусматриваем и организацию продовольственных учреждений, и все виды и стороны их деятельности. И нельзя не сознаться, что циркуляр министерства внутренних дел действительно производит впечатление и не только своей величиной, но также (если иметь терпение дочитать до конца) и своим содержанием. Откровенное изложение правительственной программы дает всегда в руки лучшее орудие для агитации против царского правительства, и, принося свою почтительнейшую благодарность г. Сипягину, мы осмеливаемся рекомендовать и остальным г.г. министрам почаще говорить о своей программе в циркулярах, публикуемых во всеобщее сведение.

Мы сказали: если иметь терпение дочитать циркуляр г. Сипягина до конца. Терпения на это надо немало, ибо на три четверти...—какое! на девять десятых—циркуляр наполнен обычным казенным пустословием. Разжевывание вещей давным-давно известных и сотни раз повторенных даже в «Своде законов», хождение кругом да около, расписывание подробностей китайского церемониала сношений между мандаринами, великолепный канцелярский стиль с периодами в 36 строк и с «речениями», от которых больно становится за родную русскую речь,—когда вчитываешься в эту прелесть, чувствуешь себя точно в русском полицейском участке, в котором от стен отдаст затхлостью, отовсюду несет какой-то специфической вонью, чиновники, уже по одному своему виду и обращению—олицетворение самой невыносимой волокиты, а виднеющиеся в окно паворные постройки живо напоминают о застенке.

Три главных пункта особенно обращают на себя внимание в новой правительственной программе: во-первых, усиление единоличной власти чиновников, попечение о том, чтобы дух казенщины и служебной дисциплины был укреплен и охранен от всякого дуновения свежего воздуха; во-вторых, определение норм пособия голодающим, т.-е. указание, по сколько и как надо рассчитывать количество хлеба на «нуждающуюся» семью; в-третьих, выражение отчаянного ужаса по поводу того, что помогать голодающим бросаются «неблагонадежные» люди, способные возбуждать народ против правительства, и принятие заранее мер против этой «агитации». Остановимся поподробнее на каждом из этих пунктов.

Прошел всего год с тех пор, как правительство отняло у земств заведывание продовольственным делом и передало его в руки земских начальников и уездных съездов (закон 12 июня 1900 года). И вот, раньше еще, чем этот закон успел войти в действие,—его уже отменяют простым циркуляром. Достаточно было нескольких сообщений губернаторов, чтобы разувериться в пригодности закона! Это как нельзя лучше показывает, какое значение имеют те законы, которые пекутся, как блины, в петербургских департаментах, без серьезного обсуждения людьми, действительно сведущими и способными высказать самостоятельное мнение, без серьезного намерения создать лучше удовлетворяющий своей цели порядок, просто по честолюбию какого-нибудь пройдохи-министра, желающего отличиться и поскорее выказать свою благонамеренность. Земство неблагонамеренно—отнять у него продовольственное дело! Но не успели еще отнять,—оказывается, что земские начальники, даже составленные из одних чиновников уездные съезды, как будто все еще слишком много рассуждают:

из земских начальников попадались, вероятно, люди, которые имели глупость называть голод голодом, имели наивность думать, что надо бороться с голодом, а не с теми, кто хочет действительно помочь голодающим; в уездных съездах некоторые чиновники, не состоящие в ведомстве министерства внутренних дел, обнаруживали, вероятно, такое же непонимание истинных задач «внутренней политики». И вот, по простому циркуляру министра—создается новое «уездное центральное»... да, да, это не опечатка: «уездное центральное по продовольственной части управление», все назначение которого в том, чтобы не пропускать неблагонамеренных людей, неблагонамеренных мыслей, неблагоприятных поступков по продовольственному делу. Напр., министр находит неблагоприятным и запрещает «преждевременно» (т.-е. не перед самой раздачей хлеба) составлять списки нуждающихся: это вызывает в населении «преувеличенные надежды»! «Уездное центральное по продовольственной части управление» сосредоточивается в руках *одного лица*, а министерство рекомендует при этом *уездного предводителя дворянства*. И в самом деле: он настолько тесно связан с губернатором, он так много исполняет полицейских обязанностей, что наверное сумеет понять настоящий дух продовольственной политики. И притом он—местный крупный землевладелец, почтенный доверием всех помещиков. Такой человек уже наверное поймет лучше всех глубокую мысль министра о «деморализующем» действии пособий, которые даются людям, «могущим обойтись» и без них. Что касается полномочий губернатора, то министр напоминает о них с самого начала и много раз повторяет, что губернатор за все ответственен, что губернатору все должны повиноваться, что губернатор должен уметь принимать «особые» меры и т. д. Если и до сих пор губернатор в русской провинции был настоящим сатрапом, от милости которого зависело существование любого учреждения и даже любого лица во «звереной» губернии, то теперь создается уже настоящее «военное положение» в этом отношении. Необыкновенное усиление строгостей—по поводу помощи голодающим! Это совсем по-руски!

Но усиление строгости, увеличение надзора, все это требует увеличения расходов на чиновничью машину. И министр не позабыл об этом: г.г. уездным предводителям дворянства или другим лицам заведывающим «уездным центральным по продовольственной части управлением», будет выдана в возмещение их расходов «особая сумма», «относительно размера коей,—добавляет циркуляр на своем «особом» наречии,—ваше прев-во имеете войти ко мне с надлежащим представлением». Затем на «расходы по делопроизводству» уездных советов—по 1.000 р. единовременно, на канцелярские средства губернских

присутствий по 1.000—1.500 руб. Канцелярии всего больше будут работать, вся работа и будет состоять в канцелярщине—как же тут не позаботиться о канцелярских средствах? Прежде всего на канцелярии, а что останется, то голодающим.

Г. Сипягин проявляет удивительную настойчивость и изобретательность в изыскании мер *сокращения* пособия голодающим. Прежде всего он требует, чтобы губернаторы обсудили, какие уезды являются «неблагополучными по урожаю» (окончательно решать этот вопрос будет само министерство: даже губернаторам нельзя доверять, смогут ли они избежать «преувеличения»!). И вот преподаются указания, когда *не следует* признавать уезда неблагополучным: 1) когда не более трети волостей пострадало; 2) когда недостаток хлеба обычен, и хлеб прикупается из года в год путем заработка; 3) когда недостает местных средств для выдачи пособий. Мы видим уже здесь маленький образчик чиновничьего решения продовольственных вопросов: одну мерку на всех! Как велико население в одной трети волостей, как сильно они пострадали, не упали ли обычные «зарботки» в год сильнейшего промышленного кризиса,—это все праздные вопросы после решительных «предписаний» министерства! Но это только цветики, а ягодки дальше будут. Вся суть в том, кого считать нуждающимся и по сколько выдавать пособия. Г. Сипягин рекомендует следующий «приблизительный расчет», который «редко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличенным» (мы больше всего боимся преувеличений; боимся преувеличенных надежд, боимся преувеличенных ссуд! И голод и безработица—все это одни «преувеличения»: таков ясный смысл всех министерских рассуждений). Во-первых, по пробному умолоту определяется «средний сбор с десятины в каждом селении» и затем величина всего посева у каждого хозяина. Почему бы не определить также величины урожаев у хозяев разного достатка? У крестьянской бедноты урожаи ниже, и определение «среднего» сбора именно нуждающимся-то и не выгодно. Во-вторых, считается не нуждающимся, у кого приходится не менее 48 пуд. хлеба в год на семью (считая по 12 пуд. на трех взрослых и по 6 пуд. на двух детей). Это расчет самого прижимистого кулака: в обыкновенный год даже беднейшие крестьяне потребляют хлеба не по 48, а по 80 пуд. в год на семью в 6—5 чел., как это известно из описаний крестьянского хозяйства; средний же крестьянин потребляет в обыкновенный год 110 пуд. хлеба на семью в 5 чел. Значит, царское правительство на *половину* понижает количество хлеба, необходимое в действительности на продовольствие. В-третьих, «это количество» (т.-е. 48 пуд. на семью)—гласит циркуляр—«уменьшается на половину, ввиду того, что рабочий элемент составляет около

50% населения». Правительство неуклонно настаивает на своем правиле, что рабочее население не должно получить ссуду, ибо оно не может заработать. Но ведь уже раз министр предписал не считать неблагополучными те уезды, где есть обычные заработки, зачем же *второй* раз исключать из пособия рабочее население? Ведь всем известно, что в настоящий год не только нет особых заработков, но и обычные-то заработки все упали по случаю кризиса. Ведь само правительство повысылало из городов в деревни десятки тысяч безработных рабочих! Ведь опыт прежних голодовок доказал, что исключение рабочего населения ведет только к разделу недостаточной ссуды между детьми и взрослыми! Нет, поговорка: «с одного вола двух шкур не дерут» была бы еще слишком лестна для министерства внутренних дел, которое в два приема исключает из числа нуждающихся всех способных к работе! В-четвертых, и это вдвое уменьшенное количество совершенно недостаточного пособия *уменьшается* еще на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{10}$ «во внимание к приблизительному числу состоятельных хозяев, имеющих запас от прошедшего года или же какой-либо материальный достаток»!! Это уже третья шкура с одного и того же вола! Какие еще «достаток» или «запас» могут быть у крестьянина, собравшего не более 48 п. хлеба на семью? Всякие остальные заработки сочтены уже дважды, а кроме того ведь одним хлебом не может просуществовать даже русский крестьянин при всем нищенстве, до которого его довели политика правительства, гнет капитала и помещиков. Необходим расход и на топливо, и на ремонт дома, и на одежду, и на пищу, кроме хлеба. В обыкновенный год даже беднейшие крестьяне, как это известно из научных описаний крестьянского хозяйства, расходуют *более половины* своего дохода на другие нужды, кроме хлеба. Если принять во внимание все это, то окажется, что министр определяет нужду в помощи в *четыре* или в *пять раз меньше* действительной надобности. Это не борьба с голодом, а борьба с теми, кто хочет действительно помочь голодающим.

И циркуляр заканчивается прямым походом против частных благотворителей. Нередко обнаруживалось,—гремит г. Сипягин,—что иные благотворители стараются возбудить в населении «недовольство существующими порядками и ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству», ведут «противоправительственную агитацию» и проч. Это—обвинения, в сущности, прямо *ложные*. Известно, что в 1891 г. были рассылаемы прокламации «крестьянских доброхотов», прокламации, справедливо указывавшие пароду на его настоящего врага; были, вероятно, и другие попытки агитации на почве голода! Но не было ни одного факта, чтобы, прикрываясь благо-

творительностью, вели агитацию революционеры. Масса благотворителей—это несомненный факт—были *только* благотворителями, и если г. Сипягин ссылается на то, что из них многие—«лица с безупречным политическим прошлым», то ведь кто у нас теперь с «безупречным прошлым»? Даже «высокопоставленные лица» отдавали очень часто в юности дань общедемократическому движению! Мы, конечно, не хотим сказать, чтобы агитация против правительства на почве голода была недозволительна или хотя бы даже нежелательна. Наоборот, агитация необходима всегда и во время голода в особенности. Мы хотим сказать только, что г. Сипягин *выдумывает небылицы*, стараясь выставить свои страхи и опасения результатом опыта. Мы хотим сказать, что слова г. Сипягина доказывают только одну старую истину: полицейское правительство боится всякого соприкосновения с народом сколько-нибудь независимой и честной интеллигенции, боится всякого правдивого и смелого слова, прямо обращенного к народу, подозревает—и подозревает совершенно справедливо,—что одна уже забота о действительном (а не мнимом) удовлетворении нужды будет равносильна агитации против правительства, ибо народ видит, что частные благотворители искренне хотят ему помочь, а чиновники царя мешают этому, урезают помощь, уменьшают размеры нужды, затрудняют устройство столовых и т. д. Теперь новый циркуляр требует прямо «подчинить контролю властей» все пожертвования и приглашения к пожертвованиям, всякие устройства столовых, требует, чтобы все приезжающие «представлялись» губернатору; выбирали себе помощников не иначе, как с его разрешения, давали ему же отчет в своей деятельности!! Кто хочет помогать, подчиняйся полицейским чинам и полицейской системе всяческих урезок помощи и бессовестных сокращений пособий! Кто не хочет подчиняться этой гнусности,—тот не смеет помогать: в этом вся суть политики правительства.

Г. Сипягин кричит, что голодом «охотно пользуются неблагоприятные в политическом смысле лица для своих преступных целей под личиной помощи ближнему», а вслед за ним вся реакционная печать повторяет этот крик (папр., «Моск. Вед.»). Какой ужас! Пользоваться народной нуждой для «политики»! На самом деле ужасно, наоборот, то, что в России всякая деятельность, даже самая далекая от политики, филантропическая (благотворительная) деятельность неизбежно ведет к столкновению независимых людей с полицейским произволом и с мерами «пресечения», «запрещения», «ограничения» и проч. и проч. Ужасно то, что правительство прикрывает соображениями высшей политики свое иудушкино стремление—отнять кусок у голодающего, урезать впятеро размер пособий, запретить всем,

кроме полицейских чинов, подступаться к умирающим от голода! И мы повторяем еще раз призыв, сделанный уже «Искрой»: открыть обличительную кампанию против продовольственной кампании полицейского правительства, разоблачать в бесцензурной свободной печати все безобразия местных сатрапов, всю корыстную тактику урезывания пособий, всю мизерность и недостаточность помощи, жалкое преуменьшение голода и позорную борьбу против тех, кто хочет помогать голодающим! Мы советуем всем, у кого есть хоть капля искреннего сочувствия к народному бедствию, позаботиться о распространении в народе знакомства с истинным смыслом и значением министерского циркуляра. Ведь только бесконечной темнотой народа и можно объяснить себе, что *подобные* циркуляры не вызывают тотчас всеобщего возмущения. И пусть сознательные рабочие, которые всего ближе стоят и к крестьянству и к неразвитым городским массам, возьмут на себя почин в деле разоблачения правительства.

Каторжные правила и каторжный приговор.

«Искра» № 10, ноябрь 1901 года.

Еще одни «временные правила»!

На этот раз дело идет только не о студентах, повинных в непокорности, а о крестьянах, повинных в том, что они голодают.

15 сентября высочайше утверждены—и немедленно вслед за этим опубликованы «Временные правила об участии населения пострадавших от неурожая местностей в работах, производимых распоряжением ведомств путей сообщения и земледелия и государственных имуществ». Познакомившись с этими правилами (конечно, не по газетным публикациям, а по собственному опыту), русский мужик увидит новое подтверждение той истине, которую вбило в него вековое порабощение помещикам и чиновникам: когда начальство торжественно заявляет, что мужику «предоставляется участие» в большом или в маленьком деле, в выкупе помещичьей земли или в общественных работах по случаю голода,—надо ждать какой-нибудь новой казни египетской.

В самом деле, временные правила 15 сентября всем своим содержанием производят впечатление нового карательного закона, дополнительных правил к уложению о наказаниях. Прежде всего, самое устройство и ведение работ обставлено такой сугубой «осторожностью» и волокитой, как будто бы дело шло об обращении с какими-нибудь повстанцами или ссыльно-каторжными, а не с голодающими. Казалось бы, устроить работы—дело самое простое: земские и другие учреждения

получают средства и нанимают рабочих строить шоссе, расчищать леса и т. п. Обыкновенно работы подобного рода так и производятся. А теперь создается особый порядок: земский начальник указывает работы, губернатор составляет свое заключение, которое идет в СПб. в особое «совещание по продовольственному делу», состоящее под председательством товарища министра внутренних дел из представителей разных министерств. Кроме того, общее заведывание возложено на министра, который может назначать и особых уполномоченных. Петербургское совещание будет даже устанавливать предельные размеры вознаграждения рабочих,—то-есть, должно быть, следить за тем, чтобы не «развращали» мужика слишком высокой платой! Очевидно, что временные правила 15 сентября имеют целью *затруднить* широкое применение общественных работ, точно так же, как сипягинский циркуляр 17 августа *затруднил* выдачу пособий голодающим *).

Но еще гораздо важнее и гораздо вреднее особые постановления о порядке найма крестьян на работы.

Если работы производятся «вне районов их оседлости» (так будет, естественно, в громадном большинстве случаев), то рабочие образуют особые артели *под наблюдением земского начальника*, который утверждает и старосту для надзора за порядком. Сами выбирать старосту, как делают обыкновенно рабочие, голодающие крестьяне не смеют. Их ставят под начало вооруженному розгой «земскому»! Членами артели составляет особый список, который *заменяет* для них установленные законом виды на *жительство*... Вместо отдельных паспортов будут, следовательно, артельные списки. К чему эта замена? К тому, чтобы *стеснить* мужика, который при отдельном паспорте свободнее мог бы устроиться, как ему удобнее, в новой местности, легче мог бы уйти с работы в случае недовольства.

Далее. «Забота о сохранении должного порядка во время пути и передача доставленных партий рабочих заведующим работами вверяется чинам, особо командирваемым мии-ством внутр. дел». Свободным рабочим выдают задатки на проезд, крепостных—«доставляют» *«партиями»* по списку и «передают» особым чинам. Не правы ли крестьяне, когда они смотрят на «общественные» и казенные работы, как на новое крепостное право?

И действительно, закон 15 сентября приближает голодающих крестьян к крепостным не только в том отношении, что отнимает у них свободу передвижения. Закон дает чиновникам право *удерживать часть заработной платы* для отсылки семействам рабочих, если это

*) См. выше статью: «Борьба с голодающими». *Ред.*

находит нужным «губернское начальство местностей, где остались семьи». Заработанными деньгами будут распоряжаться без согласия самих рабочих! Мужик глуп: сам о своей семье позаботиться не сумеет. Начальство это все гораздо лучше сделает: кто не слышал, в самом деле, как оно хорошо заботилось о мужицких семьях в военных поселениях?²⁴).

Одна беда: мужики теперь не так уже, пожалуй, покорны, как во времена военных поселений. Могут ведь и потребовать, чтобы им выдали обыкновенные паспорта, чтобы не смели, без их согласия, удерживать заработанных денег? На этот случай надо строгости усилить, и закон постановляет в особой статье, что «надзор над сохранением рабочими должного порядка в местах производства работ возлагается, по распоряжению министра внутренних дел, на местных земских начальников, офицеров отдельного корпуса жандармов, полицейских чиновников или особо для сего назначенных лиц». На голодающих крестьян правительство, очевидно, *заранее* смотрит, как на «бунтовщиков», устанавливая, кроме общего надзора всей российской полиции за всеми русскими рабочими, еще особый строжайший надзор. Мужика *заранее* решили взять в ежовые рукавицы за то, что он осмеливается «преувеличивать» голод и проявляет (как выразился Сипягин в своем циркуляре) «ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству».

А чтобы не возиться с судами в случае каких-либо неудовольствий рабочих, временные правила дают чиновникам право подвергать рабочих аресту *до трех дней без особого судебного производства* за нарушение тишины, недобросовестность в работе, неисполнение распоряжений!! Свободного рабочего надо привлекать к мировому, перед которым он может защищаться и на решение подавать жалобу,—а голодающего мужика можно сажать в кутузку без всякого суда! Свободного рабочего за peжелание работать можно только рассчитать,—а голодающего мужика новый закон предписывает «за упорное уклонение от работ» *отправлять по этапу на родину*, вместе с ворами и разбойниками!

Новые временные правила, это—настоящие каторжные правила для голодающих, правила об отдаче их в работы с лишением прав за то, что они осмелились утруждать начальство просьбами о помощи. Правительство не ограничилось тем, что отняло у земства заведывание продовольственным делом, запретило частным лицам устраивать, без разрешения полиции, столовые, предписало уменьшать впятеро действительные размеры нужды,—оно еще объявляет крестьян неполноправными и приказывает расправляться с ними без суда. К постоянной

которое вечно голодной жизни и непосильного труда присоединяется теперь угроза каторгой казенных работ.

Таковы мероприятия правительства по отношению к крестьянам. Что касается рабочих, то расправа с ними всего ярче характеризуется напечатанным в предыдущем номере нашей газеты «Обвинительным актом» по делу о майских волнениях на Обуховском заводе. «Искра» писала уже о самом событии в июньском и в июльских номерах. О суде наша легальная печать молчала, памятуя, очевидно, как даже благонамереннейшее «Новое Время» «пострадало» за попытку писать на эти темы. В газеты попала пара строк о том, что суд был в конце сентября, да затем в одной из южных газет, случайно, был сообщен приговор: двоим—*каторжные работы*, восемь оправдано, остальным—тюрьма и исправительные арестантские отделения на сроки от двух до 3¹/₂ лет.

Итак, в статье «Новое побоище» (№ 5 «Искры») мы еще недостаточно оценили мстительность русского правительства. Мы думали, что к военной расправе оно прибегло как к последнему средству борьбы, боясь обращаться к суду. Оказывается, сумели соединить и то и другое: после избияния толпы и убийства трех рабочих выхватили 37 человек из нескольких тысяч и присудили их к драконовским наказаниям.

Как выхватили и как судили,—об этом дает некоторое представление обвинительный акт. Во главе зачинщиков поставлены Ан. Ив. Ермаков, Ефр. Степ. Дахин и Ан. Ив. Гаврилов. Обвинительный акт указывает, что Ермаков имел прокламации на квартире (по словам подручной в казенной винной лавке Михайловой, *не вызванной на суд* в качестве свидетельницы), что он говорил о борьбе за политическую свободу и ходил 22 апреля на Невский, захватив красный флаг. Далее подчеркивается, что и Гаврилов имел и раздавал прокламации, призывавшие на демонстрацию 22 апреля. Про обвиняемую Яковлеву тоже говорится, что она участвовала в каких-то тайных сборищах. Несомненно, таким образом, что прокурор постарался выставить зачинщиками именно людей, в которых сыскная полиция подозревала политических деятелей. Политический характер дела виден также и из того, что толпа кричала: «Нам нужна свобода!», виден и из связи с первым мая. В скобках сказать, расчет 26 человек за «прогул» первого мая и зажег весь пожар, по прокурор, разумеется, ни словечка не проорочил о *незаконности* такого расчета!

Дело ясное. Для суда выхватили тех, в ком подозревали политических врагов. Сыскная полиция представила списки. А полицейские, разумеется, «удостоверили», что эти лица были в толпе и бросали камни и выделялись среди других.

Судом прикрыли вторичный (после побоища) акт политической мести. И подло прикрыли: о политике упомянули для отягощения вины, по политической обстановки всего происшествия разъяснить не позволили. Судили как уголовных по 263 ст. Улож., т.-е. за «явное против властей, правительством установленных, восстание», и при том восстание, учиненное людьми вооруженными (?). Обвинение было *подтасовано*: полиция приказала судьям разбирать лишь одну сторону дела.

Заметим, что по 263—265 ст. ст. Уложения можно закатать на каторгу за *всякую* манифестацию: «явное восстание с намерением не допустить исполнения предписанных правительством распоряжений и мер», хотя бы «восставшие» не были вооружены и даже не производили явных насильственных действий! Русские законы щедры на каторгу! И нам пора позаботиться о том, чтобы каждый такой процесс *был превращаем* в политический процесс самими обвиняемыми, чтобы правительство не смело свою политическую месть прикрывать комедией уголовщины!

А какой «прогресс» в самом судопроизводстве, по сравнению напр., с 1885 годом! Тогда морозовских ткачей судили присяжные, в газетах были полные отчеты, на суде свидетели из рабочих вскрыли все безобразия фабриканта. А теперь—суд чиновников с безгласными сословными представителями, закрытые двери суда, немое молчание печати, подтасованные свидетели: заводское начальство, заводские сторожа, полицейские, бывшие парод, солдаты, стрелявшие в рабочих. Какая гнусная комедия!

Сопоставьте этот «прогресс» расправы с рабочими в 1885 и 1901 г.г. с «прогрессом» борьбы против голодающих в 1891 и 1901 г.г.,—и вы получите некоторое представление о том, как быстро растет и в глубь и в ширь возмущение в народе и в обществе, как яростно начинает метаться правительство, «подтягивая» и частных благотворителей и крестьян, устрашая рабочих каторжными приговорами. Нет, каторга не устроит рабочих, вожаки которых не боялись умирать в прямой уличной схватке с царскими опричниками. Память об убитых и замученных в тюрьмах героях-товарищах удесятерит силы новых борцов и привлечет к ним на помощь тысячи помощников, которые, как 18-летняя Марфа Яковлева, скажут открыто: «мы стоим за братьев!» Правительство намерено, кроме полицейской и военной расправы с манифестантами, судить их еще за восстание;—мы ответим на это сплочением всех революционных сил, привлечением на свою сторону всех угнетенных царским произволом и систематической подготовкой общенародного восстания!

Протест финляндского народа.

«Искра» № 11, 20 ноября 1901 года.

Приводим полностью новый массовый адрес, посредством которого финляндский народ выражает свой решительный протест против политики правительства, посягнувшего и продолжающего посягать на конституцию Финляндии в нарушение *клятвы*, торжественно данной всеми царями, начиная с Александра I и кончая Николаем II.

Адрес этот подан 17 (30) сентября 1901 г. в финляндский сенат для доставления царю. Подписан он 473.363 финляндцами обоего пола и всех слоев общества, т.-е. почти *полумиллионом* граждан. Все население Финляндии равняется 2¹/₂ миллионам, так что новый адрес является поистине *голосом всего народа*.

Вот полный текст этого адреса:

«Державнейший все милостивейший государь император и великий князь! Изменение вашим императорским величеством закона о воинской повинности Финляндии вызвало повсеместно в крае всеобщую тревогу и глубочайшую скорбь.

«Утвержденные вашим императорским величеством 12 июля (29 июня) сего года повеление, манифест и закон о воинской повинности составляют коренное нарушение основных законов Великого Княжества и драгоценнейших прав, принадлежащих финскому народу и всем гражданам края в силу его законов.

«Правила об обязанностях граждан по защите края не могут, на основании основных законов, издаваться в ином порядке, как с согласия Земских Чинов. В этом порядке и был издан закон о воинской повинности 1878 года согласным решением императора Александра II и Земских Чинов. В царствование императора Александра III последовали многие частные изменения этого закона, по каждый раз не иначе, как с согласия Земских Чинов. Вопреки сему ныне без согласия Земских Чинов объявлено, что закон 1878 года отменяется, между тем как изданные взамен его новые постановления всецело расходятся с решением Земских Чинов Чрезвычайного Сейма 1899 года.

«Одно из важнейших прав, принадлежащих каждому финляндскому гражданину,—жить и действовать под защитой финляндских законов. Ныне этого права лишены тысячи и тысячи финляндских граждан, так как новый закон о воинской повинности обязует их служить в русских войсках, превращая выполнение воинской повинности в страдание для тех сынов края, которые насильственно будут зачисляемы в войска, чуждые им по языку, религии, правам и обычаям.

«Новые постановления отменяют всякое законом определенное ограничение ежегодного контингента. Сверх того в них нет какого-либо признания, указанного в основных законах, права Земских Чинов участвовать в определении военного бюджета.

«Даже ополчение, вопреки основного положения закона 1878 года, поставлено в совершенную зависимость от усмотрения военного министерства.

«Впечатление от подобных установлений не смягчается объявленными в манифесте облегчениями в продолжение неопределенного пока еще переходного времени, так как вслед за временным уменьшением числа призываемых последуют неограниченные призывы на службу в русских войсках.

«Финляндский народ не просил какого-либо облегчения в несомой им ныне военной тяготе. Земские Чины, высказавшие мнение народа, доказали готовность со стороны Финляндии по мере сил увеличить долю участия по защите Государства, при условиях сохранения правового положения финских войск в качестве финляндских учреждений.

«В противоположность сему устанавливается в новых постановлениях, что финские войска по большей части будут упразднены, что русские офицеры могут поступать на службу в немногие остающиеся части; что даже унтер-офицеры в этих частях должны владеть русским языком, чем финляндские уроженцы по-преимуществу из крестьянского сословия совершенно устраниются от занятия названных должностей; что эти войска поступают под ведомство русских управлений и что они также и в мирное время могут размещаться вне пределов Финляндии.

«Эти повеления, не составляющие какой-либо реформы, а преследующие лишь уничтожение национальных войск Финляндии, вызывают на недоверие, к которому финляндский народ ничем не дал повода за все время почти столетнего его соединения с Россией.

«В новых постановлениях о воинской повинности встречаются также выражения, заключающие в себе отрицание существования у финляндского народа особого отечества, а у уроженцев края—прав финляндского гражданства. В этих выражениях просвечивают цели, несовместимые с неперменным правом финляндского народа сохранить в соединении своем с Россиею то политическое положение, которое непоколебимо было удостоверено за Финляндию в 1809 году.

«За последние годы накоплялось над нашим краем тяжелое горе. Раз за разом убеждались, что установления основных законов края игнорировались, отчасти в законодательных мероприятиях, отчасти

замещением важных должностей русскими уроженцами. Администрация края направлялась таким образом, как будто задача ее поколебать спокойствие и порядок, препятствовать общепольным стремлениям и вызывать неприязнь между русскими и финляндцами.

«Самым тяжелым несчастьем для края является, однакож, введение новых постановлений о воинской повинности.

«В всеподданнейшем ответном представлении от 27 мая 1899 года Земские Чины подробно доложили о том порядке, который по основным законам Финляндии должен быть соблюдаем при издании закона о воинской повинности. При этом они указали, что если новый закон о воинской повинности будет издан в ином порядке, то подобный закон, даже если он будет действовать под давлением насилия, не может быть признан правовым законом, а в глазах финляндского народа покажется лишь повелением силы.

«Все, что Земскими Чинами было указано, продолжает неизменно составлять правосознание финляндского народа, которое насильственно не может быть изменено.

«Надо опасаться весьма тяжелых последствий от повелений, несогласованных с законами края. Для чиновников и правительственных учреждений возникает мучительный разлад с чувством долга, так как совесть побуждает их не руководствоваться подобными повелениями. Число трудоспособных переселенцев, уже ранее вынужденных выселиться из опасения грозящих перемен, еще более увеличится, если объявленные постановления приведены будут в действие.

«Новые постановления о воинской повинности, как и другие мероприятия, направленные против прав финляндского народа на особое политическое и национальное существование, неминуемо должны подрывать доверие между монархом и народом, а равно вызывать все усиливающееся неудовольствие, чувство всеобщего гнета, неуверенность и величайшее затруднение для общества и для его членов в работе на благо края. Для предотвращения сего не имеется иных средств, как заменить вышеприведенные повеления законом о воинской повинности, изданным при участии Земских Чин, а правительственным властям края вообще руководствоваться точно указаниями основных законов.

«Финляндский народ не может перестать быть особым народом. Сплотившийся, благодаря общей исторической судьбе, правовым понятиям и культурной работе, наш парод останется верным своей любви к финляндскому отечеству и к своей закономерной свободе. Народ не уклонится в своем стремлении с достоинством занимать в среде народов свое скромное, судьбою ему указанное место.

«Так же твердо, как мы верим в наше право и уважаем наши законы, служащие нам опорой в общественной нашей жизни, так же твердо мы убеждены в том, что единству могущественной России не может быть причиняем вред, если Финляндия и впредь будет управляема в согласии с основными началами, определенными в 1809 году, дабы чувствовать себя счастливою и спокойною в соединении своем с Россиею.

«Чувства долга перед родиною заставляют жителей всех общин и слоев общества обратиться к вашему императорскому величеству с правдивым и неприкрашенным изложением положения дела. Выше мы указали, что недавно обнародованные постановления о воинской повинности, противоречащие торжественно удостоверенным основным законам Великого Княжества, не могут быть признаны правовым законом. Считаю долгом добавить к сему, что военная тягота сама по себе не такое значение имеет для финляндского народа, как потеря твердых правовых установлений и законом обеспеченное спокойствие по отношению к этому столь важному вопросу. Всеподданнейше просим посему, да соблагovolите ваше императорское величество подвергнуть вопросы, затронутые в этом представлении, такому все милостивейшему рассмотрению, которое вызывается серьезностью их свойства. Пребываем и проч.».

Нам остается немного добавить к этому адресу, который выражает собою настоящий народный суд над шайкой нарушающих основные законы русских чиновников.

Напомним главные данные по «финляндскому вопросу».

Финляндия присоединена к России в 1809 г. во время войны с Швецией. Желая привлечь на свою сторону финляндцев, бывших подданных шведского короля, Александр I решил признать и утвердить старую финляндскую конституцию. По этой конституции, *иначе как с согласия сейма, т.-е. собрания представителей всех сословий*, не может быть издан, изменен, пояснен или отменен никакой основной закон. И Александр I в нескольких манифестах «торжественно» подтвердил *«обещание о святом хранении особенной конституции края»*.

Это клятвенное обещание подтверждали затем все русские государи, в том числе и Николай II в манифесте 25 октября (6 ноября) 1894 г.: «...обещая хранить оные (основные законы) в ненарушимой и непреложной их силе и действии».

И вот, не прошло и пяти лет, как русский царь оказался *клятвопреступником*. После того, как продажная и пресмыкающаяся печать долго травила Финляндию, был издан «манифест» 3 (15) февраля 1899 г., установивший новый порядок: *без согласия сейма* могут быть изданы

законы, «если они касаются общегосударственных потребностей или находятся в связи с законодательством империи».

Это было вопиющее нарушение конституции, настоящий *государственный переворот*, потому что ведь про всякий закон можно сказать, что он касается общегосударственных потребностей!

И этот государственный переворот был совершен *насильственно*: генерал-губернатор Бобриков²⁵⁾ грозил ввести войска в Финляндию, если сенат откажется опубликовать манифест. Русским войскам, расположенным в Финляндии, были уже розданы (по словам русских же офицеров) боевые патроны, лошади стояли под седлом и т. д.

За первым насилием последовал бесчисленный ряд других: запрещали одну за другой финляндские газеты, отменили свободу собраний, наводнили Финляндию сворами русских шпионов и гнуснейших провокаторов, которые возбуждали к восстанию, и т. д., и т. д. Наконец, *без согласия сейма*, издан был закон 29 июня (12 июля) о воинской повинности—закон, достаточно разобранный в адресе.

И манифест 3 февраля 1899 г., и закон 29 июня 1901 г. *незаконны*, это—насилие клятвопреступника с шайкой башибузуков, которая называется царским правительством. Двум с половиной миллионам финляндцев нечего, конечно, и думать о восстании, но нам всем, русским гражданам, надо думать о том позоре, какой на нас падает. Мы все еще до такой степени рабы, что нами пользуются для обращения в рабство других племен. Мы все еще терпим у себя правительство, не только подавляющее со свирепостью палача всякое стремление к свободе в России, но и пользующееся, кроме того, русскими войсками для насильственного посягательства на чужую свободу!

Беседа с защитниками экономизма.

«Искра» № 12, 6 декабря 1901 года.

Привожу целиком присланное нам одним из наших представителей

Письмо в русские социал-демократические органы.

«В ответ на предложение наших товарищей по ссылке высказаться по поводу «Искры», мы решили заявить о причинах нашего несогласия с этим органом.

«Признавая вполне своевременным появление особого с.-дем. органа, специально посвященного вопросам политической борьбы, мы не думаем, чтобы «Искра», взявшая на себя такую задачу, удовлетворительно ее разрешила. Основной ее недостаток, красной нитью

проходящий через все ее столбцы и обуславливающий все ее остальные крупные и мелкие недостатки, заключается в том, что «Искра» отводит весьма видное место идеологам движения в смысле их влияния на то или иное его направление. В то же время «Искра» мало считается с теми материальными элементами движения и той материальной средой, из взаимодействия которых создается известный тип рабочего движения и определяется его путь, совлечь с которого его не в состоянии все усилия идеологов, хотя бы и вдохновленных самыми лучшими теориями и программами.

«Этот недостаток «Искры» особенно резко бросается в глаза при сравнении ее с «Южным Рабочим»²⁶⁾, который, поднимая, подобно «Искре», знамя политической борьбы, ставит ее в связь с предыдущим фазисом южно-русского рабочего движения. Такая постановка вопроса совершенно чужда «Искре». Ставя своей целью создать «из искры большой пожар», она забывает, что для этого необходимы подходящий горючий материал и благоприятные внешние условия. Обеими руками открещиваясь от «экономистов», «Искра» упускает из виду, что их деятельность подготовила то участие рабочих в февральских и мартовских событиях, которое она с особенным старанием подчеркивает и по всей видимости значительно преувеличивает. Отрицательно относясь к деятельности соц.-дем. конца 90-х годов, «Искра» игнорирует отсутствие условий в то время для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования, и то громадное воспитательное значение, которое имела эта борьба. Совершенно неправильно и неисторично оценивая этот период и это направление деятельности русских соц.-дем., «Искра» отождествляет их тактику с тактикой Зубатова²⁷⁾, не видя разницы между «борьбой за мелкие требования», расширяющей и углубляющей рабочее движение, и «мелкими уступками», имеющими целью парализовать всякую борьбу и всякое движение.

«Насквозь пропитанная сектантской нетерпимостью, столь характерной для идеологов младенческого периода социальных движений, «Искра» всякое разногласие с нею готова заклеить не только как отступление от соц.-дем. принципов, но даже как переход во враждебный лагерь. Такова ее крайне неприличная и заслуживающая самого строгого и беспощадного осуждения выходка против «Рабочей Мысли», которой она посвятила статью о Зубатове и влиянию которой приписала его успехи среди некоторой части рабочих. Отрицательно относясь к другим социал-демократическим организациям, иначе, чем она, смотрящим на ход и задачи русского рабочего движения, «Искра» в пылу полемики с ними забывает подчас истину и, придираясь к отдельным действительно неудачным выражениям, приписывает своим про-

тивникам взгляды, им не принадлежащие, подчеркивает пункты разногласия, часто мало существенные, и упорно замалчивает многочисленные точки соприкосновения во взглядах: мы имеем в виду отношение «Искры» к «Рабочему Делу».

«Эта чрезмерная склонность ее к полемике вытекает прежде всего из переоценки ее роли «идеологии» (программ, теорий...) в движении, отчасти же является отголоском междоусобной брани, которая возгорелась на Западе среди русских эмигрантов и о которой они поспешили поведать миру в ряде полемических брошюр и статей. На наш взгляд, все эти их разногласия не имеют почти никакого влияния на фактический ход русского социал-демократического движения; разве только вредят ему, внося нежелательный раскол в среду действующих в России товарищей, а потому мы не можем не отнестись отрицательно к полемическому задору «Искры», особенно, когда она выходит из допустимых приличиям рамок.

«Тот же основной недостаток «Искры» является причиной ее непоследовательности в вопросе об отношениях социал-демократии к различным общественным классам и направлениям. Решив посредством теоретических выкладок задачу о немедленном переходе к борьбе против абсолютизма и чувствуя, вероятно, всю трудность этой задачи для рабочих при настоящем положении дел, но не имея терпения ждать дальнейшего накопления ими сил для этой борьбы, «Искра» начинает искать союзников в рядах либералов и интеллигенции и в своих поисках нередко сходит с классовой точки зрения, затушевывая классовые противоречия и выдвигая на первый план общность недовольства правительством, хотя причины и степень этого недовольства у «союзников» весьма различны. Таковы, напр., отношения «Искры» к земству. Фрондирующие выходки его, вызываемые нередко недостаточной по сравнению с промышленностью защитой правительством аграрных вожделений г.г. земцев, «Искра» старается раздуть в пламя политической борьбы и обещает неудовлетворенным правительственными подачками дворянам помощь рабочего класса, ни словом при этом не обмолвившись о классовой розни этих слоев населения. Мы можем допустить, что говорить о пробуждении земщины и указывать на земство, как на элемент, борющийся с правительством, можно, но только в ясной и отчетливой форме, которая не оставляла бы сомнений о характере нашего возможного соглашения с подобными элементами. «Искра» же ставит вопрос об отношении к земству так, что это, по нашему мнению, может только затемнять классовое сознание, так как здесь она наравне с проповедниками либерализма и различных культурных начинаний ставит противовес основной задаче социал-демократиче-

ской литературы,—задаче, заключающейся в критике буржуазного строя и выяснении классовых интересов, а не в затемнении их антагонизма. Таково же отношение «Искры» и к студенческому движению. Между тем в других статьях «Искра» резко осуждает всякие «компромиссы» и выступает, напр., на защиту нетерпимого поведения гедистов²⁸).

«Не останавливаясь на других менее важных недостатках и промахах «Искры», мы в заключение считаем долгом заметить, что мы своей критикой отнюдь не хотим умалить того значения, которое может иметь «Искра», и не закрываем глаз на ее достоинства. Мы приветствуем ее как политическую социал-демократическую газету в России. Мы считаем ее крупной заслугой удачное выяснение вопроса о терроре, которому она своевременно посвятила несколько статей. Наконец, мы не можем не отметить столь редкий в нелегальных изданиях образцовый литературный язык «Искры», регулярность ее выхода в свет и обилие свежего и интересного материала.

Сентябрь 1901 г.

Товарищи.

Заметим прежде всего по поводу этого письма, что мы от всей души приветствуем прямоту и откровенность его авторов. Давно пора перестать играть в прятки, скрывая свое экономическое «Credo» (как это делает часть одесского комитета, от которого отделились «политики») или заявляя, точно в насмешку над истиной, что в настоящее время «решительно ни одна с.-д. организация в экономизме не повинна» (изд. «Раб. Делом» брошюра «Два съезда», стр. 32).—А теперь к делу.

Основная ошибка авторов письма—совершенно та же, в какую впадает и «Раб. Дело» (см. особенно № 10). Они путаются в вопросе о взаимоотношении между «материальными» (стихийными, по выражению «Раб. Дела») элементами движения и идеологическими (сознательными, действующими «по плану»). Они не понимают, что «идеолог» только тогда и заслуживает название идеолога, когда идет *впереди* стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются. Чтобы действительно «считаться с материальными элементами движения», надо критически относиться к ним, надо уметь указывать опасности и недостатки стихийного движения, надо уметь *поднимать* стихийность до сознательности. Говорить же, что идеологи (т.-е. сознательные руководители) не могут совлечь дви-

жение с пути, определяемого взаимодействием среды и элементов,— это значит забывать ту азбучную истину, что сознательность *участвует* в этом взаимодействии и этом определении. Католические и монархические рабочие союзы в Европе—тоже необходимый результат взаимодействия среды и элементов, но только участвовала в этом взаимодействии сознательность попов и Зубатовых, а не сознательность социалистов. Теоретические взгляды авторов письма (как и «Раб. Дела») представляют из себя не марксизм, а ту пародию на него, с которой носятся наши «критики» и бернштейнианцы, не понимающие, как связать стихийную эволюцию с сознательной революционной деятельностью.

Это глубокое теоретическое заблуждение необходимо приводит, в переживаемый нами момент, к величайшей тактической ошибке, которая уже причинила и причиняет неисчислимый вред русской социал-демократии. Дело в том, что стихийный подъем и рабочей массы и (благодаря ее влиянию) других общественных слоев происходит в последние годы с поразительной быстротой. «Материальные элементы» движения выросли гигантски даже по сравнению с 1898 г., но *сознательные руководители* (социал-демократы) *отстали от этого роста*. В этом—основная причина переживаемого русской социал-демократией кризиса. Массовому (стихийному) движению недостает «идеологов», настолько подготовленных теоретически, чтобы быть застрахованными от всякого шатания, недостает руководителей, обладающих таким широким политическим кругозором такой революционной энергией, таким организаторским талантом, чтобы создать на базисе нового движения боевую политическую партию.

Все это, однако было бы еще полбеды. И теоретические знания, и политический опыт, и организаторская ловкость,—все это вещи наживные. Была бы только охота учиться и вырабатывать в себе требуемые качества. Но вот с конца 1897 г. и особенно с осени 1898 г. подняли в русской социал-демократии голову такие люди и такие органы, которые не только закрывали глаза на этот недостаток, но и объявили его особой добродетелью, которые возвели в теорию преклонение и раболепство перед стихийностью, которые стали проповедывать, что социал-демократы должны не идти впереди, а тащиться в *хвосте* движения. (К этим органам принадлежала не только «Раб. Мысль», но и «Раб. Дело», начавшее с «теории стадий» и кончившее принципиальной защитой стихийности, «полноправности движения в настоящем», «тактики-процесса» и проч.)

Вот это уже была настоящая беда. Это было образованием *особого направления*, которое принято называть экономизмом (в широком

смысле слова) и которого основная черта состоит в непонимании и даже *защите отсталости*, т.-е., как мы уже объяснили, отсталости сознательных руководителей от стихийного подъема масс. Это направление характеризуется: в принципиальном отношении—опошлением марксизма и беспомощностью перед современной «критикой», этой новейшей разновидностью оппортунизма; в политическом отношении—стремлением сузить или разменять на мелочи политическую агитацию и политическую борьбу, непониманием того, что, не взяв в *свои* руки руководства общедемократическим движением, социал-демократия не сможет свергнуть самодержавие; в тактическом отношении—полной неустойчивостью («Раб. Дело» весной в недоумении остановилось перед «новым» вопросом о терроре и только полгода спустя, после ряда колебаний, высказалось в очень двусмысленной резолюции против него, волочась, как и всегда, в хвосте движения); в организационном отношении—непониманием того, что массовый характер движения не только не ослабляет, а, напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую и централизованную организацию революционеров, способную руководить и подготовительной борьбой, и всяким неожиданным взрывом, и, наконец, последним решительным нападением.

С этим направлением мы вели и будем вести непримиримую борьбу. Авторы же письма, видимо, сами к нему принадлежат. Они указывают нам, что экономическая борьба подготовила участие рабочих в демонстрациях. Да, и именно мы раньше всех и глубже всех оценили эту подготовку, когда высказались еще в декабре 1900 г. (№ 1) против теории стадий, когда в феврале (№ 2), тотчас после отдачи студентов в солдаты и еще до начала демонстраций, звали рабочих идти на помощь студентам *). Февральские и мартовские события не опровергли страхов и опасений «Искры» (как думает—«Раб. Дело», № 10, стр. 53—Мартынов²⁹), обнаруживающий этим полное непонимание дела), а всецело подтвердили их, ибо руководители оказались *позади* стихийного подъема масс, оказались неподготовленными к исполнению своих обязанностей, как руководителей. Подготовка эта и в настоящее время очень еще несовершенна, а потому всякие толки о «переоценке роли идеологии» или роли сознательного элемента по сравнению с стихийным и т. п. продолжают оказывать самое вредное практическое влияние на нашу партию.

Такое же вредное влияние оказывают толки о том, что необходимо, во имя будто бы классовой точки зрения, поменьше подчеркивать общность недовольства правительством разных слоев населения.

*) См. выше статью: «Отдача в солдаты 183-х студентов». *Ред.*

Напротив, мы гордимся тем, что «Искра» пробуждает политическое недовольство во *всех* слоях населения, и жалеет только, что нам не удастся делать это в еще более широком размере. Неправда, что мы затушевываем при этом классовую точку зрения: ни одного конкретного примера такого затушевывания авторы письма не указали и указать не смогут. Но, как передовой борец за демократию, социал-демократия должна — вопреки мнению «Раб. Дела», № 10, стр. 41 — руководить активной деятельностью различных оппозиционных слоев, разъяснять им общее политическое значение их частных и профессиональных столкновений с правительством, привлекать их к поддержке революционной партии, должна вырабатывать в своей среде таких вождей, которые бы умели политически влиять на все и всякие оппозиционные слои. Всякий отказ от этой роли, в какие бы пышные фразы о тесной, органической связи с пролетарской борьбой и т. п. он ни облакался, равносителен новой «защите отсталости» социал-демократов, — отсталости от подъема демократического общенародного движения, равносителен передаче руководящей роли в руки буржуазной демократии. Пусть авторы письма пораздумают над тем, почему это весенние события вызвали такое оживление революционных несоциал-демократических направлений вместо того, чтобы вызвать усиление авторитета и престижа социал-демократии!

Мы не можем не восстать также против поразительной близорукости, которую обнаруживают авторы письма по вопросу о полемике и междоусобной брани среди эмигрантов. Они повторяют старые пустяки о «неприличии» посвящения статьи о Зубатове «Раб. Мысли». Не вздумают ли они отрицать того, что распространение экономизма облегчает задачу г.г. Зубатовым? Только это мы и говорим, отнюдь не «отожествляя» тактику экономистов и тактику Зубатова. А что касается «эмигрантов» (если бы авторы письма не были так непростительно беззаботны насчет преемственности идей в русской социал-демократии, то им было бы известно, что предостережения «эмигрантов», именно «Группы Осв. Труда», насчет экономизма оправдались самым блистательным образом!), то вот послушайте, как судил действовавший в 1852 г. среди рейнских рабочих Лассаль ³⁰⁾ о спорах в лондонской эмиграции:

«Едва ли, — писал он Марксу, — со стороны полиции встретятся затруднения к изданию твоего сочинения против «Великих людей», Кинкеля, Руге и др... Правительство, я полагаю, даже радо появлению таких сочинений, ибо оно думает, что «революционеры перегрызут сами себя». Что партийная борьба придает партии силу и жизненность, что величайшим доказательством слабости партии являются

ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, что партия укрепляется тем, что очищает себя,—этого чиновничья логика не подозревает и не опасается» (из письма Лассалля к Марксу 24 июня 1852 г.).

К сведению всех, столь многочисленных ныне, прекраснородных противников резкости, непримиримости, полемического задора и проч!.

В заключение заметим, что мы могли здесь только бегло затронуть спорные вопросы. Подробному разбору их мы посвятим особую брошюру, которая выйдет в свет, мы надеемся, месяца через полтора³¹).

По поводу государственной росписи.

«Искра» № 15, 15 января 1902 года.

Как и всегда, наши газеты опубликовали всеподданнейший доклад министра финансов по поводу росписи государственных доходов и расходов на 1902 год. Как и всегда, оказывается,—по уверениям министра,—что все обстоит благополучно: «финансы в совершенно благоприятном состоянии», в бюджете «неуклонно соблюдено равновесие», «жел.-дорожное дело продолжает успешно развиваться», и даже «происходит постоянное нарастание народного благосостояния»! Неудивительно, что у нас так мало интересуются вопросами государственного хозяйства, несмотря на всю их важность: интерес притуплен обязательным казенным славословием, каждый знает, что бумага все терпит, что публику «все равно» «не велено пущать» за кулисы официального финансового фокусничества.

На этот раз, однако, особенно бросается в глаза следующее обстоятельство. Фокусник с обычной ловкостью показывает публике пустые руки и, взмахивая ими, предъявляет одну за другой золотые монеты. Публика аплодирует. Но фокусник тем не менее начинает сам прегрубернейшим образом защищаться и, чуть не со слезами на глазах, уверяет, что он не мошенничает, что дефицита нет, что долгов у него меньше, чем имущества. Русская публика так выпколена по части благопристойного поведения в присутственных местах, что ей становится вчуже как-то неловко, и только немногие бормочут про себя французскую пословицу: «кто извиняется, тот сам себя обвиняет».

Помолим, как «извиняется» наш Витте ³²). Гигантский расход почти в два миллиарда рублей (1.946 милл.) покрыт полностью только благодаря тому, что 144 милл. взяты из знаменитой «свободной наличности» государственного казначейства, а свободная наличность попол-

нена прошлогодним 4⁰/₁₀₀ займом в 127 милл. рублей (весь заем был в 148 милл. руб., но 21 милл. еще не дополучен). Значит, дефицит, покрытый займом?—Ничуть не бывало, уверяет нас маг, «заключение займа вызвано было отнюдь не необходимостью покрыть непредусмотренные сметами расходы», так как за покрытием их оставалось «вполне свободных» 114 м. р., а желанием строить новые железные дороги.—Очень хорошо, г. Витте! Но, во-первых, дефицита вы этим не опровергаете, ибо даже «вполне свободными» 114 м. р. не покрыть расхода в 144 м. р. Во-вторых, в свободную наличность (114 м. р.) вошли 63 м. р. превышения поступления обыкновенных доходов в 1901 г. против предположений росписи, а наша печать давно уже указывает, что вы *искусственно уменьшаете* предположения росписи доходов, дабы фиктивно вздуть «свободную наличность» и неуклонно повышать налоги. Так, в прошлом году повышены гербовые пошлины (новый гербовый устав) повышена цена казенной водки: с 7 руб. до 7 р. 60 к. за ведро продолжено повышение таможенных пошлин (произведенное в 1900 г. якобы «временно» ввиду китайской войны) и пр. В-третьих, воспевая «культурную роль» железных дорог, вы скромно умалчиваете о чисто-русском и совсем некультурном обычае *грабить казну* при постройке железных дорог (не говоря уже о безобразной эксплуатации жел.-дор. подрядчиками рабочих и голодающих крестьян!). Напр., одна русская газета недавно сообщала что стоимость постройки Сибирской жел. дороги сначала была определена в 350 м. р., а на деле израсходовано 780 м. р., всего же перевалит вероятно, и за *миллиард* (какой грабеж шел на Сибирской дороге, об этом Искра уже кое-что сообщала: см. № 2). Доходы-то вы правильно подсчитываете, г. Витте, без пропусков, а вот насчет *действительной величины расходов* попробовали бы дать отчет!

Затем не следует также упускать из виду, что постройка жел. дорог в 1902 г. вызвана отчасти военными целями нашего «миролюбивого» правительства (громадная Вологодско-Судлацкая линия, протяжением более 1000 верст), отчасти безусловной необходимостью хоть чем-нибудь «помочь» угнетенной промышленности, в делах которой государственный банк заинтересован непосредственно. Гос. банк не только щедро ссужал разные пошатнувшиеся предприятия, но и принял многие из них фактически в свое полное заведывание. Банкротство промышленных предприятий грозило привести к государственному банкротству! Наконец, не забудем и того, что постоянное повышение суммы займов и размера налогов происходит под управлением «гениального» Витте, несмотря на то, что все капиталы сберегательных касс обращаются всецело на поддержку государственного кредита. А капи-

талы эти превысили уже 800 м. р. Примите все это во внимание,— и вы поймете, что Витте ведет хищническое хозяйство, что самодержавие медленно, но верно идет к банкротству, ибо нельзя же без конца повышать налоги, и не всегда же будет русского царя выручать французская буржуазия.

Витте защищается от обвинения в увеличении государственной задолженности такими доводами, над которыми стоит посмеяться. Он сравнивает долги и «имущество», сопоставляет сумму гос. займов в 1892 и 1902 г.г. со стоимостью казенных жел. дорог за те же годы и выводит уменьшение «чистой» задолженности. А ведь у нас и еще есть имущество: «крепости и военные суда» (ей-богу, так и сказано в докладе!), порты и казенные заводы, оброчные статьи и леса.— Великолепно, г. Витте! Но не замечаете ли вы, что вы уподобляетесь тому купцу, который уже вызвал в суд по обвинению в банкротстве и который начинает оправдываться перед людьми, собирающимися описывать его имущество? Ведь покуда предприятие стоит действительно непоколебимо прочно,—никому и в голову не придет требовать специального обеспечения займов. Ведь никто не сомневается, что «имущества» у русского народа имеется много, но чем больше этого имущества, тем сильнее вина людей, которые, несмотря на обилие имущества, ведут хозяйство только при помощи увеличения займов и повышения налогов. Ведь вы доказываете только то, что народу следует как можно скорее прогнать распоряжающихся его имуществом хищников. В самом деле, ссылки на специальные государственные имущества в обеспечение государственных займов делала до сих пор из всех европейских стран одна только Турция. И эти ссылки вели естественно к тому, что *иностранные кредиторы налагали свой контроль* на распоряжение тем имуществом, которое должно обеспечить возврат данных ими займы денег. Хозяйство «великой русской державы» под контролем приказчиков Ротшильда и Блейхредера: какую блестящую перспективу открываете вы нам, г. Витте! *)

Мы не говорим уже о том, что крепости и военные суда ни один банкир в залог не возьмет, что это не плюс, а минус в нашем народном хозяйстве. Но и жел. дороги могут служить обеспечением только тогда, когда они приносят доход. А из того же доклада Витте мы узнаем,

*) Витте сам заметил неловкость своих рассуждений об «имуществе», и поэтому в другой части своего доклада он старается «поправиться», заявляя, что возрастание стоимости государственного имущества «в применении к обязательствам русской казны не имеет особого значения, так как кредит России не нуждается в специальных обеспечениях». Ну, конечно! А подробный расчет с перечнем этих специальных обеспечений все-таки оставлен—на всякий случай!

что до самого последнего времени все русские жел. дороги вообще приносили убыток. Только в 1900 г. вскрыт был дефицит по сибирским дорогам и получилась «небольшая чистая прибыль», настолько небольшая, что о величине ее Витте скромно молчит. Молчит он и о том, что за первые две трети 1901 г. выручка железных дорог в Евр. России понизилась по случаю кризиса. Каков-то был бы баланс нашего жел.-дор. хозяйства, если бы сосчитать не только казенные цифры выданных на постройку денег, но и действительные суммы расхищенных при постройке денег? Не пора ли в самом деле передать это действительно ценное имущество в более надежные руки?

О промышленном кризисе Витте говорит, разумеется, в самом успокоительном тоне: «заминка», «несомненно, общих промышленных успехов не коснется, и, по истечении некоторого промежутка времени, вероятно (!), наступит новый период промышленного оживления». Хорошо утешение для миллионов рабочего класса, страдающих от безработицы и уменьшения заработка! В перечне государственных расходов вы напрасно стали бы искать хоть какого-либо указания на то, сколько миллионов и десятков миллионов бросила казна на прямую и косвенную поддержку «страдающих» от кризиса промышленных предприятий. А что при этом не останавливались и перед гигантскими суммами, видно из того сообщенного в газетах факта, что общий размер ссуд, выданных гос. банком с 1 января 1899 г. по 1 янв. 1901 г., увеличился с 250 м. руб. до 449 м. р., а размер промышленных ссуд с 8,7 м. до 38,8 м. р. Даже убыток в 4 м. р. по промышленным ссудам несколько не затруднил казны. Рабочим же, которые приносили на алтарь «промышленных успехов» не содержимое своего кошелька, а свою жизнь и жизнь миллионов, существующих на их заработок—рабочим казна помогала тем, что «даром» высылала их тысячами из промышленных городов в голодающие деревни!

Слова «голод» Витте совсем избегает, уверяя в своем докладе что «тяжелое влияние неурожая... будет смягчено щедрой помощью нуждающимся». Эта щедрая помощь, по его же словам, равняется 20 м. р., тогда как недобор хлеба оценивается в 250 м. р. (считая по очень низкой цене по 50 коп. за пуд, но зато сравнивая с годами благоприятных жатв). Не правда ли, как это в самом деле «щедро»? Допустите даже, что только половина недобора падает на крестьянскую бедноту, и все-таки окажется, что мы еще недостаточно оценивали скарденность русского правительства, когда писали (по поводу циркуляра Сипягина, см. № 9 «Искры»), что правительство урезывает ссуды *впятеро*. Щедр русский царь не на помощь мужику, а на полицейские меры против тех, кто действительно хотел помочь голодающим.

Щедр он также и на миллионы, выбрасываемые для того, чтобы урвать пожирней кусок у Китая. За два года,—сообщает Витте,—на китайскую войну из чрезвычайных расходов пошло 80 милл. руб., да *«сверх того»* весьма значительные суммы были издержаны *за счет обыкновенного бюджета*. Всего, значит, вероятно, *до сотни миллионов рублей*, если не выше! Безработный рабочий и голодающий мужик могут утешиться тем, что Маньчжурия зато наверное будет наша...

Недостаток места заставляет нас лишь вкратце коснуться остальных частей доклада. Витте защищается также от обвинения в скудости расходов на народное просвещение: к 36 м. р. по смете этого министерства он прибавляет расходы на учебное дело всех других ведомств и «нагоняет» цифру до 75 м. р. Но даже и эта (сомнительной верности) цифра совершенно мизерна на всю Россию и по отношению ко всему бюджету не составляет и пяти процентов.—То обстоятельство, что «наш государственный бюджет построен по преимуществу на системе косвенного обложения», Витте считает преимуществом, повторяя избитые буржуазные доводы о возможности «созразмерять потребление обложенных предметов со степенью благосостояния». На самом же деле, как известно, косвенное обложение, падая на предметы потребления масс, отличается величайшей несправедливостью. Всей своей тяжестью ложится оно на бедноту, создавая привилегию для богатых. Чем беднее человек, тем большую долю своего дохода отдает он государству в виде косвенных налогов. Малоимущая и неимущая масса составляет $\frac{9}{10}$ всего народонаселения, потребляет $\frac{9}{10}$ всех обложенных продуктов и платит $\frac{9}{10}$ всей суммы косвенных налогов, а между тем из всего народного дохода она получает каких-нибудь две-три десятых.

В заключение—интересная «мелочь». По каким статьям всего более увеличились расходы с 1901 по 1902 год? Вся сумма расхода увеличилась с 1.788 м. р. до 1.946 м. р., т.-е. менее, чем на одну десятую. Между тем *почти на четверть* возросли расходы по двум статьям: «на содержание особ императорской фамилии» с 9,8 м. р. до 12,8 м. р. и... «на содержание отдельного корпуса жандармов» с 3,94 м. р. до 4,96 м. р. Вот ответ на вопрос: какие «нужды русского народа» наиболее настоятельные? И какое трогательное «единение» царя с жандармами!

Политическая агитация и „классовая точка зрения“.

«Искра» № 16, 1 февраля 1902 года.

Начнем с примера.

Читатели помнят, вероятно, какой шум вызвал доклад орловского губернского предводителя дворянства М. А. Стаховича³³⁾ на миссионерском съезде о необходимости признания законом *свободы совести*. Консервативная печать, с «Моск. Вед.» во главе, рвет и мечет против г. Стаховича, не зная, как и обругать его, обвиняя чуть ли не в государственной измене всех орловских дворян за то, что они снова выбрали г. Стаховича в предводители. А этот выбор—действительно поучительное явление, приобретающее до известной степени характер дворянской демонстрации против полицейского произвола и безобразия.

Стахович—уверяют «Моск. Вед.»—«не столько предводитель дворянства, сколько Миша Стахович, весельчак, душа общества, краснобай...» (1901 г., № 348.) Тем хуже для вас, господа защитники дубины. Если уже даже весельчаки-помещики заговорили о свободе совести, значит несть поистине числа тем гнусностям, которые чинят наши попы с нашей полицией.—«...Какое дело нашей «интеллигентной» легкомысленной толпе, порождающей и рукоплещущей г.г. Стаховичам, до нашей святыни, православной веры и до наших заветных к ней отношений?»... Опять-таки: тем хуже для вас, господа защитники самодержавия, православия, народности. Хороши же должны быть порядки нашего полицейского самодержавия, если оно даже религию настолько пропитало духом кутузки, что «Стаховичи» (не имеющие никаких твердых убеждений в религиозных вопросах, но заинтересованные, как увидим ниже, в прочности религии) проникаются полным равнодушием (если не ненавистью) к этой пресловутой «народной» святыне!—«...Они нашу веру называют заблуждением!! Они издеваются над нами за то, что мы, благодаря этому «заблуждению», боимся и бежим греха, исполняем безропотно наши обязанности, как бы тяжелы они ни были, за то, что мы находим силы и бодрость переносить горе, лишения и чуждаемся гордости при удачах и в счастье»... Вот в чем суть-то! Святыня православия тем дорога, что учит «безропотно» переносить горе! Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святыня! Когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит «лишения» и несет «тяжелые обязанности», то вполне есте-

ственно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного, будто бы, рая. В пылу усердия «Моск. Вед.» начинают проговариваться. И они проговорились до такой степени, что *нечаянно правду сказали*. Слушайте дальше: «...Они и не подозревают, что, благодаря тому же «заблуждению», они, т.г. Стаховичи, едят сытно, спят спокойно и живут весело».

Святая истина! Именно так, именно благодаря громадному распространению в народных массах религиозных «заблуждений» «спят спокойно» и Стаховичи, и Обломы, и все наши капиталисты, живущие трудом этих масс, да и сами «Моск. Вед.». И чем больше будет распространяться просвещение в народе, чем более религиозные предрасудки будут вытесняться социалистическим сознанием, тем ближе будет день победы пролетариата, избавляющий все угнетенные классы от их порабощения в современном обществе.

Но, проговорившись в одном пункте, «Моск. Вед.» слишком дешево отделались от другого интересного вопроса. Они явно заблуждаются, думая, что Стаховичи «не подозревают» указанного значения религии и требуют либеральных реформ просто по «легкомыслию». Такое объяснение враждебного политического направления уже очень ребячески-наивно! А что г. Стахович в данном случае явился именно глашатаем целого либерального направления,—это лучше всего доказали сами «Моск. Вед.»: иначе к чему было поднимать целый поход против одного доклада? к чему было говорить не о Стаховиче, а о Стаховичах, об «интеллигентной толпе»?

Это заблуждение «Моск. Вед.» есть, конечно, корыстное заблуждение. «Моск. Вед.», разумеется, больше не желают, чем не умеют, применить классовую точку зрения к анализу ненавистного им либерализма. О нежелании нечего и говорить. А вот неумение представляет для нас большой общий интерес, ибо этим грехом страдают весьма многие революционеры и социалисты. Страдают им и авторы письма в № 12 «Искры», обвиняющие нас в отступлении от «классовой точки зрения» за то, что мы в своей газете стараемся следить за всеми проявлениями недовольства и протеста либералов *);—и авторы «Пролетарской борьбы» ³⁴⁾, и некоторых брошюр «Социал-демократической Библиотеки» ³⁵⁾, воображающие, что наше самодержавие есть самодержавное господство буржуазии;—и Мартыновы, зовущие нас от всесторонней обличительной кампании (т.-е. от самой широкой политической агитации) против самодержавия к преимущественной борьбе за экономические реформы (давать «положительное» рабочему классу,

*) См. выше статью: «Беседа с защитниками экономизма». *Ред.*

выставлять от его имени «конкретные требования» законодательных и административных мероприятий, «сулящие известные осязательные результаты»); — и Надеждыны ³⁶⁾, с недоумением спрашивающие, по поводу наших корреспонденций о статистических конфликтах: «господи, да не для земцев ли этот орган?».

Все эти социалисты забывают, что интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов, и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы *всей* буржуазии, всего развития капитализма вообще, необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию. Если, напр., самодержавие гарантирует буржуазии возможность применять самые грубые формы эксплуатации, то, с другой стороны, оно ставит тысячи препятствий широкому развитию производительных сил и распространению просвещения, возбуждая этим против себя не только мелкую, но иногда и крупную буржуазию; если самодержавие гарантирует (?) буржуазии охрану от социализма, то, с другой стороны, эта охрана необходимо превращается, при бесправии населения, в такое полицейское бесчинство, которое возмущает всех и каждого. Каков результат этих противоположных тенденций, каково соотношение консервативного и либерального настроения или направления в буржуазии в данный момент,—этого нельзя вывести из пары общих положений; это зависит от всех особенностей общественно-политической обстановки в данный момент. Для определения этого необходимо детально знать эту обстановку, внимательно следить за всеми и всякими столкновениями с правительством какого бы то ни было общественного слоя. Именно в силу «классовой точки зрения» *непозволительно* социал-демократу оставаться безучастным к недовольству и протестам «Стаховичей».

Названные же социалисты и своими рассуждениями и своей деятельностью доказывают свое безучастие к либерализму, обнаруживая этим непонимание основных положений Коммунистического Манифеста, этого «евангелия» международной соц.-демократии. Вспомните, напр., слова о том, что буржуазия сама дает материал для политического воспитания пролетариата своей борьбой за власть, столкновением отдельных своих слоев и групп и пр. Только в свободных политических странах этот материал достается пролетариату сам собою (да и то только отчасти). В рабской же России мы, социал-демократы, должны активно работать над доставлением рабочему классу этого «материала», т.-е. должны *взять на себя* задачу всесторонней полити-

ческой агитации, всенародной обличительной кампании против самодержавия. И эта задача особенно настоятельна в периоды политического брожения. Надо помнить, что за год политического оживления пролетариат может научиться, в смысле революционного воспитания, большему, чем за несколько лет затишья. Вот почему особенно вредна тенденция указанных социалистов сознательно или бессознательно *суживать* размах и содержание политической агитации.

Далее, вспомните слова о поддержке коммунистами *всякого* революционного движения против существующего строя. Эти слова часто понимают слишком узко, не распространяя их на поддержку либеральной оппозиции. Не следует, однако, забывать, что бывают эпохи, когда всякое столкновение с правительством на почве прогрессивных общественных интересов, как бы мелко оно само по себе ни было, может при известных условиях (*а наша поддержка есть одно из этих условий*) разгореться в общий пожар. Достаточно напомнить, в какое общественное движение разрослось в России столкновение студентов с правительством на почве академических требований или во Франции столкновение всех прогрессивных элементов с военщиной на почве одного, решенного путем подлогов, судебного дела ³⁷). Вот почему наш прямой долг разъяснять пролетариату, расширять и, путем активного участия рабочих, поддерживать всякий либеральный и демократический протест, будет ли он проистекать из столкновения земцев с м—вом вн. дел, или дворян с ведомством полицейского православия, или статистиков с помпадуром, крестьян с «земскими», сектантов с урядниками и проч. и проч. Кто морщит презрительно нос по поводу мизерности некоторых из 'этих столкновений или «безнадежности» попытки раздуть их в общий пожар, тот не понимает, что всесторонняя политическая агитация есть именно фокус, в котором совпадают насущные интересы политического воспитания пролетариата с насущными интересами всего общественного развития и всего народа в смысле всех демократических элементов его. Наш прямой долг—вмешиваться во всякий либеральный вопрос, определять свое, социал-демократическое, отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении этого вопроса и заставлял решать его по-своему. Кто сторонится от такого вмешательства, тот на деле (каковы бы ни были его намерения) пасует перед либерализмом, отдавая в его руки дело политического воспитания рабочих, уступая гегемонию политической борьбы таким элементам, которые в конечном счете являются вожакми буржуазной демократии.

Классовый характер соц.-демократического движения должен выражаться не в сужении наших задач до непосредственных и бли-

жайших нужд «чисто-рабочего» движения, а в руководстве всеми сторонами и всеми проявлениями великой освободительной борьбы пролетариата, этого единственного действительно революционного класса современного общества. Социал-демократия должна всегда и неуклонно расширять воздействие рабочего движения на все сферы общественной и политической жизни современного общества. Она должна руководить не только экономической борьбой рабочих, но также и политической борьбой пролетариата, она должна ни на минуту не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию—учение научного социализма, т.-е. марксизм. Мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась. Названные нами выше социалисты отступают от «классовой» точки зрения также потому и постольку, поскольку они безучастны к задаче борьбы с «критикой марксизма». Только слепые люди могут не видеть, что эта «критика» всего быстрее прививалась в России и всего торжественнее подхвачена русской либеральной публицистикой именно потому, что она является одним из элементов складывающейся буржуазной (теперь уже сознательно буржуазной) демократии в России.

Что касается политической борьбы в особенности, то именно «классовая точка зрения» требует, чтобы пролетариат *подталкивал* вперед всякое демократическое движение. Рабочая демократия своими политическими требованиями не принципиально, а только по степени отличается от буржуазной демократии. В борьбе за экономическое освобождение, за социалистическую революцию, пролетариат стоит на принципиально ином базисе и стоит одиноко (мелкий производитель лишь постольку, поскольку он переходит или готовится перейти в ряды пролетариата, придет ему на помощь). В борьбе же за политическое освобождение у нас много союзников, безучастно относиться к которым непозволительно. Но в то время, как наши союзники из буржуазной демократии, борясь за либеральные реформы, всегда будут оглядываться назад, стагаясь устроить дело так, чтобы им можно было по-прежнему «есть сытно, спать спокойно и жить весело» на чужой счет, пролетариат пойдет вперед без оглядки до самого конца. Когда какие-нибудь г.г. Р. Н. С. (автор предисловия к записке Витте)³⁸ будут торговаться с правительством о правах властного земства или о конституции, мы будем бороться за демократическую Республику. Не забудем только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плече этого другого. Партия пролетариата

должна уметь ловить всякого либерала как раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставлять его двинуться на аршин. А упрется,—так мы пойдем вперед без него и через него.

Из экономической жизни России.

«Искра» № 17, 15 февраля 1902 года.

Под этим общим заглавием мы намерены периодически помещать, по мере накопления материала, статьи и заметки, посвященные характеристике, с марксистской точки зрения, всех сторон экономической жизни и экономического развития России. Теперь, когда «Искра» начала выходить два раза в месяц, недостаток такого отдела чувствуется особенно сильно. Но мы должны при этом обратить серьезнейшее внимание всех товарищей и сочувствующих нашим изданиям лиц на то, что ведение (сколько-нибудь правильное) этого отдела требует особенно богатого материала, а редакция наша поставлена в этом отношении в исключительно-неблагоприятные условия. Легальный писатель и представить себе не может, о какие иногда элементарнейшие препятствия разбиваются намерения и стремления писателя «подпольного». Не забывайте же, господа, что мы не можем отправиться в Императорскую Публичную Библиотеку, где к услугам журналиста имеются десятки и сотни специальных изданий и местных газет. А ведь материал для экономического отдела, сколько-нибудь приличествующего «газете», т.-е. сколько-нибудь живого, злободневного, интересующего и читателя и писателя,—такой материал разбросан именно по мелким местным газеткам и специальным изданиям, из которых большая часть либо недоступна по цене, либо вовсе не поступает в продажу (издания правительственные, земские, медицинские и т. п.). Поэтому сколько-нибудь правильная постановка экономического отдела возможна *исключительно* при том условии, если *все читатели* нелегальной газеты будут поступать сообразно правилу: «с миру по нитке—голому рубашка». И, преодолевая ложный стыд, редакция «Искры» должна сознаться, что она в этом отношении ходит почитай-что совсем голая. Мы уверены, что масса наших читателей имеет возможность следить и на самом деле следит «для себя» за самыми разнообразными специальными и местными изданиями. Только тогда, когда *каждый* такой читатель *каждый раз*, когда он встретит интересный материал, будет задавать себе вопрос: а есть ли этот материал в редакции *нашей* газеты? что я сделал для того, чтобы ознакомить ее с этим материалом?—только тогда мы добьемся того, чтобы все выдающиеся явления в эко-

номической жизни России оценивались не только с точки зрения казенного, ново-временского виттевского славословия, не только ради традиционного либерально-народнического нытья, а и с точки зрения революционной социал-демократии.

Ну, а теперь,—после этого нелиберального нытья,—теперь перейдем к делу.

1. Сберегательные кассы.

Сберегательные кассы—один из самых излюбленных в последнее время поводов для славословия. Только этим пользуется не одн, виттевское, а также и «критическое» славословие. Давиды³⁹⁾ и Герцы⁴⁰⁾ Черновы⁴¹⁾ и Булгаковы⁴²⁾, Прокоповичи⁴³⁾ и Тотомианцы⁴⁴⁾;—одним словом, все сторонники модной «критики марксизма» (не говоря уже о солидных профессорах, Каблуковых⁴⁵⁾ и Карышевых⁴⁶⁾ на разные лады и голоса вывают: «Толкуют эти ортодоксы о концентрации капитала! Да вот одни уже сберегательные кассы показывают нам децентрализацию капитала. Толкуют о росте нищеты! А на самом деле мы видим рост мелких народных сбережений».

Возьмем присланные нам одним добрым человеком официальные данные о русских сберегательных кассах в 1899 году и присмотримся к ним поближе. Всего в России было в 1899 г. 4.781 государственная сберегательная касса, в том числе 3.718 почтово-телеграфных и 84 фабрично-заводских кассы. За пять лет (с 1895 по 1899 г.) число касс возросло на 1.189, т.-е. на треть. Число вкладчиков за то же время поднялось с 1.664 тысяч до 3.145 т., т.-е. на полтора почти милл. (на 89⁰/₀), сумма денежных вкладов с 330 милл. р. до 608 м. р., т.-е. на 278 м. р. или на 84⁰/₀. Итак, повидимому, гигантский, рост «народных сбережений»?

Но вот какое обстоятельство бросается при этом в глаза. Из литературы о сберегательных кассах известно, что за 80-ые годы и начало 90-х *всего быстрее* шло возрастание суммы вкладов в *голодные* годы, 1891 и 1892. Это—с одной стороны. А с другой—мы знаем, что за весь этот период вообще, за 80-ые и 90-ые годы вместе взятые, на-ряду с ростом «народных сбережений», шел поразительно быстрый и острый процесс обнищания, разорения и голодания крестьянства. Чтобы понять, как могут совмещаться эти противоречивые явления, надо только припомнить, что самую главную особенность экономической жизни России за указанный период представляет *рост денежного хозяйства*. Увеличение же вкладов в сберегательные кассы указывает само по себе вовсе не на рост «народных» сбережений вообще, а лишь

на рост (иногда даже только на стягиванье в центральные учреждения) *денежных* «сбережений». В крестьянстве, напр., при переходе от натурального хозяйства к денежному, вполне возможно *увеличение* денежных сбережений, *при уменьшении* всей суммы «народных» сбережений. Крестьянин старого закала держал свои сбережения в кубышке, когда это были сбережения денежные, а большей частью эти сбережения состояли из хлеба, кормов, холста, дров и т. п. предметов «в натуре». Теперь у разоренного и разоряемого крестьянина нет ни натуральных, ни денежных сбережений, а у ничтожного меньшинства богатеющих крестьян скапливаются денежные сбережения и начинают попадать в государственные сберегательные кассы. Таким образом вполне объясним на-ряду с ростом голодовок рост вкладов, знаменующий не повышение народного благосостояния, а вытеснение старого, самостоятельного крестьянина новой сельской буржуазией, т.-е. зажиточными мужичками, которые не могут вести хозяйство без найма батраков или поденщиков.

Интересным косвенным подтверждением сказанного являются данные о распределении вкладчиков по роду занятий. Данные эти относятся к владельцам почти 3 милл. (2.942 тыс.) книжек с суммой вкладов в 545 милл. руб., средний вклад оказывается равным 185 руб.—как видите, сумма, ясно указывающая на преобладание среди вкладчиков тех, составляющих ничтожное меньшинство русского народа, «счастливицев», которые имеют родовое или благоприобретенное имущество. Самые крупные вкладчики—*духовенство*: 46 м. руб. на 137 т. книжек, т.-е. по 333 р. на книжку. Попечение о спасении души паствы—дело, должно быть, небезвыгодное... Затем—*землевладельцы*: 9 м. р. на 36 т. кн., т.-е. по 268 р. на книжку; далее—*торговцы*: 59 м. р. на 268 т. кн., т.-е. по 222 р. на кн.; потом офицеры—по 219 р. на кн., гражданские чиновники—по 202 р. Лишь на шестом месте стоит «земледелие и сельские промыслы»: 640 т. кн. на сумму 126 м. р., т.-е. по 197 р. на кн.; затем «занятия на частной службе» по 196 р.; «прочие занятия»—по 186 р.; городские промыслы—по 159 р.; «услужение»—по 143 р.; *работа на фабриках и заводах*—по 136 р. и на последнем месте «нижние воинские чины»—по 86 р.

Итак, фабрично-заводские рабочие занимают, в сущности, *последнее* место по размеру сбережения (не считая солдат, содержимых казной!). Даже прислуга имеет более высокий в среднем размер сбережений (143 руб. на кн. против 136 р.) и дает гораздо большее число вкладчиков. Именно: у прислуги 333 тыс. кн. на сумму 48 м. р., а у фабрично-заводских рабочих—157 т. кн. на сумму 21 милл. руб. Пролетариат, создающий все богатства нашей знати и наших тузов, поста-

влен в худшие условия, чем их личная прислуга! Из всего числа русских фабрично-заводских рабочих (не менее двух милл. чел.) только *шестая* приблизительно часть имеет возможность делать хотя бы самые ничтожные вклады в сберегательные кассы,—и это несмотря на то, что у рабочих весь доход исключительно денежный, и им приходится часто содержать семью в деревне, вследствие чего их вклады означают большей частью вовсе не «сбережения» в собственном смысле слова, а просто суммы, *отложенные* до следующей посылки домой и т. п. Мы уже не говорим о том, что в рубрику «работа на фабриках и заводах» попадали, вероятно, конторщики, мастера, надсмотрщики,—одним словом, вовсе не настоящие рабочие.

Что касается до крестьянства,—если считать, что оно главным образом объемлется рубрикой «земледелие и сельские промыслы»,—то у него средний размер сбережений оказывается, как мы видели, более высоким, чем даже у состоящих на частной службе, и значительно превышает средние сбережения «городского промышленника» (т.-е., вероятно, лавочника, ремесленника, дворника и т. п.). Очевидно, эти 640 тыс. крестьян (на все число около 10 милл. дворов или семей) с 126 м. руб. в сберегательных кассах принадлежат исключительно к *крестьянской буржуазии*. К этим и еще разве к ближайше соприкасающимся с ними крестьянам только и относятся те данные о прогрессе сельского хозяйства, о распространении машин, о повышении культуры земли и уровня жизни и т. п.,—данные, которые выдвигают против социалистов г.г. Витте, чтобы доказать «рост народного благосостояния», г.г. либералы (и «критики»),—чтобы опровергнуть «марксистскую догму» о гибели и упадке мелкого производства в земледелии. Эти господа не замечают (или притворяются незамечающими) того, что упадок мелкого производства как раз и выражается в том, что из мелких производителей выдвигается ничтожное число богатеющих на счет разорения массы.

Еще более интересны данные о распределении общего числа вкладчиков по величине их вкладов. В круглых цифрах, это распределение таково: из трех миллионов вкладчиков один миллион имеет вклады до 25 руб. У них всего 7 милл. руб. (из 545 м. р., т.-е. всего 12 копеек из каждых 10 р. общей суммы вкладов!). Средний размер их вкладов—*семь рублей*. Значит, действительно мелкие вкладчики, составляя *треть* общего числа, обладают лишь $\frac{1}{83}$ долей всех вкладов. Далее, вкладчики, имеющие от 25 до 100 руб., составляют пятую часть общего числа (600 тыс.) и имеют всего 36 м. руб.,—в среднем по 55 р. Соединяя оба эти разряда, получаем, что *большие половины* вкладчиков (1,6 милл. из 3 милл.) имеют лишь 42 милл. руб. из 545, т.-е. $\frac{1}{12}$.

Из остальных, состоятельных вкладчиков, один миллион имеет от 100 до 500 руб.—у них всего 209 милл. руб., по 223 руб. на вкладчика: 400 т. вкладчиков имеют каждый свыше 500 р., всего у них 293 м. р.—по 762 руб. на вкладчика. След., эти, очевидно уже богатые, люди, составляя *менее* $\frac{1}{7}$ всего числа вкладчиков, обладают *больше чем половиной* ($54\frac{0}{10}$) всего капитала.

Таким образом, *концентрация капитала* в современном обществе, обездоление массы населения, сказывается с громадной силой даже на таком учреждении, которое специально приспособлено для «меньшого брата», для мало-зажиточного населения, ибо предельный размер вкладов по закону ограничен 1.000 рублей. И заметим, что эта концентрация имущества, свойственная всякому капиталистическому обществу, еще сильнее в передовых странах, несмотря на большую «демократизацию» в них сберегательных касс. Напр., во Франции к 31 дек. 1899 г. было $10\frac{1}{2}$ м. кн. в сберегательных кассах на сумму 4.337 милл. франков (франк немного менее сорока копеек). В среднем на одну книжку это дает 412 франков или около 160 руб., т.-е. *менее* среднего вклада в русские сберегательные кассы. Число мелких вкладчиков во Франции тоже сравнительно больше, чем в России: почти треть вкладчиков ($3\frac{1}{3}$ милл.) имеет вклады величиной до 20 фр. (8 руб.), в среднем по 13 фр. (5 руб.). Всего у этих вкладчиков только 35 милл. франков из общей суммы 4.337 милл., т.-е. $\frac{1}{125}$. Вкладчики, имеющие до 100 фр., составляют немного более половины общего числа (5,3 милл.), а имеют они всего 143 м. фр., т.-е. $\frac{1}{33}$ общей суммы вкладов. Наоборот, вкладчики с 1.000 и более франк. (400 и более рублей), составляя *менее пятой доли* ($18,5\frac{0}{10}$) общего числа вкладчиков, сосредоточивают *более двух третей* ($68,7\frac{0}{10}$) общей суммы вкладов, именно 2.979 м. фр. из 4.337 милл.

Таким образом, читатель имеет теперь перед собой некоторый материал для оценки рассуждения наших «критиков». Один и тот же факт: громадное возрастание вкладов в сберегательные кассы и увеличение в особенности числа мелких вкладчиков толкуют различным образом. «Критик марксизма» говорит: растет народное благосостояние, растет децентрализация капитала. Социалист говорит: «происходит превращение «натуральных» сбережений в денежные, растет число зажиточных крестьян, превращающихся в буржуазию и превращающих свои сбережения в капитал. Еще неизмеримо быстрее растет число крестьян, выталкиваемых в пролетариат, живущий продажей своей рабочей силы и отдающий (хотя бы временно) частички своих крохотных доходов на сбережения в кассы. Многочисленность мелких вкладчиков доказывает именно многочисленность бедноты в капиталисти-

тесном обществе, ибо доля этих мелких вкладчиков в общей сумме вкладов ничтожна.

Спрашивается, чем отличается «критик» от самого дюжинного буржуа?

Пойдем далее. Посмотрим, на какое употребление обращаются и как именно обращаются капиталы сберегательных касс. В России эти капиталы прежде всего усиливают могущество военного и полицейско-буржуазного государства. Царское правительство (как мы уже указывали в передовой статье № 15 «Искры») распоряжается этими капиталами так же бесконтрольно, как и всем остальным, попадающим в его руки имуществом народа. Оно преспокойно «занимает» из этих капиталов сотни миллионов на оплату своих китайских экспедиций, на подачки капиталистам и землевладельцам, на перевооружение войска, расширение флота и проч. Так, напр., в 1899 г. из всей суммы 679 милл. руб. в сберегательных кассах 613 милл. руб. находились в процентных бумагах, а именно: 230 милл. в *государственных займах*, 215 милл. в закладных листах земельных банков и 168 милл. в железнодорожных займах.

Казна делает очень выгодный «гешефт»: во-первых, она покрывает все расходы по сберегательным кассам и получает чистую прибыль (до сих пор обращавшуюся в запасный капитал сберегательных касс); во-вторых, она *заставляет* вкладчиков покрывать недочеты нашего государственного хозяйства (заставляет их давать казне деньги взаймы). Средним числом с 1894 по 1899 г. взносы денег в сберегательные кассы составляли по 250 м. р. в год, а выдачи—по 200 м. р. *По пятидесяти миллионов* получается, след., ежегодно на заштопыванье путем займов дыр в мощне государственной казны, которой только разве ленивый не расхищает. Чего тут бояться дефицита от разбрасыванья денег на войны да на подачки придворным прихвостням, помещикам да фабрикантам! Из «народных сбережений» можно покрыть всегда порядочную сумму!

В скобках заметим, что выгодный гешефт казна делает отчасти потому, что процент по денежным вкладам она неуклонно понижает, и этот процент стоит ниже процента по бумагам. Напр., в 1894 году процент по денежным вкладам равнялся 4,12%, по бумагам—4,34%; в 1899 г.—3,92% и 4,02%. Понижение процента есть, как известно, явление общее всем капиталистическим странам и доказывающее, наиболее наглядным и рельефным образом, рост крупного капитала и *крупного производства на счет мелкого*, ибо размер процента определяется в последнем счете отношением между всей суммой прибыли и всей суммой вносимого в производство капитала. Точно так же нельзя

обойти молчанием и того, что казна все сильнее эксплуатирует труд почтово-телеграфных чиновников: прежде они ведали только почту, потом прибавили телеграф, теперь взвалили на них же и операции по приему и выдаче сбережений (вспомним, что из 4.781 кассы—3.718 почтово-телеграфных). Страшное усиление напряженности работы, удлинение рабочего дня,—вот что означает это для массы мелких почтово-телеграфных служащих. А насчет платы им казна скаредничает, как самый прижимистый кулак: самым низшим начинающим служащим платятся буквально *голодные* платы, и затем установлена бесконечная градация степеней с надбавкой по четвертачку или полтинничку, при чем перспектива грошевой пенсии после сорока-пятидесяти лет лямки должна еще крепче закабалить этот настоящий «чиновнический пролетариат».

Но вернемся к употреблению капиталов касс. Мы видели, что 215 м. р. кассы вкладывают (по воле российского правительства) в закладные листы земельных банков и 168 м. р. в жел.-дорожные займы. Этот факт подал повод еще к одному, весьма распространенному в последнее время, проявлению буржуазного... то-бишь «критического» глубокомыслия. В сущности, ведь,—говорят нам Бернштейны, Герцы, Черновы, Булгаковы и им подобные,—этот факт означает, что мелкие вкладчики в сберегательные кассы становятся *собственниками железных дорог, владельцами закладных на землю*. На самом деле, дескать, даже такие чисто капиталистические и колоссально-крупные предприятия, как железные дороги и банки, все более децентрализуются, раздробляются, переходят в руки мелких собственников посредством покупки ими акций, облигаций, закладных листов и т. п., на самом деле растет число имущих, число собственников,—а эти узкие марксисты носятся с устарелой теорией концентрации и теорией обнищания. Если, наприм., русские фабрично-заводские рабочие имеют, по статистике, 157 тыс. книжек в сберегательных кассах на сумму 21 милл. руб., то около 5 милл. руб. из этой суммы вложено в железно-дорожные займы, около 8 м. р. в закладные листы земельных банков. Значит, русские фабрично-заводские рабочие оказываются на целых пять милл. рублей собственниками жел. дорог и на целых восемь миллионов землевладельцами. Вот и толкуйте тут о пролетариате! Значит, рабочие эксплуатируют землевладельцев, ибо в виде процентов по закладным листам они получают частичку ренты, т.-е. частичку прибавочной стоимости.

Да, именно таков ход рассуждений у новейших критиков марксизма... И — знаете ли что? — я готов, пожалуй, согласиться с тем широко распространенным мнением, что «критику» надо приветство-

вать, ибо она внесла движение в застоявшееся, якобы, учение, — готов вот на каком условии. Французские социалисты изощряли в свое время свои пропагандистские и агитаторские способности на разборе софизмов Бастиа ⁴⁷⁾, немецкие — на распутывании софизмов Шульце-Делича ⁴⁸⁾, нам же, русским, досталась, очевидно, на долю *пока* только компания «критиков». Так вот, я готов кричать: «да здравствует критика!» — *под условием*, чтобы мы, социалисты, *как можно шире* вносили в свою пропаганду и *агитацию среди масс* разбор всех буржуазных софизмов модной «критики». Согласны на это условие? — так по рукам! Кстати, буржуазия наша все больше отмалчивается, предпочитая защиту царских архангелов защите буржуазных теоретиков, и нам очень удобно будет брать «критиков» в качестве «адвокатов дьявола».

Через посредство сберегательных касс все большее число рабочих и мелких производителей становится участником крупных предприятий. Это факт несомненный. Но доказывает этот факт не возрастание числа собственников, а: 1) рост обобществления труда в капиталистическом обществе и 2) растущее подчинение мелкого производства крупному. Возьмите малоимущего русского вкладчика. Имеющих до 100 руб. больше половины, как мы видели, именно 1.618 тыс. с капиталом в 42 милл. руб., т.-е. по 26 р. на вкладчика. Этот вкладчик, значит, руб. на 6 «владеет» железными дорогами, руб. на 9 — «земельным имуществом». Становится ли он от этого «имущим» или «собственником»? Нет, он остается пролетарием, вынужденным продавать свою рабочую силу, т.-е. идти в рабство к собственникам средств производства.

«Участие» же его в «железнодорожном и банковом деле» доказывает только, что капитализм все теснее переплетает между собой отдельных членов общества и отдельный класс. Взаимозависимость между отдельными производителями была совершенно ничтожна при патриархальном хозяйстве; теперь она становится все больше. Труд становится все более общественным, предприятия все менее «частными», оставаясь все же *почти всецело* в руках частных лиц.

Своим участием в крупном предприятии мелкий вкладчик, несомненно, *сплетается* с этим предприятием. Кто извлекает пользу от этого сплетения? — Крупный капитал, который расширяет свои операции, платя мелкому вкладчику не более (а часто менее), чем всякому заимодавцу, и *будучи тем более независим* от мелкого вкладчика, чем эти вкладчики *мельче* и раздробленнее. Мы видели, что доля мелких вкладчиков даже в капитале сберегательных касс крайне мала. Насколько же ничтожна она в капитале железнодорожных и банковых воротил? Отдавая этим воротилам свои крохи, мелкий вкладчик тем самым попадает в *новую зависимость* от крупного капитала. О распо-

ряжении этим крупным капиталом ему нечего и думать; «прибыль» его до смешного мала (на 26 руб. по 4⁰/₀ = 1 рубль в год!). А вот зато в случае краха, он теряет целиком даже и жалкие крохи. Не раздробление крупного капитала означает обилие этих мелких вкладчиков, а *усиление могущества крупного капитала*, получающего в свое распоряжение даже мельчайшие крохи «народных» сбережений. Не более самостоятельным хозяином становится мелкий вкладчик от участия в крупном предприятии, а *более* зависимым лицом от крупного хозяина.

Не успокоительный филистерский вывод о росте числа имущих вытекает из увеличения числа мелких вкладчиков, а революционный вывод об усилении зависимости мелких от крупных, об обострении противоречия между все более обобществляющимся характером предприятий и сохранением частной собственности на средства производства. Чем больше развиваются сберегательные кассы, тем больше становится заинтересованность мелких вкладчиков в социалистической победе пролетариата, которая одна только сделает их не фиктивными, а настоящими «участниками» и распорядителями общественного богатства

Письмо к земцам.

«Искра» № 18, 10 марта 1902 года.

Приводим полностью гектографированное письмо к земским деятелям, которое ходило по рукам во время последней сессии земских собраний (в наши руки оно попало, *к сожалению*, только в самое последнее время).

«Милостивый Государь!

Тяжкие условия, в которые поставлены в настоящее время Россия, русский народ и русское земство, побуждают обратиться к Вам, милостивый государь, с настоящим письмом в предположении встретить с Вашей стороны сочувствие высказанным здесь мыслям и намерениям.

Длинный ряд печальных и возмутительных фактов, молчаливыми свидетелями которых мы были за последнее время, мрачной тучей тяготеет над общественной совестью, и перед каждым интеллигентным человеком ребром ставится роковой вопрос: возможно ли далее политически бездействовать и пассивно участвовать в прогрессирующем обнищании и развращении родины?

Хронические неурожай и непосильное податное бремя, в виде выкупных платежей и неокладных сборов, буквально разорили народ, вырождая его физически.

Фактическое же лишение крестьянства всякого признака самоуправления, мелочная опека официальных и добровольных представителей «твердой власти» и искусственная умственная голодовка, в которой держат народ непрощенные блюстители «самобытных и законных начал», ослабляют его духовную мощь, его самостоятельность и энергию.

Производительные силы страны нагло расхищаются отечественными и иноземными деятелями при милостивом содействии играющих судьбами родины авантюристов. Тщетно «благодетельное правительство» рядом одно другому противоречащих и наскоро придуманных мероприятий силится заменить живую и планомерную борьбу экономических групп страны. Попечительное «содействие» и «усмотрение» бессильны перед зловещими предтечами хозяйственного и финансового банкротства России: земледельческим, промышленным и денежным кризисами—блестящими результатами политики случая и авантюры. Печать задущена и лишена возможности пролить свет хотя бы на часть преступлений, ежечасно совершаемых защитниками порядка над свободой и честью русских граждан. Один произвол, бессмысленный и жестокий, властно возвышает свой голос и царит на всем необъятном пространстве разоренной, униженной и оскорбленной родной земли, не встречая нигде должного отпора.

При таком положении вещей вполне естественно систематическое недоверие правительства к малейшим проявлениям частной и общественной инициативы, к деятельности всякого рода общественных союзов и, в частности, к земским учреждениям,—этому камню, на котором Россия 60-х г.г. чаяла видеть утверждение нового царства. Торжествующей бюрократией земские учреждения осуждены на медленную смерть, и каждый год несет новый удар их жизнедеятельности, их значению и авторитету в глазах общества и народа, который почти не отличает земства от чиновной администрации. Земские собрания превращены в сословно-бюрократические совещания, вопреки ясно выраженному протесту всех прогрессивных групп страны, и потеряли всякую связь с массою русского народа. Земские управы становятся придатками губернаторских канцелярий и, теряя в самостоятельности, постепенно приобретают все недостатки присутственного места. Земские избирательные собрания пизведены до какой-то комедии. Малочисленность избирателей и деление последних на сословные группы, не давая собраниям возможности служить средством для выражения, в лице избранных гласных, различных общественных интересов, превращают их в арену борьбы мелких и личных самолюбий

Пределы ведения земских учреждений ограничиваются постепенно, но неуклонно. Продовольственное дело из компетенции земства изъято. В деле оценки земство превращено в исполнителя чиновных распоряжений. В области народного образования роль земства сведена почти к нулю. Выработанный министерством Горемыкина врачебный устав формально не отменен и, словно Дамоклов меч, висит над земской медициной. Черный призрак наказа училищным советам, повидимому, рассеялся. Но земство ничем не гарантировано от нового появления этого призрака, но уже воплощенного в форму закона, и связанной с ним окончательной гибели земской народной школы. Взаимные сношения земских учреждений разных губерний, необходимость которых стала избитым общим местом, встречают новые затруднения в последнем циркуляре министерства вн. дел по этому предмету. Каждый шаг земства, как общественного учреждения, связан сложной паутиной многочисленных циркуляров различных министров, и земскому деятелю при проведении в жизнь той или другой меры приходится затрачивать не мало времени, энергии и остроумия на благодарный труд распутывания этой паутины. Пресловутая 87 ст. Земск. Полож., и особенно ее второй пункт, отдаст всю деятельность земства на усмотрение губернатора. Губернаторские ревизии земских управ все учащаются; в лице непременных членов губернского по земским делам присутствия правительство бесцеремонно учреждает гласный надзор за земством. Изданием закона о предельности земского обложения правительство открыто признается в своем крайнем недоверии к основному праву земства — праву самообложения. Благодаря вмешательству деп. полиции, от земской деятельности насильно отрываются лучшие земские работники, выборные и наемные. В недалеком будущем, вероятно, получат силу закона министерские проекты о контролировании денежных операций земства чинами Государственного Контроля и об упорядочении деятельности земских совещательных комиссий. Земские ходатайства не только не удовлетворяются, но даже не рассматриваются установленным для того порядком и небрежно отклоняются единоличною властью министров. Работать при таких условиях в земстве с серьезной верой в плодотворность этой работы представляется невозможным. И на наших глазах происходит процесс все увеличивающегося оскудения земской среды и в особенности земских исполнительных органов — управ. Уходят из земства люди, горячо преданные земскому делу, но утратившие веру в плодотворность работы при нынешних условиях. И на смену им идет земец новой формации, идет оппортунист, трусливо дрожащий за имя, за форму земских учреждений и окончательно унижающий их достоинство

уродливым пресмыканием перед администрацией. В результате получается то внутреннее разложение земства, которое гораздо хуже формального уничтожения самоуправления. Открытый поход правительства против самой идеи земства мог бы привести к широкому общественному возбуждению, которого так боится бюрократия. Но на наших глазах происходит замаскированное умерщвление принципа самоуправления и, к несчастью, не находит организованного отпора.

При таком положении вещей сравнительная ничтожность материальных итогов земской деятельности нисколько не восполняется ее воспитательным значением, и почти сорокалетняя работа земских учреждений в смысле развития гражданственности, общественного самосознания и самодеятельности может пропасть бесследно для ближайшего будущего. С этой точки зрения, спокойное, покорное ожидание оппортунистов-земцев только содействует бесславной бесполезной смерти великой идеи земских учреждений. Вывести земство из того тупика, куда привела их система опеки, возможно лишь, энергично борясь против нелепой мысли, что обсуждение вопросов, выходящих за пределы мелочей местной жизни, грозит народными бедствиями. Борьбаться с этим жупелом, страшным, конечно, не для народа и государственной безопасности, с этой мыслью, нелепость которой цинично признается самими ее защитниками (см. конфиденциальную записку Витте «Самодержавие и Земство») — земству надлежит путем открытого и смелого обсуждения в земских собраниях вопросов общегосударственного значения, тесно связанных с нуждами и пользами местного населения. И чем разностороннее, полнее и энергичнее будут земские собрания обсуждать подобного рода вопросы, тем с большей ясностью обнаружится, что публичное обсуждение народных зол не грозит народными бедствиями, а, наоборот, предупреждает их, что тот гнет, под которым находится в настоящее время печать, полезен лишь врагам народа, что господствующей полицией мысли и слова нельзя создать честных граждан, что законность и свобода не находятся в противоречии друг с другом. Публичное выяснение всех подобных вопросов одновременно в нескольких губернских земских собраниях встретит, несомненно, сильнейшее сочувствие всех слоев народа и вызовет энергичную работу общественной совести. Если же земство ничем не реагирует на современное критическое состояние России, то, конечно, г.г. Сипягины и Витте, отняв у него роль представителя интересов труда, не задумаются привести его в окончательное «соответствие» с общим строем учреждений империи. Какие формы примет это «соответствие», мы, принимая

во внимание глубокомыслие и изобретательность теперешних правителей страны, положительно затрудняемся себе представить. Ведь хватило же наглости у г. мин. вн. дел и удивительного презрения к «первенствующему» сословию империи, чтобы возложить на его избранников — предводителей дворянства — гнусную роль шпионов по надзору за чтецами и существом народных чтений.

По изложенным соображениям мы полагаем, что наше бездействие и дальнейшее смиренное подчинение всем экспериментам, которым бюрократия подвергает земство и всю Россию, представляется не только своего рода самоубийством, но и тяжелым преступлением перед родной страной. Неосновательность, безумие тактики оппортунизма — эта продажа «первородства» за «чечевичную похлебку» — достаточно доказаны нам жизнью: самодержавная бюрократия, присвоив сначала право первородства, отняла теперь у нас и «чечевичную похлебку». Шаг за шагом у нас отняты почти все наши гражданские права, и сорокалетие, протекшее со времени начала «великих реформ», привело нас к тому же пункту, из которого мы вышли 40 лет тому назад, приступая к этим реформам. Много ли осталось нам терять, и чем может быть оправдано наше дальнейшее молчание, чем может быть объяснено оно, кроме позорной трусости и полного отсутствия сознания своих гражданских обязанностей?

Как русские граждане, и притом «на верху» стоящие, мы обязаны отстаивать права русского народа, обязаны дать надлежащий ответ самодержавной бюрократии, стремящейся задавить малейшее проявление свободы и самостоятельности в народной жизни и обратить весь русский народ в покорного раба. Как земцы, мы в особенности обязаны отстаивать права земских учреждений, защищать их от произвола и гнета бюрократии, отстаивать их право на самостоятельность и широкое удовлетворение потребностей всех слоев народа.

Перестанем же молчать подобно провинившемуся школьнику; докажем, наконец, что мы взрослые граждане, и будем требовать того, что нам принадлежит по праву — нашего права «первородства», наших гражданских прав.

Самодержавная бюрократия никогда ничего не дает добровольно, а дает только то, что у нее вынудят, хотя и старается притом сделать такой вид, будто она поступает своими «правами» единственно из великодушия. Если же и случится ей дать более того, что у ней было вынуждено, то она немедленно отнимает все излишние уступки, как и случилось с нашими «великими реформами». Правительство не позаботилось о рабочих до тех пор, пока перед ним не встало серьезное «рабочее движение» в форме демонстрации многотысячных рабочих

масс, тогда оно спешно приступило к «рабочему законодательству», хотя и достаточно лицемерному, но все-таки рассчитанному на то, чтобы удовлетворить хотя кое-какие требования рабочих и успокоить эти грозные массы. Правительство в течение десятков лет калечило нашу учащуюся молодежь, наших сестер, братьев и детей, не допуская ни малейшей критики придуманной им «учебной системы» и свирепо подавляя студенческие «беспорядки».

Но вот эти «беспорядки» превратились в массовую забастовку, академическая машина остановилась, и бюрократия прониклась вдруг горячим чувством «сердечного попечения» об учащейся молодежи, и те самые требования, на которые вчера еще единственным ответом был свист казацкой нагайки, сегодня провозглашаются правительственной программой «реформы учебного дела».

Конечно, и в этой метаморфозе есть немалая доля лицемерия, а все-таки... все-таки не подлежит сомнению тот факт, что «бюрократия» вынуждена открыто признать и сделать довольно существенную уступку общественному мнению. И мы, как и все русское общество, весь русский народ, мы можем рассчитывать на признание и осуществление наших прав только в том случае, если будем смело, открыто, дружно и настойчиво требовать этих прав..

Ввиду всех этих соображения, мы решили обратиться с настоящим письмом к Вам, мил. гос., и ко многим другим земским деятелям всех губернских земств — с просьбой оказать содействие в настоящую сессию губернских земских собраний возбуждению, обсуждению и принятию соответственных постановлений по нижеследующим вопросам.

1. О пересмотре положения о земских учреждениях и об изменении его в смысле:

а) предоставления одинаковых избирательных прав всем группам населения без всяких сословных различий при условии значительного понижения имущественного избирательного ценза; б) устранения из состава земства сословных представителей, как таковых; в) освобождения земства по всех его действиях от опеки администрации, предоставления земству полной самостоятельности во всех местных делах, при условии подчинения его законам страны на общих основаниях со всеми прочими лицами и учреждениями; г) расширения компетенции земства предоставлением ему полной самостоятельности в заботах о всех местных пользах и нуждах, поскольку они не нарушают интересов всего государства; д) отмены закона о предельности земского обложения; е) предоставления земству самых широких прав в деле распространения всеми способами народного образования,

при чем, кроме хозяйственных забот, земству должно быть предоставлено и право наблюдения и улучшения учебной части; ж) отмены вышеупомянутого врачебного устава, угрожающего земской медицине; з) возвращения в руки земства продовольственного дела, а равно и предоставления ему полной самостоятельности в организации и ведении земско-статистического оценочного дела; и) ведения всего земского дела исключительно через выборных земских людей, которые не должны подлежать утверждению администрации, а тем более не должны быть назначаемы помимо воли земских собраний; i) предоставления права земству приглашать земских служащих исключительно по своему усмотрению без утверждения администрации; к) предоставления земству права свободно обсуждать все общегосударственные вопросы, имеющие отношение к местным пользам и нуждам, при чем возбуждаемые земством ходатайства обязательно должны быть рассматриваемы высшими правительственными учреждениями в течение определенного срока; л) предоставления всем земствам права сноситься между собой, а равно устраивать съезды земских представителей для обсуждения вопросов, касающихся всех или нескольких земств.

II. О пересмотре и изменении Пол. о крестьянах в смысле полного уравнивания их прав с правами прочих сословий.

III. Об изменении податной системы в смысле уравнивания податного бремени посредством прогрессивного обложения доходности имуществ при условии освобождения от обложения известных минимальных доходов.

Крайне желательно также, чтобы в земских собраниях были подняты и обсуждены вопросы:

IV. О восстановлении повсеместно мировых судебных учреждений, а равно и об отмене всех законов, ограничивающих компетенцию суда присяжных.

V. О предоставлении большей свободы печати, о необходимости уничтожения предварительной цензуры, об изменении цензурного устава в смысле определенного и точного указания того, что дозволено и чего нельзя печатать, об уничтожении административного произвола в цензурной практике и о передаче всех дел о преступлениях в печати исключительно ведению гласного суда общих судебных установлений.

VI. О пересмотре существующих законов и министерских распоряжений относительно мер охранения государственной безопасности, об устранении в этой области тайного административного «усмотрения» и о гласном рассмотрении всех дел подобного рода в общих судебных учреждениях.

Полагая, что Вы не откажете содействовать в нашем губернском собрании возбуждению указанных общих вопросов, мы имеем честь выразить Вам нашу просьбу о сообщении могущего быть постановления земского собрания по возможности во все земства через знакомых или известных Вам гласных. Мы надеемся также, что в большей части земств найдется достаточное количество смелых и энергичных людей, которые сумеют провести эти требования через земские собрания. И если мы все единодушно, открыто и в категорической форме предъявим наши справедливые требования, то бюрократия вынуждена будет уступить, как уступает она всегда, когда встречается со сплоченною сознательною силою.

Старые земцы».

Это очень поучительное письмо. Оно показывает, как даже людей, мало способных к борьбе и всего более поглощенных мелкой практической работой, сама жизнь заставляет выступать *против* самодержавного правительства. И если сравнить его письмо с таким, напр., произведением, как предисловие г. Р. Н. С.⁴⁹⁾ к записке Битте, то первое, на мой взгляд, производит лучшее впечатление.

В письме нет, правда, сколько-нибудь «широких» политических обобщений, — но ведь авторы его и выступают не «с программными» заявлениями, а с скромным советом, как *практически* начать агитацию. Нет у них «полета мысли» даже настолько, чтобы прямо сказать о политической свободе, но зато нет и фраз о близких к престолу лицах, которые могли бы, пожалуй, повлиять на царя. Зато нет у них и фальшивого превознесения «деяний» Александра II, а, напротив, сквозит насмешка над «великими реформами» (в кавычках). Зато они находят в себе прямоту и мужество, чтобы решительно восстать против «земцев-оппортунистов», не боясь объявить войну «позорной трусости», не подделываясь к особенно отсталым либералам.

Мы не знаем пока, какой успех имело воззвание старых земцев, но почин их кажется нам во всяком случае заслуживающим полной поддержки. Оживление земского движения в последнее время представляет из себя вообще чрезвычайно интересное явление. Авторы письма сами указывают, как расширялось движение, начатое рабочими, распространившееся на студентов, подхватываемое теперь земцами. Все эти три общественные элемента располагаются таким образом в правильном порядке по мере уменьшения их численной силы, их общественной подвижности, их социально-политического радикализма, их революционной решимости.

Тем хуже для нашего врага. Чем менее революционные элементы восстают против него, — тем лучше для нас, безусловных противников самодержавия и всего современного экономического строя.

Пошлем же привет новым протестантам, — а след., и новым нашим союзникам. Поможем им.

Вы видите: они бедны; они выступают только с маленьким листком, изданным хуже рабочих и студенческих листов. Мы богаты. Опубликуем его печатно. Огласим новую пощечину царям-Обмановым. Эта пощечина тем интереснее, чем «солиднее» люди, ее дающие.

Вы видите: они слабы; у них так мало связей в народе, что их письмо ходит по рукам, точно и в самом деле копия с частного письма. Мы — сильны, мы можем и должны пустить это письмо «в народ» и прежде всего в среду пролетариата, готового к борьбе и начавшего уже борьбу за свободу всего народа.

Вы видите: они робки, они только еще начинают расширять свою профессионально-земскую агитацию. Мы смелее их, наши рабочие уже пережили «стадию» (навязанную им стадию) одной только профессионально-экономической агитации. Покажем же им пример борьбы. Ведь если рабочие боролись за такое требование, как отмена «Временных правил», — чтобы выразить протест против самодержавия, — то не менее значительным поводом может явиться и надругательство администрации над каким-ни-на-есть, а все же «самоуправлением».

Но тут останавливают нас всякие, явные и тайные, сознательные и бессознательные, сторонники «экономизма». — Для кого нужна поддержка рабочими земцев? спрашивают они нас. Не для земцев ли только? Не для людей ли, которые недовольны, быть может, лишь тем, что правительство больше ласкает промышленных, чем сельских предпринимателей? Не для одной ли буржуазии, пожелания которой не идут дальше «живой борьбы экономических групп страны»?

Для кого? Да прежде всего и больше всего для *самого рабочего класса*. Этот «единственный действительно революционный класс» современного общества не был бы на деле революционным, если бы он не пользовался *всяким* поводом для нанесения нового удара своему злейшему врагу. И слова о политической агитации и политической борьбе в наших заявлениях и программах были бы пустым звуком, если бы мы упускали те благоприятные случаи для борьбы, когда с этим врагом начинают ссориться даже его вчерашние (60-ые годы), а отчасти и нынешние (оппортунисты-земцы и крепостники-помещики) союзники.

Давайте же внимательно следить за земской жизнью, за ростом и расширением (или упадком и сужением) новой волны протеста.

Постараемся давать рабочему классу побольше знакомства с историей земства, с уступкой правительства обществу в 60-х годах, с лживыми речами царей и их тактикой: сначала давать «похлебку» вместо «права первородства», — а потом (опираясь на это сохраненное ими «право первородства») отнимать и самое похлебку. Пусть рабочие учатся распознавать эту исконную полицейскую тактику во всех ее проявлениях. Это распознавание необходимо и для нашей борьбы за *наше* «право первородства», за свободу для борьбы пролетариата против *всякого* экономического и социального угнетения. Будемте читать рабочим на кружковых собраниях о земстве и его отношениях к правительству, будемте пускать листки по поводу земских протестов, будем готовиться к тому, чтобы на всякое поругание сколько-нибудь честной земщины царским правительством пролетариат мог ответить демонстрациями против помпадуров-губернаторов, башибузуков-жандармов и иезуитов-цензоров. Партия пролетариата должна научить преследовать и травить *всякого* слугу самодержавия за *всякое* насилие и бесчинство против какого бы то ни было общественного слоя, какой бы то ни было нации или расы.

Из партии.

«Искра» № 19, 1 апреля 1902 года.

«Группа Инициаторов» ⁵⁰⁾, о которой я рассказываю в брошюре «Что делать?», стр. 141, просит меня сделать следующую поправку к изложению ее участия в попытке примирения заграничных социал-демократических организаций: «Из трех членов этой группы только один вышел из «Союза» ⁵¹⁾ в конце 1900 года, остальные же в 1901 году, лишь после того, как они убедились в невозможности добиться от «Союза» согласия на конференцию с заграничной организацией «Искры» и «Революционной организацией Социал-Демократ» ⁵²⁾, — в чем и состояло предложение «Группы Инициаторов». Это предложение администрация «Союза» сначала отвергла, мотивируя свой отказ от конференции «некомпетентностью» лиц, входящих в состав посреднической «Группы Инициаторов», при чем выразила желание войти в непосредственные сношения с заграничной организацией «Искры». Вскоре, однако, администрация «Союза» известила «Группу Инициаторов», что она после появления первого номера «Искры», в котором напечатана заметка о расколе в «Союзе», изменила свое решение и не желает входить в сношения с «Искрой». Как объяснить после этого заявление члена администрации «Союза», что отказ «Союза» от кон-

ференции был вызван *исключительно* недовольством последнего составом «Группы Инициаторов»? Правда, непонятно также согласие администрации «Союза» на конференцию в июне прошлого года: ведь заметка в первом номере «Искры» осталась в силе, а «отрицательное» отношение «Искры» к «Союзу» еще яснее выступило в первой книжке «Зари» и 4-м номере «Искры», появившихся до июньской конференции.

Проект программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

(выработанный редакцией «Искры» и «Зари»).

«Искра» № 21, 1 июня 1902 года.

Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая свою партию одним из отрядов всемирной армии пролетариата, русская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

Эта конечная цель определяется характером буржуазного общества и ходом его развития. Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский

труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще больше увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному или даже абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обуславливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растут число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплуататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, т.-е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит

все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров.

Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи, как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, на каждом шагу встречаются еще остатки нашего старого, до-капиталистического общественного порядка, который основывался на закреплении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплуатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и несправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению

и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его республикой на основе демократической конституции, обеспечивающей:

1) самодержавие народа, т.е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа;

2) всеобщее равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всякого гражданина, достигшего 20 лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные собрания; жалование народным представителям;

3) неприкосновенность личности и жилища граждан;

4) неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек, союзов;

5) свободу передвижения и промыслов;

6) уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии и расы;

7) признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства;

8) предоставление всякому гражданину права преследовать всякого чиновника пред судом без жалобы по начальству;

9) замену постоянного войска всеобщим вооружением народа;

10) отделение церкви от государства и школы от церкви;

11) даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет. Снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует: *отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.*

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

1) ограничения рабочего дня 8-ю часами в сутки для всех наемных рабочих;

2) установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 36 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства;

3) полного запрещения сверхурочных работ;

4) воспрещения ночного труда (от 9 ч. вечера до 5 ч. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями;

5) воспрещения предпринимателям пользоваться наемным трудом детей до 16-летнего возраста;

6) воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождения рожениц от работы в течение 2-х недель до и 4-х недель после родов;

7) установления законом гражданской ответственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности к труду, происшедшую вследствие несчастных случаев или вредных условий производства, и освобождения рабочего от обязательства доказывать, что потеря эта произошла по вине капиталиста;

8) воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты по всем договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время;

9) выдачи государственной пенсии престарелым рабочим;

10) увеличения числа фабричных инспекторов; назначения инспектрис в тех отраслях, где преобладает женский труд; надзора выбранных рабочими и оплаченных государством представителей за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценок и браковкой товаров;

11) надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их внаймы, — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан;

12) учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, и бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей;

13) распространения надзора фабричной инспекции на все отрасли народного хозяйства и на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая и казенных;

14) установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда;

15) запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.);

16) учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей;

17) возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

В целях же устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, партия будет добиваться:

1) отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие;

2) отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель;

3) возвращения народу денежных сумм, взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей: конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений; а равно обложения особым налогом земель крупных землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой, и обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4) учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук в руки — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства;

5) предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Стремясь к достижению своих ближайших политических и экономических целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

С своей стороны, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь *путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всем народом* ⁵³).

* * *

Нам нечего здесь распространяться о том, каково значение программы в деятельности политической партии. Только объединенная общей программой партия может вести планомерную и плодотворную работу в интересах дела, которому служит; только формулировав в стройной программе свое общее социально-политическое мировоззрение и предъявляемые ею к современному обществу политические требования, партия пролетариата может вести глубокую и успешную пропаганду революционного социализма и внести объединяющую струю в широкое народное движение против существующего строя. Без политической программы нет еще, строго говоря, политической партии, имеются на-лицо только элементы слагающейся партии.

Русское социал-демократическое движение, так неудержимо широко разлившееся за последние годы и в силу этой самой широты своего развития пережившее так много внутренних кризисов, — русское социал-демократическое движение уже давно стоит перед неотложной задачей действительного партийного объединения. Не решив этой задачи, оно рискует потерять уже завоеванную им позицию в русской общественной жизни — к невыгоде как для интересов пролетариата, так и для дела русской свободы.

«Прежде чем объединиться, нам необходимо сначала размежеваться», писала «Искра» 1¹/₂ года назад при первом своем выступлении перед читателями. Появившись в момент одного из самых глубоких внутренних кризисов, переживавшихся нашим движением, «Искра» и «Заря» должны были выдвинуть на первый план задачу *подготовки элементов единства в нашей партии путем идейной борьбы за очищение пролетарского движения от всех чуждых, историческими судьбами привнесенных в него, элементов.*

Поскольку упомянутый идейный кризис, переживавшийся движением, начинает, видимо, приходить к концу, поскольку логика революционной борьбы сильней логики печатного слова внедряет в сознание временно забытые истины революционной социал-демократии, постольку мы можем надеяться на близость окончательного объединения партии. И мы думаем, что процесс выработки партийной

программы сам по себе сделает много для этого окончательного объединения.

Программа партии должна выражать коллективную мысль партии. Это значит, что в выработке ее должны принять участие все действующие группы партии. И обсуждение предлагаемого проекта в разных группах и кружках должно послужить прекрасной школой политического воспитания для местных деятелей.

Печатая свой проект, мы рассчитываем на то, что каждый социал-демократический комитет, каждый рабочий кружок, каждая примыкающая к социал-демократии группа интеллигентов сочтут своим долгом обсудить его и в той или иной форме определить свое отношение к нему. Мы просим товарищей не медлить с этим делом, ибо на II съезде партии, необходимость созыва которого при нынешних обстоятельствах может представиться каждую минуту, программа партии должна быть утверждена.

Все критические замечания, проекты поправок, резолюции и т.п., присланные в нашу редакцию, будут, по мере возможности, печататься в «Искре» или «Заре»; все же, не нашедшее себе места в печати, будет нами представлено на II съезд партии.

В ряде статей в «Заре» и в «Искре» мы рассчитываем дать подробную обосновку предлагаемого нами проекта.

Революционный авантюризм.

I.

«Искра» № 23, 1 августа 1902 года.

Мы переживаем бурные времена, когда история России шагает вперед семимильными шагами, каждый год значит иногда более, чем десятилетия мирных периодов. Подводятся итоги полустолетия пореформенной эпохи, закладываются камни для социально-политических построек, которые будут долго-долго определять судьбы всей страны. Революционное движение продолжает расти с поразительной быстротой, — и «наши направления» созревают (и отцветают) необычайно быстро.

Направления, имеющие солидные основания в классовом строе такой быстро развивающейся капиталистической страны, как Россия, пахоты почти сразу «свою полочку» и нащупывают родственные им классы. Пример: эволюция г-на Струве, с которого революционеры-рабочие всего 1½ года тому назад предлагали «сорвать маску» марксиста и который уже теперь выступил без маски сам, как вождь (или

прислужник?) либеральных помещиков, гордых своей почвенностью и трезвенностью. Наоборот, направления, выражающие только традиционную неустойчивость воззрения промежуточных и неопределенных слоев интеллигенции, стараются заменить сближение с определенными классами тем более шумным выступлением, чем громче гремят события. «Шумим, братец, шумим» — таков лозунг многих революционно настроенных личностей, увлеченных вихрем событий и не имеющих ни теоретических, ни социальных устоев.

К таким «шумным» направлениям принадлежат и «социалисты-революционеры», физиономия которых вырисовывается все яснее и яснее. И пора уже пролетариату внимательно присмотреться к этой физиономии, отдать себе точный отчет в том, что представляют из себя в действительности люди, которые тем настойчивее ищут его дружбы, чем ощутительнее становится для них невозможность существовать, как особому направлению, без тесного сближения с действительно революционным общественным классом.

Троякого рода обстоятельства всего более посодействовали выяснению настоящей физиономии соц.-революционеров. Это, во-первых, раскол между революционной соц.-демократией и оппортунизмом, поднимающим голову под знаменем «критики марксизма». Это, во-вторых, убийство Балмашевым ⁵⁴⁾ Сипягина и новый поворот к террору в настроении некоторых революционеров. Это, в-третьих и главным образом, новейшее движение в крестьянстве, заставившее людей, привыкших сидеть между 2-х стульев и не имеющих никакой программы, выступить *post factum* хоть с чем-нибудь, похожим на программу. Рассмотрим все эти три обстоятельства, оговариваясь, что в газетной статье можно только вкратце наметить основные пункты аргументации, и что к более подробному ее изложению нам еще придется, вероятно, вернуться в журнальной статье или брошюре.

С принципиально теоретическим заявлением соц.-революционеры собрались выступить только в № 2 «Вестн. Русск. Рев». ⁵⁵⁾ в редакционной неподписанной статье: «Мировой рост и кризис социализма». Мы усердно рекомендуем эту статью всем тем, кто хочет иметь наглядное представление о полнейшей теоретической беспринципности и шаткости (а также об искусстве прикрывать таковую потоком слов). Все содержание этой высоко замечательной статьи может быть передано в двух словах.

Социализм вырос в мировую силу, социализм (марксизм) раскалывается теперь вследствие войны революционеров («ортодоксов») с оппортунистами («критиками»). Мы, соц.-революц., «конечно», не сочувствовали никогда оппортунизму, но мы скачем и играем по поводу

«критики», освободившей нас от догмы, мы тоже беремся за пересмотр этой догмы, — и хотя мы еще ровно никакой (кроме буржуазно-оппортунистической) критики не показали, хотя мы ровно ничего еще не пересмотрели, но эта наша свобода от теории и должна быть вменена нам в нарочитую заслугу. Тем более должна быть вменена в заслугу, что в качестве свободных от теории людей мы яро стоим за всеобщее объединение, мы горячо осуждаем всякие принципиально-теоретические споры. «Серьезная революционная организация, — пресерьезно уверяет нас «В. Р. Р.» (№ 2, стр. 127), — отказалась бы от решения вечно разъединяющих спорных вопросов социальной теории, что, конечно, не должно мешать теоретикам искать их решения», — или, прямее: писатель пусть пописывает, читатель — почитывает, а мы, пока суд да дело, возрадуемся по случаю освобожденного пустого места.

Серьезно разбирать эту теорию уклонения (по случаю собственно споров) от социализма, разумеется, не доводится. По нашему мнению, кризис социализма обязывает сколько-нибудь серьезных социалистов именно к тому, чтобы обратить усиленное внимание на теорию, — решительнее занять строго определенную позицию, резче отмежеваться от шатких и ненадежных элементов. По мнению же соц.-революционеров, раз существует «даже у немцев» раскол да разброд, так нам, россиянам, и сам бог велел гордиться тем, что мы сами не знаем, куда бредем. По нашему мнению, отсутствие теории отнимает право существования у революционного направления и неизбежно осуждает его, рано или поздно, на политический крах. По мнению же соц.-рев., отсутствие теории — весьма хорошая вещь, особенно удобная «для объединения». Как видите, нам и им не столковаться, ибо и говорим-то мы на разных языках. Одна надежда: не образумит ли их г. Струве, который тоже (только посерьезнее) говорит об устранении догмы и о том, что «наше» дело (как и дело всякой буржуазии, обращающейся к пролетариату) не разъединить, а объединить. Не увидят ли когда-нибудь соц.-рев., при помощи г. Струве, какое *действительное значение* имеет их позиция освобождения от социализма для объединения и объединения по случаю освобождения от социализма?

Перейдем к второму пункту, к вопросу о терроре.

Защищая террор, непригодность которого так ясно доказана опытом русского революционного движения, соц.-рев. из кожи лезут, заявляя, что они признают террор лишь вместе с работой в массах, и что поэтому те доводы, которыми русские соц.-демократы опровергали (и на долгое время опровергли) целесообразность такого приема борьбы, к ним не относятся. Тут повторяется история, очень похожая на их отношение к «критике». Мы не оппортунисты, — кричат соц.-

рев., и в то же время сдают в архив догму пролетарского социализма на основании одной только оппортунистической и никакой иной критики. Мы не повторяем ошибки террористов, мы не отвлекаем от работы в массах, — уверяют соц.-рев., и в то же время усердно рекомендуют партии такие акты, как убийство Балмашевым Сипягина, хотя всякий прекрасно знает и видит, что ни в какой связи с массами этот акт не стоял и, по способу его совершения, не мог стоять, — что ни на какое определенное выступление или поддержку толпы совершавшие этот акт лица и не рассчитывали и не надеялись. Соц.-рев. наивно не замечают того, что их склонность к террору связана самой тесной причинной связью с тем фактом, что они с самого начала стали и продолжают стоять в стороне от рабочего движения, не стремясь даже сделаться партией ведущего свою классовую борьбу революционного класса. Усердная божба очень часто заставляет насторожиться и заподозрить правдивость того, что нуждается в крепкой приправе. И мне часто вспоминаются слова: как божиться-то не лень? — когда я читаю уверения соц.-рев.: мы не отодвигаем террором работы в массах. Ведь это уверяют те самые люди, которые уже отодвинулись от соц.-демократического рабочего движения, действительно поднимающего массы, и которые продолжают отодвигаться от него, хватаясь за обрывки каких-угодно теорий.

Прекрасной иллюстрацией сказанного может служить прокламация 3 апр. 1902 г., изданная «партией соц.-рев.». Это — самый живой, близкий к непосредственным деятелям, самый аутентичный источник. «Постановка вопроса о террористической борьбе» в этой прокламации «целиком совпадает» и «с партийным воззрением», по ценному свидетельству «Рев. России» ⁵⁶) (№ 7, стр. 24*).

Прокламация 3 апр. замечательно аккуратно копирует шаблон «новейшей» аргументации террористов. Вам прежде всего бросаются в глаза слова: «Мы зовем к террору не вместо работы в массах, а именно для этой самой работы и одновременно с нею». Бросаются же они в глаза потому, что набраны шрифтом втрое более крупных размеров, чем

*) Правда, «Рев. Росс.» и по этому пункту проделывает какую-то эквилибристику. С одной стороны, «целиком совпадает», с другой — наек на «преувеличение». С одной стороны, «Рев. Росс.» заявляет, что эта прокламация дело лишь «одной группы» соц.-рев. С другой стороны, мы имеем тот *факт*, что на прокламации стоит подпись: «издание *партии с.-рев.*» и, кроме того, повторен эпиграф той же «Рев. Росс.». («В борьбе обрешь ты право свое»). Мы понимаем, что «Рев. Росс.» неприятно касаться щекотливого пункта, но мы думаем, что играть в прятки в подобных случаях прямо неприлично. Революционной социал-демократии тоже неприятно было существование экономизма, но она открыто разоблачала его, не пытаясь никого и никогда вводить в заблуждение.

остальной текст (прием, повторяемый, конечно, и «Рев. Россией»). Это ведь так просто, в самом деле! Напечатать жирным шрифтом «не вместо, а вместе» — и все доводы соц.-демократов, весь урок истории сразу отпадет. А попробуйте-ка прочитать всю прокламацию, и вы увидите, что божба жирного шрифта всеу приемлет имя масс. — То время, «когда выйдет из тьмы рабочий народ» и «мощной народной волной в куски разобьет железные ворота» — «увы!» (буквально так: увы!) «еще не так скоро наступит, и страшно подумать, сколько при этом будет жертв!» Разве эти слова: «увы, еще не скоро» не выражают собой полного непонимания массового движения и неверия в него? Разве не выдуман нарочно этот довод в насмешку над тем фактом, что рабочий народ уже поднимается? И, наконец, если бы даже этот избитый довод был так же основателен, как он на самом деле вздорен, — то из него вытекала бы особенно рельефно негодность террора, ибо без рабочего народа бессильны, заведомо бессильны всякие бомбы.

Слушайте дальше: «Каждый террористический удар как бы отнимает часть силы у самодержавия и всю эту силу (!) перебрасывает (!) на сторону борцов за свободу». «И раз террор будет проведен систематически (!), то очевидно, что наша чаша весов, наконец, перевесит». Да, да, для всякого очевидно, что перед нами в самой грубой форме величайший из предрассудков терроризма: политическое убийство само собой «перебрасывает силу»! Вот вам, с одной стороны, теория перебрасывания силы, а с другой — «не вместо, а вместе»... Как божиться-то не лень?

Но это еще цветочки. Ягодки впереди будут. «В кого бить?» спрашивает партия соц.-рев. и отвечает: в министров, а не в царя, ибо «царь не доведет дело до крайности» (!! откуда это они узнали??), да притом же «это и легче» (буквально так!): «никакой министр не может засесть во дворце, как в крепости». И эта аргументация заканчивается следующим рассуждением, которое заслуживает быть увековеченным, как образец «теории» соц.-рев. «Против войны у самодержавия есть солдаты, против революционных организаций — тайная и явная полиция, но что спасет его»... (кого его? самодержавие? автор незаметно для себя отождествил уже самодержавие с тем министром, в которого бить легче!)... «от отдельных личностей или небольших кружков, беспрерывно неизвестно даже друг от друга (!) готовящихся к нападению и нападающих? Никакая сила не поможет против неуволости. Значит наша задача ясна: смещать всякого властного насильника самодержавия единственным способом, который оставило (!) нам самодержавие, — смертью». Какие бы горы бумаги ни исписали соц.-рев., уверяя, что они своей проповедью террора не отодвигают,

не дезорганизуют работы в массах, им не опровергнуть потоками слов того факта, что действительная психология современного террориста верно передается именно цитируемой прокламацией. Теория перебрасывания силы естественно дополняется теорией неуловимости, теорией, окончательно переворачивающей вверх дном не только весь опыт прошлого, но и всякий здравый смысл. Что единственная «надежда» революции есть «толпа», что бороться с полицией может единственно революционная организация, руководящая (на деле, а не на словах) этой толпой, это — азбука. Это стыдно доказывать. И только люди, которые все позабыли и ровно ничему не научились, могли решить «наоборот», договорившись до баснословной, вопиющей нелепости, что «спасти» самодержавие от толпы могут солдаты, от революционных организаций — полиция, а от отдельных личностей, охотящихся на министров, *не спасет ничто!!*

Это баснословное рассуждение, которому, мы уверены, суждено сделаться знаменитым, вовсе не простой только курьез. Нет, оно поучительно тем, что смелым доведением до абсурда разоблачает основную ошибку террористов, общую им с экономистами (может быть, надо уже сказать: с бывшими представителями покойного экономизма?). Эта ошибка состоит, как мы уже много раз указывали, в *непонимании* основного недостатка нашего движения. Благодаря необычайно быстрому росту движения, руководители отстали от массы, революционные организации оказались недоросшими до революционной активности пролетариата, неспособными идти впереди и руководить массами. Что такого рода несоответствие существует, в этом не усомнится ни один добросовестный человек, сколько-нибудь знакомый с движением. А раз это так, то очевидно, что теперешние террористы являются настоящими экономистами наизнанку, впадая в столь же неумную, но противоположную крайность. В такое время, когда революционерам *не достаёт* сил и средств для руководства поднимающейся уже массой, звать к такому террору, как устройство отдельными личностями и неизвестными друг другу кружками покушений против министров, — это значит *тем самым* не только обрывать работу в массах, но и вносить в нее прямую дезорганизацию. — Мы, революционеры, «привыкли робко жаться в кучу — читаем мы в прокламации 3 апреля — и даже (NB) тот новый, смелый дух, который повеял в последние 3 — 4 года, создал пока более подъем настроения толпы, чем личностей». В этих словах много печально сказанной правды. И именно эта правда наголову разбивает проповедников терроризма. Из этой правды всякий думающий социалист делает вывод: надо энергичнее, смелее и стройнее действовать кучей. А соц.-рев. умозаключают: «стреляй, неуловимая

личность, ибо куча, — увы! — еще не скоро, да и солдаты против кучи есть». Совсем уже это неразумно, господа!

Не обходится прокламация и без теории эксцитативного террора. «Каждый поединок героя будит во всех нас дух борьбы и отваги», говорят нам. Но мы знаем из прошлого и видим в настоящем, что *только* новые формы массового движения или пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будят во *всех* дух борьбы и отваги. Поединки же, именно постольку, поскольку они остаются *поединками* Балмашевых, непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего *поединка*. Нас уверяют далее, что «каждая молния террора просвещает ум», чего мы, к сожалению, не заметили на проповедующей террор партии соц.-рев. Нам преподносят теорию крупной и мелкой работы: «у кого больше сил, больше возможности и решимости, тот пусть не успокаивается на мелкой (!) работе; пусть ищет и отдается крупному делу, — пропаганде террора в массах (!), подготовке сложных... (теория неуволности уже забыта!)... террористических предприятий». Не правда ли, как это удивительно умно: отдать жизнь революционера за месть негодяю Сипягину и замещение его негодяем Плеве ⁵⁷⁾ — это крупная работа. А готовить, *напр.*, массу к вооруженной демонстрации — мелкая. Вот «Рев. Россия» в № 8 как раз поясняет это, заявляя, что о вооруженных демонстрациях «легко писать и говорить, как о деле неопределенно далекого будущего», «но все эти разговоры имели до сих пор лишь теоретический характер». Как хорошо знаком нам этот язык людей, свободных от стеснительности твердых социалистических убеждений, от обременительного опыта всех и всяких народных движений! Непосредственную осязательность и сенсационность результатов они смешивают с практичностью. Требование неуклонно стоять на классовой точке зрения и блюсти массовый характер движения является для них «неопределенным» «теоретизированием». Определенностью в их глазах является рабское следование за каждым поворотом настроения и... и неизбежная в силу этого беспомощность при каждом повороте. Начинаются демонстрации — и от таких людей льются кровавые фразы, толки о начале конца. Остановка демонстрации — опускаются руки, и, не успев износить сапог, мы уже кричим: «народ увы! — еще не скоро»... Новая гнусность царских насильников — и мы требуем, чтобы нам указали такое «определенное» средство, которое бы служило исчерпывающим *ответом* именно на это насилие, такое средство, которое бы давало немедленное «перебрасывание силы», и мы гордо обещаем это перебрасывание! Такие люди не понимают

того, что одно уже это обещание «перебрасыванья» силы является политическим авантюризмом, и что их авантюризм зависит от их беспринципности.

Социал-демократия всегда будет предостерегать от авантюризма и безжалостно разоблачать иллюзии, неизбежно оканчивающиеся полным разочарованием. Мы должны помнить, что революционная партия только тогда заслуживает своего имени, когда она *на деле* руководит движением революционного класса. Мы должны помнить, что всякое народное движение принимает бесконечно разнообразные формы, постоянно вырабатывая новые, отбрасывая старые, создавая видоизменения или новые комбинации старых и новых форм. И наш долг активно участвовать в этом процессе выработки приемов и средств борьбы. Когда обострилось студенческое движение, мы стали звать рабочего на помощь студенту («Искра» № 2), не берясь предсказывать формы демонстраций — не обещая от них ни немедленного перебрасывания силы, ни прозвещения ума, ни особой неуловимости. Когда упрочились демонстрации, — мы стали звать к организации их, к вооружению масс, мы выдвинули задачу подготовки народного восстания. Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие. Мы не закрываем глаз на трудность этой задачи, но мы твердо и упорно будем работать над ней, не смущаясь возражениями, что это — «неопределенно далекое будущее». Да, господа, мы стоим и за будущее, а не за одни только прошлые формы движения. Мы предпочитаем долгую и трудную работу над тем, за чем есть будущее, «легкому» повторению того, что уже осуждено прошлым. Мы будем всегда разоблачать людей, у которых на языке война с шаблонами догмы, а на деле только и есть, что шаблоны самых обветшалых и вредных теорий перебрасывания силы, разницы между крупной и мелкой работой и, конечно, уже теории поединка и единоборства. «Как некогда в битвах народов вожди их решали бой единоборством, так и террористы в единоборстве с самодержавием завоюют России свободу». — Так заканчивается прокламация 3 апр. *Такие* фразы достаточно перепечатать, чтобы опровергнуть их.

Кто действительно ведет свою революционную работу в связи с классовой борьбой пролетариата, тот прекрасно знает, видит и чувствует, какая масса непосредственных и прямых запросов пролетариата (и способных поддерживать его народных слоев) остается неудовлетворенной. Тот знает, что в массе мест, в целых громадных районах рабочий народ буквально рвется на борьбу, и его порывы

пропадают даром за недостатком литературы, руководителей, за отсутствием сил и средств у революционных организаций. И мы оказываемся, — мы видим это, что мы оказываемся, — в том же проклятом порочном круге, который, как злой рок, тяготел так долго над русской революцией. С одной стороны, пропадает даром революционный порыв недостаточно просвещенной и неорганизованной толпы. С другой стороны, пропадают даром выстрелы «неуловимых личностей», теряющих веру в возможность идти в ряды и шеренге, работать рука об руку с массой.

Но дело еще вполне поправимо, товарищи! Потеря веры в настоящее дело не более, как редкое исключение. Увлечение террором не более, как скоропреходящее настроение. Пусть же сомкнутся плотнее ряды социал-демократов, и мы сплотим в одно целое боевую организацию революционеров и массовый героизм русского пролетариата!

В следующей статье мы рассмотрим аграрную программу социалистов-революционеров.

Революционный авантюризм

II.

«Искра» № 24, 1 сентября 1902 года.

Отношение соц.-рев. к крестьянскому движению представляет особый интерес. Именно в аграрном вопросе всегда считали себя особенно сильными и представители старого русского социализма, и их либерально-народнические наследники, и те многочисленные в России сторонники оппортунистической критики, которые крикливо уверяют, что в этом пункте марксизм уже окончательно сбит с позиции «критикой». И наши соц.-рев. разносят марксизм, что называется, на все корки: «догматические предрассудки... изжитые, давно разбитые жизнью догматы... революционная интеллигенция закрывала глаза на деревню, революционная работа в крестьянстве запрещалась ортодоксией» и мн. т. п. Это нынче в моде — лягать ортодоксию. Но к какому подвигу надо отнести тех из числа лягающих, которые *до начала движения* в крестьянстве *не успели* даже наметить своей собственной аграрной программы? Когда «Искра» еще в № 3 обрисовала свою аграрную программу, «Вести. Р. Рев.» только и нашелся пробормотать: «при такой постановке вопроса значительно ступшевывается еще одно из наших разногласий», при чем с редакцией «В. Р. Р.» случилось то маленькое несчастье, что именно постановки вопроса «Искрой»

(«внесение классовой борьбы в деревню») она абсолютно не поняла. Теперь «Рев. Россия» ссылается задним числом на брошюру «Очередной вопрос», хотя программы и там никакой нет, а есть лишь превознесение таких «знаменитых» оппортунистов, как Герц.

И вот эти-то люди, которые до начала движения были согласны и с «Искрой» и с Герцем, — на другой день после крестьянского восстания выступают с манифестом «от крестьянского союза (!) партии соц.-рев.», при чем в этом манифесте вы не найдете ни одного звука, исходящего действительно от крестьянина, вы встретите только дословное повторение того, что вы сотни раз читали у народников, либералов и «критиков»... Говорят, что смелость города берет. Это так, господа с.-р., но не о такой смелости свидетельствует грубо размазанная реклама.

Мы видели, что главное «преимущество» с.-р. состоит в свободе от теории, главное искусство их — уметь говорить, чтобы ничего не сказать. Но чтобы дать программу, надо как-никак высказаться. Надо, напр., выкинуть за борт «догмат русских с.-д. конца 80-х и начала 90-х г.г. о том, что нет революционной силы, кроме городского пролетариата». Какое это удобное словечко: «догмат»? Достаточно извратить слегка враждебную теорию, прикрыть это извращение жупелом «догмата», — и готово дело!

Весь современный социализм, начиная с Комм. Манифеста, покоится на той несомненной истине, что единственным *действительно* революционным классом капиталистического общества является пролетариат. Остальные классы могут быть и бывают революционны лишь отчасти и лишь при известных условиях. Спрашивается, что же надо думать о людях, которые «превратили» эту истину в догмат русских с.-д. определенной эпохи и пытаются уверить наивного читателя, будто этот догмат был «всецело основан на вере в отдаленность открытой политической борьбы»?

Против учения Маркса о единственном действительно революционном классе современного общества с.-р. выдвигают троицу: «интеллигенция, пролетариат и крестьянство», обнаруживая этим безнадёжную путаницу понятий. Если вы противопоставляете интеллигенцию пролетариату и крестьянству, — значит, вы понимаете под ней известный социальный слой, группу лиц, занимающих такую же определенную социальную позицию, как определена социальная позиция наемных рабочих и крестьян. Но в качестве такого слоя русская интеллигенция является именно буржуазной и мелко-буржуазной интеллигенцией. По отношению к этому слою вполне прав г. Струве, называющий свой орган органом русской интеллигенции. Если же

вы говорите о тех интеллигентах, которые *еще не заняли* никакой определенной социальной позиции или *уже выбиты* жизнью со своей нормальной позиции и переходят на сторону пролетариата, — то тогда совершенно нелепо противопоставлять эту интеллигенцию пролетариату. Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей. Поход с.-р. против основного «догмата» марксизма лишний раз доказывает только, что всю силу этой партии представляет та кучка русских интеллигентов, которые от старого отстали, а к новому не пристали.

Что касается до крестьянства, то о нем суждения с.-р. еще более сбивчивы. Чего стоит уже одна постановка вопроса: «какие общественные классы вообще (!) всегда (!!)

держатся за существующий... (самодержавный только? или вообще буржуазный?)... порядок, охраняют его и не поддаются революционизированию?» Собственно говоря, на этот вопрос только и можно ответить вопросом: какие элементы интеллигенции вообще всегда держатся за существующий хаос идей, охраняют его и не поддаются определенному социалистическому мировоззрению? Но с.-р. на несерьезный вопрос хотят дать серьезный ответ. Они относят к «этим» классам, во-первых, буржуазию, ибо ее «интересы удовлетворены». Этот старый предрассудок, будто интересы русской буржуазии настолько уже удовлетворены, что у нас нет и быть не может буржуазной демократии (ср. «В. Р. Р.» № 2, стр. 132—133), составляет теперь общее достояние экономистов и с.-р. Еще раз: не научит ли уму-разуму г. Струве?

Во-вторых, с.-р. относят к этим классам «мелко-буржуазные слои», «интересы коих индивидуалистичны, не определены как классовые и не формулируются в реформаторскую или революционную социально-политическую программу». Откуда сие, Аллах ведает! Что мелкая буржуазия не только не охраняет вообще и всегда существующий порядок, а, напротив, нередко выступает революционной даже против буржуазии (именно: когда примыкает к пролетариату), очень часто — против абсолютизма и почти всегда формулирует социально-реформаторские программы, это известно всем и каждому. Наш автор просто сболтнул «пошумнее», против мелкой буржуазии, следуя тому «житейскому правилу», которое в одном из своих «Стихотворений в прозе» излагал, со слов «старого пройдохи», Тургенев: кричать погромче против тех пороков, которые за собой чувствуешь. И вот: *так как* с.-р. чувствуют, что единственным социальным базисом их позиций между двух стульев могут быть разве лишь некоторые мелко-буржуаз-

ные слои интеллигенции, *поэтому* они пишут о мелкой буржуазии так, будто этот термин означает не социальную категорию, а просто полемический оборот речи. Им хочется также обойти тот неприятный пункт, что они не понимают принадлежности современного крестьянства, как целого, к «мелко-буржуазным слоям». Не попробуете ли вы дать нам ответ по этому пункту, г.г. с.-р.? Не скажете ли вы нам, почему это, повторяя обрывки теории русского марксизма (напр., о прогрессивном значении крестьянского отхода и бродяжничества), вы закрываете глаза на то, что тот же марксизм доказал мелко-буржуазный уклад русского крестьянского хозяйства? Не разъясните ли вы нам, как это могут «собственники или полусобственники» в современном обществе не относиться к мелко-буржуазным слоям?

Нет, найдетесь! С.-р. не ответят, не скажут и не разъяснят ничего по существу, ибо они (опять-таки подобно экономистам) твердо усвоили тактику сказываться по части теории в нетях. «Рев. Россия» кивает на «В. Р. Р.»—это-де их дело (ср. № 4, ответ «Заре»), а «В. Р. Р.» рассказывает читателю о подвигах оппортунистической критики и все грозитя, грозитя и грозитя еще пуще критику навести. Маловато этого, господа!

Соц.-рев. соблюли себя в чистоте от тлетворного влияния современных социалистических учений. Они сохранили целиком старые приемы вульгарного социализма. Пред нами—новый исторический факт, новое движение в известном слое народа. Они не исследуют положения этого слоя, не задаются целью объяснить его движение характером этого слоя и отношением его к развивающемуся экономическому строю целого общества. Это все для них—пустая догма, изжитая ортодоксия. У них это проще делается.—О чем говорят сами представители поднимающегося слоя? О земле, прирезке, переделе.—Ну, вот вам и все. Вот вам «полусоциалистическая программа», «совершенно правильный принцип», «светлая идея», «идеал, который в зародышевой форме уже живет в голове крестьянина» и т. д. Надо только «очистить и разработать этот идеал», вывести «чистую идею социализма». Вы не верите, читатель? Вам кажется невероятным, чтобы эта народническая ветопь снова вытаскивалась на свет божий людьми, которые так бойко повторяют, что им книга последняя скажет? А между тем это факт, и все процитированные нами словечки взяты из заявления «от крестьянского союза» в № 8 «Рев. России».

Соц.-рев. обвиняют «Искру», что, назвав крестьянское движение последним мятежом крестьянства, она рано заговорила за упокой: крестьянство, поучают нас, может участвовать и в социалистическом движении пролетариата. Это обвинение наглядно показывает всю

путаницу мысли у с.-р. Они не разобрались даже в том, что одно дело—демократическое движение против остатков крепостничества, другое дело—социалистическое движение против буржуазии. Не поняв самого крестьянского движения, они не могли понять и того, что испугавшие их слова «Искры» относятся только к первому движению. О том, что гибнущие мелкие производители (крестьяне в том числе) могут и должны участвовать в социалистическом движении пролетариата, «Искра» не только сказала в своей программе, но и точно определила условия этого участия. Но современное крестьянское движение вовсе не является социалистическим, направленным против буржуазии и капитализма, движением. Наоборот, оно объединяет буржуазные и пролетарские элементы крестьянства, которые действительно едины в борьбе с остатками крепостничества. Современное крестьянское движение ведет — и приведет — к установлению не социалистического и не полусоциалистического, а буржуазного сельского уклада, очистив созревшие уже буржуазные устои нашей деревни от крепостнических пут.

Впрочем, для с.-р. все это—книга за семью печатями. Они даже всерьез уверяют «Искру», что расчистка пути для развития капитализма—пустой догмат, ибо «реформы» (60-х г.г.) «и расчистили (!) полный (!) простор развитию капитализма». Вот до чего может дописаться бойкий человек, которым владеет бойкое перо и который воображает, что «от крестьянского союза» всячинка сойти может: крестьянин не разберет!—Но подумайте, пожалуйста, любезный автор: не слыхали ли вы когда-нибудь, что остатки крепостничества задерживают развитие капитализма? не кажется ли вам, что это даже почти тавтология? и не читали ли вы где-нибудь об остатках крепостничества в современной русской деревне?

«Искра» говорит, что предстоящая революция будет буржуазной революцией. С.-р. возражают: она будет «прежде всего революцией политической и до известной степени демократической». Не попробуют ли объяснить нам авторы этого милого возражения,—была ли когда-либо в истории, мыслима ли вообще такая буржуазная революция, которая бы не была «до известной степени демократической»? Да ведь и программа самих с.-р. (уравнительное пользование землей, перешедшей в собственность общества) не выходит еще из рамок буржуазной программы, ибо сохранение товарного производства и допущение частного хозяйства, хотя бы и на общей земле, нисколько не устраняют капиталистических отношений в земледелии.

Чем легкомысленнее относятся с.-р. к элементарнейшим истинам современного социализма, тем легче сочиняют они «элементар-

нейшие дедукции», гордясь даже тем, что их «программа сводится» к таковым. Рассмотрим все их три дедукции, которые, вероятно, надолго останутся памятником остроты ума и глубины социалистических убеждений с.-р.

Дедукция № 1: «Уже теперь бо́льшая доля территории России принадлежит государству, надо, чтобы вся территория принадлежала народу». «Уже теперь» умиленные ссылки на государственное землевладение в России набили нам оскомину в произведениях полицейских народников (à la Сазонов ⁵⁸) и др.) и разных катедер-реформаторов. «Надо», чтобы в хвосте за этими господами поплелись именующие себя социалистами да еще революционерами. «Надо», чтобы социалисты подчеркивали мнимое всеислие «государства» (забывая даже, что бо́льшая доля государственных земель сосредоточена на необитаемых окраинах страны), а не классовую противоположность полукрепостного крестьянства и привилегированной горсти крупных землевладельцев, которые владеют массой лучших возделанных земель и с которыми «государство» всегда жило душа в душу. Воображая, что они выводят чистую идею социализма, наши с.-р. на самом деле пачкают эту идею некритическим отношением к старому народничеству.

Дедукция № 2: «Уже и теперь земля перетекает от капитала к труду—надо, чтобы этот процесс был завершен государством». Дальше в лес—больше дров. Сделаем еще шаг к полицейскому народничеству, будем призывать (классовое!) «государство» к расширению крестьянского землевладения вообще. Это замечательно социалистично и удивительно революционно. Но чего и ждать от людей, которые покупку и аренду земли крестьянами называют не переходом земли от крепостников-помещиков к сельской буржуазии, а переходом «от капитала к труду». Напомним этим людям хотя бы данные о фактическом распределении «перетекающих к труду» земель: от 6 до 9 десятых всей купчей крестьянской земли и от 5 до 8 десятых аренды сосредоточивается в руках *одной пятой доли дворов*, т.-е. у небольшого меньшинства зажиточных. Судите по этому, много ли правды в словах соц.-рев., когда они утверждают, что на зажиточных крестьян «мы и не рассчитываем», а только на «чисто-трудовые слои»?

Дедукция № 3: «Крестьянин уже имеет землю и пользуется ею в большинстве случаев в уравнительном распределении,—надо, чтобы это трудовое пользование было доведено до конца... и завершилось бы через развитие всякого рода кооперации коллективным земледельческим производством».—Поскребите соц.-революционера и вы найдете г. В. В. ⁵⁹)! Как только дошло до дела, все старые пред-

рассудки народничества, преблагополучно сохранившиеся под прикрытием увертливых фраз, выползли тотчас же наружу. Государственное землевладение—завершение государством перехода земли к крестьянству—община—кооперация—коллективизм—в этой великолепной схеме г.г. Сазонова, Юзова ⁶⁰⁾, Н.—она ⁶¹⁾, соц.-революционеров, Гофштеттера, Тотомианца и пр. и пр.,—в этой схеме не хватает совсем маленькой мелочи. В ней нет ни развивающегося капитализма, ни классовой борьбы. Да и откуда было взяться этой мелочи в головах людей, весь идейный багаж которых состоит из лохмотьев народничества и нарядных заплат модной критики? Разве не сказал сам г. Булгаков, что в деревне нет места для классовой борьбы? Разве замена классовой борьбы «всевозможными кооперациями» не удовлетворяет и либералов, и «критиков», и вообще всех тех, для кого социализм есть не более, как традиционная вывеска? И разве нельзя попытаться успокоить наивных людей уверением: «мы, конечно, чужды всякой идеализации общины», хотя рядом с этим уверением вы читаете колоссальное фразерство о «колоссальной организации мирского крестьянства», о том, что «в известных отношениях ни один класс в России так не подталкивается к чисто (!) политической борьбе, как именно крестьянство», что крестьянское самоопределение (!) своими границами и компетенцией далеко шире земского, что это соединение «широкой... (до самой околицы?)... самодеятельности» с отсутствием «элементарнейших гражданских прав» «точно нарочно было придумано для того, чтобы... будить и упражнять (!) политические инстинкты и навыки общественной борьбы. Не любо—не слушай, а...

«Надо быть слепым, чтобы не видеть, насколько легче перейти к идее социализации земли от традиции общинного управления землей». Не наоборот ли, г.г.? Не являются ли безнадежно слепыми и глухими те, кто до сих пор не знает, что именно средневековая замкнутость полукрепостной общины, раздробляющей крестьянство на крохотные союзы и связывающей по рукам и ногам сельский пролетариат, поддерживает традиции косности, забитости и одичалости? Не побиваете ли вы сами себя, признавая пользу отхода, который уже на три четверти разрушил пресловутую уравнительность общинных традиций и свел эти традиции к одной полицейской склоке?

Программа-минимум соц.-рев., будучи основана на вышеразобранной теории, является настоящим курьезом. Два пункта в этой «программе»: 1) «социализация земли, т.-е. переход ее в собственность всего общества и в пользование трудящихся»; 2) «развитие в крестьянстве всевозможных видов общественных соединений и экономических коопераций... (для «чисто» политической борьбы?)»...

для постепенного высвобождения крестьянства из-под власти денежного капитала... (под власть промышленного?)... и для приготовления грядущего коллективного земледельческого производства». Как солнце в малой капле вод, отражается в этих двух пунктах весь дух современного «социал-революционаризма». В теории—революционная фраза вместо продуманной и цельной системы воззрений, на практике—беспомощное подхватывание того или иного модного средстваца вместо участия в классовой борьбе,—вот все, что у них есть. Поставить *рядом* в программе-минимум социализацию земли и кооперацию, для этого необходимо было, признаемся, редкое гражданское мужество. Наша программа-минимум, с одной стороны—Бабеф ⁶²⁾, с другой—г. Левитский ⁶³⁾. Это неподражаемо.

Если бы можно было серьезно отнестись к этой программе, то нам бы пришлось сказать, что, обманывая себя звуком слов, соц.-рев. обманывают и крестьянина. Это—обман, будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и готовят коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии. Это—обман, будто как «минимум», как нечто столь же близкое, как кооперации, можно ставить в виду «*крестьянства*»—социализацию земли. Всякий социалист пояснил бы нашим соц.-рев., что уничтожение частной собственности на землю может быть теперь лишь непосредственным преддверием уничтожения ее вообще, что одна передача земли в «пользование трудящихся» еще не удовлетворила бы пролетариат, ибо миллионы и десятки миллионов разоренного крестьянства не в состоянии уже вести хозяйства на земле, даже если бы она у них была. А снабжение этих разоренных миллионов орудиями, скотом и пр. было бы уже социализацией всех средств производства и требовало бы социалистической революции пролетариата, а не крестьянского движения против остатков крепостничества. Соц.-рев. смешивают социализацию земли с ее буржуазной национализацией. Эта последняя мыслима, говоря абстрактно, и на базисе капитализма, без уничтожения наемного труда. Но именно пример тех же соц.-рев. наглядно подтверждает ту истину, что выдвигать требование национализации земли в полицейском государстве значит—затемнять единственно революционный принцип классовой борьбы и подливать воду на мельницу всякой казенщины.

Мало того: соц.-рев. спускаются и до прямой реакционности, когда восстают против требования проекта нашей программы: «отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей». Во имя народнического предрассудка об «общинном начале» и «уравнительном принципе», они отказывают крестьянину в том

«элементарнейшем гражданском праве», как право распоряжаться своей землей, они благодушно закрывают глаза на сословную замкнутость действительной общины, они становятся защитниками полицейских запрещений, установленных и поддерживаемых «государством»... земских начальников! Мы думаем, что не только г. Левитский, но и г. Победоносцев ⁶⁴⁾ не очень испугается требования социализации земли для уравнительного пользования ею, раз это требование выдвигается, как минимум, на-ряду с которым фигурируют и кооперации, и защита полицейского прикрепления мужика к обеспечивающему его казенному наделу.

Пусть послужит аграрная программа соц.-рев. уроком и предостережением для всех социалистов, наглядным примером того, к чему приводят безыдейность и беспринципность, называемые некоторыми легкомысленными людьми свободой от догмы. Как только дошло до дела, у соц.-рев. не оказалось на-лицо ни одного из трех условий, необходимых для выставления последовательной социалистической программы: ни ясной идеи о конечной цели, ни правильного понимания того пути, который ведет к этой цели, ни точного представления о действительном положении дел в данный момент и о ближайших задачах этого момента. Конечную цель социализма они только затемнили, смешав социализацию земли с ее буржуазной национализацией, спутав примитивную крестьянскую идею о мелком уравнительном землепользовании с учением современного социализма о переходе всех средств производства в общественную собственность и об организации социалистического производства. Их представление о пути, ведущем к социализму, бесподобно характеризуется заменой классовой борьбы развитием коопераций. В оценке данного момента аграрной эволюции России они забыли мелочь: остатки крепостничества, давящие нашу деревню. Знаменитая тройца, выражавшая их теоретические взгляды: и интеллигенция, и пролетариат, и крестьянство—дополнилась не менее знаменитой «программной» тройцей: социализация земли—кооперации—прикрепление к наделу.

Сравните с этим программу «Искры», которая указывает единую конечную цель всему борющемуся пролетариату, не сводя ее до «минимума», не принижая ее ради приспособления к идеям некоторых неразвитых слоев пролетариата или мелких производителей. Путь для достижения этой цели один и в городе и в деревне—классовая борьба пролетариата против буржуазии. Но кроме этой классовой борьбы продолжает еще вестись в нашей деревне и другая: борьба всего крестьянства против остатков крепостничества. И в этой борьбе партия пролетариата обещает свою поддержку *всему* крестьян-

ству; стараясь указать настоящую цель его революционному порыву, направить его восстание против его настоящего врага, считая нечестным и недостойным относиться к мужику, как к подопечному, скрывать от него, что он может добиться в настоящее время и немедленно только полной отменой всех следов и остатков крепостничества, только очищением пути для более широкой и более трудной борьбы всего пролетариата против всего буржуазного общества.

Проект нового закона о стачках.

«Искра» № 24, 1 сентября 1902 года

Нам доставлен новый тайный документ: записка министерства финансов «о пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме, и о желательности установления организаций рабочих в целях самопомощи». Ввиду обширности этой записки и необходимости ознакомления с ней возможно более широких слоев рабочего класса, мы издаем ее особой брошюрой. Теперь же изложим вкратце содержание этого интересного документа и укажем на его значение.

Записка начинается кратким очерком истории нашего фабричного законодательства, указанием на законы 3 июня 1886 года, 2 июня 1897 года и переходит затем к вопросу об отмене уголовного наказания за уход с работы и за стачки. М-ство фин. полагает, что угроза арестом или тюрьмой за самовольный уход с работы одного рабочего или за прекращение работы по уговору многих рабочих не достигает своей цели. Сохранение общественного порядка этим не обеспечивается, как показал опыт; рабочих эта угроза только озлобляет, убеждая их в несправедливости закона. Применять эти законы очень трудно «ввиду крайней обременительности возбуждения сотни и иногда тысячи дел» за уход каждого рабочего, а также и ввиду того, что фабриканту невыгодно остаться без рабочих, если их засадят за стачку. Признание стачки преступлением вызывает чрезмерно усердное вмешательство полиции, приносящее больше вреда, чем пользы, больше затруднений и хлопот фабрикантам, чем облегчения. Записка предлагает совершенно отменить всякие наказания за самовольный уход отдельного рабочего с фабрики и за мирную стачку, не сопровождаемую ни насилием, ни нарушением общественного порядка и т. п. Наказания должны быть установлены, по образцу иностранных законов, только «за насилия, угрозы или обесславления (!), совершенные кем-либо из работодателей или рабочих по отношению к личности

или имуществу другого, и имеющие целью, вопреки свободным и законным намерениям последнего, принудить его или помешать ему» — вести работу на тех или иных условиях. Другими словами, вместо уголовного наказания за стачки, предполагается уголовное наказание за помеху «желающим работать».

Что касается до обществ самопомощи, то министерство финансов жалуется на административный произвол в этом деле (особенно проявившийся, де, в Москве, где общество механических рабочих заявило даже претензию на «посредническую роль» между рабочими и администрацией) и требует проведения в законодательном порядке нормального устава таких обществ и облегчения устройства их.

Таким образом общий характер новой записки м-ства финансов, несомненно, либеральный, и центральным пунктом является предложение отменить уголовное наказание за стачки. Мы не станем здесь подробно разбирать содержание всего «законопроекта» (это удобнее будет сделать после напечатания всей записки целиком), а обратим внимание читателя на характер и значение этого либерализма. Предложение предоставить рабочим некоторую свободу стачек и свободу организаций — не новость не только в нашей либеральной публицистике, но и в предначертаниях официальных, правительственных комиссий. В начале 60-х годов комиссия Штакельберга, пересматривавшая уставы фабричный и ремесленный, предлагала учредить промышленные суды из выборных от рабочих и хозяев и дать рабочим известную свободу организации. В 80-х годах комиссия по составлению проекта нового уголовного уложения предполагала отменить уголовные наказания за стачки. Но теперешний проект м-ства финансов существенно отличается от предыдущих, и это отличие останется крайне важным знамением времени даже и в том случае, если предложения нового проекта так же останутся под сукном, как и все прежние. Существенное отличие состоит в том, что новый проект характеризуется несравненно большей «почвенностью»: вы чувствуете в нем не только голос немногих теоретических передовиков и идеологов буржуазии, а голос целого слоя промышленников-практиков. Это уже не либерализм одних только «гуманных» чиновников и профессоров, это доморощенный, отечественный либерализм московских купцов и промышленников. Этот факт, скажу откровенно, наполняет мое сердце высокой патриотической гордостью: алтынный либерализм купца значит много больше, чем пятиалтынный либерализм чиновника. И самыми интересными в записке являются не тошнотворные рассуждения о свободе договора и о пользе государства, а те практи-

ческие соображения фабрикантов, которые прорываются сквозь традиционно-юридическую аргументацию.

Невтерпеж! Надоело! Не суйся!—вот что говорит русский фабрикант русской полиции устами автора министерской записки. Послушайте-ка, в самом деле, следующие рассуждения:

«По взглядам полицейских органов, находящим себе поддержку в неопределенности и сбивчивости действующего закона, всякая забастовка рассматривается не как естественное экономическое явление, но непременно как нарушение общественного порядка и спокойствия. Между тем, если бы существовало более спокойное отношение к фактам прекращения работы на фабриках и заводах, и забастовки не отождествлялись бы с нарушением общественного порядка, то было бы гораздо легче выяснить истинные причины таковых, отделять законные и справедливые поводы от незаконных и неосновательных и принимать соответствующие меры к миролюбивому соглашению сторон. При подобном, более нормальном порядке меры пресечения и подавления принимались бы лишь тогда, когда были бы налицо факты, удостоверяющие наличность беспорядка». Полиция не разбирает причин стачки, а заботится *только* о прекращении ее, пуская в ход один из двух приемов: либо заставляя рабочих (арестами, высылками и др. мерами «до употребления военной силы включительно») взяться за работу, либо побуждая хозяев к уступкам. «Нельзя сказать, чтобы хотя один из этих приемов был удобен» для г.г. фабрикантов: первый—«поселяет озлобление в среде рабочих», второй—«укрепляет у рабочих крайне вредное убеждение в том, что забастовка есть вернейшее средство добиться исполнения своих пожеланий во всяком случае». «История забастовок, происходивших в течение последнего десятилетия, дает много примеров того вреда, который является результатом стремления быстрого подавления возникающих осложнений какой бы то ни было ценою. Поспешно произведенные аресты вызывали иногда такое озлобление среди совершенно спокойных до сего рабочих, что приходилось пускать в дело казаков, после чего, конечно, не могло быть и речи об удовлетворении даже законных требований забастовавших. С другой стороны, случаи быстрого удовлетворения незаконных требований рабочих посредством воздействия на фабрикантов вызывали непременно аналогичные же стачки в других промышленных заведениях, в которых приходилось уже применять не систему уступок, а военную силу, что бывает для рабочих совершенно непонятным и поселяет уверенность в несправедливом к ним отношении и произволе властей»... Чтобы полиция когда-нибудь удовлетворяла даже незаконные требования рабочих посред-

ством воздействия на фабрикантов, это, конечно, увлечение г.г. капиталистов, которые хотят сказать, что иногда они сами, поторговавшись со стачечниками, дали бы им меньше, чем приходится дать под давлением грозного призрака «нарушения государственного порядка и спокойствия». Записка подпускает шпильку м-ству внутр. дел, которое в циркуляре от 12 авг. 1897 г., «изданном без соглашения с м-вом фин.» (вот где собака-то зарыта!), предписывает и аресты, и высылки при каждой стачке, и направление дел о стачках в порядке охраны. «Высшие административные власти,—продолжает записка излагать жалобы фабрикантов,—идут еще дальше (закона) и придают *всем* (курсив ориг.) случаям стачек прямо государственное значение... Между тем, в сущности, всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насилиями) есть явление чисто экономическое, вполне естественное и отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствию. Охрана последнего в этих случаях должна бы выражаться в формах, подобно практикуемым во время народных гуляний, торжеств, зрелищ и т. п. случаев».

Это—язык настоящих либералов-манчестерцев, объявляющих борьбу капитала и труда чисто естественным явлением, приравнивающих с замечательной откровенностью «торговлю товарами» и «торговлю трудом» (в другом месте записки), требующих невмешательства государства, отводящих этому государству роль вечного (и дневного) сторожа. И, что особенно важно, встать на эту либеральную точку зрения заставил русских фабрикантов не кто иной, как наши рабочие. Рабочее движение так широко разрослось, что стачки действительно стали «естественным экономическим явлением». Борьба рабочих приняла такие упорные формы, что вмешательство полицейского государства, запрещающее всякое проявление этой борьбы, действительно стало оказываться вредным не только для рабочих (им-то оно никогда, кроме вреда, ничего не приносило), но и для самих фабрикантов, в пользу которых это вмешательство делалось. Рабочие сделали полицейские запрещения фактически бессильными, но полиция продолжала (и не могла в самодержавном государстве не продолжать) вмешиваться и, чувствуя свое бессилие, металась из стороны в сторону: то военная сила, то уступки, то зверская расправа, то заигрыванье. Чем меньшее значение получало полицейское вмешательство, тем острее чувствовался фабрикантами произвол полиции, тем более склонялись они к убеждению, что им *не расчет* поддерживать этот произвол. Конфликт между известной частью крупных промышленников и полицейским всевластием все обострялся и принял особенно резкие формы в Москве где система заигрыванья

с рабочими расцвела особенно пышно. Записка прямо жалуется на московскую администрацию, затеявшую опасную игру с собеседованиями рабочих и обществом взаимопомощи рабочих в механическом производстве ⁶⁵). Чтобы приманить рабочих, пришлось дать совету этого общества известное право посредничества,—и фабриканты сейчас же встали на дыбы. «Сначала сей совет,—пишет под их диктовку записка,—обращался к чинам фабричной инспекции, но засим, видя, что последние не признают его компетенции в принятой на себя самовольно посреднической роли, он стал обращаться к обер-полицеймейстеру, который не только принимает получаемые заявления, но даст им законный ход, чем санкционирует присвоенные себе советом права». Фабриканты протестуют против частных административных распоряжений и требуют законодательного установления нового порядка.

Правда, либерализм фабрикантов не выходит пока из очень узких профессиональных рамок, их враждебность к полицейскому произволу ограничивается отдельными проявлениями невыгодных для них крайностей, не направляясь против коренных основ бюрократического самовластья. Но о росте этой враждебности, о расширении поводов для нее, об ее углублении позаботится экономическое развитие России и всего мира, обостряя классовые антагонизмы капиталистических стран. Сила пролетариата в том и состоит, что его численность и сплоченность увеличиваются в силу самого процесса экономического развития, тогда как среди крупной и мелкой буржуазии все усиливаются разрозненность и раздробленность интересов. Чтобы учесть это «естественное» преимущество пролетариата, социал-демократия должна внимательно следить за всеми столкновениями интересов среди господствующих классов, пользуясь этими столкновениями не только в целях извлечения практической выгоды в пользу тех или иных слоев рабочего класса, но и в целях просвещения всего рабочего класса, в целях извлечения полезного урока из каждого нового социально-политического эпизода.

Практическая выгода для рабочих от предлагаемого либеральными фабрикантами изменения закона слишком очевидна, чтобы на ней стоило долго останавливаться. Это несомненная уступка растущей силе, оставление неприятелем одной из его позиций, которая уже фактически почти отвоевана революционным пролетариатом и защищать которую дальше не хотят наиболее дальновидные вожди вражеской армии. Невелика эта уступочка, что и говорить: во-первых, смешно и думать о возможности *настоящей* свободы, свободы стачек при отсутствии политической свободы. Право арестов и высылки без суда остается у полиции и останется у нее до тех пор, пока

существует самодержавие. А сохранение этого права означает сохранение девяти десятых всей той полицейской склоки, тех безобразий и того произвола, который начинает претить даже и фабрикантам. Во-вторых, и в узкой области собственно промышленного законодательства министерство финансов делает очень робкий шаг вперед, подражая тому немецкому законопроекту, который немецкие рабочие прозвали «каторжным» законопроектом, оставляя *особые* наказания «за насилия, угрозы и обесславления», стоящие в связи с договорами о найме, как будто бы не существовало *общих* уголовных законов, карающих эти проступки! Но и маленькой уступкой русские рабочие сумеют воспользоваться для укрепления своей позиции, для усиления и расширения своей великой борьбы за освобождение трудящегося человечества от наемного рабства.

Что касается до полезного урока, которому нас учит новая записка, то мы должны заметить, прежде всего, что протест фабрикантов против средневекового закона о стачках показывает нам на маленьком частном примере общее несоответствие интересов развивающейся буржуазии и отживающего абсолютизма. Об этом следовало бы поразмыслить тем людям, которые (подобно соц.-рев.) до сих пор боязливо закрывают глаза на элементы *буржуазной* оппозиции в России и твердят по-старинке, что «интересы» (вообще!) русской буржуазии удовлетворены. Оказывается, что полицейское самовластие приходит в столкновение то с теми, то с другими интересами даже таких слесей буржуазии, которых всего непосредственнее *охраняет* царская полиция, которым *непосредственно грозит* материальным ущербом всякое ослабление узды, надетой на пролетариат.

Оказывается, что действительно революционное движение дезорганизует правительство не только прямо тем, что просвещает, возбуждает и сплочивает эксплуатируемые массы, но и косвенно тем, что отнимает почву у обветшалых законов, отнимает веру в самовластие даже у его кровных, казалось бы, присных, учащает «домашние ссоры» между этими присными, заменяет твердость и единство в лагере врагов раздорами и шатаниями. Но чтобы достигать таких результатов, нужно одно условие, которого никогда не могли усвоить наши соц.-революционеры: для этого необходимо, чтобы движение было действительно революционным, т.-е. поднимало к новой жизни все более и более широкие слои действительно революционного класса, преобразовывало бы фактически духовно-политический облик этого класса, а через его посредство и *всех тех*, кто с ним соприкасается. Усвоив эту истину, с.-р. поняли бы, какой практический вред приносят их безыдейность и беспринципность в коренных вопросах со-

циализма, поняли бы, что не правительственные, а революционные силы дезорганизуют люди, проповедующие, что против толпы у самодержавия есть солдаты, против организаций—полиция, а вот отдельные террористы, смещающие министров и губернаторов, поистине неуловимы.

Есть и еще один полезный урок в новом «шаге» фабрикантского ведомства. Этот урок состоит в том, что надо уметь пользоваться всяким, хотя бы даже и алтынным либерализмом на деле, и надо в то же время «в оба смотреть», чтобы этот либерализм не развращал народных масс своей лживой постановкой вопросов. Пример,—г. Струве, разговор с которым мы бы озаглавили: «Как либералы хотят учить рабочих и как рабочие должны учить либералов». Начав печатание разобранной нами записки в № 4 «Освобождения» ⁶⁶⁾, г. Струве говорит там, между прочим, что новый проект есть выражение «государственного смысла»; каковому смыслу вряд ли, де, пробиться через стену произвола и бессмыслия. Не так это, г. Струве. Не «государственный смысл» выдвинул проект нового закона о стачках, а выдвинули его фабриканты. Не потому появился этот проект, что государство «признало» основные начала гражданского права (буржуазную «свободу и равенство» хозяев и рабочих), а потому, что отмена наказания за стачки стала *выгодной для фабрикантов*. Юридические формулировки и вполне доказательные мотивировки, которые дает теперь «само» («Осв.» № 4, стр. 50) министерство финансов, имелись на-лицо давным-давно и в русской литературе и даже в трудах правительственных комиссий,—но все это оставалось под спудом, пока не заговорили *хозяева промышленности*, которым рабочие *практически демонстрировали* нелепость старых законов. Мы подчеркиваем это решающее значение фабрикантских выгод и фабрикантской заинтересованности не потому, чтобы это ослабляло, на наш взгляд, значение предначертаний правительства,—напротив, мы уже сказали, что видим в этом усиление их значения. Но пролетариату в его борьбе против всего современного строя надо, прежде всего, научиться смотреть на вещи прямо и трезво, вскрывать настоящие и побудительные причины «высоких государственных деяний» и неуклонно разоблачать те лживые напыщенные фразы о «государственном смысле» и т. п., которые ловкими полицейскими чинами выдвигаются по расчету, а учеными либералами—по близорукости.

Далее г. Струве советует рабочим быть «сдержанными» в агитации за отмену наказаний за стачки. «Чем сдержаннее будет она (эта агитация) по формам,—проповедует г. Струве,—тем больше будет ее значение». Рабочий должен хорошенько отблагодарить бывшего

социалиста за такие советы. Это традиционная молчалинская мудрость либералов—проповедывать сдержанность именно тогда, когда правительство едва начало колебаться (по какому-нибудь частному вопросу). Надо быть сдержаннее, чтобы не помешать провести начатую реформу, чтобы не запугать, чтобы использовать благоприятный момент, когда первый шаг уже сделан (записка составлена!) и когда признание каким-либо ведомством необходимости реформ дает «неопровержимое (?) и для самого правительства и для общества (!) доказательство справедливости и своевременности» (?) этих реформ. Так рассуждает г. Струве о разбираемом нами проекте, так рассуждали всегда российские либералы. Не так рассуждает социал-демократия. Смотрите,—скажет она,—даже из самих фабрикантов кое-кто начал понимать уже, что европейские формы классовой борьбы лучше азиатского произвола полиции. Даже самих фабрикантов мы заставили своей упорной борьбой усомниться во всеисилии самодержавных опричников. Смелее же вперед! Распространяйте шире приятную весть о неуверенности в рядах врага, пользуйтесь всяким малейшим колебанием его не для молчалинского «сдерживания» своих требований, а для усиления их. За счет того долга, который лежит на правительстве перед народом, вам хотят отдать копейку из ста рублей. Пользуйтесь получением этой копейки, чтобы громче и громче требовать всей суммы долга, чтобы окончательно дискредитировать правительство, чтобы готовить наши силы для нанесения ему *решительного* удара.

Задачи революционной молодежи.

П и с ь м о п е р в о е .

Редакционное заявление газеты «Студент», напечатанное впервые, если мы не ошибаемся, в № 4 (26) «Освобождения» и полученное равным образом «Искрой», свидетельствует, на наш взгляд, о значительном шаге вперед, происшедшем в воззрениях редакции после выпуска № 1 «Студента». Г. Струве не ошибся, когда поспешил выразить свое несогласие со взглядами, изложенными в заявлении: эти взгляды, действительно, коренным образом расходятся с тем направлением оппортунизма, которого так последовательно и усердно держится либерально-буржуазный орган. Признав, что «*только* революционное чувство не может создать идейного объединения студенчества», что «для этой цели необходим социалистический идеал, опирающийся на то или иное социалистическое мировоззрение» и притом «опреде-

ленное, цельное» мировоззрение, редакция «Студента» порвала уже в принципе с идейным безразличием и теоретическим оппортунизмом, поставив на правильную почву вопрос о средствах революционизирования студенчества.

Правда, с ходячей точки зрения вульгарного «революционизма», идейное объединение студенчества не требует цельного миросозерцания, а исключает таковое, идейное объединение обозначает «терпимое» отношение к различного рода революционным идеям, предполагает воздержание от решительного признания одного какого-либо определенного круга идей, одним словом: идейное объединение, с точки зрения этих мудрецов политиканства, предполагает некоторую безыдейность (конечно, прикрытую более или менее искусно, избитыми формулами о широте взглядов, о важности единства во что бы то ни стало и немедленно и т. д. и т. п.). Довольно благовидным и, с первого взгляда, очень убедительным доводом в пользу такой постановки вопроса служит всегда указание на тот общезвестный и неоспоримый факт, что в студенчестве есть и не могут не быть весьма различные группы по их политико-социальным взглядам, а поэтому требование цельности и определенности миросозерцания неминуемо оттолкнет некоторые из этих групп,—следовательно, помешает объединению, следовательно, вызовет раздоры, вместо дружной работы, следовательно, ослабит силу общего политического натиска и т. д. без конца.

Присмотримся к этому благовидному рассуждению. Возьмем, например, деление студенчества на группы из № 1 «Студента»—в этом первом номере требование определенного и цельного миросозерцания еще не было выдвинуто редакцией, которую поэтому трудно было бы заподозрить в пристрастности к социал-демократической «узости». Редакционная статья в № 1 «Студента» различает в современном студенчестве четыре крупные группы: 1) «равнодушная толпа»—лица, совершенно индифферентно относящиеся к студенческому движению; 2) «академисты»—сторонники студенческих движений на исключительно академической почве; 3) «противники студенческих движений вообще»—националисты, антисемиты и т. д.; 4) «политики»—сторонники борьбы за свержение царского деспотизма. «Эта группа, в свою очередь, состоит из двух противоположных элементов—из чисто буржуазной политической оппозиции, революционно настроенной и—из создания последних дней (только ли последних дней? *Н. Ленин*)—социалистически настроенного революционного интеллигентного пролетариата». Если принять во внимание, что последняя подгруппа, в свою очередь, делится как всем известно, на студентов социалистов-

революционеров и студентов социал-демократов, то окажется, что в современном студенчестве имеется *шесть* политических групп: реакционеры, равнодушные, академисты, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы.

Спрашивается: не случайна ли эта группировка? не есть ли это временное распределение настроений? Достаточно прямо поставить этот вопрос, чтоб на него был тотчас дан отрицательный ответ всяким, сколько-нибудь знакомым с делом, человеком. Да иной группировки и быть не могло бы в нашем студенчестве, потому что оно является самой отзывчивой частью интеллигенции, а интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе. Студенчество не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе,— «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе. И для всего русского общества, с его зачаточным (сравнительно) развитием классовых антагонизмов, с его политической девственностью, с его забитостью и придавленностью громадных и громаднейших масс населения полицейским деспотизмом, характерны именно такие шесть групп: реакционеры, равнодушные, *культурники*, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы. Вместо «академистов» я поставил здесь «культурников», т.-е. сторонников легального прогресса без политической борьбы, прогресса на почве самодержавия. Такие культурники есть во всех слоях русского общества, и везде они, подобно студенческим «академистам», ограничиваются маленьким кругом профессиональных интересов, улучшением данных отраслей народного хозяйства или государственного и местного управления, везде они боязливо сторонятся «политики», не различая (как не различают академисты) «политиков» различных направлений и называя политикой все и вся, относящееся до... формы правления. Слой культурников всегда являлся и является поныне широким основанием нашего либерализма: в «мирные» времена (т.-е. в переводе на «русский» язык, во времена политической реакции) понятия культурника и либерала почти совершенно сливаются, да даже и в военные времена, во времена подъема общественного настроения, во времена растущего натиска на самодержавие, различие между этими понятиями нередко остается смутным. Русский либерал, даже когда он выступает перед публикой в свободном

заграничном издании с прямым и открытым протестом против самодержавия, все же таки не перестает чувствовать себя больше всего культурником и нет-нет, а примется рассуждать по-рабы, или, если хотите, по-легальному, по-лояльному, по-верноподданически: зри «Освобождение».

Отсутствие определенной и ясно видной для всех грани между культурниками и либералами характерно вообще для всей политической группировки русского общества. Нам могли бы сказать, пожалуй, что вышеприведенное деление на шесть групп неправильно, ибо оно не соответствует классовому делению русского общества. Но такое возражение было бы несостоятельно. Классовое деление является, конечно, самым глубоким основанием политической группировки; оно в *последнем счете* всегда определяет, конечно, эту группировку. Но это глубокое основание вскрывается лишь по мере хода исторического развития и по мере сознательности участников и творцов этого развития. Этот «последний счет» подводится лишь политической борьбой,—иногда результатом долгой, упорной, годами и десятилетиями измеряемой борьбы, то проявляющейся бурно в разных политических кризисах, то замирающей и как бы останавливающейся на время. Недаром, например, в Германии, где особенно острые формы принимает политическая борьба и где особенно сознательно выступает передовой класс—пролетариат,—существуют все еще такие партии (и могучие партии), как центр, прикрывающий вероисповедным отличительным признаком свое разнородное (а в общем безусловно антипролетарское) классовое содержание. Тем менее можно удивляться тому, что классовое происхождение современных политических групп в России затемняется в сильнейшей степени политическим бесправием всего народа, господством над ним замечательно организованной, идейно сплоченной, традиционно-замкнутой бюрократии. Надо удивляться скорее тому, какой сильный отпечаток успело уже наложить европейско-капиталистическое развитие России, вопреки ее азиатскому политическому строю, на политическую группировку общества.

Передовой класс всякой капиталистической страны, промышленный пролетариат, выступил уже и у нас на путь массового, организованного движения под руководством социал-демократии, под знаменем программы, которая уже давно стала программой всего международного сознательного пролетариата. Разряд равнодушных к политике неизмеримо многочисленнее, конечно, в России, чем в любой европейской стране, но и у нас уже не может быть речи о примитивной и первобытной девственности этого разряда: равнодушные несознатель-

ных рабочих,—отчасти и крестьян—все чаще и чаще сменяется вспышками политического брожения и активного протеста, доказывая наглядно, что *это* равнодушие не имеет ничего общего с равнодушием сытых буржуа и мелких буржуа. Этот последний класс, особенно многочисленный в России при ее слабом еще, сравнительно, развитии капитализма, с одной стороны, начинает уже, несомненно, поставлять и реакционеров, сознательных и последовательных,—с другой стороны, и несравненно чаще, он слабо еще выделяется из массы серого и забитого «трудящегося народа», находя себе идеологов в широких слоях разночинской интеллигенции с совершенно неустановившимся миросозерцанием, с бессознательным смешением демократических и примитивно социалистических идей. Именно эта идеология и характерна для старой русской интеллигенции, как правого фланга либерально-народнической ее части, так и самого левого: «социалистов-революционеров».

Я сказал: «старой» русской интеллигенции. Появляется у нас уже и *новая*, либерализм которой почти совсем очистился (не без помощи русского марксизма, конечно) от примитивного народничества и расплывчатого социализма. Образование настоящей буржуазно-либеральной интеллигенции идет у нас семимильными шагами, особенно благодаря участию в этом процессе столь поворотливых и отзывчивых ко всякому модному веянию оппортунизма людей, как г.г. Струве, Бердяевы ⁶⁷⁾, Булгаковы и К^о. Что касается, наконец, до непринадлежащих к интеллигенции либеральных и реакционных слоев русского общества, то связь их с классовыми интересами тех или иных групп нашей буржуазии и наших землевладельцев достаточно ясна для всякого, кто сколько-нибудь знаком, например, с деятельностью наших земств, дум, биржевых, ярмарочных комитетов и т. д.

Итак, мы пришли к несомненному выводу, что политическая группировка нашего студенчества не случайно, а необходимо и неизбежно является именно такой, какой мы обрисовали ее выше, в согласии с № 1 газеты «Студент». Установив этот факт, мы легко уже можем разобраться в спорном вопросе о том, что собственно должно понимать под «идейным объединением студенчества», под его «революционизированием» и т. п. На первый взгляд, чрезвычайно странно даже, как мог оказаться спорным такой простой вопрос. Если политическая группировка студенчества соответствует политической группировке общества, то не означает ли это само собою, что под «идейным

объединением» студенчества можно понимать только одно из двух: или привлечение возможно большего числа студентов на сторону вполне определенного круга социально-политических идей, или возможно более тесное сближение между студентами определенной политической группы и представителями этой группы вне студенчества? Не ясно ли само собой, что о революционизировании студенчества можно говорить только с точки зрения вполне определенного взгляда на содержание и характер этого революционизирования? Для социал-демократа, например, оно означает, во-первых, распространение социал-демократических убеждений среди студенчества и борьбу с теми взглядами, которые хотя и называются «социалистически-революционными», но с революционным социализмом не имеют ничего общего, а во-вторых, стремление расширить, сделать более сознательным и более решительным всякое демократическое, а в том числе и академическое движение в студенчестве.

Каким образом был запутан и оказался спорным такой простой и ясный вопрос,—это очень интересный и очень характерный эпизод. Спор велся между «Революционной Россией» (№№ 13 и 17) и «Искрой» (№№ 31 и 35) по поводу «открытого письма» Киевского союзного совета объединенных землячеств и студенческих организаций (напечатано в № 13 «Революционной России» и в № 1 «Студента»). Киевский союзный совет нашел «узким» постановление II Всероссийского Студенческого съезда 1902 года о том, чтобы студенческие организации состояли в сношениях с комитетами Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, при чем совершенно очевидный факт сочувствия некоторой части студенчества некоторых местностей «партии социалистов-революционеров» был благовидно прикрыт весьма «беспристрастным» и весьма несостоятельным рассуждением на тему о том, что «студенчество» как таковое не может примыкать всецело ни к партии социалистов-революционеров, ни к партии социал-демократов». «Искра» указала на несостоятельность этого рассуждения, а «Революционная Россия», разумеется, горой встала на защиту его, обвинив искровских «фанатиков разъединений и расколов» в «бестактности», в недостатке политической зрелости.

После того, что сказано было выше, несуразность такого рассуждения слишком уже очевидна. Речь идет о той или иной политической роли студенчества. И вот сначала, видите ли, надо закрыть глаза на то, что студенчество не отрезано от остального общества и поэтому всегда и неизбежно отражает в себе всю политическую группировку общества. Потом, с закрытыми глазами, принимаются разглагольствовать о студенчестве, как таковом, или о студенчестве

вообще. Вывод получается... о вреде разъединений и расколов, связанных с присоединением к той или иной политической партии. Ясно, как день, что для доведения до конца этого курьезного рассуждения надо было перескочить с политической почвы на почву профессиональную или учебную. И «Революционная Россия» в статье «Студенчество и революция» (№ 17) делает именно такое сальто-мортале, зсылаясь, во-первых, на общестуденческие интересы, на общестуденческую борьбу, а во-вторых, на учебные цели студенчества, задачи подготовки к предстоящей общественной деятельности, задачи выработки сознательных политических борцов. Обе эти ссылки весьма справедливы,—только к делу-то они не относятся и вопрос лишь запутывают. Вопрос стоит о *политической* деятельности, которая, по самому существу своему, неразрывно связана с борьбой партий и неизбежно требует *выбора* одной определенной партии. Каким же образом от этого выбора можно отговариваться тем, что для *всякой* политической деятельности нужна серьезнейшая научная подготовка, «выработка» твердых убеждений, или тем, что *всякая* политическая работа не может ограничиваться одними кружками политиков данного направления, а должна направляться в более и более широкие слои населения, должна смыкаться с профессиональными интересами каждого слоя, соединять профессиональное движение с политическим, поднимать первое до второго?? Ведь один уж тот факт, что людям приходится, для защиты своей позиции, прибегать к подобным отговоркам, показывает воочию, до какой степени не достает им самим ни определенных научных убеждений, ни твердой политической линии! С какой стороны ни подходить к делу, вы видите новое и новое подтверждение той старой истины, которую давно проповедуют социал-демократы, преследуя эквилибристику социалистов-революционеров, и в научно-теоретическом и в практическо-политическом отношении,—между марксизмом, с одной стороны, западно-европейским «критическим» оппортунизмом, с другой стороны, и русским мелко-буржуазным народничеством, с третьей стороны *).

В самом деле, представьте себе сколько-нибудь развитые политические отношения и взгляните на практическую постановку нашего «спорного вопроса». Допустим, перед нами есть партии клерикалов, либералов и социал-демократов. Они действуют в известных местностях, скажем, среди некоторых слоев студенчества и хотя бы

*) Само собой разумеется, что положение о непоследовательности и внутренней противоречивости программы и тактики социалистов-революционеров требует особого обстоятельного разъяснения. Мы надеемся остановиться на этом вопросе подробно в одном из следующих писем. Автор.

рабочего класса. Они стараются привлечь на свою сторону возможно большее число влиятельнейших представителей того и другого. Спрашивается, мыслима ли такая вещь, чтобы против выбора этими представителями какой-либо одной определенной партии они стали восставать на том основании, что есть известные общие учебные и профессиональные интересы всего студенчества и всего рабочего класса? Это было бы все равно, как если бы необходимость борьбы партий оспаривали ссылкой на искусство книгопечатания, приносящее такую пользу всем партиям без различия. Нет ни одной партии в цивилизованных странах, которая бы не понимала громадной пользы возможно более широких и прочно поставленных учебных и профессиональных союзов, но всякая стремится к тому, чтобы в этих союзах преобладало именно ее влияние. Кто ж не знает, что ссылка на беспартийность тех или иных учреждений является обыкновенно не более, как лицемерной фразой в устах правящих классов, желающих затушить то, что существующие учреждения пропитаны уже в 99-ти случаях из ста самым определенным политическим духом? А ведь наши г.г. социалисты-революционеры, в сущности, именно и поют дифирамбы в честь «беспартийности». Возьмите, например, такую чувствительную тираду «Революционной России» (№ 17): «Что же это за близорукая тактика, когда революционная организация непременно желает увидеть во всякой другой самостоятельной, неподчиненной ей организации *конкурента*, который должен быть уничтожен, в среду которого должно быть непременно внесено разделение, разъединение, дезорганизация?». Это сказано по поводу воззвания московской социал-демократической организации 1896 г., которая упрекает студенчество за то, что оно замкнулось в последние годы в узкий круг своих университетских интересов и которую «Революционная Россия» поучает, что существование студенческой организации никогда не мешает отдавать свои силы на рабочее дело тем, кто «определился в революционном отношении».

Посмотрите, сколько здесь путаницы. Конкуренция возможна (и неизбежна) только между политической и политической же организацией, между политическим и политическим же стремлением. Между обществом взаимопомощи и революционным кружком конкуренция невозможна, и, приписывая последнему желание непременно уничтожить первое, «Революционная Россия» говорит сущие пустяки. Но если в том же обществе взаимопомощи проявилось известное политическое стремление,—например, не помогать революционерам или исключать из библиотеки нелегальные книги,—то конкуренция и прямая борьба *обязательны* для всякого честного

«политика». Если есть люди, замыкающие кружки в узко-университетские интересы (а такие люди несомненно есть, и в 1896 году их было гораздо больше!), то *борьба* между ними и людьми, проповедующими не сужение, а расширение интересов, точно так же необходима и обязательна. А ведь в открытом письме киевского совета, вызвавшего полемику «Рев. России» с «Искрой», речь шла о выборе не между студенческими и революционными организациями, а между революционными организациями разных направлений. Следовательно, *выбирать* начали именно те, кто уже «определился в революционном отношении», а наши «социалисты-революционеры» тащат их *назад* под тем предлогом, что конкуренция между революционной и чисто-студенческой организацией близорука... Очень уж это несвязно, господа!

Революционная часть студенчества начала делать выбор между двумя революционными партиями, а ее угощают таким поучением: «не навязыванием» «определенного» (предпочтительнее, конечно, неопределенность...), «партийного ярлыка» (для кого ярлык, а для кого—знамя), «не насилием над умственной совестью товарищеских студентов» (вся буржуазная пресса всех стран всегда объясняет рост социал-демократии насилием вожakov и науськивателей над совестью мирных товарищей...) «достигалось это влияние», т.-е. влияние социалистической части студенчества на остальную. Думается, всякий порядочный студент оценит по заслугам это обвинение социалистов в «павязывании» ярлыков и в «насиловании совести». И эти бесхарактерные, дряблые и беспринципные речи говорят в России, где так еще безмерно слабы понятия партийной организации, партийной выдержки и чести, партийного знамени!

Революционному студенчеству наши «социалисты-революционеры» ставят в образец прежние студенческие съезды, которые провозглашали свою «солидарность с общеполитическим движением, совершенно отвлекаясь от фракционных раздоров, существующих в революционном лагере». Что такое «общеполитическое» движение? Движение социалистическое плюс либеральное. Отвлечься от этого различия—значит встать на сторону непосредственного и ближайшего, т.-е. именно либерального, движения. И к этому зовут «социалисты-революционеры»! К отстранению от партийной борьбы зовут люди, именующие себя *особой* партией! Не показывает ли это, что подобная партия не в состоянии провезти своего политического товара под собственным флагом, а вынуждена прибегать к контрабанде? Не явствует ли отсюда то отсутствие у этой партии какого-либо *своего* определенного программного базиса? Мы сейчас увидим это.

Ошибки социалистов-революционеров в их рассуждениях о студенчестве и революции не могут быть объяснены одной только нелогичностью, которую мы старались доказать выше. В известном смысле можно утверждать обратное: нелогичность их рассуждений вытекает из их основной ошибки. Как «партия», они заняли с самого начала такую внутренне-противоречивую, такую скользкую позицию, что на ней не могли удержаться, без постоянных шатаний и падений, люди вполне честные и вполне способные к политическому мышлению. Надо всегда помнить, что не различными ошибками тех или иных писателей, тех или иных деятелей объясняет социал-демократия вред, приносимый делу социализма «социалистами-революционерами», а, наоборот, все эти ошибки она считает неизбежным результатом фальшивой программной и политической позиции. На таком вопросе, как студенческий, эта фальшь выступает особенно наглядно, и становится очевидным противоречие между *буржуазно-демократической* точкой зрения и мишурным облачением революционного социализма. В самом деле, всмотритесь в ход мыслей программной статьи «Революционной России»: «Студенчество и революция». Автор кладет во главу угла: «бескорыстность и чистоту стремлений» «силу идеальных мотивов» у «юности». Именно в этом ищет он объяснения ее «новаторских» политических стремлений, а не в тех реальных условиях общественного быта России, которые, с одной стороны, порождают непримиримое противоречие между самодержавием и весьма широкими и весьма разнородными слоями населения, а, с другой стороны, — чрезвычайно затрудняют (скоро надо уже будет говорить: затрудняли) иное проявление политического недовольства, как через посредство университетов,

Автор обрушивается затем на попытки социал-демократов сознательно отнестись к различию политических групп внутри студенчества, сплотить теснее однородные политические группы и разъединить то, что политически разнородно. Не то, чтобы автор критиковал неправильность той или иной из этих попыток, — смешно было бы утверждать, что все эти попытки и во всем всегда были удачны. Нет, автору чужда совершенно самая идея о том, что различие классовых интересов неизбежно должно отразиться и на политической группировке, что студенчество не может составить изъятия из всего общества, несмотря на всю свою бескорыстность, чистоту, идеальность и проч., что задача социалиста не заглушивать этого различия, а, напротив, разъяснять его возможно более широкой массе и закреплять его в политической организации. Автор смотрит на вещи с идеа-

листической точки зрения буржуазного демократа, а не с материалистической—социал-демократа.

Автор не стыдится поэтому выставлять и повторять призыв революционного студенчества к «общеполитическому движению». Для него центр тяжести лежит именно в общеполитическом, т.-е. в общедемократическом, движении, которое должно быть едино. Единства этого не должны нарушать «чисто революционные кружки», которые должны группироваться «параллельно с общестуденческой организацией». С точки зрения интересов этого широкого и единого демократического движения преступно, конечно, «павязывание» партийных ярлыков и насилование умственной совести товарищей. Именно так смотрела буржуазная демократия и в 1848 году, когда попытки указать на противоречие классовых интересов буржуазии и пролетариата вызывали «всеобщее» осуждение «фанатиков разъединения и раскола». Именно так смотрит и новейшая разновидность буржуазной демократии,—оппортунисты и ревизионисты, жаждущие единой великой демократической партии, мирно идущей путем реформ, путем сотрудничества классов. Все они всегда были и не могут не быть врагами «фракционных» раздоров и сторонниками «общеполитического» движения.

Вы видите: рассуждения социалистов-революционеров, несуразные и противоречивые до смешного с точки зрения социалиста, становятся вполне понятны и последовательны с точки зрения буржуазно-демократической. Это—потому, что партия социалистов-революционеров есть в сущности не что иное, как *фракция* буржуазной демократии, фракция, по составу своему преимущественно интеллигентская, по точке зрения преимущественно мелко-буржуазная, по теоретическому своему знамени—эклектически соединяющая новейший оппортунизм и старореволюционное народничество *).

Лучшим опровержением объединительной фразеологии буржуазного демократа является самый ход политического развития и политической борьбы. И в России рост действительного движения успел уже привести к *такому* опровержению. Я имею в виду выделение «академистов», как особой группы студенчества. Покуда не было настоящей борьбы, академисты не выделялись из «общестуденческой» массы, и «единство» всей «мыслящей части» студенчества казалось ненарушимым. Как только дошло до *дела*,—расхождение разнородных элементов стало неизбежным **).

*) См. примечание автора на стр. 138. *Ред.*

**) Если верить некоторым сообщениям, то в последнее время обнаруживается все сильное и дальнейшее расхождение разнородных элементов студен-

Прогресс политического движения и прямого затиска на самодержавие тотчас же ознаменовался прогрессом определенности в политической группировке,—вопреки всяческим пустым речам об объединении всех и каждого. В том, что разделение академистов и политиков есть крупный шаг вперед,—едва ли станет сомневаться хоть один человек. Но означает ли это разделение, что студенты-социал-демократы «порвут» с академистами? «Революционной России» кажется, что да (см. № 17, стр. 3).

Но кажется ей это только вследствие той путаницы, которую мы обнаружили выше. Полная размежка политических направлений отнюдь не означает «разрыва» профессиональных и учебных союзов. Социал-демократ, который поставит своей задачей работу в студенчестве, *непрерывно* постарается проникнуть сам или через посредство своих агентов в возможно большое число возможно более широких «чисто студенческих» и самообразовательных кружков, постарается расширять кругозор того, кто требует только академической свободы, постарается пропагандировать именно социал-демократическую программу среди тех, кто еще ищет какой-нибудь программы.

Резюмируем. Известная часть студенчества хочет выработать себе определенное и цельное социалистическое мировоззрение. Конечной целью этой подготовительной работы может быть—для студентов, желающих практически участвовать в революционном движении,—только сознательный и бесповоротный выбор одного из двух направлений, сложившихся в настоящее время в революционной среде. Кто протестует против такого выбора во имя идейного объединения студенчества, во имя его революционизирования вообще и т. п.,—тот затемняет социалистическое сознание, тот проповедует на самом деле лишь безыдейность. Политическая группировка студенчества не может не отражать политической группировки всего общества, и долг всякого социалиста—стремиться к возможно более сознательной и последовательной размежке политически различных групп. Призыв, обращенный к студенчеству партией соц.-рев.—«провозгласить свою солидарность с общеполитическим движением и совершенно отвлечься от фракционных раздоров в революционном лагере»—является, по сущности своей, ничем иным, как призывом *назад*, от социалистической к буржуазно-демократической точке зрения. В этом нет ничего удивительного, ибо «партия соц.-

чества, именно выделение социалистов от политиков-революционеров, которые и слышать не хотят о социализме. Говорят, что среди сосланных в Сибирь студентов очень определенно выступило это последнее направление. Посмотрим, подтвердятся ли эти сообщения.

рев.» есть лишь фракция буржуазной демократии в России. Разрыв студента социал-демократа с революционерами и политиками всех других направлений отнюдь не означает разрыва общестуденческих и образовательных организаций; напротив, только стоя на точке зрения вполне определенной программы, можно и должно работать в самых широких кругах студенчества над расширением академического кругозора и над пропагандой научного социализма, т.-е. марксизма.

Р. С. В следующих письмах я хотел бы побеседовать с читателями «Студента» о значении марксизма для выработки цельного мировоззрения, о принципиальных и тактических отличиях соц.-дем. партии и партии соц.-рев., о вопросах студенческой организации и об отношении студенчества к рабочему классу вообще.

*«Студент» № 2—3.
Сентябрь 1903 года.*

ПИСЬМО К ТОВАРИЩУ
О НАШИХ
ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ ⁶⁸).

Дорогой товарищ! С удовольствием исполняю вашу просьбу дать критику вашего проекта «Организации СПБ. Революционной партии». (Вы имели в виду, вероятно, организацию петербургской работы Росс. С.-Д. Раб. Партии.) Поднятый вами вопрос так важен, что в обсуждении его должны принять участие все члены СПБ. комитета и даже все русские социал-демократы вообще.

Прежде всего, отмечу полную свою солидарность с вашим объяснением непригодности прежней («союзной», как вы ее называете) организации «Союза». Вы указываете на отсутствие серьезной подготовки и революционного воспитания у передовых рабочих, на так называемую выборную систему, так гордо и упорно защищаемую рабочедельцами из-за «демократических» принципов, на отчужденность рабочих от активной деятельности.

Именно так: 1) отсутствие серьезной подготовки и революционного воспитания (не только у рабочих, но и у интеллигентов), 2) неуместное и неумеренное применение выборного начала и 3) отчужденность рабочих от активной *революционной* деятельности, — в этом, действительно, заключается главный недостаток не только СПБ-ой, но и многих других местных организаций нашей партии.

Вполне разделяя ваш основной взгляд на организационные задачи, я присоединяюсь также и к вашему организационному проекту, насколько главные черты его выясняются для меня из вашего письма.

А именно, я совершенно согласен с вами, что следует особенно подчеркивать задачи общерусской работы и всей партии вообще; у вас это выражено тем, что пункт первый проекта гласит: «руководящим центром *партии* (а не одного только комитета или района) является газета «Искра», имеющая постоянных корреспондентов среди рабочих и тесно связанная с внутренней работой организации». Я бы заметил только, что ~~газета~~ может и должна быть *идейным* руководителем партии, развивать теоретические истины, тактические по-

ложения, общие организационные идеи, общие задачи всей партии в тот или другой момент. Непосредственным же *практическим* руководителем движения может быть только особая центральная группа (назовем ее хоть Центральным Комитетом), сносящаяся *лично* со всеми комитетами, включающая в себя все лучшие революционные силы всех русских социал-демократов и *распоряжающаяся* всеми общепартийными делами, как-то: распределение литературы, издание листков, распределение сил, назначение лиц и групп для заведывания особыми предприятиями, подготовка общерусских демонстраций и восстания и т. д. При необходимости строжайшей конспирации и охраны преемственности движения,—у нашей партии могут и должны быть *два* руководящих центра: Ц. О. (центральный орган) и Ц. К. (центральный комитет). Первый должен руководить идейно, второй—непосредственно и практически. Единство в действии и необходимая солидарность между этими группами должны быть обеспечены не только единой программой партии, но и *составом обеих групп* (надо, чтобы в обеих группах, и в Ц. О. и в Ц. К., были вполне спешившиеся между собою люди) и учреждением регулярных и постоянных совещаний между ними. Только тогда, с одной стороны, Ц. О. будет поставлен вне действия русских жандармов, и ему будет обеспечена выдержанность и преемственность,—а с другой стороны, Ц. К. будет всегда солидарен с Ц. О. во всем существенном и достаточно свободен для непосредственного *распорядительства* всей практической стороной движения.

Было бы желательно поэтому, чтобы пункт первый устава (сообразно вашему проекту) указывал не только на то, какой орган партии признается руководящим (это необходимое, конечно, указание); но также и на то, что данная местная организация ставит своей задачей активно работать над *созданием*, поддержкой и упрочением тех центральных учреждений, без которых наша партия не может существовать, как партия.

Далее, во втором пункте вы говорите о комитете, что он должен «руководить местной организацией» (может быть, лучше сказать: «всей местной работой и всеми местными организациями партии», но я не буду останавливаться на деталях формулировки), и что он должен состоять и из рабочих, и из интеллигентов, разделение же их на два комитета—вредно. Это вполне и безусловно справедливо. Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии должен быть один, и в нем должны быть вполне сознательные социал-демократы, посвящающие себя целиком соц.-дем. деятельности. Надо особенно стараться о том, чтобы как можно более рабочих становились вполне сознатель-

ными и профессиональными революционерами и попадали в комитет *).

При условии *единого*, а не двойственного комитета, вопрос о том, чтобы многих рабочих знали *лично* члены комитета, приобретает особое значение. Чтобы руководить всем, что происходит в рабочей среде, надо иметь возможность всюду попасть, надо очень многих знать, иметь все ходы и т. д. и т. д. В комитете должны быть, поэтому, по возможности, все главные *возжаки* рабочего движения из самих рабочих, комитет должен руководить *всеми* сторонами местного движения и заведывать *всеми* местными учреждениями, силами и средствами партии. О том, как должен составляться комитет, вы не говорите,—вероятно, мы и тут согласимся с вами, что об этом вряд ли нужны особые правила; как составить комитет—это уже дело местных соц.-демократов. Разве только можно было бы указать, что комитет пополняется по решению большинства (или двух третей и т. п.) членов его, что комитет должен заботиться о передаче своих связей в надежное (в революционном отношении) и сохранное (в политическом смысле) место, и о подготовке себе заранее кандидатов. Когда у нас будет Ц. О. и Ц. К.—новые комитеты должны образовываться не иначе, как при их участии и с их согласия. Число членов комитета должно быть по возможности не очень велико (чтобы уровень этих членов был выше и их специализация в революционной профессии полнее), но в то же время достаточное для заведывания *всеми* сторонами дела и обеспечения полноты совещаний и твердости решений. Если бы оказалось, что членов довольно много и часто собираться им опасно,—тогда может быть пришлось бы выделить из комитета еще особую, очень маленькую (скажем, человек пять, а то и меньше) *распорядительную* группу, которая непременно должна включать в свой состав секретаря и лиц, наиболее способных быть практическими распорядителями всей работы в целом. Для этой группы было бы *особенно важно* обеспечить себе кандидатов на случай провала, чтобы работа не останавливалась. Общие собрания комитета утверждали бы действия распорядительной группы, определяли ее состав и т. п.

Далее, *после* комитета вы выдвигаете, как соподчиненные ему, следующие учреждения: 1) дискуссию (совещание «лучших» революционеров), 2) районные кружки с 3) кружком пропагандистов при каждом из них, 4) заводские кружки и 5) «представительные сходы» делегатов от заводских кружков данного района. Я вполне согласен

*) В комитет надо стараться ввести рабочих-революционеров, имеющих наибольшие связи и наилучшее «имя» в рабочей массе.

с вами, что *все* дальнейшие учреждения (а их должно быть очень много и очень разнообразных, помимо названных вами) должны быть соподчинены комитету, и что нужны районные (для очень больших городов) и заводские (всегда и повсюду) группы. Но в некоторых частностях я, кажется, не вполне согласен с вами. Например, насчет «дискуссии»: я думаю, что такого учреждения *вовсе не надо*. «Лучшие революционеры» должны быть все в комитете или на особых функциях (типография, транспорт, разъездная агитация, организация, скажем, паспортного бюро, или дружины для борьбы со шпионами и провокаторами, или групп в войске и т. д.).

«Совещания» будут происходить и в комитете и в *каждом* районе, в каждом заводском, пропагандистском, профессиональном (ткачей, механиков, кожевников и прочее), студенческом, литературном и т. д. кружке. К чему особое учреждение для совещаний?

Далее. Вы совершенно справедливо требуете, чтобы «всем желающим» была предоставлена возможность непосредственно корреспондировать в «Искру». Но только «непосредственно» надо понимать не так, чтобы «всем желающим» давать ход и адрес к редакции, а так, чтобы обязательно передавать (или пересылать) редакции письма от *всех желающих*. Адреса же нужно давать *довольно широко*, но все же не всем желающим, а только революционерам надежным и выдающимся конспиративной умелостью,—может быть и не по одному на район, как вы хотите, а по несколько: надо также, чтобы все участники работы, все и всякие кружки *имели право* доводить свои решения, желания, запросы до сведения *как комитета*, так и Ц. О. и Ц. К. Если мы обеспечим это, то тогда *полнота совещаний всех партийных работников* будет достигнута без создания таких громоздких и неконспиративных учреждений, как «дискуссия». Конечно, надо еще стараться устраивать *личные совещания* возможно большего числа всех и всяких деятелей,—по ведь тут все дело в конспирации. Общие собрания и сходки возможны в России лишь изредка, в виде исключения, и надо быть сугубо осторожным при допущении на эти собрания «лучших революционеров», ибо на общие собрания вообще легче попасть провокатору и проследить одного из участников—шпиону. Я думаю, было бы, может быть, лучше сделать так: когда можно устраивать большие (скажем, 30—100 человек) общие собрания (напр., летом в лесу или в особо найденной конспиративной квартире), тогда комитет пусть пошлет туда 1—2 «лучших революционеров» и *позаботится* о хорошем составе собрания, т. е., напр., о приглашении возможно большего числа надежных членов заводских кружков и т. п. Но не надо оформливать этих собраний, не надо вносить их

в устав, не надо делать их регулярными, не надо делать так, чтобы все члены собрания знали всех участвующих, т.-е. что все «представители» кружков и т. п.; вот почему я против не только «дискуссий», но и против «представительной сходки». Вместо обоих этих учреждений я бы предложил постановить примерно такое правило: Комитет заботится об устройстве больших собраний возможно большего числа практических участников движения и всех рабочих вообще. Время, место, повод собрания и состав его определяются комитетом, который ответственен за конспиративную постановку таких предприятий. Само собой разумеется, что этим нисколько не стесняется и устройство рабочими еще менее оформленных сходов на прогулках, в лесу и т. п. Может быть, еще лучше было бы не говорить об этом в уставе.

Далее, что касается районных групп, то относительно их я вполне согласен с вами, что одной из важнейших задач их является правильная постановка *распределения* литературы. Я думаю, районные группы должны быть, главным образом, *посредниками* между комитетами и заводами, посредниками и даже преимущественно *передатчиками*. Конспиративная постановка правильного распространения литературы, полученной из комитета, должна быть их главной задачей. И эта задача в высшей степени важна, потому что, если обеспечить регулярные сношения особой районной группы разносчиков со всеми заводами района, с возможно большим числом рабочих квартир района, то это будет иметь громадное значение и для демонстраций и для восстания. Наладить, организовать дело быстрой и правильной передачи литературы, листов, прокламаций и пр., приучить к этому целую сеть агентов—это значит сделать *большую* половину дела по подготовке в будущем демонстраций или восстания. В момент возбуждения, стачки, брожения уже поздно налаживать разноску литературы—к этому можно приучить только исподволь, *обязательно* проделывая это раза по два, по три в месяц. Если нет газеты, то это можно и должно проделывать с листками, но никоим образом не позволять этому распространительному аппарату бездействовать. Надо стремиться довести этот аппарат до такой степени совершенства, чтобы в одну ночь все рабочее население СПБ. можно было оповестить и, так сказать, мобилизовать. И это вовсе не утопическая задача при условии систематической передачи листов из центра в более узкие посреднические кружки и от них разносчикам. Расширять пределы ведения районной группы на другие функции, помимо чисто посреднической и передаточной, по моему мнению, не следовало бы, или, вернее, следовало бы лишь с чрезвычайной осторожностью—это может повредить только и конспиративности и цель-

ности работы. Сопения по всем партийным вопросам, конечно, будут происходить и в районных кружках, но *решать* все общие вопросы местного движения должен только комитет. Самостоятельность районной группы следовало бы допустить лишь в вопросах о технике передачи и распространения. Состав районной группы должен определяться комитетом, т.-е. комитет *назначает* одного-двух своих членов (или даже и не членов) в делегаты по такому-то району и поручает этим делегатам *составить районную группу*, все члены которой опять-таки комитетом утверждаются, так сказать, в должности. Районная группа—филиальное отделение комитета, только от него заимствующее свои полномочия.

Перехожу к вопросу о кружках пропагандистов. Организовывать их отдельно при каждом районе едва ли возможно при бедности пропагандистских сил и едва ли желательно. Пропаганда должна вестись в одном духе всем комитетом, и ее следует строго централизовать, поэтому я представляю себе дело так: комитет поручает нескольким своим членам организовать группу пропагандистов (которая будет филиальным отделением комитета или *одним из комитетских учреждений*). Эта группа, пользуясь в конспиративном отношении *услугами* районных групп, должна вести пропаганду *во всем городе*, во всей местности, «подведомственной» комитету. Если нужно, эта группа может составить еще подгруппу, передоверить, так сказать, дальше ту или другую часть ее функций, но все это не иначе, как при условии утверждения со стороны комитета, комитет всегда и безусловно должен иметь право послать своего делегата в каждую группу, подгруппу или кружок, сколько-нибудь прикосновенный к движению.

По тому же типу поручений, по типу филиальных отделений комитета или его учреждений, должны быть организованы все разнообразные группы, обслуживающие движение—и группы студенческой и гимназической молодежи, и группы, скажем, содействующих чиновников, и группы транспортная, типографская, паспортная, группы по устройству конспиративных квартир, группы по слежению за шпионами, группы военных, группы по снабжению оружием, группы по организации, напр., «доходного финансового предприятия» и т. д. Все искусство конспиративной организации должно состоять в том, чтобы использовать *все и вся*, «дать работу всем и каждому», сохраняя в то же время *руководство* всем движением, сохраняя, разумеется, не силой власти, а силой авторитета, силой энергии, большей опытности, большей разносторонности, большей талантливости. Это замечание относится к тому возможному и обычному возра-

жению, что строгая централизация слишком легко может погубить дело, если *случайно* в центре окажется наделенное громадной властью *неспособное* лицо. Это возможно, конечно, но средством против этого не может быть выборность и децентрализация, абсолютно недопустимая в сколько-нибудь широких размерах и даже прямо вредная в революционной работе при самодержавии. Средства против этого не дает никакой устав, его могут дать лишь меры «товарищеского воздействия», начиная с резолюций всех и всяческих подгрупп, продолжая обращением их к Ц. О. и Ц. К. и кончая (в худшем случае) *свержением* совершенно неспособной власти. Комитет должен стараться возможно полнее проводить разделение труда, памятуя, что для разных сторон революционной работы нужны разные способности, что иногда человек, совершенно негодный в организаторы, будет незаменимым агитатором, или человек, неспособный к конспиративной строжайшей выдержке, будет превосходным пропагандистом и т. п.

Кстати, по поводу пропагандистов я хотел бы еще сказать несколько слов против обычного *переполнения* этой профессии малоспособными людьми и принижения этим уровня пропаганды. У нас иногда всякий студент без разбора считается пропагандистом, и вся *молодежь* требует, чтобы ей «дали кружок» и т. п. С этим надо бы бороться, ибо вреда от этого бывает очень много. Действительно выдержанных принципиально и способных пропагандистов *очень немного* (и чтобы стать таковым, надо порядочно поучиться и набраться опыта), и таких людей надо специализировать, занимать их целиком и беречь сугубо. Надо организовывать по несколько лекций в неделю для таких лиц и уметь во-время вызывать их в другие города, организовывать вообще объезд разных городов умелыми пропагандистами. А массу начинающей молодежи надо ставить более на практические предприятия, которые у нас бывают в загоне по сравнению с тем студенческим хождением по кружкам, которые оптимистически называются «пропагандой». Конечно, для серьезных практических предприятий нужна тоже основательная подготовка, но все же тут легче найти дело и для «начинающих».

Теперь о заводских кружках. Они для нас особенно важны: ведь вся главная сила движения—в организованности рабочих на *крупных* заводах, ибо *крупные* заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть всего рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью. А для этого «заводская» рабочая организация должна быть так же конспи-

ративна внутри себя, так же «ветвиста» вовне, т.-е. во внешних ее сношениях, так же далеко должна просовывать, и в самые разные стороны просовывать, свои щупальцы, как и всякая революционная организация. Я подчеркиваю, что ядром и руководителем, «хозяином», должна быть и здесь обязательно группа революционеров-рабочих. С традицией чисто рабочего или профессионального типа социал-демократических организаций мы должны порвать совершенно до «заводских» кружков *включительно*. Заводская группа или заводский (фабричный) комитет (чтобы отделить его от других групп, которых должно быть очень много) должен состоять из очень небольшого числа *революционеров*, получающих *непосредственно от комитета* поручения и полномочия вести всю социал-демократическую работу на заводе. Все члены заводского комитета должны смотреть на себя, как на агентов комитета, обязанных подчиняться всем распоряжениям его, обязанных соблюдать все «законы и обычаи» той «действующей армии», в которую они вступили и из которой они в военное время не имеют права уйти без разрешения начальства. Состав заводского комитета имеет поэтому очень большое значение, и одной из главных забот комитета должно быть—правильно поставить эти подкомитеты. Я представляю себе это дело так: комитет поручает таким-то своим членам (плюс, допустим, такие-то лица из рабочих, лица не вошедшие в комитет по тем или иным причинам, но могущие быть полезными по своему опыту, знанию людей, уму, по своим связям) организовать везде заводские подкомитеты. Комиссия совещается с районными уполномоченными, назначает ряд свиданий, испытывает хорошенько кандидатов в члены заводских подкомитетов, подвергает их перекрестному допросу «с пристрастием», подвергает их, буде надобно, искусу, старается при этом посмотреть и испытать сама непосредственно *возможно большее* число кандидатов в заводский подкомитет данного завода и, наконец, предлагает комитету утвердить такой-то состав каждого заводского кружка или уполномочить такого-то рабочего составить, наметить, подобрать целый подкомитет. Таким образом, комитет же будет определять, кому из этих агентов вести сношения с ним и *как* вести (по общему правилу через районных уполномоченных, но к этому правилу могут быть и дополнения и видоизменения). Ввиду важности этих заводских подкомитетов, мы должны стремиться, по мере возможности, к тому, чтобы *каждый* подкомитет имел и адрес для обращения в Ц. О. и *склад* своих связей в сохранном месте (т.-е., чтобы сведения, необходимые для немедленного восстановления подкомитета в случае провала, передавались возможно регулярнее и обильнее в центр партии для сбережения их

там, куда русские жандармы бессильны пролезть). Само собой понятно, что эта передача адресов должна определяться комитетом на основании его соображений и данных, а не на основании несуществующего права на «демократическое» распределение этих адресов, наконец, не лишнее, может быть, оговориться, что иногда вместо заводского подкомитета из нескольких членов нужно будет или *удобнее будет* ограничиваться назначением одного агента от комитета (и кандидата к нему). Когда заводский подкомитет образовался, он должен приступить к созданию целого ряда заводских групп и кружков с разными задачами, с различной степенью конспиративности и оформленности, напр., кружков для разноски и распространения литературы (одна из самых важных функций, которая должна быть поставлена так, чтобы у нас была настоящая своя почта, чтобы были испытаны и проверены не только приемы распространения, но и разноска по квартирам, чтобы непременно знали все квартиры и ходы к ним), кружков для чтения нелегальной литературы, кружков для слежения за шпионами *), кружков для специального руководства профессиональным движением и экономической борьбой, кружков агитаторов и пропагандистов, умеющих начинать разговоры и долго вести их *вполне легально* (о машинах, об инспекции и пр.) с тем, чтобы говорить безопасно и публично, чтобы разведывать людей и нащупывать почву и т. д. **). Заводский подкомитет должен стараться охватить весь завод, возможно большую долю рабочих сетью всевозможных кружков (или агентов). Обилием этих кружков, возможностью проникнуть в них разъездному пропагандисту, а главное, правильностью регулярной работы по *распространению литературы* и получению сведений и корреспонденции должна измеряться успешность деятельности подкомитета.

Итак, общий тип организации, по моему мнению, должен быть такого рода: во главе всего местного движения, всей местной социал-демократической работы стоит комитет. От него исходят соподчиненные ему учреждения и филиальные отделения в виде: во-первых,

*) Мы должны внушать рабочим, что убийство шпионов и провокаторов и предателей может быть, конечно, иногда безусловной необходимостью, но что крайне нежелательно и ошибочно было бы возводить это в систему, что мы должны стремиться создать организацию, способную *обезвреживать* шпионов раскрытием и преследованием их. Перебить шпионов нельзя, а создать организацию, отслеживающую их и *воспитывающую* рабочую массу, *можно и должно*.

**) Нужны и боевые кружки, утилизирующие служивших в военной службе или особенно сильных и ловких рабочих, на случай демонстраций, освобождения из тюрем и т. п.

сети исполнительных агентов, обнимающей всю (по возможности) рабочую массу и организованной в виде *районных* групп и заводских (фабричных) подкомитетов. Эта сеть в мирное время будет распространять литературу, листки, прокламации и конспиративные сообщения комитета; в военное время устраивать демонстрации и т. п. коллективные действия. Во-вторых, от комитета же исходит ряд всяких обслуживающих все движение кружков и групп (пропаганда, транспорт, всяческие конспиративные предприятия и т. д.). Все группы, кружки, подкомитеты и т. д. должны быть на положении комитетских учреждений или филиальных отделений комитета. Одни из них прямо заявят о своем желании войти в состав Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии и, при условии утверждения комитетом, войдут в ее состав, примут на себя (по поручению комитета или по соглашению с ним) известные функции, обяжутся повиноваться распоряжениям органов партии, получат права всех членов партии, будут считаться ближайшими кандидатами в члены комитета и т. д. Другие не войдут в Росс. Соц.-Дем. Раб. Партию, будучи на положении кружков, устроенных членами партии, или примыкающих к той или иной группе партии и т. д.

Во всех своих *внутренних* делах члены *всех* этих кружков, разумеется, так же равноправны, как и члены комитета между собой. Единственным исключением отсюда будет то, что право *личных* сношений с местным комитетом (а также с Ц. К. и с Ц. О.) будет иметь лишь лицо (или лица), назначенное этим комитетом. Во всех других отношениях это лицо будет равноправно с остальными, которые имеют такое же право обращаться (только не лично) с заявлениями и в местный комитет, и в Ц. К., и Ц. О. Таким образом указанное исключение будет в сущности вовсе не нарушением равноправности, а только необходимой уступкой, безусловным требованиям конспирации. Член комитета, не передавший заявления «своей» группы в комитет, Ц. К. или Ц. О. будет ответственен за прямое нарушение партийного долга. Далее, что касается конспиративности и оформленности разного рода кружков, то это будет зависеть от рода их функций: смотря по этому здесь будут самые разнообразные организации (от наиболее «строгой», узкой, замкнутой до наиболее «свободной», широкой, открытой, мало-оформленной). Например, для группы разносчиков нужны величайшая конспирация и военная дисциплина. Для группы пропагандистов конспирация так же нужна, военная же дисциплина — гораздо менее. Для группы рабочих, читающих легальную литературу или устраивающих беседы о профессиональных нуждах и запросах, нужна еще меньшая конспирация и т. д. Группы разносчиков

должны принадлежать к Р. С.-Д. Р. П. и знать известное число членов и ее должностных лиц. Группа, изучающая профессиональные условия труда и вырабатывающая виды профессиональных требований, не обязательно должна принадлежать к Р. С.-Д. Р. П. Группа студентов, офицеров, служащих, занимающихся самообразованием *при* участии одного-двух членов партии, иногда даже вовсе не должна знать о его принадлежности к партии и т. д. Но в одном отношении мы должны *безусловно* требовать *максимальной оформленности* дела во всех этих филиальных группах, именно: каждый член партии, в них участвующий, обязан формальной ответственностью за ведение дела в этих группах, обязан также принять *все* меры к тому, чтобы перед Ц. К. и Ц. О. были *наиболее открыты* и состав каждой такой группы, и весь *механизм* ее работы, и все содержание этой работы. Это необходимо и для того, чтобы центр имел *полную* картину всего движения, и для того, чтобы можно было из наиболее широкого круга лиц делать выбор на разные партийные должности, и для того, чтобы у одной группы могли учиться (через посредство центра) все группы подобного рода по всей России, и для того, чтобы предупреждать появление провокаторов и сомнительных лиц,—одним словом, это безусловно и во всех случаях настоятельно необходимо.

Как это сделать? Регулярные доклады комитету, сообщение возможно большей части содержания возможно большего числа этих докладов в Ц. О., устройство посещений всяких кружков членами Ц. К. и местного комитета, наконец, *обязательная* передача в сохранное место (и в бюро партии при Ц. О. и Ц. К.) связей с этим кружком, т.-е. имен и адресов нескольких членов этого кружка. Только тогда, когда доклады сообщаются и связи передаются, можно признать участвующего в таком-то кружке члена партии исполнившим свою обязанность; только тогда вся партия в целом будет в состоянии *учиться* у каждого ведущего практическую работу кружка; только тогда нам не страшны будут провалы, ибо при наличности связей с разнообразными кружками делегату нашего Ц. К. всегда легко будет *тотчас* найти заместителей и восстановить дело. Крах комитета не будет тогда разрушать всей машины, а только срезывать руководителей, у которых готовы кандидаты. И пусть не говорят, что сообщение докладов и связей невозможно по конспиративным условиям: надо только захотеть, а возможность передать (или переслать) сообщения и связи есть всегда и *будет всегда*, пока у нас будут комитеты, будет Ц. К. или Ц. О.

Мы подошли к весьма важному принципу всей партийной организации и партийной деятельности: если в отношении идейного и

практического *руководства* движением и революционной борьбой пролетариата нужна возможно бóльшая централизация, то в отношении осведомленности о движении центра партии (а следовательно, и всей партии вообще), в отношении ответственности перед партией нужна *возможно бóльшая децентрализация*. Руководить движением должно возможно меньшее число возможно более однородных групп, искушенных опытом профессиональных революционеров. Участвовать в движении должно возможно большее число возможно более разнообразных и разнородных групп из самых различных слоев пролетариата (и других классов народа). И по отношению к каждой такой группе центр партии должен иметь всегда перед собой не только точные данные о деятельности, но также и возможно более *полные данные о составе* их. Мы должны централизовать руководство движением. Мы должны также (и должны *для этого*, ибо без осведомленности невозможна централизация) *децентрализовать* возможно более *ответственность перед партией* каждого отдельного ее члена, каждого участника работы, каждого входящего в партию или примыкающего к ней кружка. Эта децентрализация является необходимым условием революционной централизации и *необходимым коррективом* ее. Именно, когда централизация будет доведена до конца и у нас будут Ц. О. и Ц. К., тогда возможность обращения к ним со стороны каждой мельчайшей группы—и не только возможность обращения, а также выработанная долголетней практикой *регулярность* обращения к Ц. О. и Ц. К.—устранит возможность печальных результатов случайной неудачи состава того или иного местного комитета. Теперь, когда мы подходим вплотную к фактическому объединению партии и созданию настоящего руководящего центра, мы должны особенно твердо помнить, что *этот центр будет бессилён*, если в то же время мы не проведем *максимальной децентрализации* и в ответственности перед ним, и в осведомленности его о всех колесах и колесиках партийной машины. Такая децентрализация есть не что иное, как обратная сторона того *разделения труда*, которое по общему признанию составляет одну из самых насущных практических потребностей нашего движения. Никакие официальные признания известной организации руководящей, никакие учреждения формальных Ц. К. не сделают еще нашего движения действительно единым, не создадут еще прочной боевой партии, если партийный центр будет по-прежнему *заслонен* от непосредственной практической работы местными комитетами старого типа, т.-е. такими, в которые, с одной стороны, входит целая куча лиц, ведающих каждое—все и всякие дела, не посвящающих себя отдельным функциям революционной работы, не ответственных за

специальные предприятия, не доводящих до конца раз взятого, хорошо обдуманного и подготовленного дела, тратящих тьму времени и сил на радикальскую сутолоку,—а с другой стороны, имеется целая масса студенческих и рабочих кружков, наполовину вовсе неизвестных комитету, наполовину таких же громоздких, не специализированных, не вырабатывающих профессионального опыта, не пользующихся опытом других и занятых точно так же, как и комитет, бесконечными совещаниями «обо всем», выборами и составлениями уставов. Чтобы центр мог хорошо работать, надо местным комитетам *преобразовать себя*, стать специализированными и более «деловыми» организациями, достигающими действительного «совершенства» то в той, то в другой практической функции. Чтобы центр мог не только советовать, убеждать, спорить (как делалось до сих пор), а, действительно, дирижировать оркестром, для этого необходимо, чтобы было в точности известно, кто, где и какую скрипку ведет, где и как какому инструменту обучался и обучается, кто, где и почему фальшивит (когда музыка начинает ухо драть), и кого, как и куда надо для исправления диссонанса перевести и т. п. В настоящее время,—надо говорить прямо,—мы либо ничего не знаем о *действительной внутренней* работе комитета, кроме его прокламаций и общих корреспонденций, либо знаем от друзей и хороших знакомых личных. Но ведь смешно же думать, чтобы этим могла ограничиться громадная партия, способная руководить русским рабочим движением и готовящая общий натиск на самодержавие. Сокращение числа членов комитета, поручение, по возможности, каждому из них определенной особой подотчетной и ответственной функции, создание особого, весьма немногочисленного, распорядительного центра, выработка сети исполнительных агентов, связывающих комитет с каждым крупным заводом и фабрикой, регулярно ведущих распространение литературы и дающих центру точную картину этого распространения и всей механики работы, наконец, создание многочисленных групп и кружков, берущих на себя разные функции или объединяющих лиц, примыкающих к социал-демократии, помогающих ей, готовящихся стать социал-демократами, с тем, чтобы комитету и центру всегда была известна деятельность (и состав) этих кружков,—вот в чем должна состоять реорганизация С.-Петербургского, да и всех других комитетов партии, и вот почему такое маловажное значение имеет вопрос об уставе.

Я начал с разбора наброска устава, чтобы показать нагляднее, к чему клонятся мои предложения. И в результате читателю выяснилось, надеюсь, что в сущности можно бы, пожалуй, обойтись *без устава*, заменив его регулярной отчетностью о каждой кружке, о

каждой функции работы. Что можно написать в уставе? Комитет руководит всеми (это и так ясно). Комитет выбирает распорядительную группу (это не всегда нужно, а когда это нужно, дело не в уставе, а в *сообщении* центру о составе этой группы и о кандидатах к ней). Комитет распределяет между своими членами отдельные стороны работы, поручая каждому регулярно докладывать комитету и сообщать Ц. О. и Ц. К. о ходе дела (и тут важнее сообщить в центр о таком-то распределении, чем написать в уставе правило, которое при бедности наших сил останется *зачастую* без применения). Комитет должен точно определить, кто состоит его членом. Комитет пополняется кооптацией. Комитет назначает районные группы, заводские подкомитеты, группы такие-то и такие-то (если перечислять желательное, то никогда не кончишь, а перечислять примерно в уставе не к чему; достаточно сообщить в центр об учреждении). Районные группы и подкомитеты учреждают кружки такие-то... Составление такого устава тем менее полезно в настоящее время, что у нас почти нет (во многих местах вовсе нет) общепартийного опыта деятельности различных таких групп и подгрупп, а для выработки такого опыта нужен не устав, а организация партийной, если можно так выразиться, осведомленности: на устав у нас каждая местная организация тратит минимум несколько вечеров. Если бы это время было посвящено каждым по его специальной функции подробному и продуманному отчету о ней *перед всей партией*, дело бы выиграло во сто крат.

И не потому только бесполезны уставы, что революционная работа не всегда допускает оформленность. Нет, оформленность нужна, и мы должны стараться *оформить* всю работу, по мере возможности. И оформленность допустима в гораздо больших размерах, чем это обыкновенно думают, но достижима она не уставами, а только и исключительно (повторяем это еще и еще раз) точным оповещением центра партии: только тогда это будет реальной оформленностью, связанной с реальной ответственностью и (партийной) оглаской. А то кто же у нас не знает, что *серьезные* конфликты и разногласия решаются у нас в сущности вовсе не голосованием «по уставу», а борьбой и угрозой «уйти»? Такой внутренней борьбой полна история *большинства* наших комитетов за последние 3—4 года партийной жизни. Очень жаль, что борьба эта не была оформлена: она тогда дала бы гораздо более для поучения партии, для опыта наших преемников. Но *такая* полезная и необходимая оформленность никакими уставами не создается, а исключительно *партийной гласностью*. У нас при самодержавии не может быть иного средства и оружия партийной гласности, кроме регулярной осведомленности партийного центра.

И только тогда, когда мы научимся широко применять эту гласность, у нас действительно выработается опыт функционирования тех или иных организаций, только на основании такого широкого и многолетнего опыта могут вырабатываться *не бумажные уставы*.

К вопросу о программе.

«Искра» № 25, 15 сентября 1902 года.

Нам доставлено следующее сообщение:

«Обсудив проект программы Росс. С.-Д. Партии, выработанный редакцией «Искры» и «Зари», группа соц.-дем. одного из южных городов России и лиц, сочувствующих соц.-дем. (всего 15 человек), пришла к следующим заключениям:

Р. С.-Д. Р. П., возникнув как таковая, необходимо должна дать программу, ясно и определенно формулирующую теоретическое обоснование деятельности этой партии, ее конечные цели и ближайшие требования.

Необходимость такой программы вообще обусловливается потребностью партийного объединения для планомерной совместной работы. Но при наличности одновременно действующих революционных и оппозиционных групп, необходимость эта усугубляется потребностью отграничения от указанных групп. Так как из различия основных положений вытекают и различия в практической деятельности, то Р. С.-Д. Р. П., действуя среди разнородных революционных и оппозиционных течений, необходимо должна присоединить к своей общей программе и точно определенную программу практической деятельности, программу тактики.

Исходя из этих основных положений, упомянутая группа лиц находит, что предложенный «Искрой» проект программы, удовлетворяя вполне первому требованию, выполняет второе лишь формальным образом, ибо дает только общие, неопределенные указания («социал-демократия организует его (пролетариат) в самостоятельную политическую партию» и т. д.), отнюдь не касающиеся конкретных вопросов практической деятельности, требующих от члена партий определенного и ясного отношения.

Переходя к рассмотрению программы ближайших требований, группа считает необходимым сделать следующее замечание:

Понятие «ближайшие цели», заимствованное из западно-европейских социал-демократических программ, в этих последних имеет известный определенный смысл и не подает повода ни к каким недоразумениям.

Ближайшими называются те требования, которые непосредственно предъявляются партией буржуазному правовому государству и могут быть осуществлены в пределах его. Употребляя без оговорок тот же термин в русской соц.-дем. программе, мы должны помнить, что в этом западно-европейском смысле перечисленные в проекте политические и экономические требования, в целом, ближайшими названы быть не могут, ибо, ни в пределах самодержавного строя, ни в самый момент низвержения его, «последовательно, полно и прочно», эти требования осуществлены быть не могут, и только форма правового государства сделает возможным предъявление их, как ближайших. Поэтому для Р. С.-Д. Р. П. ближайшей политической целью будет самое осуществление правового государства, в пределах которого и могут быть осуществлены минимальные экономические и остальные политические требования, до требования демократической республики включительно, что и должно быть оговорено в программе.

Что касается самих требований, то, не рассматривая их детально, группа, тем не менее, предлагает: 1) дополнить их пунктом об амнистии государственных преступников и прекращении всех политических дел, самое возникновение которых обязано существованию уничтоженного режима, и 2) вообще пересмотреть их, пополнив существенные пробелы (например, организации суда, администрации, местного самоуправления и проч.).

Присоединяясь в общем к предложенной программе, группа особо выделяет аграрную программу. Вполне признавая важное значение аграрной программы в программе всякой русской революционной партии, тем более в программе партии, представляющей интересы трудящихся масс, группа полагает, что и в вопросе о крестьянстве должно руководствоваться основными научными положениями и общими принципами соц.-демократической программы. Поэтому национализацию земли она признает конечным пунктом аграрной программы, как вообще обобществление средств производства конечным пунктом всей социал-демократической программы. Отдельные, частичные аграрные мероприятия, идущие вразрез с этой целью, тем самым группой отвергаются.

Что же касается ближайших требований аграрной программы, предложенной «Искрой», то часть ее (пункты 1 и 2), представляющую детальное развитие обще-демократической программы (уничтожение сословий, равноправность всех граждан, прогрессивный подоходный налог, свобода передвижения и промыслов), группа вполне признает и считает целесообразным особое выделение ее. С пунктами же 3 и

4 группа согласиться не может, ибо лежащий в основе их принцип исправления исторической несправедливости основным принципом революционной партии,—стремящейся подготовить условия будущего, а не исправлять ошибки прошлого,—признан быть не может. Исходя из этого принципа, партия не должна бы остановиться перед частичным исправлением (возвращением выкупных платежей и прирезков), но потребовать возвращения всей помещичьей земли, всех когда-либо уплаченных косвенных и иных налогов (как подушные подати мещанства) и проч. В частности, проведение этого требования, с одной стороны, содействовало бы укреплению частной собственности (и притом ее наихудшего вида—мелкой собственности), следовательно, пришло бы в противоречие с нашим основным принципом; с другой—практически явилось бы наименее пригодным (и даже не вполне справедливым) паллиативом, распространяющимся не на все крестьянство и не устраняющим основной причины крестьянских бедствий—малоземелья. Выставление этих двух пунктов (3 и 4) могло бы оправдываться чисто практическими соображениями—интересами агитации, стремящейся пайти доступ к крестьянину и потому избирающей в качестве боевого лозунга излюбленный пункт его мечтаний. Но группа полагает, что именно интересы социал-демократической агитации заставляют не приспособляться к наличной психологии трудящихся масс, но всячески расширять и углублять ее. Со всех этих точек зрения (принципиальности, практической осуществимости и радикальности и интересов агитации) группа находит более целесообразным на место 3 и 4 пунктов вставить приведенный ниже III.

Предпосланный же перечислению требований текст группа предлагает изменить, согласно сделанным замечаниям. Таким образом, вся аграрная программа представится в следующем виде:

Устранения всех остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и всех препятствий к свободному развитию классовой борьбы в деревне партия достигает путем проведения своей демократической программы, требуя в частности:

I. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также и всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

II. Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении земель.

III. Отдачи в долгосрочную аренду крестьянским обществам и отдельным крестьянам государственных удельных и монастырских земель, покупки за счет государства для той же цели частновладельческих земель; сосредоточения операций, как по покупке, так и по рас-

даче земель крестьянам, в руках органов местного самоуправления; установления определенных условий аренды, ограничивающих количество государственной земли, приходящейся на отдельного арендатора, обеспечивающих возможность ее обработки и гарантирующих высокую степень культуры.

IV. Устранение остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и других областях государства.

V. Предоставление судам права понижать непомерно высокие арендные цены и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

В заключение группа намечает ряд вопросов тактики, которые, по ее мнению, должны быть выяснены в программе тактики:

1) Деятельность среди городского пролетариата: а) отношение к экономической борьбе, б) отношение к легальным организациям рабочих, в) отношение к широким нелегальным организациям, г) способы политического воспитания и политической борьбы рабочего класса (демонстрации и пр.).

2) Деятельность среди крестьян, формы деятельности; отношение к крестьянским беспорядкам.

3) Деятельность в армии.

4) Деятельность совместно с другими оппозиционными группами; формы отношений.

5) Отношение к социалистическим группам других национальностей.

6) Вопрос о терроре.

По всем этим вопросам группа предполагает представить ряд соображений».

* * *

Поскольку товарищи, припавшие эту резолюцию, несогласны с нашим проектом программы, их несогласие сводится к двум пунктам:

1) Неправильная формулировка ближайших политических задач социал-демократии.

2) Непригодность §§ III и IV нашей аграрной программы.

Соображения группы о формулировке политической задачи русской рабочей партии,—как задачи «осуществления правового государства» без дальнейших определений (как данное нами: «республика на основе демократической конституции»), — представляются нам ошибочными.

Мы думаем, что в интересах того «отграничения от других борющихся с царизмом партий», о котором упоминает южная группа,

мы должны формулировать свою ближайшую политическую задачу достаточно определенным образом. Мы должны дать рабочим точный ответ на вопрос: какой политической формой должна быть заменена современная государственная форма, против которой мы боремся? Формула «правовое государство» дает слишком общий ответ, и политическая агитация, которая ограничивалась бы такой формулой, не дала бы руководимым нами народным массам отчетливого представления о тех политических гарантиях, которые им необходимо отвоевать для свободной борьбы за свои классовые интересы. Точное определение требуемой нами конституции тем более необходимо для социал-демократии, что другие политические партии, с своей стороны, не ограничиваются простым требованием устранения самодержавия, а определяют основные черты желательного им «правового порядка», притом с той именно стороны, с какой этот порядок не удовлетворяет законных требований пролетариата. Так, «конституционалисты» в газете г. Струве настаивают на том, что дело установления конституции должно быть поручено непременно выборным от земских,—т.-е. избранных на основе сословного и имущественного ценза,—собраний. И они совершенно основательно указывают, что характер того правового порядка, который будет установлен *таким* Учредительным Собранием, будет обусловлен его составом, т.-е. что степень демократизма конституции, которая может выйти из такого собрания, ограничена его классовым характером.

Ввиду свойственной всяким буржуазно-либеральным партиям склонности «смягчать» переход от самодержавия к правовому порядку и в силу этого соглашаться украсить последний всякого рода «ограничениями» и изъятиями, ведущими к сохранению в новом режиме многих учреждений и пережитков старого; ввиду склонности мелкобуржуазных демократов пасовать перед подобными стремлениями либеральных буржуа, по соображениям «практического» оппортунизма («не разъединять оппозицию из-за второстепенных вопросов» или, как это делает «Рев. Росс.» в № 9, говоря об органе г. Струве: «надо брать либералов такими, какими они есть»),—ввиду всего этого партия пролетариата должна пропагандировать замену нынешнего порядка последовательной демократией. Только такой пропагандой она будет практически бороться против столь милого всяким буржуазным политикам затушевывания непримиримых противоречий между интересами народных масс и нынешними политическими учреждениями; только выставляя требование последовательной и всесторонней демократизации, она оградит народные массы от влияния лицемерных друзей свободы, которые под видом «правового порядка» будут реко-

мендовать народу позолоченный и подновленный абсолютизм (вроде «лорис-меликовской конституции»).

Пропагандируя республиканскую политическую программу (самодержавие народа, всеобщее и равное избирательное право), мы тем самым боремся за возможность проведения тех социальных реформ, которых осуществление необходимо для прочного успеха политического переворота, долженствующего возродить нашу родину. Чем полнее и решительнее будут проведены эти реформы, тем менее возможна станет «контр-революция». А полное и решительное проведение этих реформ требует не просто «правового порядка», а именно демократически-республиканских учреждений. Поэтому крайний радикализм в формулировке наших *ближайших* политических задач оправдывается и практическими соображениями об успехе «общенациональной» борьбы за свободу.

С другой стороны наши социальные требования, предъявляемые нами к современному строю, должны быть формулированы так, чтобы требовать для своего осуществления, как неизбежного условия, решительного разрыва с нынешним политическим режимом. В противном случае, мы всегда рисковали бы тем, что недостаточно радикальные социальные реформы, пропагандируемые нами, послужат в руках реакционеров средством отвлечения известного слоя народных масс от дела революции, орудием примирения народной массы с господствующим режимом. Руководясь основным принципом содействия развитию классовой борьбы и коренного устранения *всех* пережитков крепостных отношений — и делая из этого принципа все выводы, мы и строим свою *социальную* программу ближайших задач так, чтобы сделать ее неприемлемой ни для какого реакционера или якобы либерала. Социальный радикализм нашей программы-минимум таким образом является также одной из гарантий успеха борьбы за свободу.

С этой точки зрения мы должны — совершенно безотносительно к тому пункту нашей программы, который предполагается отменить — отрицательно отнестись к § III в проекте аграрных требований, предполагаемом южными товарищами. Отдача государственных земель в долгосрочную аренду крестьянам и покупка государством в этих видах частных имений, — это такие меры, которые, без сомнения, напишут на своем знамени консервативные и либеральные социал-реформаторы, и которые не помогут ни устранению пережитков крепостного права, ни развитию классовой борьбы в деревне.

Разбирать возражения южных товарищей на нашу аграрную программу мы здесь не станем. Защита этой последней дана нами

в № 4 «Зари» *), которого товарищи не могли видеть в момент составления своей резолюции. В «Заре» мы разобрали главные возражения, предъявляемые к пункту о возвращении крестьянам «отрезков» и, в значительной степени, совпадающие с возражениями южных товарищей. Заметим только, что неверно предположение, будто авторы проекта программы в основу ее аграрной части ставили «принцип исправления исторической несправедливости» (см. «Заря» № 4, III, стр. 174). С другой стороны, неверно, будто осуществление требования возвращения отрезков и выкупных платежей означает «укрепление частной собственности (и притом ее наихудшего вида—мелкой собственности)», неверно, по крайней мере, в том смысле, в каком такое укрепление признается соц.-демократами реакционным стремлением. «Укреплять» мелкую собственность против развивающегося капитализма соц.-дем. не должны, освобождая эту мелкую собственность от тяготеющих над ней пережитков крепостных отношений, соц.-дем., напротив, способствуют ускорению процесса общественного развития и обострению классовых противоречий.

Что касается желания товарищей видеть в проекте программы формулировку основных начал тактики партии, то нам кажется, что эти основные начала даются теми положениями программы, которые говорят о характере конечной цели мирового движения пролетариата (интернационализм его; непримиримая противоположность интересов пролетариата интересам других классов; необходимость социальной революции), о революционных методах достижения этой цели (развитие классового самосознания пролетариата—организация его в самостоятельную политическую партию—диктатура пролетариата) и о национальной задаче русского пролетариата (завоевание политической свободы, устранение всех пережитков крепостных отношений, поддержка всех действительно освободительных движений). Конкретные же формы, в которых должны выразиться на практике эти основные начала, уместнее формулировать особыми резолюциями, которых проекты будут, без сомнения, представлены будущему съезду партии.

*) Ст. «Аграрная программа российской социал-демократии» (см. т. IX Собрания сочинений Н. Ленина. *Ред.*).

Политическая борьба и политиканство.

«Искра» № 26, 15 октября 1902 года.

Внутреннюю политику русского правительства всего меньше, кажется, можно упрекнуть в настоящий момент в недостатке решительности и определенности. Борьба с внутренним врагом в полном разгаре. Вряд ли когда-нибудь в прошлом бывали до такой степени переполнены арестованными крепости, замки, тюрьмы, особые помещения при полицейских частях и даже временно превращенные в тюрьмы частные дома и квартиры. Нет места, чтобы поместить всех хватаемых, нет возможности, без снаряжения экстраординарных «экспедиций», пересылать в Сибирь с обычными «транспортиками» всех ссылаемых, нет сил и средств поставить в одинаковый режим всех заключенных, которых особенно возмущает и толкает на протесты, борьбу и голодовки полный произвол растерявшихся и самодурствующих местных властей. А высшие власти, предоставляя мелким сошкам разделываться с пойманными уже внутренними врагами, усердно продолжают работать над «улучшением» и реорганизацией полиции в целях дальнейшей борьбы с корнями и нитями. Это—прямая и настоящая война, которую все большие и большие массы русских обывателей не только наблюдают, но и ощущают более и менее непосредственно. За авангардом летучих отрядов полиции и жандармерии медленно, но неуклонно движется и тяжелая законодательная машина. Возьмите законы последнего месяца,—и вам прежде всего бросятся в глаза новые указы, добывающие последние остатки финляндских свобод, да еще, пожалуй, обширный закон о дворянских кассах взаимопомощи. Первое из этих мероприятий совершенно подрывает самостоятельность финляндских судов и сената, давая возможность генерал-губернатору все знать, все ведать, т.-е. фактически превращая Финляндию в одну из многих бесправных и униженных русских провинций. Отныне—замечает полицейски-официальная «Финляндская Газета»—есть надежда на «гармоническую» деятельность всех местных учреждений... Не знаю уже, злорадная ли эта насмешка над получившим самый подлый и самый решительный удар безоружным неприятелем, или елейное пустословие в духе Иудушки Головлева.

Второй из названных законов—новое детище того самого особого совещания по делам дворянского сословия, которое уже одарило отечество разграблением сибирских земель («насаждение поместного землевладения в Сибири»). Во время жестокого торгово-промышленного кризиса и полного обнищания деревни, когда голодают, недоедают

и бедствуют миллионы рабочих и крестьян, пельзя себе и представить, разумеется, лучшего употребления народных денег, как на подачки несчастным г.г. дворянам-землевладельцам. Правительство дает на каждую дворянскую кассу взаимопомощи, во-первых, одновременно известную сумму («по усмотрению государя-императора!»), а, во-вторых, в течение десяти лет будет давать по стольку же, сколько будут собирать и сами местные дворяне. Касса будет помогать тем, кто затрудняется платить проценты по долгам. Г.г. дворяне могут без стеснений делать займы, когда указан такой легкий путь брать на уплату деньги из народного кармана.

И как бы нарочито для подведения итогов этой политики травли, насилия и грабежа, для ее обобщения и освещения явились царские речи к дворянам, земцам, крестьянам и рабочим (в Курске и СПб.). Дворян царь благодарил за службу ему, службу «не за страх, а за совесть», и обещал непрестанные заботы об укреплении поместного землевладения, «которое составляет исконный оплот порядка и нравственной силы России». Земцам царь ровно ни слова не сказал ни об оплоте, ни о нравственной силе России, ни о службе не за страх, а за совесть. Он объявил им коротко и ясно, что их «призвание—местное устройство в области хозяйственных нужд» и что, только памятуя об этом, только выполняя успешно это призвание, они могут быть уверены в его благоволении. Это был вполне определенный ответ на конституционные пожелания земцев, это было прямое предостережение (или, вернее, вызов) им, угроза отнятием «благоволения» в случае малейшего выхода за пределы «местного устройства в области хозяйственных нужд».

Далее, крестьянам царь уже прямо выражал порицание за «беспорядки» и «разграбление экономий», назвав зверское избиение и истребление восставших от голода и отчаяния мужиков «заслуженным наказанием» и напомнив слова Александра III, повелевавшего «слушаться предводителей дворянства». Наконец, рабочим царь говорил не больше и не меньше, как «о врагах», *его* врагах, которые должны быть и врагами рабочих.

Итак, дворяне—верные слуги и исконный оплот порядка. Земцы (или земские дворяне?)—заслуживают предостережения. Крестьяне—порицания и приказа слушаться дворян. Рабочим ребром ставится вопрос о *врагах*. Поучительные речи. Поучительно сопоставление их, и очень было бы желательно, чтобы посредством прокламаций, листов, бесед в кружках и на собраниях возможно большее количество народа было ознакомлено и с точным текстом и с настоящим значением этих речей. Простые пояснительные замечания к тексту этих

речей могли бы послужить великолепным материалом для агитации среди самой темной части самых неразвитых слоев рабочего класса, мелких торговцев и промышленников, а также крестьянства. Но не только «темному» народу, а и многим просвещенным образованным русским обывателям не мешало бы хорошенько вдуматься в царские речи, особенно обывателям из числа либералов вообще и земцев в особенности. Не часто приходится слышать из уст коронованных особ такое определенное признание, подтверждение и объявление войны внутренней: войны разных классов населения, войны с внутренними врагами. И открытое признание войны—весьма хорошее средство против всех и всяческих видов политиканства, т.-е. попыток затушевать, обойти, затушить войну или попыток сузить и измельчить ее характер.

Политиканство, о котором мы говорим, проявляется и со стороны правительства, и со стороны оппозиции мирной, и даже иногда со стороны революционеров (правда, в последнем случае в особой форме, не похожей на предыдущие). Со стороны правительства это—сознательное заигрывание, подкуп и развращение, одним словом, система, получившая название «зубатовщины». Обещание более или менее широких реформ, действительная готовность осуществить крохотную частичку обещанного, требование за это отказаться от борьбы политической,—вот в чем суть зубатовщины. Теперь даже кое-кто из земцев видит уже, что разговоры министра внутренних дел г. Плеве с г. Д. Н. Шиповым (председатель моск. земск. управы) ⁶⁹⁾ есть начало «зубатовщины земской». Плеве обещает «более благоприятно» относиться к земству (ср. «Освоб.» № 7), общается созвать в начале будущего года совещание из председателей земских управ для «разрешения всех вопросов относительно постановки земских учреждений», требуя за это, чтобы земцы «не говорили ничего о представительстве в высших правительственных учреждениях». Казалось бы, дело яснее ясного: обещание самое неопределенное, а требование таково, что при исполнении его земские вождедения становятся неосуществимыми. Против этого политического обмана, фокусничества и разврата может быть только одно средство: беспощадное разоблачение фокусников и решительная политическая (т.-е., по русским условиям, *революционная*) борьба с полицейским самодержавием. Наши же земцы, насколько можно судить по «Освобождению», оказываются еще не на высоте этой задачи. На политиканство они отвечают политиканством, их орган проявляет полную неустойчивость. В № 7 «Осв.» вы видите эту неустойчивость особенно наглядно благодаря тому, что высказывается по данному вопросу не только редакция, но и некоторые сотрудники,

з которыми редакция более или менее не согласна. В первой редакционной статье то мнение, что обещания Плеве есть ловушка и зубатовщина, приводится лишь, как мнение некоторых земцев, при чем рядом с ним сообщается и мнение других земцев, которые «склонны последовать указаниям г. министра» (!!). Редакция далека от мысли поднять поход против земской зубатовщины. Она предостерегала земцев от «уступок» правительству (в №№ 5 и 6), но она не выступает с решительным осуждением г.г. Шипова и К^о, которые послушались советов старой полицейской лисы и выкинули из программы весеннего земского съезда 4 пункт (указывавший на необходимость выборных земских деятелей для пополнения состава Особого Совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности) ⁷⁰). Редакция делает в передовой статье не тот вывод, что земство унижено согласием части земцев на подлые приманки полиции, а тот вывод, что самый факт переговоров правительства с земством «доказывает, что земство уже и теперь есть «представительство» (!!), и что обещанный г. Плеве «съезд» (г. Плеве говорил, кажется, только о «совещании»?) «во всяком случае жалателен», ибо он «не может не внести ясности в отношения между земством и правительством». Редакция «твердо уверена, что земские деятели сумеют заявить себя на нем тем, чем они должны быть — представителями населения, а не подручными министров по хозяйственной части». Если судить только на основании одной передовой редакционной статьи, то надо, наоборот, быть твердо уверенным в том, что земцы окажутся опять «подручными» полицейского ведомства, как оказались г.г. Шипов и К^о (пока их не оттеснит или не видоизменит другое земское течение).

От политиканства передовой статьи с удовольствием отдыхаешь на дальнейших статьях сотрудников: г. Антона Старицкого и еще более земского гласного г. Т. Первый называет поступок г.г. Шипова и К^о «ложным шагом», советует земцам «не спешить учсть свое первородство в виде какого-то съезда, который оформит г. Плеве», советует не идти на приманку и не политиканить. Редакция делает примечание: «мы в общем согласны с автором статьи», очевидно находя, что, в частности, нельзя так односторонне осуждать политиканство *).

Второй сотрудник прямо уже восстает против всей позиции «Освобождения», нападая на незаконченность и нерешительность, осуждая

*) В только что полученном № 8 «Освобождения» мы видим уже более решительное осуждение политиканства и ложного шага г. Шипова. В добрый час! Может быть случай с сим почтенным деятелем побудит редакцию поискать корней «политиканства» в основных ее взглядах на отношение либерализма и революционных направлений?

такие фальшивые фразы, как ссылка на «народную анархию», заявляя, что «нельзя довольствоваться полумерами, что необходимо решиться идти до конца», что «необходимо покончить с рабскими полумерами легальной оппозиции»... «не останавливаясь перед жертвами», что, «не став революционерами, мы (земцы) не сможем сделать существенного вклада в дело политического освобождения России». От всей души приветствуем эти честные и твердые речи г. земского гласного и усиленно советуем ознакомиться с ними всем, кто интересуется разбираемым вопросом. Г. земский гласный *всецело* подтверждает данную нами в «Искре» оценку программы «Освобождения». Больше того: его статья доказывает не только правильность нашей точки зрения, но и целесообразность нашего резкого изобличения половинчатости либерализма. Оказывается, что и в самой земской среде есть люди, которым претит всякое виляние и которых мы особенно должны стараться поддерживать беспощадной критикой этого виляния с нашей точки зрения.

Редактор «Освобождения», конечно, несогласен с г. земским гласным Т. и—почтительно, но твердо—заявляет: «На многое мы смотрим иначе»... Еще бы! И каковы же возражения редакции?—Они сводятся все к двум главным пунктам: во-первых, г. Струве «принципиально» предпочитает мирные пути в отличие, по его мнению, от некоторых революционеров; во-вторых, этих последних он обвиняет в недостатке терпимости. Рассмотрим эти возражения.

В статье «По поводу одного упрека» г. Струве (статья подписана. *Ред.*) цитирует мою статью в № 2—3 «Зари» («Гонители земства и Аннибалы либерализма» ⁷¹). Ему особенно не понравились, разумеется, слова: «если бы народ хоть раз хорошенько проучил правительство», то это имело бы «гигантское историческое значение». Г. Струве, видите ли, решительно и безусловно не согласен с тем, что насильственная революция предпочтительнее мирной реформы. Самые решительные русские революционеры,—говорит он,—принципиально предпочитали мирный путь, и этой славной традиции не заглушить никакими доктринами.

Трудно себе представить что-либо более фальшивое и вымученное, чем это рассуждение. Неужели г. Струве не понимает, что восставший раб вправе говорить о предпочтительности мира с рабовладельцем, а раб, отказывающийся от восстания, впадает в позорную фальшь, повторяя те же слова? «Элементы революции в России еще, к сожалению *или к счастью*, не созрели»—говорит г. Струве, и эти слова «к счастью» выдают его с головой.

А насчет славных традиций революционной мысли лучше уже г. Струве помалкивать. Нам достаточно указать на знаменитые заклю-

чительные слова «Комм. Манифеста». Нам достаточно напомнить, что тридцать лет спустя после «Манифеста», когда немецкие рабочие были лишены частички тех прав, которых никогда не было у русского народа, Энгельс дал такую отповедь Дюрингу ⁷²⁾:

«Для г. Дюринга насилие есть нечто абсолютно злое. Первый акт насилия был, по его мнению, грехопадением. Вся его доктрина есть нытье по поводу того, что этот акт насилия запятнал первородным грехом всю историю вплоть до настоящего времени, что все законы природы и законы социальные позорно извращены этим орудием дьявола—насилием. О том, что насилие играет также в истории и совсем иную роль—революционную, о том, что оно, говоря словами Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда это последнее беременно новым, о том, что насилие является орудием, посредством которого общественное движение прокладывает себе дорогу и разбивает окоченелые, отмирающие формы,—об этом ни слова нет у г. Дюринга. Лишь со вздохами и стенаниями допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйства понадобится, к сожалению, насилие,—к сожалению, ибо всякое насилие развращает, извольте видеть, того, кто его применяет. И это говорится после того, как всякая победоносная революция сопровождалась высоким моральным и духовным подъемом! И это говорится в Германии, где насильственное столкновение, к которому народ может быть ведь прямо вынужден, имело бы, по крайней мере, то преимущество, что вытравило бы из народного характера лакейский дух, внедренный всеми унижениями 30-летней войны. И это тусклое, дряблое, бессильное поповское мышление смеют навязывать самой революционной партии, какую только знает история!»

Перейдем к второму пункту насчет терпимости. Нужны «взаимное понимание», «полная искренность» и «широкая терпимость» в отношениях разных направлений,—елейно поучает нас г. Струве (подобно многим соц.-рев. и представителям публики). Ну, а как быть,—спросим мы его,—если полная искренность наша покажется вам отсутствием терпимости? Если мы, напр., находим, что в «Освобождении» есть десница и шуйца, вредная, предательская шуйца, то не обязывает ли нас полная искренность к беспощадной борьбе с этой шуйцей? Не обязывает ли она нас к борьбе с авантюризмом (политиканством тож) соц.-революционеров, когда они проявляют его и в вопросах теории социализма, и в отношении к классовой борьбе в своей тактике? Есть ли хоть капля политического смысла в требовании обкарнать, сделать дряблой эту борьбу в угоду тому, что угодно называть терпимостью людям, против которых борьба и направлена?

Пора бы бросить галантерейное наивничанье, господа! Пора бы понять ту нехитрую истину, что действительная (а не словесная) совместность борьбы с общим врагом обеспечивается не политиканством, не тем, что покойный Степняк ⁷³⁾ однажды назвал самоурезыванием и самозапрятыванием, не условной ложью дипломатического взаимопризнания,—а фактическим участием в борьбе, фактическим единством борьбы. Когда у немецких соц.-дем. борьба против военно-полицейской и феодально-клерикальной реакции действительно становилась общей с борьбой какой-либо настоящей партии, опирающейся на известный класс народа (напр., либеральную буржуазию), тогда совместность действия устанавливалась без фразерства о взаимопризнании. О признании явного для всех и осязаемого всеми факта не говорят (не просим же мы ни у кого признания рабочего движения!). Думать, что настоящему политическому союзу в состоянии помешать «топ» полемики, в состоянии только люди, смешивающие политику и политиканство. А пока вместо действительного участия в нашей борьбе мы видим уклончивые фразы, вместо действительного приближения к нашей борьбе другого какого-либо общественного слоя или класса—одну лишь авантюристскую тактику,—до тех пор никакие ни грозные, ни жалкие потоки слов ни на йоту не приблизят «взаимопризнания».

Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социал-революционерами.

«Искра» № 27, 1 ноября 1902 года.

Насмешка оказывает свое полезное действие. В статьях под названием «Революционный авантюризм» мы выразили твердую уверенность, что наши с.-рев. не пожелают никогда прямо и точно определить свою теоретическую позицию. Чтобы опровергнуть сие злостное и несправедливое предположение, «Рев. Россия» начинает в № 11 серию статей под заглавием «Программные вопросы». В добрый час! Лучше поздно, чем никогда. Заранее приветствуем все статьи «Рев. России» о «программных вопросах» и обещаем внимательно следить за тем, можно ли в самом деле вычитать из них какую-либо *программу*.

Присмотримся с этой целью к первой статье: «Классовая борьба в деревне», но сначала заметим, что наши противники паки и паки чересчур... «увлекаются», заявляя (№ 11, стр. 6) «наша программа выставлена». Неверно ведь это, господа! Никакой еще *вы* программы не выставили, т.-е. не только не дали законченного и официально-

партийного изложения своих взглядов (программы в узком смысле слова или хотя бы проекта программы), но и не определили даже вовсе своего отношения к таким основным «программным вопросам», как вопрос о марксизме и его оппортунистической критике, о русском капитализме и о положении, значении и задачах порождаемого этим капитализмом пролетариата и т. д. Все, что мы знаем о «вашей программе» это то, что вы занимаете совершенно неопределенную позицию *между* революционной социал-демократией и оппортунистическим течением— с одной стороны, *между* русским марксизмом и русским либерально-народническим направлением—с другой.

В какие безысходные противоречия запутываетесь вы вследствие этой потуги сесть между двух стульев, это мы вам сейчас покажем и на выбранном вам вопросе. «Мы не то, что не понимаем, мы не признаем принадлежности современного крестьянства, как целого, к мелко-буржуазным слоям», пишет «Рев. Россия» (№ 11). «Для нас крестьянство делится на две принципиально отличные категории: 1) трудовое крестьянство, живущее эксплуатацией собственной рабочей силы (!?), и 2) сельскую буржуазию,—среднюю и мелкую,—в большей или меньшей степени живущую эксплуатацией чужой рабочей силы». Видя «основной отличительный признак» класса буржуазии в «источнике дохода» (пользование неоплаченным трудом других людей), теоретики соц.-рев. усматривают «огромное принципиальное сходство» между сельским пролетариатом и «самостоятельными земледельцами», живущими приложением собственного труда к средствам производства. «Основой существования тех и других является *труд*, как определенная политико-экономическая категория. Это — раз. Во-вторых, те и другие в современных условиях *безжалостно эксплуатируются*. Они должны быть поэтому соединены в *одну* категорию трудового крестьянства».

Мы нарочно изложили рассуждение «Рев. Росс.» так подробно, чтобы читатель мог хорошенько вдуматься в него и оценить его теоретические послышки. Несостоятельность этих посылок бьет в глаза. Искать основного отличительного признака различных классов общества в источнике дохода, значит—выдвигать на первое место отношения распределения, которые на самом деле суть результат отношений производства. Ошибку эту давно указал Маркс, назвавший невидящих ее людей вульгарными социалистами. Основной признак различия между классами—их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства. Присвоение той или другой части общественных средств производства и обращение их на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта—вот

основное отличие одного класса современного общества (буржуазии) от пролетариата, который лишен средств производства и продает свою рабочую силу.

Пойдем дальше. «Основой существования тех и других является труд, как определенная политико-экономическая категория». Определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде. В другой форме здесь повторяется та же ошибка вульгарного социализма, которую мы уже разобрали. Когда с.-рев. заявляют: «Существо взаимных отношений между сельским хозяином и батраком, с одной стороны, между самостоятельным земледельцем и заимодавцами, кулаками, с другой стороны, совершенно одинаково», то они целиком повторяют ошибку хотя бы немецкого вульгарного социализма, который, напр., в лице Мюльбергера ⁷⁴⁾, заявил, что существо отношений хозяина к рабочему то же, что домовладельца к квартиранту. Наши Мюльбергеры точно так же не способны выделить основных и производных форм эксплуатации, ограничиваясь декларацией по поводу «эксплуатации» вообще. Наши Мюльбергеры точно так же не понимают, что именно эксплуатация наемного труда является базисом всего современного грабительского строя, именно она вызывает деление общества на непримиримо-противоположные классы, и только с точки зрения *этой* классовой борьбы можно последовательно оценить все остальные проявления эксплуатации, не впадая в расплывчатость и беспринципность. Наши Мюльбергеры, поэтому, должны встретить со стороны русских социалистов, дорожащих цельностью своего движения и «добрым именем» своего революционного знамени, такой же решительный, беспощадный отпор, какой встретил Мюльбергер немецкий.

Чтобы яснее показать путаность «теории» наших соц.-рев., мы подойдем еще к тому же вопросу с практической стороны, попытаемся иллюстрировать разбираемый вопрос конкретными примерами. Во-первых, *трудится* и эксплуатируется везде, всегда и повсюду громадное большинство мелкой буржуазии. Почему бы иначе и относить ее к переходным и промежуточным слоям? Во-вторых, совершенно так же, как крестьяне в обществе товарного хозяйства, *трудятся* и эксплуатируются мелкие ремесленники и торговцы. Не хотят ли наши соц.-рев. создать также «категорию» «трудового» торгово-промышленного населения вместо «узкой» категории пролетариата? В-третьих, пусть попробуют соц.-рев., чтобы понять значение столь непобимой ими «догмы», представить себе подгородного крестьянина, который, не

нанимая рабочих, живет своим трудом и продажей всяких земледельческих продуктов. Смеем надеяться, что отрицать принадлежность *такого* крестьянина к мелкой буржуазии и невозможность «объединить» его в один *класс* (заметьте, речь идет именно о классе, а не о партии) с наемным рабочим, не решатся даже ярые народники. А есть ли какая-нибудь принципиальная разница в положении подгородного торговца-земледела и всякого мелкого земледельца в обществе развивающегося товарного хозяйства?

Спрашивается теперь, чем объяснить это приближение (мягко выражаясь) г. г. соц.-рев. к вульгарному социализму? Может быть, это случайная особенность данного автора? Чтобы опровергнуть такое предположение, достаточно привести следующее место из № 11 «Рев. Росс.»: «Как будто—воскликает автор—здесь все дело в размерах одной и той же хозяйственной категории» (крупный и мелкий буржуа), «а не в принципиальном различии» (слушайте!) «двух категорий: трудового и буржуазно-капиталистического хозяйства!» Нам трудно было бы и представить себе более полное и наглядное подтверждение сказанного нами в статье «Революционный авантюризм» *): поскребите соц.-рев.—и вы найдете г. В. В. Для всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с эволюцией русской общественно-политической мысли, позиция соц.-рев. выясняется из одной этой фразы. Известно, что основой того бледно-розового квази-социализма, который украшал собой (да и сейчас еще украшает) господствующее в нашем образованном обществе либерально-народническое направление, лежала идея о диаметральной противоположности крестьянского «трудового хозяйства» и буржуазного хозяйства. Эта идея, в разных оттенках ее подробно разработанная г. г. Михайловским ⁷⁵⁾, В. В., Ник.—оном и др., была одной из тех твердынь, против которых направилась критика русского марксизма. Чтобы помочь разоряемому и угнетаемому крестьянству, говорили мы, надо уметь отказаться от иллюзий и прямо взглянуть на действительность, разрушающую туманные мечты о трудовом хозяйстве (или «народном производстве»?) и показывающую нам *мелко-буржуазный уклад* крестьянского хозяйства. И у нас, как и везде, развитие и упрочение мелкого трудового хозяйства возможно лишь путем превращения его в мелко-буржуазное хозяйство. Это превращение, действительно, происходит, и *настоящая* реальная тенденция трудового крестьянина к мелкому предпринимательству неопровержимо доказана фактами жизни. Как и всякие мелкие производители, наши крестьяне тем самым подходят под категорию мелких

*) См. выше 124 стр. этого тома. *Ред.*

буржуа, поскольку развивается товарное хозяйство: они раскалываются на меньшинство предпринимателей и массу пролетариата, который связан с «хозяйчиками» целым рядом переходных ступеней полурабочих и полухозяев (эти переходные формы существуют во всех капиталистических странах и во всех отраслях промышленности).

Как же отнеслись соц.-рев. к этой смене двух течений социалистической мысли, к борьбе старого русского социализма и марксизма? Они просто-напросто пытались уклоняться, покуда можно было, от разбора вопроса по существу. А когда уклоняться уже стало нельзя; когда от людей, пожелавших создать особую «партию», потребовали определенных объяснений, когда их принудили к ответу, принудили и насмешкой и прямым обвинением в беспринципности,—тогда они только и стали повторять старую народническую теорию «трудового хозяйства» и старые ошибки вульгарного социализма. Повторяем: лучшего подтверждения нашего обвинения соц.-рев. в полной беспринципности, как статья в № 11, пытающаяся «соединить» и теорию «трудового хозяйства», и теорию классовой борьбы,—мы не могли и желать.

* * *

Как курьез, отметим еще, что в № 11 «Рев. Росс.» делаются попытки «благовидно» объяснить решение уклониться от принципиальной полемики. В статье «Революционный авантюризм» «Искра», видите ли, неверно цитирует. Например? Например, опускает слово «местами» (земля местами перетекает от капитала к труду). Какой ужас! Опускают не относящееся к делу слово! Или, может быть, «Рев. Росс.» вздумает утверждать, что к вопросу об *оценке* перетекания земли *вообще* (буржуазный этот процесс или нет?) *хоть какое-либо* отношение имеет слово «местами»? Пусть попробует.

Далее. «Искра» прекратила цитату на слове «государством», хотя дальше стоит «конечно, не нынешним». «Искра» поступила даже еще злее (добавим от себя): она дерзнула назвать это государство *классовым*. Не станут ли наши «обиженные в лучших чувствах» противники утверждать, что в разбираемой нами «программе-минимум» речь могла идти *не* о классовом государстве?

Наконец, «Искра» цитировала прокламацию 3 апр., в которой *сама* «Рев. Росс.» нашла оценку террора «преувеличенной».—Да, и мы *привели* эту оговорку «Рев. Росс.», но добавили от себя, что видим тут «эквилибристику» и неясные намеки. «Рев. Росс.» этим очень недовольна и пускается в объяснения и сообщение подробностей (подтверждая таким образом *на деле*, что неясность, требующая объяснений, была).

И каковы же эти объяснения? В прокламации 3 апр. были, видите ли, сделаны *поправки* по требованию партии. Эти поправки, однако, «были признаны недостаточными», и потому слова «от партии» из прокламации были удалены. Но слова «издание партии» остались, и другая («настоящая») прокламация от того же 3 апр. ни слова о разногласиях или преувеличениях не упомянула. Приводя эти объяснения и чувствуя, что они только подтверждают законность предъявляемого «Искрой» (в словах: эквилибристика и намеки) требования объяснений, «Рев. Росс.» сама задает себе вопрос: как партия могла издать в своей типографии прокламацию, с которой она не согласна? Ответ «Рев. России» гласит: «Да совершенно так же, как под фирмой Росс. С.-Д. Раб. Партии печатаются «Раб. Дело», «Искра», «Раб. Мысль» и «Борьба». Очень хорошо. Но, во-первых, у нас разнородные издания и печатаются не в типографии «партии», а в типографиях групп. Во-вторых, когда у нас выходили «Раб. Мысль», и «Р. Д.», и «Искра» вместе, мы это сами же и называли *разбродом*. Посмотрите же, что отсюда выходит: соц.-демократия сама вскрывает и бичует разброд *у себя* и старается его устранить серьезной теоретической работой, а соц.-рев. начинают признавать свой разброд лишь *после* того, как их изобличат, и лишний раз по этому случаю щеголяют своей широтой, позволившей им по поводу одного и того же политического события издать в один и тот же день две прокламации, в которых политическое значение этого события (нового террористического акта) толкуется прямо противоположно.—Зная, что из идейного разброда ничего доброго не выйдет, соц.-дем. предпочли «сначала размежеваться, а потом объединяться», обеспечивая этим будущему объединению и прочность, и плодотворность. А соц.-рев., толкуя свою «программу» на разные лады «кто во что горазд»*), играют в фикцию «практического» единства и свысока заявляют нам: это у вас только, у соц.-демократов, разные там «группы», у нас же—Партия! Совершенно верно, господа но история учит нас, что иногда отношение между «группами» и партиями бывает подобно отношению между тощими и тучными фараоновыми коровами. Разные ведь бывают «партии». Была, напр., «Рабочая партия политич. освоб. России», а между тем, ее двухгодичное существование прошло столь же бесследно, как и ее исчезновение.

*) Сравните только «Наши задачи» бывшего «Союза соц.-рев.»⁷⁶⁾ с «Манифестом» бывшей «Партии соц.-рев.» (о нем в № 6 «Искры»), затем с редакц. заявлением № 1 «Вестн. Р. Рев.» с «программными» статьями №№ 7—11 «Рев. Росс.» и с брошюрой «Свобода», изданной так наз. «Раб. партией политич. освобождения России»⁷⁷⁾, о соединении которой с партией соц.-рев. недавно сообщено в «Рев. России».

Все о том же.

«Искра» № 27, 1 ноября 1902 года.

В № 5 гектографированного издания «Вперед», помеченного «Петербург, 15 сентября 1902 г.» и подписанного буквами С.-Р. (социал-революционеры?), мы—среди всяких восхвалений политического террора—прочли след. строки:

«... За 1901—1902 год было семь террористических покушений: на Боголепова ⁷⁸⁾, Победоносцева, два на Трепова ⁷⁹⁾, на Сипягина, Валя ⁸⁰⁾ и Оболенского ⁸¹⁾. Из этих дел *последнее только* произведено «боевой организацией». Остальные шесть—личные действия отдельных лиц. Эти шесть покушений (сюда входят оба *удавшихся* (т.-е. покушения Карповича ⁸²⁾ и *Балмашева*. Ред. «Искры»))—выражение общественного настроения, выражение негодования на существующий порядок и действия властей. Более чуткие, более горячие люди не могут жить в существующих условиях и смотреть равнодушно на все безобразия русской действительности. Им душно жить, печем дышать, а потому, умирая, терять нечего. Они берут револьвер и идут убивать врагов народа»... Далее говорится: «Предположим, что Зубатов поймал всех членов «боевой организации» и что вы, г. Плевэ, всех их уже повесили. Чего вы достигнете этим? За время погони вашей за «боевой организацией» жизнь выставит ряд Карповичей, *Балмашевых*, Леккертов ⁸³⁾, действующих *в одиночку* (курсив везде наш. Ред. «Искры»), смело и решительно».

Из этих строк читатель может видеть, что террористический кружок, издающий «Вперед», считает выстрел *Балмашева* делом единоличного его решения, возникшего, как выражение «общественного настроения». Он говорит то же самое, что сказали мы в передовой статье № 20 «Искры». Мы только ближе определили это «общественное настроение», как настроение передовой части вовлеченного в борьбу с правительством студенчества.

Рекомендуем «Рев. Росс.» обрушиться на этих террористов, которые так «беспримерно» дерзновенны, что до сих пор, вопреки всем заявлениям боевой организации, смеют свое суждение иметь, смеют считать и называть убийство Сипягина единоличным актом, выражением общественного настроения, не более того!

Наше мнение по этому вопросу составилось, как знает читатель, совершенно независимо от мнения нового издания «Вперед». «Рев. Россия» мечет громы и молнии против нас, приглашая всю Росс. С.-Д. Раб. Партию осудить «Искру» за ее «дерзкие» мнения. Мы не сомне-

ваемся, что наша партия, при первых же шагах к восстановлению ее действительного единства, займется вопросом о партии соц.-рев. и рассмотрит жалобу «Рев. России». Посмотрим, удовлетворит ли это рассмотрение жалобщиков.

От себя же мы поставим «Р. Р.» лишь такой вопрос: не «беспримерно» ли также в истории русского революционного движения, что иностранные революционеры вынуждены заговорить об «игрушке» и «шумихе» по поводу актов политического террора? О «Нар. Воле»⁸⁴⁾ так не говорили. И не вызывает ли крикливость сама собой сомнения в том, в чем крикливо стараются уверить? Заметим при этом, что «Искра» сделала с своей стороны все возможное, чтобы не дать публике вложить персты в эти столь некстати обнаружившиеся язвы нашего современного движения. «Искра» просто *игнорировала* противоречащие очевидности заявления «боевой организации», как продолжают их до сих пор игнорировать террористы издания «Вперед». И только высокомерное заявление «боевой организации», требовавшей, чтобы мы приняли «без разговоров» ее объяснение выстрела Балмашева, заставило нас формулировать наши сомнения.

Мы опасаемся, что «Рев. Росс.» не сможет ответить на поставленные ей выше вопросы. Ведь ей строго запрещено продолжать полемику с нами—в интересах благопристойности. Это запрещение исходит от Центр. Ком. партии соц.-рев., каковой Комитет этим самым актом проявил впервые свое существование *). Мы очень сожалеем о судьбе нашего литературного коллеги, павшего жертвой строгости Центр. Ком. Но, с другой стороны, мы—признаться—немного завидуем ему. Центр. Ком. нашей собственной партии (когда он будет создан), несомненно, будет обладать меньшей проницательностью и не догадается «запретить» нам, бедным соц.-дем. публицистам, продолжать полемику, если нам—от чего боже сохрани!—случится в ней... поскользнуться.

*) Общепартийные прокламации соц.-рев. подписывались до сих пор просто партией. Ультиматумы правительству после террористических актов подписаны «боевой организацией». «Искра» чувствует себя безмерно польщенной: для борьбы с ней партия применила ту инстанцию, по отношению к которой является исполнительным органом группа, уполномоченная после покушений «истину царям с улыбкой говорить».

Новые события и старые вопросы.

«Искра» № 29, 1 декабря 1902 года.

Повидимому, непродолжительное «затишье», которое отличало последние полгода или три четверти года нашего революционного движения—по сравнению с предшествующим быстрым и бурным развитием его,—начинает приходить к концу. Как ни кратко было это «затишье», как ни очевидно было для всякого внимательного и сведущего наблюдателя, что отсутствие (на такое небольшое время) открытых проявлений массового возмущения рабочих не означает нисколько прекращения роста этого возмущения и вглубь и вширь, тем не менее среди нашей интеллигенции, настроенной революционно, но не имеющей зачастую ни прочной связи с рабочим классом, ни крепких устоев определенных социалистических убеждений, стали раздаваться многочисленные голоса уныния и неверия в массовое рабочее движение—с одной стороны, а с другой—голоса в пользу повторения старой тактики отдельных политических убийств, как необходимого и обязательного в настоящее время приема политической борьбы. За те несколько месяцев, которые прошли со времени демонстрации прошлогоднего сезона, у нас успела уже образоваться «партия» «соц.-революционеров», громко заговорившая об обескураживающем впечатлении демонстраций, о том, что «народ, увы, еще не скоро», что о вооружении масс легко, *конечно*, говорить и писать, а теперь надо взяться за «индивидуальный отпор», не отговариваясь от настоятельной необходимости единоличного террора избитыми ссылками все на ту же, одну и ту же (скучную и «неинтересную» для интеллигента, свободного от «догматической» веры в рабочее движение!) задачу агитации среди масс пролетариата и организации массового натиска.

Но вот вспыхивает в Ростове-на-Дону одна из самых обыкновенных и «будничных», на первый взгляд, стачек и приводит к событиям, которые показывают воочию всю нелепость и весь вред предпринятой соц.-революционерами попытки реставрировать народовольчество со всеми его теоретическими и тактическими ошибками. Охватив многие тысячи рабочих, стачка, начатая из-за требований чисто экономического характера, быстро вырастает в политическое событие, несмотря на крайне недостаточное участие в ней организованных революционных сил. Толпы народа, доходившие, по свидетельству некоторых участников, до 20—30 тыс. чел., устраивают поражающие своей серьезностью и организованностью политические собрания, на которых читаются и комментируются с жадностью соц.-демократические про-

кламации, говорятся политические речи, разъясняются самым случайным и неподготовленным представителям трудящегося народа азбучные истины социализма и политической борьбы, преподаются практические и «предметные» уроки обращения с солдатами и обращения к солдатам. Администрация и полиция теряют голову (может быть, отчасти вследствие ненадежности войска?) и оказываются не в силах помешать устройству в течение нескольких дней невиданных на Руси массовых политических сходов под открытым небом. И когда, наконец, пускается в ход военная сила, толпа оказывает ей отчаянный отпор, и убийство товарища служит поводом для политической демонстрации на другой день над его трупом... Впрочем, соц.-рев. дело представляется, вероятно, в ином свете, и, с их точки зрения, было бы, должно быть, «целесообразнее», если бы шестеро убитых в Ростове товарищей отдали свою жизнь на покушения против тех или иных полицейских извергов?

Мы же думаем, что только такие массовые движения, связанные с наглядно выступающим перед всеми ростом политического сознания и революционной активности рабочего класса, заслуживают названия *действительно-революционных* актов и способны внушить действительное ободрение тем, кто борется за русскую революцию. Мы видим тут не пресловутый «индивидуальный отпор», связь которого с массами состоит только в словесных заявлениях, в напечатанных приговорах и т. п. Мы видим действительный отпор толпы, и неорганизованность, неподготовленность, стихийность этого отпора напоминает нам, как неумно преувеличивать свои революционные силы, как преступно пренебрегать задачей внесения вот в эту, настоящим образом борющуюся у нас на глазах, толпу большей и большей организованности и подготовленности. Не создавать посредством выстрелов поводы для возбуждения, материал для агитации и для политического мышления, а научиться обрабатывать, использовать, брать в свои руки тот материал, которого слишком достаточно дает русская жизнь,—вот задача, единственно достойная революционера. Соц.-рев. не могут нахвалиться тем, как велико «агитирующее» действие политических убийств, о которых шушукуют так много и в либеральных гостиных, и в простонародных кабачках. Для них ничего не стоит (благо, они свободны от всяких узких догм сколько-нибудь определенной социалистической теории!) заменить (или хотя бы даже дополнить) политическое воспитание пролетариата произведением политической *сенсации*. Мы же считаем способными иметь действительно и серьезно «агитирующее» (возбуждающее), и не только возбуждающее, но и (это гораздо более важно) воспитывающее действие *только* события

в которых действующим лицом является сама масса, которые порождаются ее настроением, а не инсценируются «с специальной целью» той или иной организацией. Мы думаем, что целой сотне царевых не произвести никогда такого возбуждающего и воспитывающего действия, как это одно участие десятков тысяч рабочего народа в собраниях, обсуждающих их насущные интересы и связь политики с этими интересами,—как это участие в борьбе, действительно *поднимающей* новые и новые «непочатые» слои пролетариата к более сознательной жизни, к более широкой революционной борьбе. Нам говорят о дезорганизации правительства (вынужденного сменять господ Сипягинных господами Плеве и «подбирать» себе на службу самых гнусных проходимцев), а мы убеждены, что *отдавать* одного революционера хотя бы за десять проходимцев значит дезорганизовывать только свои собственные ряды, которые и без того редки, так редки, что не успевают за всей работой, «спрашиваемой» от них рабочими. Мы думаем, что настоящей дезорганизацией правительства являются такие и только такие случаи, когда действительно организуемые самой борьбой широкие массы заставляют правительство растеряться, когда законность требований передовых людей рабочего класса выясняется уличной толпе и начинает даже выясняться части войска, призываемого для «успокоения», когда военным действиям против десятков тысяч народа предшествует колебание властей, не имеющих никакой реальной возможности определить, до чего доведут эти военные действия, когда в убитых на поле гражданской войны толпа видит и чувствует своих товарищей, своих сочленов и накопляет в себе новый запас ненависти и желание более решительной схватки с врагом. И не отдельный проходимец, а весь современный строй выступает уже здесь врагом народа, против которого ополчаются местные и петербургские власти, полиция, казаки и войско, не говоря о жандармах и судах, дополняющих и завершающих, как всегда, всякие народные восстания.

Да, восстания. Как ни далеко было от «настоящего» восстания начало этого, повидимому, стачечного движения в далеком провинциальном городе, а его продолжение и его финал невольно наводят на мысль именно о восстании. Обыденность повода к стачке, мелкий характер выставленных рабочими требований особенно сильно оттеняют и могучую силу солидарности пролетариата, увидевшего сразу, что борьба железнодорожных рабочих есть его общее дело, и восприимчивость его к политическим идеям, к политической проповеди, и готовность отстаивать грудью в прямом сражении с войсками те права на свободную жизнь, свободное развитие, которые успели уже стать общим и элементарным достоянием всех мыслящих рабочих.

И тысячу раз прав был Донской Комитет, который в прокламации, целиком воспроизведенной нами ниже, говорил «всем гражданам» о ростовской стачке, как об одном из приступов к общему подъему русских рабочих с требованием политической свободы⁸⁵). На событиях такого рода мы действительно наблюдаем воочию, как всенародное вооруженное восстание против самодержавного правительства созревает не только как идея в умах и программах революционеров, но также и как неизбежный, практически-естественный, *следующий* шаг самого движения, как результата растущего возмущения, растущего опыта, растущей смелости масс, получающих такие ценные уроки, такое великолепное воспитание от русской действительности.

Неизбежный и естественный шаг, сказал я—и спешу оговориться: *если только мы* не позволим себе ни на шаг уклониться от надвигающейся на нас, нависшей над нами задачи помочь этим поднимающимся уже массам подняться смелей и дружнее, дать им не двух, а десятки уличных ораторов и руководителей, создать настоящую боевую организацию, способную направлять массы, а не так называемую «боевую организацию», которая направляет (если направляет) неуловимых личностей. Трудна эта задача, что и говорить, но мы с полным правом можем видоизменить так часто и так неудачно приводившиеся в последнее время слова Маркса и сказать: «каждый шаг *действительного* движения важнее дюжины» индивидуальных покушений и отпоров, важнее сотни только-интеллигентских организаций и «партий».

На-ряду с ростовской битвой выдвигаются на первый план из политических фактов последнего времени каторжные приговоры над демонстрантами. Правительство решило запугивать всячески, начиная от розги и кончая каторгой. И какой замечательный ответ дали ему рабочие, речи которых на суде мы приводим ниже, как поучителен этот ответ для всех тех, кто особенно шумел по поводу обескураживающего действия демонстраций не в целях поощрения к дальнейшей работе на том же пути, а в целях проповеди пресловутого индивидуального отпора! Эти речи—превосходный, от самих глубин пролетариата исходящий комментарий к событиям вроде ростовских и, вместе с тем, замечательное заявление («публичное оказательство», сказал бы я, если бы это не был специфический полицейский термин), вносящее бездну бодрости в длинную и трудную работу над «действительными» шагами движения. Замечательно в этих речах простое, доподлинно точное изображение того, как совершается переход от самых повседневных *десятками и сотнями миллионов* повторяющихся фактов «угнетения, нищеты, рабства, унижения, эксплуатации» ра-

бочих в современном обществе к пробуждению их сознания, к росту их «возмущения», к революционному проявлению этого возмущения (я поставил в кавычки те выражения, которые мне *пришлось* употребить для характеристики речей нижегородских рабочих, ибо это—те самые знаменитые слова Маркса из последних страниц первого тома «Капитала», которые вызывали со стороны «критиков», оппортунистов, ревизионистов и т. п. столько шумных и неудачных попыток опровержения и изобличения соц.-дем. в том, что они говорят неправду).

Именно потому, что говорили эти речи простые рабочие, вовсе не передовые по степени их развития, говорили даже не в качестве членов какой-либо организации, а в качестве людей толпы, именно потому, что напирала они не на их личные убеждения, а на факты из жизни каждого пролетария или полупролетария в России,—такое ободряющее впечатление производят их выводы: «вот почему мы сознательно шли на демонстрацию против самодержавного правительства». Обыденность и «массовидность» тех фактов, из которых они делали этот вывод, ручаются за то, что к этому выводу могут прийти и неизбежно придут тысячи, десятки и сотни тысяч, если мы сумеем продолжить, расширить и укрепить систематическое принципиально-выдержанное и всестороннее революционное (социал-демократическое) воздействие на них. Мы готовы идти на каторгу за борьбу против политического и экономического рабства, раз мы почувствовали дуновение свободы,—говорили четверо нижегородских рабочих.—Мы готовы идти на смерть,—как бы вторили им тысячи в Ростове, отбывая себе на несколько дней свободу политических сходов, отбивая целый ряд военных атак на безоружную толпу.

Сим победиши!—остается нам сказать по адресу тех, кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Декабря 1902 года.

ИЗВЕЩЕНИЕ

об образовании „Организационного Комитета“.

«Искра» № 32, 15 января 1903 года.

Четыре года тому назад несколько русских соц.-демократических организаций объединились в «Российскую Соц.-Демократическую Рабочую Партию», выработав некоторый план организации и общие

принципы деятельности, изложенные в изданном партией «Манифесте» К сожалению, эта первая попытка не увенчалась успехом: не было еще на-лицо необходимых элементов для создания единой, сильной социал-демократической партии, борющейся непреклонно за освобождение пролетариата от всех видов гнета и эксплуатации. С одной стороны, самые формы практической деятельности русской социал-демократии еще только складывались; недавно выступившая на путь борьбы, с.-демократия еще искала путей для наилучшего проведения своих теоретических взглядов, она шла еще робкими, неуверенными шагами. Лежащее в основе ее деятельности рабочее движение, вылившееся в грандиозные стачки, только что вспыхнуло тем ярким блеском, который ослепил глаза многим, затмив для них столь ясные и определенные задачи и цели революционной соц.-демократии, заставив увлечься узко-профессиональной борьбой. С другой стороны, непрестанные репрессии правительства, обрушиваясь на соц.-демократические организации, еще не окрепшие, еще не успевшие пустить прочных корней, разрушали всякую преемственность, уничтожали всякие традиции в деятельности.

Однако эта неудавшаяся попытка не прошла бесследно. Сама идея организованной политической партии пролетариата, руководившая нашими предшественниками, стала с тех пор путеводной звездой и желанной целью всех сознательных соц.-демократических деятелей. В течение этих четырех лет делались неоднократные попытки осуществить эту завещанную нам первыми соц.-демократическими деятелями идею. Но до сих пор мы все еще стоим перед нашей дезорганизованностью так же, как и четыре года тому назад.

А между тем жизнь предъявляет нам все большие и большие требования. Если первые деятели партии ставили своей задачей пробуждение дремлющих в рабочих массах революционных сил, то перед нами стоит гораздо более сложная задача—направить пробуждающиеся силы туда, куда нужно, стать во главе этих сил и руководить ими. Мы должны быть готовы не сегодня—завтра услышать призывный клич: «Ведите нас, куда вы нас звали!», и страшно, если этот миг застанет нас врасплох, столь же разрозненными, столь же неподготовленными, как в настоящий момент. Пусть нам не говорят, что мы преувеличиваем серьезность момента. Кто способен заглядывать дальше поверхности ряби, кто способен распознавать совершающийся в глубине процесс, тот не заподозрит нас в преувеличении.

Но серьезность положения усугубляется еще другими обстоятельствами. Мы переживаем знаменательный исторический момент. Пробуждение рабочего класса в связи с общим ходом русской жизни

вызвало к деятельности различные общественные слои. С большей или меньшей сознательностью они стремятся сорганизоваться, чтобы так или иначе примкнуть к борьбе с отжившим режимом. В добрый час! Социал-демократия может только приветствовать всякого примкнувшего к такой борьбе. Но она должна зорко следить за тем, чтобы подобные союзники не сделали ее молотом в своих руках, не отодвинули ее от главной арены деятельности, не лишили бы руководящей роли в борьбе с самодержавием и, главное, не повредили бы поступательному ходу революционной борьбы, отклонив ее от правильного пути. Что подобная опасность не призрак воображения—ясно для всякого, внимательно следившего за революционной борьбой последних лет.

Итак, в настоящий момент перед русской социал-демократией стоит громадная задача, которая не по плечу никаким местным комитетам, никаким даже районным организациям. Как бы совершенны ни были местные организации, они не смогут справиться с этой задачей, ибо она уже переросла местные рамки. Она может быть выполнена только коллективными силами всех русских соц.-демократов, сплоченных в одну централизованную, дисциплинированную армию. Но кому же взять на себя инициативу объединения?

Вопрос этот обсуждался в прошлом году на конференции представителей: Петербургского Союза борьбы⁸⁶⁾, Центрального Комитета объединенных южных комитетов⁷⁸⁾ и организаций, организации «Искры», Центральных Комитетов (русского и заграничного) «Бунда»⁸⁸⁾, Союза русских социал-демократов за границей и некоторых других организаций. Конференцией поручено было представителям некоторых организаций образовать организационный комитет, который взял бы на себя задачу фактического восстановления Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Во исполнение этого постановления представители: Петербургского Союза борьбы, организации «Искры» и группы «Южного Рабочего» *) образовали «Организационный Комитет», который ставит своей первой и главной задачей *подготовку условий для созыва партийного съезда*.

Но ввиду того, что дело созыва съезда представляется в высшей степени сложным и требует для своего осуществления значительного времени, Организационный Комитет впредь до восстановления цен-

*) «Бунду» также было предложено прислать своего представителя в Организационный Комитет, но, по неизвестным нам причинам, «Бунд» не отозвался на это приглашение. Надеемся, что причины эти были чисто случайные, и «Бунд» не замедлит прислать своего представителя.

тральной организации партии берет на себя выполнение некоторых общих функций (выпуск общерусских листков, общий транспорт и техника, установление связей между комитетами и проч.).

Само собою разумеется, что Организационный Комитет, возникший по частной инициативе некоторых организаций, находится в обязательных отношениях только к тем организациям, которые его уже уполномочили или дадут свои полномочия. Для всех же прочих комитетов и групп он представляет частную организацию, предлагающую им свои услуги.

Велика и ответственна задача, которую решается взять на себя Организационный Комитет, и если он все же дерзает сделать это, то лишь потому, что необходимость объединения слишком настоятельна, разброд слишком дает себя чувствовать, дальнейшая дезорганизованность слишком угрожает общему делу. Приступая к деятельности, Организационный Комитет полагает, что успешность этой деятельности в значительной степени будет обуславливаться отношением к нему социал-демократических комитетов и организаций, и само это отношение будет для него критерием того, насколько правильно оценил он настоящий момент.

Организационный Комитет.

* * *

Заявление вновь образовавшегося Организационного Комитета нашей партии достаточно ясно говорит само за себя, и нам нечего тратить много слов о важном значении сделанного шага. Объединение, восстановление целостности партии—самая насущная, настоятельно требующая немедленного решения задача русских соц.-демократов. Эта задача очень трудна, потому что нам нужно не объединение нескольких кучек революционно настроенных интеллигентов, а объединение всех руководителей рабочего движения, поднявшего к самостоятельной жизни и борьбе целый широкий класс населения. Нам нужно объединение на почве строгого принципиального единства, к которому должны сознательно и твердо притти все или громадное большинство комитетов, организаций и групп, интеллигентов и рабочих, действующих в различной обстановке при различных условиях, пришедших иногда самыми различными путями к своим социал-демократическим убеждениям. Такого объединения нельзя не только декретировать, его нельзя и создать сразу, одними резолюциями собравшихся делегатов, его надо систематически и исподволь подготовить и выработать, так, чтобы съезд всей партии закреплял и исправлял

уже сделанное, продолжал начатое, закапчивал и формально утверждал прочный фундамент для дальнейшей, более широкой и глубокой, работы. И мы особенно приветствуем поэтому разумно-осторожный и скромный приступ О. К. к своей работе. Не претендуя ни на какие обязательные отношения ко всей массе русских соц.-демократов, О. К. ограничивается тем, что *предлагает свои услуги* всем им. Пусть же все русские соц.-демократы без исключения, комитеты и кружки, организации и группы, люди состоящие на действительной службе, и временно отставные (ссылные и т. п.) поспешат ответить на этот призыв, постараются завязать непосредственные и живые сношения с О. К., примутся самым энергичным образом за активную поддержку всей громадной объединительной работы. Нам надо добиться, чтобы не было ни одной группы русских социал-демократов, которая не была бы связана с О. К., которая бы не работала в товарищеском единении с ним. Далее, считая своей первой и главной задачей подготовку и созыв общепартийного съезда, О. К. берет на себя и некоторые общие функции *по обслуживанию движения*. Мы уверены, что не найдется ни одного социал-демократа, который бы не признал настоятельной необходимости этого расширения функций О. К., ибо это есть лишь расширенное *предложение услуг*,—предложение, которое идет навстречу заявленным уже тысячи и тысячами раз запросам,—предложение не отказаться от каких-либо «прав», а отказаться лишь поскорее на практике от обособленности, взяться сообща за постановку ряда общих предприятий. Наконец, мы считаем также совершенно правильным и уместным решительное заявление О. К., что дело созыва съезда представляется в высшей степени сложным и требует для своего осуществления значительного времени. Это отнюдь не значит, конечно, чтобы созыв съезда откладывался. Ничего подобного. Если говорить о настоятельности съезда, то мы признали бы и месячный срок для его созыва чересчур «значительным». Но если вспомнить наши условия работы и необходимость серьезного представительства всего движения на съезде, то и срок впадет, вдесятеро больший не заставит еще притти в уныние ни одного сколько-нибудь опытного работника.

Пожелаем же всякого успеха делу скорейшего объединения и восстановления партии, докажем свое сочувствие не только словами, но и немедленными делами всех и каждого, и да здравствует русская, да здравствует международная революционная социал-демократия!

По поводу заявления Бунда.

«Искра» № 33, 1 февраля 1903 года.

Мы только что получили № 106 «Последних Известий» ⁸⁹⁾ Бунда (от 3/21 января), содержащий сообщение о чрезвычайно важном, решительном и до последней степени печальном шаге Бунда. Оказывается, что в России вышло заявление Центрального Комитета Бунда по поводу извещения Организационного Комитета. Вернее, впрочем, было бы сказать: заявление по поводу *примечания* в извещении О. К., ибо *главным образом* по поводу одного этого примечания и рассуждает Бунд в своем заявлении.

Дело вот в чем. Как знают наши читатели, О. К. сказал в этом ужасном «примечании», из которого (будто бы из которого!) загорелся сыр-бор, буквально следующее:

«Бунду также было предложено прислать своего представителя в О. К., но по неизвестным нам причинам Бунд не отозвался на наше предложение. Надеемся, что причины эти были чисто случайные, и Бунд не замедлит прислать своего представителя».

Спрашивается: что может быть естественнее и невиннее этого примечания? Как мог поступить иначе О. К.? Умолчать о Бунде было бы неправдой, ибо О. К. не игнорировал его, да и не мог игнорировать, пока Бунд, на основании решения партийного съезда 1898 г., входит в Росс. С.-Д. Р. Партию. А если не умолчать, то надо сказать, что мы приглашали. Кажется, это ясно? И еще более ясно, что если причины молчания Бунда были неизвестны О. К., то он *должен был* именно так и сказать: «по неизвестным нам причинам». Прибавкой слов: «надеемся, что причины были *чисто случайные* и что Бунд не замедлит прислать представителя»,—О. К. заявлял открыто и прямо о своем желании *работать вместе с Бундом* над организацией съезда и восстановлением партии.

Очевидно, что если бы Бунд тоже разделял это желание, то ему оставалось только послать своего представителя, которого *приглашали* и конспиративным путем, и в печатном заявлении. Вместо этого, Бунд *вступает в полемику* с примечанием (!!) и в печатном заявлении излагает *отдельно и особо* свои мнения и свои взгляды на задачи О. К., на условия созыва съезда. Прежде, чем рассматривать «полемику» Бунда, прежде, чем разбирать его взгляды, мы должны самым решительным образом *протестовать* против выступления Бунда с особым печатным заявлением, ибо это выступление нарушает элементарнейшие правила *совместного* ведения революционного дела и особенно

организационного дела. Одно из двух, господа: или вы *не хотите* работать *в одном общем О. К.*, и тогда никто не посетует, конечно, на ваши отдельные выступления. Или вы хотите работать сообща, и тогда вы *обязаны* заявлять свои мнения не отдельно перед публикой, а перед товарищами по О. К., каковой О. К. лишь как целое выступает уже публично.

Бунд сам прекрасно видит, конечно, что его выступление бьет в лицо всем правилам товарищеского ведения *общего* дела, и он пытается прибегнуть к следующему, совсем уже слабому, оправданию: «Не имев возможности выразить свои взгляды на задачи предстоящего съезда ни путем личного участия в совещании, ни путем участия в редактировании «Извещения», мы вынуждены хотя бы до некоторой степени восполнить этот пробел в настоящем заявлении». Спрашивается, неужели Бунд серьезно вздумает уверять, что он «не имел возможности» послать письмо в О. К. или послать письмо в Спб. Комитет? в организацию «Искры», в «Южный Рабочий»? А послать своего делегата в одну из этих организаций тоже не было возможности? Пытался ли Бунд сделать хоть один из этих «невозможно» трудных шагов, особенно, вероятно, трудных для такой слабенькой, неопытной и лишенной всяких связей организации, как Бунд?

Нечего играть в прятки, господа! Это и неумно, и недостойно. Вы выступили отдельно потому, что вы *захотели* выступить отдельно. А захотели вы выступить отдельно, чтобы сразу же показать и провести свое *решение* поставить на *новую* почву отношения к русским товарищам: *не входить* в Росс. С.-Д. Раб. Партию на основании устава 1898 г., а быть в *федеративном* союзе с нею. Вместо того, чтобы *обсудить* этот вопрос обстоятельно и всесторонне перед всем съездом, как хотели это сделать мы, *воздерживавшиеся очень уже долго от продолжения начатой нами полемики* по вопросу о федеративности и национальности,—как хотели сделать, несомненно, все или громадное большинство русских товарищей, вместо этого вы *сорвали* совместное обсуждение. Вы выступили не как товарищ Петербурга, Юга, «Искры», желающий сообща с ними обсудить (*и до съезда, и на съезде*) наилучшую форму отношений,—вы выступили прямо как *сторона*, отдельно от всех членов Р. С.-Д. Р. П. ставящая всей этой партии *свои условия*.

Насильно мил не будешь,—говорит русская пословица. Если Бунд не хочет оставаться в той теснейшей связи с Росс. С.-Д. Р. П., которую правильно наметил съезд 1898 года, то, конечно, он не останется в старых отношениях. Мы не отрицаем его «право» проводить свое мнение и свое желание (мы вообще не прибегаем без крайней

нужды к разговорам о «правах» в революционном деле). Но мы очень жалеем, что Бунд потерял всякое чувство такта, проводя свое мнение путем отдельного публичного выступления в то самое время, когда его пригласили в общую организацию (О. К.), *не высказывающую заранее никакого категорического мнения по данному вопросу* и созывающую съезд именно для обсуждения всех и всяких мнений.

Бунд пожелал *провоцировать* на немедленное заявление своего мнения всех, кто иначе смотрит на вопрос. Ну что ж! От этого мы, разумеется, не откажемся. Мы скажем русскому и специально повторим еврейскому пролетариату, что теперешние вожди Бунда делают серьезную политическую ошибку, которую, несомненно, исправит время, исправит опыт, исправит рост движения. Некогда Бунд поддерживал экономизм, содействовал расколу за границей, принимал решения, что экономическая борьба есть *лучшее* средство политической агитации. Мы восставали против этого и боролись. И борьба помогла исправлению старых ошибок, от которых теперь, вероятно, не осталось и следа. Мы боролись против террористических увлечений, которые миновали, новидимому, еще гораздо скорее. Мы уверены, что минуют и увлечения националистические. Еврейский пролетариат поймет, в конце концов, что *теснейшее* единение с русским в одной партии требуется самыми насущными его интересами, что верх неразумия предпринимать заранее, будет ли эволюция еврейства в свободной России отличаться от его эволюции в свободной Европе, что Бунду не следует идти дальше требования (в Росс. С.-Д. Раб. Партии) той полной автономии в делах, касающихся еврейского пролетариата, которая вполне признана съездом 1898 г. и никогда никем не была отрицаема.

Но вернемся к заявлению Бунда. Примечание к «Извещению» О. К. он называет «двусмысленным». Это—неправда, стоящая на границе инсинуации. Ц. К. Бунда сам признает парой строк далее, что «причины отсутствия нашего представителя на совещании были чисто случайные». А что сказал О. К.? Он выразил надежду, что представитель Бунда не явился по случайной причине. Вы сами подтверждаете его предположение и сами же сердитесь. За что? Далее. Случайного никому не дано знать наперед. Значит, слова Заграничного Комитета Бунда, будто О. К. *знал* помешавшие явке причины, совсем неосновательны. З. К. Бунда играет вообще самую неприличную роль в этой истории: З. К. Б. добавляет к заявлению Ц. К. Бунда свои измышления, прямо противоречащие даже словам самого Ц. К.! Каким образом З. К. Бунда мог осведомиться, что О. К. *знал* причины отсутствия Бунда, когда приглашен был Ц. К. (а не З. К.) Бунда?

когда сам Ц. К. Бунда называет эти причины отсутствия чисто случайными??

«Мы уверены,—говорит Ц. К. Бунда,—что, употреби инициаторы совещания несколько больше усилий, эти случайные причины не могли бы помешать нам отозваться»... Мы спросили бы всякого беспристрастного человека: если два товарища, собирающиеся съехаться в О. К., признают в один голос, что причины, помешавшие свиданию, были «чисто случайные», то уместно ли, прилично ли *поднимать публичную полемику о том*, кто больше виноват в неявке? С своей стороны заметим, что мы уже давно выражали (конечно, не в печати, а в письме) сожаление по поводу отсутствия Бунда, и нам было сообщено, что Бунд был приглашен *дважды*: во-первых, письмом и, во-вторых, личным сообщением через ...ский Комитет Бунда.

Делегат явился *почти месяц спустя* после совещания, жалуется Бунд. Да, это ужасное преступление, достойное, конечно, пропечатания, ибо оно особенно рельефно оттеняет аккуратность Бунда, не собравшегося послать делегата даже и два месяца спустя!

Делегат «не выполнил своего обещания» прислать «Извещение» О. К. в рукописи или в печати, по *обязательно* до распространения... Мы советуем нашим русским товарищам не разговаривать с некоторыми людьми без протоколов. Мы вот тоже имели обещание от организации «Искры» прислать нам и рукописи, и печатный экземпляр «Извещения», но, тем не менее, рукописи не имели вовсе, а печатный экземпляр увидели *гораздо позднее*, чем члены организаций, не имеющих сношений с организацией «Искры». Пусть решат бундисты вопрос о том, прилично ли было бы с нашей стороны, если бы мы печатно стали обвинять организацию «Искры» в нарушении обещания? Делегат О. К. обещал Ц. К. Бунда немедленно написать товарищу, распоряжавшемуся печатанием «Извещения», о задержании этого печатания: вот каково было *настоящее* обещание (насколько мы можем судить по нашим сведениям). Оно было выполнено, но задержать печатание оказалось уже невозможным, ибо снестись с техникой не оставалось времени.

Резюмируем: инициаторы О. К. писали письма, делали сообщение лично через ...ский Комитет, посылали делегата в Ц. К. Бунда, а Бунд в течение месяцев не послал *ни одного письма*, не говоря о посылке делегата! И Бунд же выступает печатно с обвинениями! И З. К. Бунда имеет странность уверять, что «странно» вели себя инициаторы совещания, что их действия стоят в резком противоречии с их целью, что они проявили «поспешность» (Ц. К. Бунда, наоборот, обвиняет в медленности!), что они хотят «произвести впечатление», будто Бунд «отнесся индифферентно»!!

Нам остается еще сказать несколько слов по поводу обвинения О. К. в том, что он не сделал «единственно правильного вывода», состоящего в следующем: «Раз партии фактически не существует, то предстоящий съезд должен носить характер учредительного, а потому право участия в нем должно принадлежать всем существующим в России соц.-демокр. организациям как русской, так и всех других национальностей». Бунд пытается обойти тот неприятный для него факт, что, не имея единого центра, Росс. С.-Д. Раб. Партия существует в ряде комитетов и органов, имеет «Манифест» и решение первого съезда, на котором, между прочим, и от имени еврейского пролетариата действовали люди, не преуспевшие еще в экономических, террористических и националистических штатаниях. Выдвинувши формально «права» «всех» национальностей на учреждение давно уже учрежденной Росс. С.-Д. Раб. Партии, Бунд наглядно подтверждает этим, что именно из-за вопроса о пресловутой «федерации» и поднял он всю историю. Но не Бунду бы об этом вопросе заговаривать, и не о «правах» должна тут идти речь между серьезными революционерами. Что на очереди дня стоит сплочение и объединение главного ядра Росс. С.-Д. Раб. Партии, это всем известно. Нельзя не сочувствовать представительству на съезде «всех» национальностей, но нельзя и забывать, что о *расширении* ядра или о союзе его с другими организациями можно думать *только после завершения образования* (или, по крайней мере, после несомненного упрочения) *этого ядра*. Пока мы сами не стали едины организационно и не встали твердо на верный путь, соединение с нами ничего не даст «всем другим» национальностям! И решение вопроса о *возможности* (а не о «праве», господа!) представительства на нашем съезде «всех других» национальностей, зависит от целого ряда тактических и организационных шагов О. К. и русских комитетов, зависит, одним словом, от успеха деятельности О. К. А что Бунд с самого начала постарался бросить палки под колеса О. К., это—исторический факт.

Нужна ли „самостоятельная политическая партия“ еврейскому пролетариату.

«Искра» № 34, 15 февраля 1903 года.

В № 105 «Последних Известий» (от 28/15 января 1903 г.), издаваемых «Заграничным Комитетом Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России», в статейке «По поводу одной прокламации» (именно прокламации Екатеринбургского Комитета Росс. С.-Д.

Р. П.), мы находим следующее, столь же удивительное, сколько важное и поистине «чреватое последствиями» утверждение: «еврейский пролетариат сложился (sic!) в самостоятельную (sic!) политическую партию Бунд».

Мы этого до сих пор не знали. Это новость.

До сих пор Бунд был составной частью Росс. С.-Д. Р. П., и еще (еще!) в № 106 «Посл. Изв.» мы встречаем заявление Центрального Комитета Бунда с заголовком на этом заявлении: «Росс. С.-Д. Р. П.». Правда, Бунд постановил на своем последнем, IV, съезде изменить свое название (без оговорки о желании выслушать мнение русских товарищей по вопросу о названии той или иной части Росс. Соц.-Дем. Р. П.) и «провести» новые *федеративные* отношения в устав Росс. Партии. Заграничный Комитет Бунда даже и «провел» уже эти отношения, если можно назвать этим словом его выход из заграничного Союза Русск. С.-Д. и заключение федеративного договора с этим Союзом.

Но сам же Бунд, когда «Искра» полемизировала с решениями его IV съезда, заявил совершенно определенно, что он намерен лишь *провести* в Росс. С.-Д. Р. П. *свои желания и решения*, т.-е. прямо и категорически признавал, что остается частью Р. С.-Д. Р. П. впредь до принятия этой партией нового устава, впредь до выработки ею новых форм отношений к Бунду.

И вдруг теперь оказывается, что еврейский пролетариат *сложился* уже *в самостоятельную* политическую партию! Повторяем еще раз: это новость.

Такой же новостью является грозное и неумное нападение З. К. Бунда на Екатеринославский Комитет. Мы получили, наконец (*хотя, к сожалению, с большим опозданием*), эту прокламацию и, не колеблясь, скажем, что нападение на *такую* прокламацию представляет из себя, *несомненно*, крупный политический шаг со стороны Бунда *). Этот шаг находится в полном соответствии с объявлением Бунда самостоятельной политической партией и проливает, с своей стороны, много света на физиономию и образ действий этой новой партии.

К сожалению, недостаток места мешает нам воспроизвести целиком Екат. прокламацию (она заняла бы около двух столбцов «Искры» **), и мы ограничимся замечанием, что эта прекрасная прокламация превосходно разъясняет еврейским рабочим *города Екате-*

*) Если, конечно, З. К. Бунда в этом вопросе выражает взгляды «Бунда» как целого.

**) Мы намерены перепечатать целиком эту прокламацию и нападение на нее З. К. Бунда в брошюре, готовящейся нами к печати.

прислала (мы сейчас объясним, почему мы подчеркиваем эти слова) соц.-демокр. отношение к сионизму и антисемитизму. При этом прокламация настолько заботливо, товарищески-заботливо относится к чувствам, настроениям и желаниям евр. рабочих, что специально оговаривает и подчеркивает необходимость борьбы под знаменем Росс. С.-Д. Р. П. *«даже для сохранения и дальнейшего развития вашей (прокламация обращается к евреям-рабочим) национальной культуры»*, *«даже в интересах чисто-национальных»* (подчеркнуто и набрано курсивом в самой прокламации).

И тем не менее З. К. Бунда (мы чуть не сказали: Ц. К. новой партии) обрушился на эту прокламацию за то, что *она ни словом не упоминает о Бунде*. Вот ее единственное, но зато непростительное, ужасное, преступление. Вот почему Ек. Ком. обвиняется в недостатке «политического смысла». Ек. товарищи караются за то, что они не «переварили все еще мысли о необходимости отдельной организации (глубокая и важная мысль!) сил (!) еврейского пролетариата», за то, что они «все еще носят с бессмысленной мечтой как-нибудь от него (Бунда) отделаться», что они распространяют «не менее вредную (чем сионистская) сказку» о связи антисемитизма с буржуазными, а не рабочими слоями и интересами этих слоев. Вот почему Екат. Комитету советуют «бросить вредную привычку замалчивать самостоятельное еврейское рабочее движение» и «примириться с фактом существования Бунда».

Спрашивается теперь: действительно ли есть тут преступление со стороны Екат. Ком.? действительно ли следовало ему непременно упомянуть о Бунде? На эти вопросы можно ответить только отрицательно уже по той простой причине, что прокламация обращена не к «евреям-рабочим» вообще (как обозначает ее совершенно неверно З. К. Б.), а «к еврейским рабочим гор. *Екатеринослава*» (З. К. Бунда позабыл цитировать два последних слова!) В Екатеринославе *нет никакой бундовской организации*. (И вообще относительно юга России IV съезд Бунда постановил *отдельных комитетов Бунда не устраивать* в тех городах, где еврейские организации входят в состав комитетов партии, где их нужды могут быть вполне удовлетворены без выделения из этих комитетов.) Раз еврей-рабочие организованы в Екатеринославе в особый комитет, то, значит, их движение (нераздельно со всем рабочим движением данной местности) ведает всецело Ек. Ком., который *непосредственно* соподчиняет их Росс. С.-Д. Раб. Партии, которая *должна* звать их к работе *на всю партию*, а не на отдельные части ее. Очевидно, что при таких условиях Ек. Ком. не только не обязан был упоминать о Бунде, а напротив, если бы он вздумал про-

поведывать «необходимость отдельной организации сил (это была бы вернее и вероятнее организация *бессилия*) *) еврейского пролетариата» (чего хотят бундовцы), то это было бы с его стороны величайшей ошибкой и прямым нарушением не только устава партии, но и интересов единства пролетарской классовой борьбы.

Далее. Обвиняется Екатер. Ком. в недостатке «ориентированности» в вопросе об антисемитизме. З. К. Бунд обнаруживает поистине ребяческое воззрение на крупные социальные движения. Екат. Ком. говорит о *международном* антисемитическом движении *последних десятилетий* и замечает, что «из Германии это движение перекочевало в другие страны и повсюду нашло сторонников именно среди буржуазных, а не рабочих слоев населения». — «Это не менее вредная сказка» (чем сионистские сказки), — выпаливает совсем сердито З. К. Б. Антисемитизм «пустил корни в рабочей массе», в доказательство чего «ориентированный» Бунд приводит два факта: 1) участие рабочих в ченстоховском погроме и 2) поступок 12 (*двенадцати!*) рабочих-христиан в Житомире, которые заняли места стачечников и грозили «вырезать всех жидов». — Доказательства, действительно, веские, особенно последнее! Ред. «П. И.» так привыкла оперировать с крупными стачками в 5 или 10 чел., что поступок 12 темных рабочих в Житомире вытаскивается для оценки связи международного антисемитизма с теми или другими «слоями населения». Это, право, великолепно! Если бы бундовцы, вместо своего неумного и смешного гнева против Екат. Ком., подумали немного над этим вопросом и справились хотя бы с изданной ими недавно на жаргоне брошюрой Каутского о социальной революции, то они поняли бы *несомненную* связь антисемитизма с интересами именно буржуазных, а не рабочих слоев населения. Подумав еще немного, они могли бы сообразить и то, что общественный характер современного антисемитизма не изменяется от факта участия в том или ином погроме не только десятков, но и сотен неорганизованных и на девять десятых совершенно еще темных рабочих.

Екат. Ком. восстал (и законно восстал) против сказки сионистов о вечности антисемитизма. Бунд же своей сердитой поправкой

*) Именно такому делу «организации бессилия» служит Бунд, употребляя, напр., выражение: наши товарищи из «христианских рабочих организаций». Это так же дико, как и вся выходка против Екат. Ком. Мы никаких «христианских» рабочих организаций не знаем. Организации, принадлежащие к Росс. С.-Д. Р. П., никогда не делали различия между своими членами по их религии, никогда не спрашивали об их религии и никогда *не будут* делать этого, — даже и тогда, когда Бунд на самом деле «сложится в самостоятельную политическую партию».

только запутал вопрос и посеял среди еврейских рабочих идеи, ведущие к *затемнению* их классового сознания.

С точки зрения борьбы всего рабочего класса России за политическую свободу и за социализм выходка Бунда против Ек. Ком. есть верх неразумия. С точки зрения «самостоятельной политической партии Бунда» выходка эта становится понятной: не смейте нигде организовать «еврейских» рабочих вместе и нераздельно с «христианскими»! не смейте от имени Росс. С.-Д. Р. П. или ее комитетов обращаться к еврейским рабочим прямо, «мимо ряду», не через посредство Бунда, без упоминания о Бунде!

И ведь этот глубоко-прискорбный факт—не случайность. Раз вместо автономии в делах, касающихся еврейского пролетариата, вы потребовали «федерации»,—вам *пришлось* объявить Бунд «самостоятельной политической партией», чтобы иметь возможность провести эту федерацию *во что бы то ни стало*. Но объявление Бунда самостоятельной политической партией есть именно то доведение до абсурда основной ошибки по национальному вопросу, которое непременно и неизбежно послужит исходным пунктом поворота в воззрениях еврейского пролетариата и еврейских социал-демократов вообще. «Автономия» устава 1898 г. обеспечивает еврейскому рабочему движению все, что может быть ему нужно: пропаганду и агитацию на жаргоне, литературу и съезды, выставление особых требований в развитии одной общей с.-дем. программы и удовлетворение местных нужд и запросов, вытекающих из особенностей еврейского быта. Во всем остальном необходимо полное и теснейшее слияние с пролетариатом русским, необходимо в интересах борьбы всего пролетариата России. И неосновательна, по самому существу дела, боязнь всякого «майоризирования» при таком слиянии, ибо от майоризирования в особых вопросах *еврейского* движения гарантирует именно автономия, а в вопросах борьбы с самодержавием, борьбы с буржуазией всей России мы должны выступать как единая, централизованная, боевая организация, мы должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности, сплоченный совместным постоянным решением теоретических и практических, тактических и организационных вопросов, а не создавать отдельно идущих, каждая своим путем, организаций, не ослаблять силы своего натиска дроблением на многочисленные самостоятельные политические партии, не вносить отчужденность и обособленность, с тем, чтобы потом лечить искусственно привитую себе болезнь пластырями пресловутой «федерации».

Самодержавие колеблется...

«Искра» № 35, 1 марта 1903 года.

Самодержавие колеблется. Самодержец сам признается в этом публично перед народом. Таково громадное значение царского манифеста от 26 февраля, и никакие условные фразы, никакие оговорки и отговорки, переполняющие манифест, не изменят исторического значения сделанного шага.

Царь начинает по-старому—*пока еще* по-старому: «божиею милостью»... и кончает полу-трусливым, полу-лицемерным обращением за помощью к людям, облеченным *доверием общественным*. Царь чувствует уже сам, что безвозвратно проходят те времена, когда могло держаться на Руси правительство божиею милостию, что единственным прочным правительством в России может быть отныне правительство *волею народа*.

Царь подтверждает свой священный обет хранить вековые устои российской державы. В переводе с казенного на русский язык это значит: хранить самодержавие. Некогда Александр III заявил это не обинуясь и прямо (в манифесте от 29 апреля 1881 года),—когда революционное движение шло на убыль и падало. Ныне, когда боевой клич «долой самодержавие» раздается все громче и все внушительнее, Николай II предпочитает прикрывать свое заявление маленьким фиговым листком и стыдливо ссылаться на незабвенного родителя. Бессмысленная и презренная уловка! Вопрос поставлен прямо и вынесен на улицу: быть или не быть самодержавию. И всякое обещание «реформ»,—с позволения сказать, «реформ»!—начинающееся обещанием хранить самодержавие, есть вопиющая ложь, издевка над русским народом. Но нет лучшего повода для всенародного изобличения правительственной власти, как обращение самой этой власти ко всему народу с лицемерными и фальшивыми обещаниями.

Царь говорит (опять-таки с фиговым листком) о революционном движении, жалуясь на то, что «смута» мешает работе над улучшением народного благосостояния, что она волнует умы, что она отрывает народ от производительного труда, что она губит силы, дорогие царскому сердцу, губит молодые силы, необходимые для родины. И вот, *так как* гибнущие участники революционного движения дороги царскому сердцу, *поэтому* царь тут же и обещает строго пресекать всякое уклонение от нормального хода общественной жизни, т.-е. свирепо преследовать за свободное слово, за рабочие стачки, за народные демонстрации.

Этого довольно. Этого слишком довольно. Иезуитская речь говорит сама за себя. Мы осмелимся только выразить уверенность, что это «царское слово», разойдясь по всем уголкам и захолустьям России, будет самой великолепной агитацией в пользу революционных требований. У кого осталась хоть капля чести, в том это царское слово может вызвать один ответ: *требование* безусловного и немедленного освобождения *всех*, отбывающих по суду или без суда, после приговора или до приговора, тюремное заключение, ссылку или арест по политическим и религиозным делам и делам о стачках и сопротивлении властям.

Мы видели, каким двуличным языком говорит царь. Посмотрим теперь, *о чем* он говорит.

Главным образом, о трех предметах. Во-первых, о веротерпимости. Должны быть подтверждены и закреплены наши основные законы, обеспечивающие свободу вероисповедания для всех вероучений. Но православное вероисповедание должно пребыть господствующим. Во-вторых, царь говорит о пересмотре законов, касающихся сельского состояния, об участии в этом пересмотре лиц, пользующихся доверием общества, о совместной работе всех подданных над укреплением нравственных начал в семье, школе и общественной жизни. В-третьих, об облегчении выхода крестьян из их обществ, об освобождении крестьян от стеснительной круговой поруки.

На три заявления, обещания, предложения Николая II русская социал-демократия отвечает тремя требованиями, которые она давно уже выставила, всегда защищала и всеми силами распространяла и которые надо особенно внушительно подтвердить теперь в связи с царским манифестом и в ответ на него.

Во-первых, мы требуем немедленного и безусловного признания законом свободы сходок, свободы печати и амнистии всех «политиков» и всех сектантов. Пока этого не сделано, всякие слова о терпимости, о свободе вероисповедания останутся жалкой игрой и недостойной ложью. Пока не объявлена свобода сходок, слова и печати,—до тех пор не исчезнет позорная русская инквизиция, травящая исповедание неказенной веры, неказенных мнений, неказенных учений. Долой цензуру! долой полицейскую и жандармскую охрану «господствующей» церкви! За эти требования русский сознательный пролетариат будет биться до последней капли крови.

Во-вторых, мы требуем созыва Всенародного Учредительного Собрания, которое должно быть выбрано всеми гражданами без изъятий и которое должно установить в России выборную форму правления. Довольно этой игры в совещания местных людей, в помещичьи парла-

менты при губернаторах, в представительное правление господ предводителей (а может быть, и делегатов еще?) дворянства! Довольно уже забавлялось всевластное чиновничество со всякими земствами как кошка с мышью, то отпуская, то лаская их своими бархатными лапками! Пока не созвано всенародное собрание депутатов,—до тех пор ложью и ложью будут всякие слова о доверии обществу, о нравственных началах общественной жизни. До тех пор не ослабнет революционная борьба русского рабочего класса с русским самодержавием.

В-третьих, мы требуем немедленного и безусловного признания законом полной равноправности крестьян со всеми остальными сословиями и созыва *крестьянских комитетов* для уничтожения всех остатков крепостного права в деревне, для принятия серьезных мер к улучшению положения крестьянства.

Бесправие крестьянства, составляющего девять десятых населения России, не может быть терпимо ни одного дня далее. От этого бесправия страдает и весь рабочий класс и вся страна; на этом бесправии держится вся азиатчина в русской жизни; от этого бесправия проходят бесследно (*или со вредом для крестьян*) все и всяческие совещания и комиссии. Царь и теперь хочет отделаться прежними «совещаниями» чиновников и дворян, царь говорит даже о «сильной власти» для руководства трудами местных людей. Крестьяне знают очень хорошо на примере земских начальников, что значит эта «сильная власть». Крестьяне недаром прожили сорок лет нужды, нищеты и постоянного голодания после благодеяний дворянских комитетов. Крестьяне поймут теперь, что всякие «реформы» и улучшения останутся обманом, если они не проведены *самими крестьянами же*. Крестьяне поймут,—а мы поможем им понять,—что только *крестьянские комитеты* способны уничтожить действительно не одну круговую поруку, а все и всякие остатки барщины и крепостного права, гнетущие вплоть до двадцатого века десятки миллионов народа. Городским рабочим вполне достаточно свободы сходов и свободы печати: мы уже сумеем использовать эти свободы!! Но крестьянам, разбросанным по захолустьям, забытым и одичалым, этого мало,—и рабочие должны помочь им, должны разъяснить им, что они неминуемо и неизбежно останутся жалкими рабами, пока не возьмут сами в свои руки своей судьбы, пока не добьются, как первого и основного шага, учреждения *крестьянских комитетов* для действительного, а не обманного освобождения крестьянства.

Давно уже замечено опытными и умными людьми, что нет опаснее момента для правительства в революционную эпоху, как начало уступок, начало колебаний. Русская политическая жизнь последних лет

блестяще подтвердила это. Правительство проявило колебание в вопросе о рабочем движении, дав ход зубатовщине,—и оскандалилось, сыграв прекрасно на руку революционной агитации. Правительство хотело-было уступить в студенческом вопросе,—и оскандалилось, подвинув семимильными шагами революционизирование студенчества. Правительство повторяет теперь тот же прием в широких размерах по отношению ко всем вопросам внутренней политики,—и оно неминуемо оскандалится, неминуемо облегчит, усилит и разовьет революционный натиск на самодержавие!

* * *

Нам необходимо еще остановиться на практическом вопросе о том, как воспользоваться царским манифестом 26 февраля для агитации. Русские социал-демократы давно уже давали этот ответ на вопрос о средствах борьбы: организация и агитация,—и их не смущали насмешки наивных людей, находивших это «неопределенным» и считающих «определенными» средствами только выстрелы. И вот в такие моменты, как теперь, когда перед нами внезапно встает такой благодарный, так настоятельно требующий напряжения всех сил повод для всенародной агитации,—в такие минуты особенно чувствуется недочет в этом, по-прежнему в этом, все в этом же самом: в организованности, в способности быстро развернуть агитацию.

Но мы еще наверстаем и не раз наверстаем потерянное!

Мы должны прежде всего ответить на манифест 26 февраля листками общерусскими и местными. Если прежде листки выходили по всей Руси в десятках тысяч экземпляров, пусть теперь они будут распространены в миллионах экземпляров, чтобы весь народ узнал ответ русского сознательного пролетариата на царское обращение к народу, чтобы все видели наши определенные, практические требования в сопоставлении с речью царя *на ту же тему*.

Далее. Мы не должны допустить, чтобы одни только легальные собрания благонамеренных земцев и дворян, купцов и профессоров и пр. и пр. отвечали с благоговейным восторгом на манифест 26 февраля. Недостаточно и тех ответов, которые в листках дадут организации социал-демократов. Пусть *в каждом кружке, на каждом собрании рабочих* вырабатывается свой ответ, подтверждаются формально и торжественно требования социал-демократии. Пусть решения этих рабочих (а если удастся, и крестьянских) собраний публикуются в местных листках и сообщаются в наши газеты. Пусть все знают, что только ответы самих рабочих и крестьян мы считаем на-

родным ответом. Пусть теперь же начнут готовиться все кружки к тому, чтобы поддержать наши основные требования *силою*.

Затем, мы не должны допустить, чтобы благодарственные адреса царю вырабатывались на всяких собраниях без противодействия. Довольно уже подделывали русское народное мнение наши г.г. либералы! Довольно лгали они, говоря не то, что они думают, говоря не то, что думает вся мыслящая и готовая к борьбе часть народа! Надо стараться проникать в их собрания, заявлять и там возможно более широко, публично и открыто свои мнения, свой протест против холопской благодарности, свой *настоящий* ответ царю, заявлять и распространением листов, и, по мере возможности, публичными речами на всяких таких собраниях (хотя бы г.г. председатели и пытались остановить такие речи).

Наконец, мы должны стараться вынести ответ рабочих на улицу, заявить свои требования путем демонстрации, показать открыто численность и силу рабочих, сознательность и решительность их. Пусть предстоящая маевка вместе с общим заявлением наших пролетарских требований будет и особым, специальным, определенным ответом на манифест 26 февраля!

Г. Струве, избличенный своим сотрудником.

«Искра» № 37, 1 апреля 1903 года

№ 17 «Освобождения» принес много приятного для «Искры» вообще и для пишущего эти строки в особенности. Для «Искры» потому, что ей приятно было видеть некоторый результат своих усилий подвинуть г. Струве влево, приятно встретить резкую критику половинчатости у г. С. С., приятно читать о намерении «освобожденцев» создать «открыто и решительно конституционную партию» с требованием всеобщего избирательного права в программе. Для пишущего эти строки—потому, что г. С. С., «принимавший выдающееся участие» в выработке заявления «от русских конституционалистов» в № 1 «Освобождения», и, след., являющийся не простым даже сотрудником, а до некоторой степени *хозяином* г. Струве, оказал неожиданно большую услугу в полемике *против* г. Струве. Я позволю себе начать с этого, второго, пункта. В № 2—3 «Зари» я полемизировал в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» с г. Р. Н. С., автором предисловия к известной записке Витте. Я показал там двусмысленность всей позиции г. Р. Н. С., говорившего об Аннибаловой клятве борьбы с самодержавием и в то же время обращавшегося с елейными

речами к власть имущим, к мудрым консерваторам, в то же время выдвигавшего «формулу»: «права и властное земство» и т. д. и т. д. Публика узнала теперь из второго издания «записки», что г-н Р. Н. С.— это г. Струве. Моя критика в высшей степени не понравилась г. Струве, и он обрушился на меня с предлинным и с пресердитым «примечанием к примечанию».

Посмотрите на доводы г. Струве.

Первым примером «неосновательности и несправедливости» моих «полемиических красот» является то, что я говорил об антипатии г. Струве к революционерам, несмотря на его «совершенно, якобы, ясное заявление». Приведем это заявление полностью. «Аттестат, выданный земству самой бюрократией,—писал г. Струве,—служит превосходным ответом всем тем, кто по недостатку политического образования или по увлечению революционной фразой не желал и не желает видеть крупного политического значения русского земства и его легальной культурной деятельности». В примечании к этой тираде г. Струве оговаривался: «этими словами мы вовсе не хотим задеть революционных деятелей, в которых нельзя не ценить прежде всего нравственного мужества в борьбе с произволом».

Таковы—«документы по делу» о неосновательной и несправедливой критике. Предоставляем читателю судить, кто прав: тот ли, кто находил это заявление совершенно ясным, или тот, кто говорил, что г. Струве поправляется из кулька в рогожку, «задевал» (*не названных им точно*) революционеров «анонимным» (неизвестно против кого направленным) не только обвинением в невежестве, но еще и предположением, будто пилюлю обвинения в невежестве их можно заставить проглотить, если позолотить ее признанием их «нравственного мужества».

Я же, с своей стороны, скажу лишь: разные бывают вкусы. Многие либералы считают верхом такта и мудрости раздавать революционерам аттестаты за мужество, третируя в то же время их программу просто как фразу, как проявление недостаточного образования, *и не давая даже разбора по существу* их воззрений. По-нашему, это не такт и не мудрость, а недостойная увертка. Дело вкуса. Русским Тьерам⁹⁰), конечно, нравятся салонно-приличные, парламентски-безупречные *оппортунистические фразы* настоящих Тьеров.

Пойдем дальше. Я, изволите видеть, «притворился непонимающим, что формула «властное всероссийское земство» означает требование конституции», и мои рассуждения об этом «лишний раз подтвердили (для г. Струве) широкое распространение в нашей заграничной литературе подлинной революционной фразы и притом еще

злобно тенденциозной» («этот непривлекательный литературный стиль особенно процветает на страницах «Искры» и «Зари», стр. XII второго издания «Записки»). Ну, что касается до злобной тенденциозности, то нам об этом трудно спорить с г. Струве: для него попреком кажется то, что нам кажется комплиментом. Тенденциозностью называют либералы и многие радикалы непреклонную твердость убеждений, а резкую критику ошибочных взглядов они называют «злобой». Тут уж ничего не поделаешь. *Mea culpa, mea maxima culpa!* и был, и пребуду «злобно-тенденциозным» по отношению к г.г. Струве. А вот другое обвинение—по существу. Притворялся я непонимающим или не понимал на самом деле, да и нельзя было понять? Вот вопрос.

Я утверждал, что формула «права и властное земство» есть недостойное заигрывание с политическими предрассудками широкой массы русских либералов, что это не *«знамя, позволяющее отделять врагов от союзников»* (это заместьте!) а «тряпка, которая поможет только примазаться к движению самым ненадежным людям» (стр. 95 в № 2—3 «Зари»). Я спрашиваю всех и каждого: при чем тут мое «притворство»? Я прямо говорю, что считаю это знамя—тряпкой, а мне отвечают: вы притворяетесь непонимающим! Да ведь это не что иное, как новая увертка от разбора вопроса *по существу*, от разбора вопроса: годится ли «формула» больше для знамени или больше для тряпки!

Мало того. Я могу теперь, благодаря любезной помощи г. С. С., доказать *фактически* нечто гораздо большее. Я могу доказать, что «недостойное заигрывание» было со стороны г. Струве не только в смысле филистерского доктринерства, желающего умирить правительство своей скромностью, не только в смысле неразумного желания объединить «либералов» на минимуме, но и в смысле прямого, непосредственного «заигрывания» с известными г. Струве *сторонниками самодержавия*. Г. С. С. разоблачает г. Струве беспощадно и бесповоротно, говоря, что «неясный и двусмысленный (слушайте!) славянофильский лозунг *земский собор*» выдвигается в целях удобства «ненатурального союза» либералов-конституционалистов и либеральных сторонников идеального самодержавия. Г. С. С. называет это не больше, не меньше, как «политической эквилибристикой»!! И г. Струве расписывается в получении..., называя лозунг земского собора «неопределенным и *своею неопределенностью ценным* (курсив наш!) и в то же время опасным».

Не правда ли, хорошо? Когда социал-демократ называл еще более двусмысленный лозунг (властное земство) недостойным заигрыванием,—тогда г. Струве рядился в тогу оскорбленной невинности

и жеманно говорил о притворном непонимании. А когда либерал, г. С. С., повторил то же самое,—г. Струве любезно раскланялся, расписался в получении! Неопределенный лозунг именно своею неопределенностью и был *ценен* для г. Струве, который нисколько не стесняется признать, что он готов пускать в ход и опасные лозунги, *смотря по ветру*. Кажется сильным и авторитетным г. Шипов, и редактор либерального органа будет говорить о властном земстве. Показался сильным и авторитетным г. С. С.,—и редактор либерального органа будет говорить о конституции и всеобщем избирательном праве! Недурная картинка политических нравов и политической нравственности в либеральном лагере... Г. Струве забывает только подумать, какую цену будут иметь его заявления после этой великолепной метаморфозы: в январе 1901 года г. Струве требует «прав и властного земства»; в декабре 1902 года г. Струве объявляет «притворством» непонимание того, что это означает требование конституции; в феврале 1903 года г. Струве заявляет, что по существу он никогда не сомневался в справедливости всеобщего избирательного права и что неопределенный лозунг земского собора именно своею неопределенностью и был *ценен*. Спрашивается: *какое право* имеет теперь любой политический деятель, любой русский гражданин утверждать, что *завтра г. Струве не выдвинет нового, «ценного своею неопределенностью», лозунга??*

Перейдем к последнему пункту ответа г. Струве. «Разве не революционная фраза,—спрашивает он,—или совершенно безжизненное доктринерство рассуждения г. Т. П. о значении земства, как орудия укрепления самодержавия?» Г. Струве видит тут и усвоение идеи славянофилов, и согласие с Горемыкиным⁹¹⁾, и геркулесовы столпы мертвой доктрины. Г. Струве совершенно не в состоянии понять *революционного* отношения к половинчатым реформам, принимаемым для *избежания революции*. Г-ну Струве всякое указание на двойную игру реформаторов сверху—кажется славянофильством и реакционностью,—точь-в-точь так, как все европейские Ивы Гюйо⁹²⁾ объявляют реакционной социалистическую критику частной собственности! Неудивительно, конечно, что, ставши реформатором, г. Струве утратил способность понимать двусторонний характер реформ и значение их как орудия укрепления господства правящих, укрепления ценой октроирования реформ. Но... было время, когда г. Струве понимал эту удивительно хитрую механику. Давно это было, когда он был «чуть-чуть марксистом», и когда мы вместе с ним сражались с народниками на страницах покойного «Нового Слова»⁹³⁾. В июльской книжке этого журнала за 1897 год г. Струве писал про

Н. В. Водовозова ⁹⁴): «Я помню, в 1890 г. у нас на улице—я только что вернулся тогда из летнего, обильного новыми и сильными впечатлениями путешествия по Германии—зашел разговор о политике и реформаторских планах Вильгельма II. Водовозов придавал им значение и не соглашался со мной, для которого уже тогда (а теперь и подавно) вопрос о значении факта и идеи так называемой «социальной монархии» был бесповоротно решен в отрицательном смысле. Водовозов брал *идею* социальной реформы отвлеченно от творящих ее реальных общественных сил. Вот почему католический социализм для него, главным образом,—своеобразное идейное движение в пользу социальной реформы, а не специфическая форма предохранительной реакции европейской буржуазии и отчасти обломков европейского феодализма против растущего рабочего движения»... Вот видите: в давно-прошедшие времена, в эпоху молодых увлечений, г. Струве понимал, что реформы могут быть предохранительной реакцией, т.-е. предохраняющей правящие классы от падения мерою, которая направлена против революционного класса, хотя и улучшает положение этого класса. И я спрашиваю теперь читателя: кто же прав? Я ли сказал «революционную фразу», разоблачая реформистскую односторонность в отношении г. Струве к такой реформе, как земство? или г. Струве *поумнел* и «бесповоротно» ушел от когда-то защищаемой им (бесповоротно будто бы) позиции революционера? Я ли стал сторонником славянофилов и Горемыкина, или у г. Струве «сильных впечатлений» от путешествия по социалистической Германии хватило всего на несколько лет??

Да, да, разные бывают представления о *силе* впечатлений, о силе убеждений, о значении убеждений, о совместимости политической правдивости и политической убежденности с выставлением ценных своею неопределенностью лозунгов...

В заключение не могу не отметить некоторых заявлений г. Струве, значительно «омрачающих» приятное впечатление от его поворота влево. Выставив только одно демократическое требование (всеобщей подачи голосов), г. Струве спешит уже говорить о «*либерально-демократической партии*». Не раненько ли? Не лучше ли было бы *сначала* точно указать все те *демократические* преобразования, которых *безусловно* требует партия не только в аграрной и рабочей, но и в *политической* программе, а потом уже наклеивать ярлык, потом уже претендовать на повышение из «ранга» либералов в ранг либеральных демократов? Ведь всеобщая подача голосов есть тот *минимум* демократизма, который признан даже некоторыми консерваторами, примирившимися (в Европе) с выборами вообще. А дальше этого минимума г. Струве

почему-то не идет ни в № 17, ни в № 18. Мы отметим далее, мимоходом, курьезное замечание г. Струве, что проблема социализма должна быть совершенно оставлена в стороне либерально-демократической партией «прежде всего потому, что социализм в самом деле только еще проблема». А не потому, почтеннейший г. Струве, что «либерально-демократические» элементы русского общества выражают интересы классов, *противящихся* социалистическим требованиям пролетариата? Это—мимоходом, повторяю, чтобы отметить новые *приемы* «отрицания» социализма г. г. либералами. По существу же дела, разумеется, г. Струве прав, что либерально-«демократическая» партия не есть партия социалистическая и неприлично было бы для нее корчить из себя таковую.

Насчет тактики новой партии г. Струве выражается как нельзя более уклончиво. Это очень жаль. И еще более жаль, что он опять и опять повторяет и подчеркивает необходимость «двуединой тактики» в смысле «умелого, гибкого и неразрывного совмещения» легального и нелегального приемов действия. В лучшем случае, это—отговорка от настоятельных вопросов о приемах *нелегальных* действий. А вопрос этот настоятелен, потому что только систематическая нелегальная деятельность определяет на деле физиономию *партии*. В худшем же случае, это—повторение того вилянья, которым отделялся г. Струве, когда он писал о «правах и властном земстве», а не об открыто и решительно конституционной и «демократической» партии. Всякая нелегальная партия «совмещает» нелегальные и легальные действия *в том смысле*, что она опирается на массы не участвующих прямо в «нелегальщине» людей, что она поддерживает легальные протесты, пользуется легальными возможностями пропаганды, организации и проч. Это общеизвестно, и не об этом говорят, когда говорят о тактике *нелегальной партии*. Говорят о бесповоротном признании этой партией *борьбы*, о выработке способов борьбы, об *обязанности* членов партии не *ограничиваться* легальными протестами, а *все и вся* подчинять интересам и требованиям *революционной борьбы*. Если нет систематической нелегальной деятельности и революционной борьбы, то нет и *партии*, которая бы могла действительно быть *конституционной* (не говоря уже о том, чтобы быть демократическою). И нельзя принести большего вреда делу борьбы, как *смешивая* революционную работу, опирающуюся на широкую массу, использующую широкие организации, помогающую политическому воспитанию легальных деятелей, с *работой, ограничивающейся* рамками легальности.

Les beaux esprits se rencontrent.

(По-русски примерно: свой своему поневоле брат.)

«Искра» № 38, 15 апреля 1903 года.

Знаменитая аграрная программа-минимум наших социалистов-революционеров (кооперация и социализация) обогатила русскую социалистическую мысль и русское революционное движение в июне 1902 года. Немецкая книга известного оппортуниста (бернштейнианца тож) Эдуарда Давида: «Социализм и сельское хозяйство» вышла в свет в феврале 1903 года. Повидимому, не может быть и речи о том, чтобы последующее произведение оппортунистической мысли заключало в себе оригинал предыдущих упражнений «социалистско-революционной» мысли? Но как же объяснить тогда поразительное, бросающееся в глаза сходство и даже принципиальное тождество программы русских соц.-рев. и немецких оппортунистов? Не является ли уже «оригиналом» «Рев. Россия», а копией—«капитальный» (по отзыву корреспондента «Русск. Вед.»)⁹⁵ труд Давида? Две основные идеи, и соответственно им два главных пункта программы, проходят красной нитью через весь «труд» Давида. Он воспекает сельск.-хоз. кооперации, ожидая от них всех благ, требуя содействия их развитию со стороны соц.-демократии и не замечая (совсем как наши соц.-рев.) буржуазного характера этих союзов мелких хозяйчиков с мелкими и крупными капиталистами земледелия. Давид требует превращения крупных земельных хозяйств в мелкие, восторгаясь выгодностью и рациональностью, экономностью и производительностью хозяйств «des Arbeitsbauern»—по-русски буквально «трудового крестьянина», выставляя верховное право собственности общества на землю и пользование землею вот этих мелких «трудовых крестьян». Положительно, немецкий оппортунист совершил плагиат у русских «социалистов-революционеров»! Мелко-буржуазности «трудового крестьянина» в современном обществе, его промежуточного, переходного положения между буржуазией и пролетариатом, его стремления «выйти в люди» (т.-е. стать заправским буржуа) путем бережливости, усердия, недоедания и чрезмерной работы, его стремления к эксплуатации труда сельских «работников»,—ничего этого не видят, конечно, ни немецкий мелкий буржуа-оппортунист, ни русские мелкие буржуа—«социалисты революционеры».

Да, да, les beaux esprits se rencontrent, и в этом заключается разгадка столь трудной, на первый взгляд, задачи: определить, где

копия и где оригинал. Идеи, выражающие потребности, интересы, стремления и вожделения известного класса, носятся в воздухе, и скрыть тождество этих идей не в силах никакое разнообразие костюма, никакие варианты то оппортунистической, то «социалистски-революционной» фразы. Шила в мешке не утаишь.

Во всех европейских странах, в России в том числе, неуклонно идут вперед и «утеснение» и упадок мелкой буржуазии, не всегда выражающиеся в ее прямом и непосредственном вытеснении, но в громадной массе случаев ведущий к сужению ее роли в экономической жизни, к ухудшению ее условий существования, к усилению ее необеспеченности. Все ополчается против нее: и технический прогресс крупных хозяйств в промышленности и в земледелии, и развитие крупных магазинов, и рост предпринимательских союзов, картелей и трестов, и даже рост потребительных товариществ и муниципальных предприятий. А наряду с этим «утеснением» мелкой буржуазии в земледелии и промышленности идет народжение и развитие «нового среднего сословия», как говорят немцы, нового слоя мелкой буржуазии, интеллигенции, которой тоже все труднее становится жить в капиталистическом обществе и которая в массе своей смотрит на это общество с точки зрения мелкого производителя. Совершенно естественно, что отсюда с полной неизбежностью вытекает широкое распространение и постоянное возрождение в самых разнообразных формах мелко-буржуазных идей и учений. Совершенно естественно, что русский «социалист-революционер», всецело плененный идеями мелко-буржуазного народничества, оказывается «поневоле братом» европейского реформиста и оппортуниста, который, когда хочет быть последовательным, неизбежно договаривается до прудонизма. Именно этим последним термином и характеризовал Каутский ⁹⁶⁾ совершенно справедливо программу и точку зрения Давида.

Мы сказали: «когда хочет быть последовательным» и подошли таким образом к той существенной особенности,—отличающей современных соц.-рев. и от старого русского народника и от некоторых, по крайней мере, европейских оппортунистов,—которую нельзя не назвать авантюризмом. Авантюризм не думает о последовательности, стараясь только уловить момент, воспользоваться борьбой идей для оправдания и сохранения безыдейности. Старый русский народник хотел быть последовательным и отстаивал, проповедывал и исповедывал свою особую программу. Давид хочет быть последовательным и решительно восстает против всей «марксистской аграрной теории», решительно проповедует и исповедует превращение крупных хозяйств в мелкие, не боясь, по крайней мере, иметь смелость своего мнения,

не боясь открыто выступить сторонником мелкого хозяйства. Наши соц.-рев... как бы это помягче выразиться?... гораздо «благоразумнее». Они никогда не восстают решительно против Маркса,—боже сохрани! Они, напротив, походя щиплют цитатами и Маркса и Энгельса, уверяя со слезами на глазах, что они с ними *почти* во всем согласны. Они не ополчаются на Либкнехта и Каутского,—напротив, они глубоко и искренно убеждены, что Либкнехт был соц.-революционер,—ей богу, был соц.-революционер. Они не выступают принципиально сторонниками мелкого хозяйства,—напротив, они горой стоят за «социализацию земли», и только невзначай случается им проговориться, что эта всеобъемлющая, русско-голландская социализация означает все что угодно: и переход земли в собственность общества, и в пользование трудящихся (совсем как у Давида!), и простой переход земли в руки крестьян, и, наконец, совсем уже «просто»: даровую прирезку...

«Благоразумные» приемы наших соц.-рев. до такой степени уже знакомы нам, что мы позволим себе, в заключение, дать им один благой свет.

Вы попали в не очень ловкое положение, господа, что и говорить. Все время уверяли, что не имеее ничего общего ни с оппортунизмом и реформизмом на Западе; ни с мелко-буржуазными симпатиями к «выгодному» мелкому хозяйству,—и вдруг является книга заведомого оппортуниста и сторонника мелкого хозяйства, который с трогательной скрупулезностью «копирует» вашу «социально-революционную» программу! Положение можно сказать хуже губернаторского. Но не смущайтесь: из него легко выпутаться. Стоит только... цитировать Каутского.

Пусть не думает читатель, что это описка. Нисколько. Каутский ополчается против прудониста Давида,—*именно поэтому* солидарные с Давидом соц.-рев. должны цитировать Каутского совершенно так же, как они уже цитировали раз Энгельса. Возьмите № 14 «Рев. России», и вы прочтете там на странице седьмой, что «перемена тактики» у соц.-дем. по отношению к крестьянству «была узаконена» (!!) одним из отцов научного социализма, Энгельсом,—Энгельсом, который ополчился против менявших тактику французских товарищей! Как можно доказать это фокусническое положение? Очень просто. Надо, во-первых, «цитировать» слова Энгельса, что он стоит решительно на стороне мелкого крестьянина (и умолчать о том, что именно эту самую мысль выражает программа русских соц.-дем., зовущая всех трудящихся на сторону пролетариата!). Надо, во-вторых, по поводу «уступок бернштейнианству» со стороны менявших тактику французских товарищей, сказать: *«смотри превосходную критику этих уступок*

у *Энгельса*». Вот этот самый, испытанный, прием мы советуем господам соц.-рев. употребить и теперь. Книга Давида узаконила перемену тактики в аграрном вопросе. Теперь уже нельзя не сознаться, что можно оставаться в рядах соц.-дем. партии с программой «кооперацией и социализацией»; только догматики и ортодоксы могут не видеть этого. Но, с другой стороны, надо признать, что Давид в отличие от благородных соц.-рев. делает некоторые уступки бернштейнианству. *«Смотри превосходную критику этих уступок у Каутского».*

Право, господа, попробуйте. Может быть и еще разок выгорит.

Мобилизация реакционных сил и наши задачи.

«Искра» № 41, 1 июня 1903 года.

Особенный характер кишиневскому погрому 6/7 апреля придает, во-первых, выдающееся в нем участие известного сорта «интеллигентич»; во-вторых, «выдающаяся» роль, сыгранная в нем представителями русского правительства.

Не то, чтобы в богатой истории еврейских погромов было совершенно внове участие представителей «общества» и государства. Нет! Слишком известно, что в эпидемии погромов, вспыхнувшей в 1881 году, немаловажную роль сыграла гнусная пропаганда таких публицистов, как Суворин ⁹⁷⁾, Озмидов ⁹⁸⁾ и тому подобные Крушеваны ⁹⁹⁾; что значительная часть буржуазного «общества» рукоплескала пограммам и кричала «ату его» по адресу разоряемого и избиваемого еврейского пролетария; что министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев¹⁰⁰⁾, несомненно, вводил в программу своей «народной политики» поощрение погромов, и что его чиновники немало способствовали раздуванию их. И с этой стороны, следовательно, кишиневский погром мало отличается от имевших место прежде. Но в то время как в начале 80-х годов реакционеры из «общества» и правительство пользовались для своих целей начавшимся стихийным движением крестьянских и городских масс, в настоящее время они искусственно и, несомненно, вполне сознательно, с хладнокровным расчетом, разжигают племенную и религиозную борьбу для того, чтобы отвлечь народные массы от социального и политического протеста, на путь которого они уже начали вступать.

В начале 80-х годов никакого политического движения народных масс в России не было, на-лицо было только смутное и совершенно неоформленное брожение темных еще масс крестьянской и городской

бедноты, питавшейся материальной нуждой и обострявшееся политическим возбуждением, которое было создано гулом революционной борьбы. Взяв под свою плохо скрытую защиту погромы, правительство графа Игнатьева стремилось окончательно отрезать революционеров от народной массы, с одной стороны, а от либеральной части общества,—с другой.

Плеве, получивший свое политическое воспитание именно в школе Игнатьева, и в этом случае показал себя жалким эпигоном, рабски копирующим те средства, которые 20 лет тому назад имели некоторый успех. Те орудия, за которые 20—25 лет назад правительство хваталось под влиянием *инстинкта*, Плеве и К^о пытаются теперь применять «с заранее обдуманном намерением»—и терпят позорное поражение. 25 лет тому назад правительство, действовавшее под влиянием слепой ярости, жестокими мерами толкнуло революционную партию на путь террора и, оторвав ее от народной массы, в несколько лет ее задушило. В настоящее время правительство *провоцирует* террор жестокостями, заимствованными из арсенала Мезенцевых ¹⁰¹⁾, Лорис-Меликовых ¹⁰²⁾ и Тотлебинов ¹⁰³⁾, но оторвать революционеров от народной массы ему не удастся и не удастся. 20 лет назад Лорис-Меликов пытался заигрывать с либералами, не задумываясь серьезно о том, что из этой политической комедии выйдет и как потом разделаться с принятыми на себя обязательствами. Нынешние Лорис-Меликовы заранее обдумывают свои роли в затеваемой ими комедии, заранее дают обещания, чтобы никогда их не выполнять; но, когда дело доходит до выполнения «хитроумного» плана, они пугаются ими же самими вызванных пенимых либеральных манифестаций, забывают и перепутывают свои роли, не слушаются суфлера из «Нового Времени», выпускают в середине действия на сцену жандарма, которому полагалось выйти в последнем акте и опускают занавес при гомерическом смехе публики. Жалкие актеры! Они слишком хладнокровно-подлы, чтобы «от нутра» разыграть пьесу, так бойко сыгранную их более невежественными, менее опытными, но зато и более наивно входившими в роль предшественниками. Но они—к счастью для России—достаточно невежественны, политически невоспитанны и реакционно тупы, чтобы провалиться при первой же попытке поставить на сцену более сложное «комедийное действие», требующееся при нынешних трудных обстоятельствах.

Не иначе подражают своим предшественникам наши нынешние правители и в деле раздувания антиеврейского движения. Первое же выведение на сцену «народа» в роли душителя евреев ознаменовалось такими гнусными явлениями, провокаторская роль полиции,

военных, губернских и центральных властей выяснилась так недвусмысленно, что эффект, произведенный кишиневскими неистовствами, уж наверное не оправдал надежд петербургской шайки. И если кишиневский погром не останется единичным явлением, если преступления, совершенные 6/7 апреля, повторятся еще где-нибудь, то во всяком случае той цели, которую ставили себе Плеве с братией, они не достигнут.

Эта цель очевидна: отвлечь внимание народных масс от борьбы с самодержавием, озлобить политически неразвитую часть населения против революционеров, внушив ей ужас перед всяким «уличным» движением, создать для социал-демократии моральные и технические препятствия в развитии демонстрационного движения и, наконец, *мобилизовать все реакционные силы*, которые можно было бы двинуть в бой против революционного пролетариата и идущей рядом с ним интеллигенции.

В свете этого, несомненно, совершающегося очень быстро процесса мобилизации реакционных сил новые погромы приобретают особенно важное значение.

Самодержавие классическое, самодержавие, уверенное в своем материальном могуществе, требует от своих подданных лишь «смирного» поведения. Самодержавие разлагающееся вынуждено отказаться от собственного принципа, согласно которому всякое политическое «оказательство», хотя бы в благонамеренном смысле, считается наказуемым и недопустимым «нарушением государственного порядка». Самодержавие разлагающееся вынуждено пытаться силой сознательно-революционных элементов народа противопоставить общественную же силу, силу организованных его агентами темных, продажных и по природе своей реакционных элементов. И если неаполитанский «король-бомба» для борьбы с итальянскими революционерами вступал в сношение с простыми разбойниками, фигурировавшими в роли «народа», то агенты царского самодержавия вместе с добровольцами реакции из клики Крушевана не стесняются организовывать боевые дружины наемных убийц и простых грабителей, которых нетрудно найти «на дне жизни»—в трущобах большого города.

Организация реакционных лавочников, приказчиков и темных босяков под флагом, на котором написано: «бей жидов!», является естественным дополнением к той организации темных рабочих, к которой, с легкой руки Зубатова, занимаются жандармы, попы и «националисты» из общества. Боевые дружины для избиения евреев превращаются за пределами черты оседлости в отряды мясников и извозчиков для избиения «студентов» и рабочих демонстрантов, как это было

в Саратове 5 мая 1902 г. и в Томске 19 февраля 1903 г. Реакционная проповедь газет, издаваемых Крушеваном, дополняет ту, которая ведется генералами Богдановичами¹⁰⁴), Иоаннами Кронштадтскими¹⁰⁵), отцами Петровыми, сыщиками Слеповыми и другими ораторами зубатовских собраний. И единение «общества» с «народом», так блестяще проявившееся на улицах Кишинева, в Петербурге происходит в «Русском Собрании» и в аристократических салонах, куда приглашаются «самые настоящие» представители рабочих из числа сыщиков охранного отделения.

Реакционные силы мобилизуются по всей линии. Всюду провокатор и жандарм являются их организаторами, продажный журналист и prostituteирующий поп—их «идейными» вдохновителями, а невежество, умственная темнота и зоологические инстинкты—спайкой, посредством которой разношерстные социальные элементы образуют «народную толпу».

Усложняя революционную борьбу и вызывая новые жертвы, эта реакционная мобилизация в конечном счете только приближает развязку. Продукт и симптом разложения самодержавия, она не может задержать этого процесса, обусловленного действием объективных законов исторического развития. Если она и может на одном полюсе сгустить мрак политического невежества, обострить реакционные антикультурные чувства и настроения,—то на другом полюсе она содействует накоплению в удвоенной мере революционных чувств и «мятежных» настроений, расчищает политическое сознание и усиливает революционную активность. Собрав под свои знамена десятки и сотни прежде индифферентных, а отныне активно-реакционных элементов, эта демагогическая политика в то же время толкает в ряды борцов за освобождение тысячи людей, стоявших дотоле вне политической борьбы. Реакционная вакханалия, разыгрываемая царскими министрами, к несчастью для них, имеет перед собою сплоченные кадры рабочих—социал-демократов, и это обстоятельство заранее обрекает на позорный неуспех их преступный поход. Если в еврейском мещанском населении под влиянием кишиневского погрома кое-где раздались шумные голоса о том, что в погромах виноваты социалисты и особенно еврейские пролетарии, если навстречу этим воплям пошла гнусная реакционная пропаганда сионистов, фигурирующих в роли патентованных представителей «еврейской нации», которые не постыдились воспользоваться психологическим влиянием погрома на темную массу, чтобы внушать ей политическую пассивность, т.-е. союз с самодержавием, союз с кишиневскими убийцами,—то, с другой стороны, та часть еврейской буржуазии, которая сохранила еще какие-

либо гражданские чувства, стала вооружаться и готовиться к отпору приводимым полицией бандам. В добрый час! Если это вооружение не понадобится вам для обороны против громил, то оно пригодится для поддержки русских, польских и еврейских пролетариев, когда они дадут решительное сражение царизму. Ибо только падение царизма даст евреям гражданское равноправие.

Лучшая часть еврейской интеллигенции и буржуазии оказалась солидарной не с реакционерами-сионистами, а с русскими социал-демократами, которые при первых вестях о событиях в Кишиневе стали готовиться к сопротивлению антисемитским бандам. С удовольствием констатируем мы, что наши южные комитеты без колебаний приняли ту тактику, которую мы, с своей стороны, рекомендуем в № 39 «Искры». Уже теперь сказались результаты этой тактики. Престиж социал-демократии и русского пролетариата сильно поднят в глазах обывателей, открылась новая широкая сфера для политической агитации, и правительство вынуждено несколько сократить пыл своих агентов. Опасность погромов, конечно, еще не прошла, но уже теперь можно сказать с уверенностью, что в выигрыше оказалась социал-демократия и что новая попытка погрома покроет правительство двойным позором и поражением. Русские рабочие бок-о-бок с еврейскими будут отстаивать жертвы антисемитской травли. Там, где правительство сеяло ветер, оно пожнет бурю.

Мобилизация реакционных сил содействует мобилизации сил революции. Но для успешной мобилизации по первому призыву жизни и, в частности, для успешной борьбы с эпидемией погромов требуется единство действий всех социал-демократических рабочих.

Единство же действий всего лучше обеспечивается единством организации при единстве программы. Мобилизуясь по всей линии, реакционные силы в каждом отдельном случае своего проявления выступают организованно, действуют по общему плану и всей своей массой обрушиваются на ту или иную часть населения, враждебного самодержавному «порядку». Для успешного отпора погромам отнюдь не достаточно сил еврейского пролетариата, как склонны, повидимому, думать некоторые недалёковидные люди. Весь российский пролетариат должен, в той или иной мере, принять участие в той гражданской войне, которая организуется правительством. И только при участии в ней всего российского пролетариата эта война перерастет те рамки, в которых ее стремится удержать правительство; только в этом случае она станет эпизодом в борьбе между старой и новой Россией.

Можно судить поэтому, насколько уместна попытка органа Загр. Комитета Бунда использовать погромы для целей пропаганды орга-

низованного сепаратизма и—в этих видах—для подрыва доверия еврейских рабочих к русской социал-демократии. В № 126 «Последних Известий»—мы читаем:

«Ведь стыдно сказать, до сих пор одна лишь «Свобода» выпустила брошюру о евреях, а «Искра», не жалевшая бумаги для очернения «Бунда», до сих пор не нашла возможным выпустить хоть что-нибудь на эту тему. Русские комитеты больше интересуются просвещением еврейской массы и освобождением ее от предрассудков, выпуская, например, прокламации о сионизме, чем искоренением дикого антисемитизма. Быть может, такое внимательное отношение к еврейской массе и делает им честь, но нет сомнения, что с революционной точки зрения это большой минус. Нужно надеяться, что эта ошибка, наконец, будет, хотя и слишком дорогой ценой, признана». Под «слишком дорогой ценой», как следует из текста, надо понимать цену кишиневского погрома и событий, им вызванных.

Мы не станем здесь спорить о том, повинна ли русская социал-демократия вообще, и «Искра» в частности, в забвении одной из своих задач—борьбы с антисемитизмом. Это завело бы нас слишком далеко, хотя и показало бы, что «Бунд» целиком неправ в своем легкомысленно брошенном обвинении. Скажем только, что главным средством борьбы с антисемитизмом, как вообще с реакционными силами, является революционное просвещение народной массы и организация ее передового элемента—пролетариата. Поскольку русская социал-демократия организует пролетариат и через посредство этой организованной силы воздействует на широкие круги населения,—она делает все более невозможным сколько-нибудь широкий разлив «погромного» движения. Если же социал-демократия в настоящее время еще не располагает достаточными силами, чтобы оказывать свое революционное воздействие равномерно на все слои населения, если, поэтому, антисемитская демагогия имеет еще кое-какую возможность натравить на евреев те или другие элементы пролетарской массы, то отсюда может вытекать один только вывод: необходимо энергично работать над усилением нашей партии, над такой концентрацией всех ее сил, которая позволила бы вытеснить реакцию даже из самых отсталых сфер населения наших городов и деревень. А чтобы достигнуть этой цели, наша партия должна иметь в своем распоряжении все социалистические силы, к какому бы племени они ни принадлежали, каким бы языком они ни говорили. А это значит, что всякий социал-демократ в России должен не ограничивать поле своей революционной работы одним районом или одной частью населения одного района, но побольше сил отдавать всероссийской социал-демократической организации.

В силу этих соображений мы, русские социал-демократы, понимающие интересы нашего дела, боремся против тех тенденций к эгоистическому обособлению своего собственного «гнезда», которые так рельефно проявляются в Бунде. В силу этих соображений мы и не жалеем бумаги для «очернения» Бунда, как последнему угодно называть нашу принципиальную борьбу с его национализмом, стоящим в коренном противоречии с принципами социализма. Что же касается борьбы наших комитетов с еврейским сионизмом, то, подобно самому Бунду, они не могут от нее отказаться, раз что сионизм отвлекает от рабочего движения известные довольно культурные слои еврейского пролетариата. В этом отношении сионизм представляется более, так сказать, близким противником социал-демократии, чем антисемитизм, который, повторяем, ведет за собой только совершенно темные в культурном и политическом отношении элементы русского населения. Иначе говоря: сионистское движение непосредственно гораздо более грозит развитию классовой организации пролетариата, чем антисемитизм, и так как для нас, социал-демократов, не существует «избранных» и «неизбранных» народов, то мы никак не можем отказаться от задачи борьбы с «предрасудками еврейской массы». Бунд, повидимому, хотел бы, чтобы эта задача была признана его специальной монополией. Русские социал-демократы уже потому не могут на это согласиться, что эту задачу Бунд выполняет далеко не удовлетворительно: на место разрушаемых форм еврейского национализма он развивает другие; на место «предрасудков» сионистского национализма он сеет предрасудки национализма революционного *).

В сердитом замечании корреспондента «Последних Известий» имеется одна верная мысль—это та, что борьба с антисемитизмом

*) Пример: на стр. 13 брошюры «Польская Социалистическая Партия об еврейском рабочем движении» можно прочесть: «Разрешить еврейский вопрос Р. Р. С. хотела не с точки зрения еврейского пролетариата (курсив подлинника), а с своей польской (курсив наш) точки зрения. Она не могла и не хотела понять психологии еврейского пролетариата и пыталась внести в его движение *свою польскую* (курсив наш) психологию». Только с точки зрения откровенного национализма еврейский или какой-либо другой вопрос допускает различное решение в зависимости от «еврейской», «польской» и т. д. точки зрения. Хороши бы мы были, если бы, например, вопрос о свержении самодержавия решали «с русской точки зрения» и противопоставляли это решение какой-нибудь «немецкой точке зрения»! Наши русские националисты ничего лучшего не желали бы, как признания, что требование равноправия евреев, выдвигаемое социал-демократией, есть решение вопроса с «точки зрения *еврейского* пролетариата». Для социал-демократии не существует русских, польских, еврейских точек зрения, она знает только точку зрения мирового пролетарского движения.

может быть по плечу только русской (или, вернее, всероссийской) социал-демократии. В этом отношении он прав, и совершенно неправы авторы брошюры «П. П. С. ¹⁰⁶) об еврейском рабочем движении», когда (стр. 19) говорят: «хотя борьба с антисемитизмом является прежде всего задачей христианских (!) социалистических партий, но даже *в этом отношении* (курсив подлинника) еврейские рабочие не должны ни на кого полагаться. Еврейский пролетариат должен взять борьбу против антисемитизма в свои руки»

Позор, что в руководящем органе социал-демократической организации («Arbeiter-Stimme») могут печататься строки, проникнутые такой националистической враждебностью к «чужим» пролетариям! Неважно, какие полемические выкладки со стороны П. П. С. побудили «Arbeiter-Stimme» написать эти строки, — важно, что мысль, здесь выраженная, высказана в такой общей форме, что может служить символом веры для любого «сиониста-социалиста»

Как легко еврейскому пролетариату взять борьбу с антисемитизмом в «свои руки» — это видно, между прочим, и из фактов последнего времени. Если полицейское подстрекательство к погромам могло быть чем-нибудь остановлено, то только реальной угрозой со стороны *русских* рабочих оказать сопротивление громилам. Если реакционно-паническое настроение среди евреев могло быть чем-нибудь успокоено, то только активным вмешательством *русских* пролетариев на их защиту. В № 128 «Посл. Изв». сообщается, что в Бердичеве майская агитация Бунда вызвала ввиду кишиневского погрома сильную тревогу в буржуазных кругах и сильное озлобление их против социал-демократов и что появление прокламации Орг. Комитета несколько успокоило евреев, так как они убедились, что революционное движение не есть «чисто еврейское» движение. Мы полагаем, что бердичевские евреи совершенно правы. Если б революционный отпор антисемитским громилам стал делом одних евреев-социалистов, то, как бы ни был он успешен, он только обострил бы взаимные отношения между пребывающим в темноте русским и еврейским населением: «беспорядки» сохранили бы для широкой публики тот характер племенной вражды, какой они носят сейчас. Напротив, если бы против громилов выступили объединенные русские и еврейские пролетарии, «беспорядки» сразу перешли бы на другую почву, на почву *политическую*. А для того, чтобы это стало возможно во всех случаях, когда это необходимо, социал-демократы евреи должны всемерно (гораздо более, чем они до сих пор это делали) работать для того «обще-русского дела», упоминание о котором вызывает истерику у некоторых «патриотов» своей «фирмы».

Работать для общерусского дела—не значит отказаться от работы по развитию классового самосознания еврейских пролетариев «черты оседлости». Для «общерусского дела» эта последняя работа далеко не лишена значения, и никогда русские социал-демократы не предлагали бундовцам бросить ее. Работать для «общерусского дела»—значит только везде и всегда содействовать проведению в жизнь той «общерусской точки зрения», которая есть точка зрения мирового пролетарского движения, не знающего идейных перегородок между эллинами и иудеями. Работать для «общерусского дела»—это значит покинуть нелепую и реакционную точку зрения «самостоятельной национальной рабочей партии» *), разъединяющей пролетария еврея от поляка и русского, создающей искусственный антагонизм между такими работниками пролетарской революции, которые связаны единством конечной и ближайших классовых задач. Работать для общерусского дела в теснейшем слиянии с русским пролетариатом—значит для еврейского пролетариата самым действительным образом ковать оружие, которым будет окончательно разбито ярмо, тяготеющее над русскими евреями.

Национальный вопрос в нашей программе.

«Искра» № 44, 15 июля 1903 года.

В проекте партийной программы мы выставили требование республики с демократической конституцией, обеспечивающей, между прочим, «признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Такое программное требование многим казалось недостаточно ясным, и в № 33, говоря о манифесте армянских соц.-демократов, мы объяснили значение этого пункта следующим образом: социал-демократия всегда будет бороться против всякой попытки путем насилия или какой бы то ни было несправедливости извне влиять на национальное самоопределение. Но безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает

*) В листке «Автономия или федерация» мы читаем: «... Мы никогда не говорили ни о «независимой политической партии еврейского пролетариата», ни о «федеративной связи» Бунда с Российской партией». Между тем, на стр. 14 выше цитированной брошюры сказано: «Партия, желающая объединить всех рабочих данной страны, возможна только, как *федеративный союз национальных рабочих партий*... На эту точку зрения стал наш IV Съезд.» Читатель видит, что у некоторых людей слово «никогда» не имеет того категорического смысла, какой ему приписывается обычным словоупотреблением.

нас поддерживать всякое требование национального самоопределения. Социал-демократия, как партия пролетариата, ставит своей положительной и главной задачей содействие самоопределению не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности. Мы должны всегда и безусловно стремиться к *самому тесному* соединению пролетариата всех национальностей, и лишь в отдельных, исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддерживать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства или к замене полного политического единства государства более слабым федеративным единством и т. п.

Такое толкование нашей программы по национальному вопросу вызвало решительный протест со стороны Польской Социалистической Партии (П.П.С.). В статье: «Отношение Российской Социал-Демократии к национальному вопросу» («Przedsvit», март 1903 г.) П.П.С. возмущается этим «удивительным» толкованием и «туманностью» нашего «таинственного» самоопределения, обвиняет нас и в доктринерстве и в «анархическом» взгляде, будто «рабочему нет дела ни до чего кроме совершенного уничтожения капитализма, так как, мол, язык, национальность, культура и т. п. суть только буржуазные вымыслы» и пр. Стоит остановиться со всей подробностью на этой аргументации, обнаруживающей едва ли не все, столь обычные и столь распространенные недоразумения среди социалистов по национальному вопросу.

Почему так «удивительно» наше толкование? Почему усматривается в нем отступление от «буквального» смысла? Неужели признание *права* на самоопределение наций требует *поддержки* всякого требования всякой нации самоопределяться? Ведь признание *права* всех граждан устраивать свободные союзы вовсе не обязывает нас, социал-демократов, *поддерживать* образование всякого нового союза, вовсе не мешает нам высказываться и агитировать против нецелесообразности и неразумности идеи образовывать такой-то новый союз. Мы признаем *право* даже иезуитов вести свободную агитацию, но мы боремся (не полицейски боремся, конечно) против союза иезуитов и пролетариев. Поэтому, когда «Przedsvit» говорит: «если это требование свободного самоопределения должно быть понято буквально (а такое значение ему мы доселе придавали), в таком случае оно бы нас удовлетворило»,—то совершенно очевидно, что от буквального смысла программы отступает именно П.П.С. Нелогичность ее вывода с формальной стороны несомненна.

Но мы не хотим ограничиться формальной проверкой нашего толкования. Поставим прямо вопрос и по существу: безусловно ли должна социал-демократия требовать всегда национальной незави-

симости или лишь при известных условиях и при каких именно? П. П. С. всегда решала этот вопрос в пользу безусловного признания, и нас нисколько не удивляет поэтому ее нежность к русским социалистам-революционерам, которые требуют федеративных государственных порядков, высказываясь за «полное и безусловное признание права на национальное самоопределение» («Рев. Россия» № 18, статья: «Национальное порабощение и революционный социализм»). К сожалению, это не более, как одна из тех буржуазно-демократических фраз, которые в сотый и в тысячный раз показывают настоящую природу так наз. партии так называемых социалистов-революционеров. Поддаваясь на приманку этих фраз, прельщаясь этой шумихой, П. П. С. в свою очередь доказывает этим, как слаба в ее теоретическом сознании и в ее политической деятельности связь с классовой борьбой пролетариата. Интересам именно этой борьбы должны мы *подчинять* требование национального самоопределения. В этом именно условии и состоит отличие нашей постановки национального вопроса от буржуазно-демократической постановки его. Буржуазный демократ (а также идущий по его стопам современный социалистический оппортунист) воображает, что демократия устраняет классовую борьбу, и потому ставит все свои политические требования абстрактно, огульно, «безусловно», с точки зрения интересов «всего народа» или даже с точки зрения вечного нравственного принципа-абсолюта. Социал-демократ беспощадно разоблачает эту буржуазную иллюзию везде и всегда, выражается ли она в отвлеченной идеалистической философии или в постановке безусловного требования национальной независимости.

Если нужно еще доказывать, что марксист не может иначе, как условно и именно под указанным выше условием, признавать требование национальной независимости, то мы приведем слова писателя, *защищавшего* с марксистской точки зрения выставление польскими пролетариями требования независимой Польши. Карл Каутский писал в 1896 году в статье «Finis Poloniae?»: «Раз только польский пролетариат займется польским вопросом, он не может не высказаться за независимость Польши, он не может, следовательно, не приветствовать каждого шага, который уже теперь может быть сделан в этом направлении, поскольку такой шаг вообще совместим с классовыми интересами международного борющегося пролетариата.

«Эту оговорку,—продолжает Каутский,—во всяком случае необходимо сделать. *Национальная независимость не так неразрывно связана с классовыми интересами борющегося пролетариата, чтобы должно было стремиться к ней безусловно, при всяких обстоятель-*

ствах *). Маркс и Энгельс с величайшей решительностью выступали за объединение и освобождение Италии, но это не мешало им высказаться в 1859 г. против союза Италии с Наполеоном» («Neue Zeit», XIV, 2, S. 520).

Вы видите: Каутский категорически отвергает безусловное требование независимости наций, категорически требует постановки вопроса не только на историческую вообще, но именно на классовую почву. И если мы обратимся к постановке польского вопроса Марксом и Энгельсом, то мы увидим, что именно так ставили его и они с самого начала. «Новая Рейнская Газета» ¹⁰⁷⁾ уделила много места польскому вопросу и решительно требовала не только независимости Польши, но и войны Германии с Россией за свободу Польши. В это же самое время, однако, Маркс обрушился на Руге ¹⁰⁸⁾, который говорил за свободу Польши в Франкфуртском парламенте ¹⁰⁹⁾, решая польский вопрос при помощи одних только буржуазно-демократических фраз о «позорной несправедливости», без всякого исторического анализа. Маркс не принадлежал к числу тех педантов и филистеров от революции, которые всего больше боятся «полемики» в революционные исторические моменты. Маркс осыпал беспощадными сарказмами «гуманного» гражданина Руге, показывая ему на примере угнетения южной Франции северною, что не всякое национальное угнетение и не всегда вызывает законное, с точки зрения демократии и пролетариата, стремление к независимости. Маркс ссылаясь на особые социальные условия, в силу которых «Польша сделалась революционною частью России, Австрии и Пруссии... Даже польское дворянство, стоявшее еще частью на феодальной почве, примкнуло с беспрецедентным самоотвержением к демократической аграрной революции. Польша была уже очагом европейской демократии, когда Германия прозябала еще в самой пошлой конституционной и напыщенно-философской идеологии... Покуда мы (немцы) помогаем угнетать Польшу, покуда мы приковываем часть Польши к Германии,—мы остаемся сами прикованными к России и к русской политике, мы не можем и у себя дома освободиться радикально от патриархально-феодального абсолютизма. Создание демократической Польши есть первое условие создания демократической Германии».

Мы процитировали эти заявления так подробно, ибо они наглядно показывают, при каких исторических условиях сложилась та постановка польского вопроса в международной социал-демократии, которая держалась почти всю вторую половину XIX века. Не обращать

*) Курсив наш.

внимания на изменившиеся с тех пор условия, отстаивать старые решения марксизма, значит быть верным букве, а не духу учения, значит повторять по памяти прежние выводы, не умея воспользоваться приемами марксистского исследования для анализа новой политической ситуации. Тогда и теперь,—эпоха последних буржуазных революционных движений и эпоха отчаянной реакции, крайнего напряжения всех сил накануне революции пролетарской,—отличаются между собою самым явным образом. *Тогда* революционной была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства. Традиции борьбы за национальное освобождение были так сильны и глубоки, что после поражения на родине лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и повсюду революционные классы; память Домбровского и Врублевского¹¹⁰⁾ неразрывно связана с величайшим движением пролетариата в XIX веке, с последним—и, будем надеяться, последним неудачным—восстанием парижских рабочих. *Тогда* полная победа демократии в Европе была действительно невозможна без восстановления Польши. *Тогда* Польша была действительно оплотом цивилизации против царизма, передовым отрядом демократии. *Теперь* правящие классы Польши, шляхта в Германии и Австрии, промышленные и финансовые тузы в России выступают в качестве сторонников правящих классов в угнетающих Польшу странах, а на-ряду с польским пролетариатом, геройски перенявшим великие традиции старой революционной Польши, борется за свое освобождение пролетариат немецкий и русский. *Теперь* передовые представители марксизма в соседней стране, внимательно наблюдающие политическое развитие Европы и полное сочувствие к героической борьбе поляков, признают тем не менее прямо: «Петербург сделался в настоящее время гораздо более важным революционным центром, чем Варшава; русское революционное движение имеет уже более крупное международное значение, чем польское». Так отзывался Каутский еще в 1896 г., защищая допустимость требования восстановления Польши в программе польских социал-демократов. А в 1902 году Меринг¹¹¹⁾, исследуя эволюцию польского вопроса с 1848 года по настоящее время, пришел к такому выводу: «Если бы польский пролетариат захотел написать на своем знамени восстановление польского классового государства, о котором и слышать не хотят сами господствующие классы, то он разыграл бы историческую шуточную комедию: с имущими классами такое приключение бывает (как, например, с польским дворянством в 1791 году), но рабочий класс не должен спускаться до этого. Если же эта реакционная утопия извлекается на свет божий для того, чтобы привлечь на сторону пролетарской агит-

тации те слои интеллигенции и мелкой буржуазии, среди которых находит еще известный отклик национальная агитация, тогда эта утопия вдвойне заслуживает осуждения, как проявление того недостойного оппортунизма, который приносит в жертву ничтожным и дешевым успехам минуты глубокие интересы рабочего класса.

«Эти интересы категорически повелевают, чтобы польские рабочие во всех трех государствах, разделивших Польшу, боролись вместе со своими товарищами по классовому положению плечо с плечом, без всякой задней мысли. Прошли те времена, когда буржуазная революция могла создать свободную Польшу; в настоящее время возрождение Польши возможно лишь посредством социальной революции, когда современный пролетариат разобьет свои цепи».

Мы вполне подписываемся под таким выводом Меринга. Заметим только, что этот вывод остается безупречно правильным и в том случае, если в аргументации мы не пойдем так далеко, как идет Меринг. Несомненно, что теперешнее положение польского вопроса коренным образом отличается от того, что было 50 лет тому назад. Но нельзя считать вечным это теперешнее положение. Несомненно, что классовый антагонизм далеко отодвинул теперь на задний план национальные вопросы, но нельзя категорически утверждать, не рискуя впасть в доктринерство, что невозможно временное появление на авансцене политической драмы и того или другого национального вопроса. Несомненно, что восстановление Польши до падения капитализма крайне невероятно, но нельзя сказать, чтобы оно было абсолютно невозможно, чтобы польская буржуазия не могла при известных комбинациях встать на сторону независимости и т. д. И русская социал-демократия нисколько не связывает себе рук. Она считается со *всеми* возможными, даже со всеми вообще *мыслимыми* комбинациями, когда выставляет в своей программе признание права на самоопределение наций. Эта программа нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна. Эта программа требует лишь, чтобы действительно социалистическая партия не развращала пролетарского сознания, не затемняла классовой борьбы, не обольщала рабочий класс буржуазно-демократическими фразами, не нарушала единства современной политической борьбы пролетариата. Именно в этом условии, под которым только мы и признаем самоопределение, заключается вся суть. Напрасно старается П. П. С. представить дело так, будто ее отделяет от немецких или русских социал-демократов отрицание ими права на самоопределение, права стремиться

к свободной независимой республике. Не это, а забвение классовой точки зрения, затемнение ее шовинизмом, нарушение единства данной политической борьбы—вот что не позволяет нам видеть в П. П. С. действительно рабочей социал-демократической партии. Вот, например, какова обычная постановка вопроса у П. П. С.: «...мы можем лишь ослабить царизм, оторвав Польшу, а свергнуть его должны русские товарищи». Или еще: «...мы бы просто, по уничтожении самодержавия, определили свою судьбу таким образом, что отделились бы от России». Посмотрите, к каким чудовищным выводам приводит эта чудовищная логика даже с точки зрения программного требования восстановления Польши. *Так как* одним из возможных (но, при господстве буржуазии, безусловно не обеспеченных наверное) последствий демократической эволюции является восстановление Польши, *поэтому* польский пролетариат не должен бороться совместно с русским за низвержение царизма, а «лишь» за ослабление его путем отторжения Польши. *Так как* русский царизм заключает все более тесный союз с буржуазией и правительствами немецким, австрийским и т. д., *поэтому* польский пролетариат должен ослаблять свой союз с русским, немецким и прочим пролетариатом, с которым он борется сейчас против *одного и того же* гнета. Это означает не что иное, как принесение в жертву самых насущных интересов пролетариата буржуазно-демократическому пониманию национальной независимости. Распадение России, к которому хочет стремиться П. П. С. *в отличие* от нашей цели свержения самодержавия, остается и будет оставаться пустой фразой, пока экономическое развитие будет теснее сплачивать разные части одного политического целого, пока буржуазия всех стран будет соединяться все дружнее против общего врага ее, пролетариата, и за общего союзника ее, царя. А зато *распадение сил пролетариата*, страдающего сейчас под гнетом этого самодержавия, является печальной действительностью, является прямым результатом ошибки П. П. С., прямым результатом ее преклонения пред буржуазно-демократическими формулами. Чтобы закрыть глаза на это распадение пролетариата, П.П.С. приходится опускаться до шовинизма, излагать, напр., взгляды русских социал-демократов следующим образом: «мы (поляки) должны ждать социальной революции, а до того времени терпеливо сносить национальный гнет». Это прямая неправда. Не только не советовали никогда ничего подобного русские социал-демократы, а, напротив, они сами борются и зовут весь русский пролетариат бороться против всякого национального гнета в России, они ставят в свою программу не только полную равноправность языка, национальности и проч., но и признание права за каждой нацией самой определить

свою судьбу. Если, признавая это право, мы *подчиняем* нашу поддержку требований национальной независимости интересам пролетарской борьбы, то только шовинист может объяснять нашу позицию недоверием русского к инородцу, ибо на самом деле позиция эта обязательно должна вытекать из недоверия сознательного пролетария к буржуазии. П.П.С. смотрит так, что национальный вопрос *исчерпывается* противоположением: «мы» (поляки) и «они» (немцы, русские и проч.). А социал-демократ выдвигает на первый план противоположение: «мы»—пролетарии и «они»—буржуазия. «Мы», пролетарии, видели десятки раз, как буржуазия *предает* интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает пред ней революционный пролетариат. Мы видели, как французская буржуазия в момент сильнейшего угнетения и унижения французской нации предала себя пруссакам, как правительство национальной обороны превратилось в правительство народной измены, как буржуазия угнетенной нации позвала на помощь к себе солдат угнетающей нации для подавления своих соотечественников-пролетариев, дерзнувших протянуть руку к власти. И вот почему, не смущаясь несколько шовинистическими и оппортунистическими выходками, мы всегда будем говорить польскому рабочему: только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения.

То, что мы сказали о польском вопросе, применимо целиком и ко всякому другому национальному вопросу. Проклятая история самодержавия оставила нам в наследство громадную *отчужденность* рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло, величайшая помеха в борьбе с самодержавием, и мы не должны узаконять этого зла, освящать этого безобразия никакими «принципами» партийной особенности или партийной «федерации». Проще и легче, конечно, идти по линии наименьшего сопротивления и уstraиваться каждому в своем уголке по правилу: «моя хата с краю», как хочет теперь устроиться и Бунд. Чем больше сознаем мы необходимость единства, чем тверже убеждены мы в невозможности общего натиска на самодержавие без полного единства, чем резче выступает обязательность централистической организации борьбы при наших политических порядках,—тем меньше склонны мы довольствоваться «простым», но кажущимся и глубоко фальшивым по своей сущности решением вопроса. Если нет сознания вреда от отчужденности, если нет желания покончить во что бы то ни стало и радикально с этой отчужденностью

в лагере пролетарской партии,—тогда не надо и фиговых листочков «федерации», тогда не к чему и браться за решение вопроса, который одна «сторона» не хочет в сущности и решать, тогда лучше предоставить урокам жизненного опыта и действительного движения убеждать в необходимости централизма для успеха борьбы пролетариев всякой народности, задавленной самодержавием, против этого самодержавия и против международной, все теснее объединяющейся буржуазии.

Эра реформ.

«Искра» № 46, 15 августа 1903 года.

Да, мы переживаем, несомненно, эру реформ, как ни странно звучат эти слова в применении к современной России. Застой во всех областях внутренней политики, кроме тех, которые связаны с борьбой против внутреннего врага, и, несмотря на это,—вернее именно в силу этого,—постоянные, непрекращающиеся попытки реформ, покушения на реформы в области самых больных, самых боевых общественно-политических отношений. Пролетариат, пробуждающийся к сознательно-классовой жизни, выступил уже довольно давно, как настоящий, как главный, как единственно-непримиримый враг нашего полицейского самодержавия. А с таким врагом, как передовой общественный класс, нельзя бороться одним насилием, хотя бы и самым беспощадным, самым организованным, самым всесторонним насилием. Такой враг заставляет считаться с собой и идти на уступки, всегда неискренние, всегда половинчатые, часто совершенно лживые и кажущиеся, обыкновенно обставляемые рядом более или менее тонко прикрытых ловушек, но все-таки уступки, реформы, составляющие целую эру. Это не те реформы, конечно, которые знаменуют нисходящую линию политического развития, когда кризис миновал, буря пронеслась, и оставшиеся господами положения приступают к осуществлению своей программы или (бывает и так) к осуществлению программы, завещанной их противниками. Нет, это реформы восходящей линии, когда все более и более широкие массы привлекаются к борьбе, когда кризис еще только близится, когда каждая схватка, снимая с поля битвы сотни, порождает тысячи новых борцов, более озлобленных, более смелых, более обученных.

Такие реформы являются всегда предвестником и преддверием революции. К числу их, несомненно, принадлежат последние, частью осуществленные, частью только намеченные, мероприятия царского правительства: проект закона об обществах взаимопомощи рабочих

проект, неопубликованный правительством и известный лишь из сообщений либерально-буржуазного «Освобождения») и законы о вознаграждении рабочих, пострадавших от увечий, и о фабричных старостах. Мы намерены теперь подробнее остановиться на этом последнем законе.

Суть нового закона состоит в том, что рабочие, при известных условиях, могут получить право представительства в их сношениях с предпринимателями, право некоторой зачаточной организации. Обставлены эти права невероятным количеством полицейских разрешений, ограничений и стеснений. В самом деле. Прежде всего следует принять во внимание, что по новому закону право представительства рабочих обусловлено согласием и инициативой заводууправлений и разрешением присутствий по фабричным и горнозаводским делам. Право представительства *могут* давать рабочим хозяева заводов; но они нисколько не обязываются к этому законом, при чем фабричное присутствие может и не допустить представительства даже при ходатайстве о нем со стороны фабриканта, может не допустить по каким-либо соображениям и хотя бы без всяких соображений. Таким образом, с самого начала представительство *рабочих* отдано целиком и безусловно, безапелляционно на усмотрение *хозяев и полиции*. Когда хозяевам и полиции сие покажется удобным и желательным, они могут устраивать (на весьма узких началах) рабочее представительство—такова суть реформы. О представительстве на казенных заводах, в скобках будь сказано, закон не говорит ни слова: на частных заводах представители рабочих *могут* оказаться в руках полиции новыми агентами, новыми фабричными дворниками, а на казенных заводах агентов и дворников всегда достаточно! Полиция в этой области реформы не требует,—значит, реформа тут и не надобна.

Далее. Самому представительству рабочих придана безобразно-искаженная форма. Рабочие разъединяются, раздробляются на *разряды*; правила о том, как именно делить рабочих на разряды, утверждаются *губернатором*, как и *все вообще правила*, относящиеся к организации представительства по новому закону. Фабриканты и полиция могут составлять и, разумеется, будут составлять разряды таким образом, чтобы всячески затруднять солидарность и соединение рабочих, чтобы вызывать и разжигать рознь не только между профессиями, между цехами, но и между рабочими разных наций, разных полов, разных возрастов, разных степеней выучки, разной высоты заработка и т. д. и т. д. Представительство рабочих может быть и бывает полезно для рабочих исключительно тем, что рабочие соединяются в одну массу, ибо единственный источник сил у забитых, угнетенных, зада-

вленных работой наемных рабов нашей цивилизации, это—их соединение, их организованность, их солидарность. Царское самодержавие хочет дать рабочим *такое* представительство и на *таких* условиях, чтобы всячески *разгединить* и этим обессилить рабочих.

Полицейски составленные разряды должны будут выбирать, на основании подробных полицейских правил, *кандидатов* в старосты, притом стольких кандидатов, сколько велит выбирать полиция. Утверждать одного из кандидатов, по своему усмотрению, будет управление завода, а губернатор всегда имеет право устранить от должности старосту, «не удовлетворяющего,—как сказано в законе—своему назначению».

Не очень же хитра вся эта полицейская механика! «Назначение» старост состоит, очевидно, в том, чтобы быть полезным полиции, быть угодным ей; закон об этом ничего не говорит, ибо о таких условиях не говорят: их *подстраивают*. Подстроить это более чем просто, раз глава местной полиции, губернатор, получает бесконтрольное право смещать неугодного старосту. Еще раз: не вернее ли было назвать такого фабричного старосту фабричным дворником? Полиция может назначать выборы очень большого числа кандидатов, из которых только один утверждается, например, выбирать повелено будет десять или пять кандидатов каждому разряду, скажем, во 100 или 50 человек. Нельзя ли будет иногда этот список избранных кандидатов превратить в список подлежащих особому надзору, а то даже и подлежащих заарестованию, лиц? Прежде такие списки составляли только шпионы, а теперь, *может быть*, их будут составлять иногда и сами рабочие? Опасного же или даже неудобного для полиции в списке кандидатов ничего нет, ибо утверждать будут всегда худшего, или никого не утверждать, а требовать новых выборов.

В своем стремлении сделать фабричных старост удовлетворяющими полицейскому «назначению», новый закон (как и большинство русских законов) даже переусердствовал. Кандидаты должны быть не моложе 25 лет. Первоначальный законопроект предполагал предельный возраст—21 год, высшие правительственные сферы сочли более осторожным и государственно-мудрым повысить его еще на 4 года, чтобы заранее устранить «наиболее беспокойный элемент фабричного населения», каковым, «по данным департамента полиции, являются лица в возрасте от 17 до 20 лет» (из объяснительных мотивов министерства финансов, напечатанных в «Вестнике Финансов», с сокращениями, а в «Освобождении» без сокращений). Мало того, Заводоуправление и полиция могут в каждом отдельном случае, т.-е. для каждого отдельного заведения, требовать установления, во-первых, более

высокого предельного возраста и, во-вторых, продолжительности службы рабочего в предприятии. Возможно, например, что потребуют возраста не менее 40 лет и не менее 15 лет службы на заводе для того, чтобы иметь право быть выбранным в кандидаты на пост старосты! Об одном, кажется, не подумали составители закона, столь ревниво оберегавшие интересы полиции: охотно ли пойдут рабочие, при таких условиях, на этот «пост» старосты? Ведь староста почти так же отдан на произвол полиции, как какой-нибудь деревенский десятник. Ведь староста может быть превращен в простого рассыльного, передающего рабочим распоряжения и разъяснения фабричного начальства. Ведь от старосты будут требовать, несомненно, чисто-шпионских услуг и отчетов о тех собраниях разрядов, которые старостами собираются и за порядком в которых старосты наблюдают. А между тем закон, предусматривающий правила об освобождении старост от работы для исполнения их обязанностей, скромно умалчивает о том, будут ли старосты получать вознаграждение и от кого. Неужели составители закона думают, что освобожденные от работы старосты не потребуют себе платы от завода за это «свободное» время? Уж не станут ли они, по воле заводчиков и губернаторов, служить в старостах ради одних только прекрасных глаз этих верных друзей рабочего народа?

Стремление превратить старост в фабричных дворников особенно видно также из пункта третьего нового закона: старосты признаются уполномоченными разрядов для заявлений только по делам, касающимся *исполнения* условий найма. Об *изменении* условий найма старосты не имеют даже права и заговаривать! Хороши «уполномоченные» рабочих, нечего сказать! И как нелепо это постановление даже с точки зрения самих составителей закона, которые хотели облегчить «выяснение истинных желаний и нужд рабочих» «в особенности в то время, когда уже возникли недовольствия и волнения». В девяти случаях из десяти волнения вытекают именно из требований *изменить* условия найма, и отстранить старост от участия в этом деле—значит свести их роль почти на-нет. Составители закона запутались в одном из бесчисленных противоречий самодержавия, потому, что дать право рабочим уполномоченным (настоящим, а не с полицейского разрешения уполномоченным) требовать изменения условий найма значило бы дать свободу слова и неприкосновенность личности.

Вообще не может быть и речи о том, чтобы признать фабричных старост настоящими рабочими уполномоченными. Уполномоченный должен быть выбран только рабочими, без всякого утверждения полицией. Уполномоченный должен быть смещен тотчас, как только выбравшие его рабочие вотировали ему недоверие. Уполномоченный

должен являться для отчета на собрания рабочих, по всякому их требованию. А по нашему закону, только старосте *предоставляется* собирать рабочих избравшего его разряда и притом в месте и во время по указанию управления предприятия. Значит, староста может и не собирать, а управление может не давать ни места, ни времени. Целесообразнее было бы, пожалуй, вовсе не заговаривать о рабочем представительстве, чем дразнить рабочих таким представительством в приглядку.

Рабочие собрания внушают такой страх (и законный страх) самодержавию, что собрания разных разрядов вместе оно безусловно запрещает. «Для обсуждения дел, относящихся к нескольким разрядам,—постановляет новый закон,—собираются исключительно старосты этих разрядов». Для капиталистов и для защищающего их полицейского правительства это было бы, в самом деле, очень выгодно: составить маленькие по числу членов разряды из мастеров, служащих и высоко-оплачиваемых рабочих, составить большие по числу участников разряды чернорабочих и простых рабочих—и допустить собрания только старост разных разрядов. Но подобный расчет составлен *без хозяина*: хозяином своей судьбы является сознательный пролетариат, который с презрением отбросит прочь эти жалкие полицейские клетушки, в которые его хотят рассадить. Рабочие будут собираться вместе для обсуждения своих дел и устраивать тайные собрания своих настоящих соц.-демократических старост, несмотря ни на какие запрещения.

Но если эта жалкая реформа до такой степени заражает полицейски-шпионским духом зачатки рабочего представительства, то не следует ли сознательным рабочим совершенно отстраняться от всякого участия в выборах фабричных старост или в собраниях «разрядов»? Мы думаем, что не следует. Отстраняться от активного участия в современной политической действительности, как бы гнусна она ни была,—тактика анархистов, а не социал-демократов. Мы сумеем, мы должны суметь развить широкую рабочую борьбу против каждой гнусной кляузы нового закона, против каждой шпионской проделки посредством нового закона,—и эта борьба будет будить самых отсталых рабочих, будет развивать политическое сознание всех участников российского рабочего полицейско-жандармски-шпионского «представительства». Зубатовские собрания еще гораздо больше, гораздо прямее развращали рабочих, чем будут развращать их угодничающие перед властью старосты, и однако мы посылали на эти собрания сознательных рабочих, которые учились сами и учили других, и однако вся эта зубатовская эпопея кончилась жалким кра-

хом, сделав гораздо больше на пользу социал-демократии, чем на пользу самодержавия: одесские события не оставили и тени сомнения на этот счет.

Самодержавие начинает заговаривать о рабочих собраниях. Воспользуемся этим для самой широкой пропаганды и агитации социал-демократических требований полной свободы собраний и сходов. Самодержавие начинает заговаривать о выборах. Воспользуемся этим для ознакомления рабочих масс со значением выборов, со всеми системами выборов, со всеми уловками полиции при выборах. И пусть это ознакомление будет не только по книжкам и по беседам, а и ознакомлением на практике: на примере российских полицейски обставленных выборов, участвуя в этих выборах *), сознательные рабочие будут готовить более и более широкие массы к ведению выборной агитации, ведению собраний, к отстаиванию своих требований и перед собраниями и перед старостами, к организации постоянного надзора за деятельностью старост. Самодержавие заговаривает о рабочем представительстве. Воспользуемся этим для распространения правильных идей о настоящем представительстве. Представителем рабочих может быть только свободный *рабочий союз*, охватывающий много фабрик и много городов. Фабричное представительство, представительство рабочих на каждой отдельной фабрике, не может удовлетворить рабочих даже на Западе, даже в свободных государствах. Вожди социал-демократической рабочей партии, напр., в Германии не раз восставали против фабричного представительства. И это понятно, ибо гнет капитала слишком силен, и право увольнять рабочих—это священное право капиталистического свободного договора—*всегда* будет обессиливать представительство рабочих на каждой отдельной фабрике. Только рабочий союз, соединяющий рабочих многих фабрик и многих местностей, устраняет зависимость представителей рабочих от отдельного фабриканта. Только рабочий союз обеспечивает все те средства к борьбе, какие только вообще возможны в капиталистическом обществе. А свободные рабочие союзы мыслимы только при *политической свободе*, при условии неприкосновенности личности, свободы сходов и собраний, свободы выборов депутатов в народное собрание.

Без политической свободы всякие формы рабочего представительства останутся жалким обманом, пролетариат останется по-прежнему в тюрьме, без света, воздуха и простора, необходимых ему для

*) Конечно, организованных рабочих не следует ни в каком случае выбирать в старосты; кандидатами надо выставить подходящих людей из неорганизованной массы.

борьбы за свое полное освобождение. В этой тюрьме правительство прорезывает теперь крошечное отверстие вместо окна, устраивая притом это отверстие так, чтобы оно принесло больше пользы жандармам и шпионам, которые стерегут заключенного, чем самому заключенному. И такую-то реформу палачи русского народа хотят выдать за благодеяние царского правительства! Но русский рабочий класс при помощи этого отверстия вдохнет в себя новые силы к борьбе, он сравняет с землей все стены проклятой всероссийской тюрьмы и завоюет себе свободное классовое представительство в буржуазном демократическом государстве.

Сорвалось!..

«Искра» № 48, 15 сентября 1903 года.

— Ну, а если ваши громогласные, велеречивые и пышные уверения вызовут недоверие именно самым своим характером?

— Я желал бы посмотреть, кто посмеет усомниться в моих словах!

— Ну, однако же, если все-таки усомнятся!

— Повторяю, что я не позволю усомниться в словах революционера, я не останавлиюсь ни перед чем, я пойду до конца, я потребую либо прямого выражения недоверия, либо прямого отступления, я...

— А если ваше требование прямого выражения недоверия будет удовлетворено?

— Что такое?

— Если вам скажут прямо и определенно, что вам не верят?

— Я назову того, кто решится сказать это, гнусным клеветником, я буду клеймить перед всем светом его беспримерный поступок...

— А если вам, в ответ на это, систематически начнут доказывать, что все ваше поведение давно уже не позволяет относиться к вам с доверием?

— Я соберу тогда отовсюду протесты против этой братоубийственной полемики, я обращусь ко всем с прочувствованным словом о правде-истине и правде-справедливости, о кристальной чистоте, загрязненной нечистыми руками, о грубой и грязной коре мелкого самолюбия, об очистительном пламени, которое наполняет мою душу беззаветным энтузиазмом, я сравню своих врагов с Понтийским Пилатом...

— А если по поводу таких речей вам сопоставят с Тартюфом?

— Тогда я потребую третейского суда!

— Вам немедленно ответят, что охотно принимают вызов и предлагают прежде всего согласиться о том, чтобы суд рассмотрел вопрос,

имел ли ваш противник право усомниться в достоверности ваших заявлений.

— Тогда... тогда... тогда я заявляю, что «*после всего происшедшего*» смешно и говорить о каком-то «*соглашении*» между какими-то «*сторонами*»!

* * *

Такова была «беспримерная», по выражению «Рев. Росс.», «кампания по делу второго апреля». Почтеннейшей газете очень не хочется, по весьма понятным причинам, сознаться, что эта история была действительно такова. Почтеннейшая газета прячется за целый ряд отговорок, которые нам приходится рассмотреть подробно.

«Рев. Россия» удивляется, во-первых, почему «вместо организованной русской социал-демократии», к которой обращались товарищи Балмашева, отвечает редакция «Искры». Товарищи Балмашева,—говорят нам,—«не имеют ответа на свое вполне определенное предложение, направленное по вполне определенному адресу».

Неверно это, господа. Вам, как и всем и каждому, прекрасно известно, что именно представляет из себя организованная русская социал-демократия, каковы именно *все* наши организации. За одну ночь у нас, не в пример кое-каким людям, новых организаций не вырастет. У нас есть комитеты партии, есть «Искра», есть О. К., который давно готовит второй съезд партии. По какому же это «определенному адресу» вы обращались? По адресу второго съезда? по адресу О. К.? Нет; вопреки вашим словам об *определенном* адресе, вы *абсолютно ничем* этого адреса не определили. Вы сами отметили, что «Искра» признана большинством комитетов, и вам поэтому никто не мог ответить, кроме «Искры». Если второй съезд нашей партии признает «Искру» органом партии, тогда ответ «Искры» окажется ответом партии. Если нет,—тогда вы будете иметь дело с другим органом. Это такая простая вещь, что ее мог бы понять и шестилетний ребенок.

«Рев. Рос.» «удивляется, почему вместо прямого ответа на прямое предложение товарищей Балмашева» (предложение, будто бы, дать возможность социал-демократии познакомиться с действительным существом дела 2 апреля) «нам предлагают, чтобы они признали себя и «Искру» сторонами, между которыми, после всего происшедшего, возможны какие-то предварительные переговоры, «соглашения» о постановке вопроса». Итак, «Рев. Рос.» утверждает теперь, что нам предлагали не третейский суд, а предлагали лишь дать возможность познакомиться. Это неверно. «Заявление» в № 27 «Р. Р.» говорит буквально

о «непроверенном обвинении («Искры») в клеветничестве», о *проверке* обвинения, о *предоставлении* «одному лицу, на добросовестность и конспиративность которого могли бы равно положиться и мы, и центральный орган (это заметьте!) русской социал-демократии, следующего ряда доказательств». «Проверка обвинения», «рассмотрение доказательств» лицом, на которого полагаются и обвинитель и обвиняемый,—это не есть третейский суд? Это есть лишь предложение познаться?? Комики вы, господа, После того, как вы уже предложили согласиться о выборе добросовестного лица, вы заявляете теперь, с неподражаемо-гордым видом пойманного Ноздрева, что никакие соглашения невозможны!

«Рев. Росс.» спрашивает далее, над кем смется «Искра», когда говорит о соглашении в постановке вопроса, одновременно с тем декретируя свою постановку и категорически заявляя, что другой постановки вопроса быть не может». Перед судом всякий категорически заявляет свое мнение и утверждает, что оно—единственно правильное; вместо того, чтобы дать и свою *определенную* постановку вопроса, наш горделивый противник начинает хорохориться и блародные слова говорить!

Похорохорившись, «Рев. Росс.» соглашается, однако, сделать несколько замечаний и о нашей постановке вопроса. По ее мнению, «Искра» прибегает к уверткам и отступает. Вопрос заключается, де, не в том, что «Боевая организация покушалась на право «Искры» свободно мыслить (!), оценивать со своей точки зрения политические акты и даже (sic!) внутренне сомневаться в чем бы то ни было». Это «внутренне сомневаться», поистине, бесподобно. «Боевая организация» так необыкновенно либеральна, что готова (теперь, после более чем годичной борьбы!) разрешить нам *даже* сомневаться,—но только внутренне, т.-е., вероятно, так, чтобы никто, кроме самого сомневающегося, не знал об этом... Может быть, и «свободно оценивать» эти боевые люди разрешают нам только про себя?

«Можно подумать,—говорит «Рев. Росс.»,—что только отказ «Искры» подчиниться такому требованию был поводом для обвинения «Искры» в клевете». Следуют цитаты из статьи «Тартюфы революционной морали» и замечание, что «здесь говорится не о каких-то скромных и неопределенных сомнениях, а об очень нескромных и очень определенных обвинениях».

Приглашаем читателя припомнить некоторые общеизвестные факты. В № 20 «Искры» (от 1 мая 1902 г.) мы оцениваем акт Балмашева, понятия не имея ни о какой боевой организации. Эта последняя пишет нам письмо, требуя, чтобы мотивов решения Балмашева мы

искали в ее официальных заявлениях. Мы молча бросаем это письмо неведомой организации в корзину для ненужной бумаги. Письмо печатается в № 7 «Рев. Росс.» (июнь 1902 г.), редакция которой по поводу одного только нашего молчания вопит уже о набрасывании тени на моральную сторону, об умалении значения акта и т. п. Мы отвечаем статьей: «Вынужденная полемика» (№ 23 «Искры», от 1 августа 1902 г.), в которой смеемся над сердитым Юпитером, отстаиваем свою оценку акта 2 апреля и заявляем, что для нас принадлежность Балмашева к «боевой» организации «более чем сомнительна». Тогда г.г. соц.-рев., добившись от нас внешнего выражения нашего внутреннего сомнения, поднимают истерические вопли о «беспримерном поступке» и говорят уже не больше и не меньше, как о «грязи» и об «инсинуации» (№ 11 «Рев. Росс.», сентябрь 1902 г.).

Таковы, в самых кратких чертах, основные моменты нашего литературного спора. Человек, превосходно знающий, что противник относится к его словам с молчаливым недоверием, приступает публично с ножом к горлу, требуя открытого выражения либо доверия, либо недоверия, и, получив последнее, бьет себя в грудь и жалуется *urbi et orbi*, какое благородное существо и как гнусно было обижено. Что это, не поздrevщина? не революционное бреттерство? не заслужено было таким человеком название Тартюфа?

Откуда берет «Рев. Росс.», что мы отступаем, не желая отвечать за статью и за статьи о Тартюфах? Из того, что в нашей постановке вопроса не включены тезисы этих статей? Но разве нам предлагали суд по поводу каких-нибудь определенных статей, а не по поводу всего отношения «Искры» к уверениям «партии соц.-рев.»? Разве в самом начале заявления товарищей Балмашева в № 27 «Рев. Росс.» не цитируется именно исходный пункт всего спора,—слова № 23 «Искры», что принадлежность Балмашева к «боевой организации» для нее более чем сомнительна? Смеем уверить «Рев. Росс.», что мы отвечаем за *все* наши статьи, готовы дополнить наши вопросы для суда ссылками на *любой* номер «Искры», готовы доказывать перед кем угодно, что мы имели полное нравственное право и все разумные основания охарактеризовать, как Тартюфов, тех публицистов в «Рев. Росс.», которые договорились до приведенных нами выше выражений по поводу нашего дерзновенного сомнения в достоверности ее слов.

«Отступления и увертки», на самом деле,—только с чьей стороны? Не со стороны ли тех, кто *теперь* великодушно готов признать за нами право свободно оценивать и внутренне сомневаться и кто *более года* упражнялся в отвратительно-напыщенной декламации по

поводу того, что «Искра» продолжала упорно сомневаться и доказывала обязанность всякого серьезного человека сомневаться в революционной беллетристике? Когда вы увидали, что чувствительные слова о честности высокой вызывают действительно уже смех, а не рыдания аудитории,—вам захотелось новой сенсации, и вы выступили с требованием суда. Падкая до скандала часть заграничной колониальной публики потирала от удовольствия руки и оживленно шепталась: «они вызвали их на суд... наконец-то! Теперь мы увидим». И теперь они увидели—последнюю сцену водевиля, герой которого с неописуемо-обиженным видом благородного человека заявил, что «после всего происшедшего» невозможны никакие соглашения о постановке вопросов для суда.

Продолжайте спокойно в том же духе, господа! Но помните, что никакие потоки жалких слов не помешают нам исполнять нашу обязанность: разоблачать фразерство и мистификацию, где бы они ни проявлялись, в «программах» ли революционных авантюристов, в блестящих ли их беллетристиках, или в возвышенных предиках о правде-истине, об очистительном пламени, о кристальной чистоте и о многом прочем.

Максимум беззастенчивости и минимум логики.

«Искра» № 49, 1 октября 1903 года.

В № 46 мы перепечатали резолюцию V съезда Бунда о положении Бунда в Р. С.-Д. Р. П. и дали свою оценку ее. Загр. Ком. Бунда отвечает нам весьма подробно и зело сердито в листке своем от 9/22 сент. Самой существенной частью этого сердитого ответа является следующее феноменальное открытие: *«Кроме устава максимум (sic!), пятый съезд Бунда выработал еще устав минимум»*, и сей минимум полностью и приводится, при чем в двух примечаниях поясняется, что «отвержение автономии» и требование согласия Ц. К. Бунда на обращение к еврейскому пролетариату со стороны других входящих в партию частей *«должно быть выставлено, как ультиматум»*. Так решил V съезд Бунда.

Не правда ли, как это... красиво? Съезд Бунда выработал сразу два устава, определяя сразу—и максимум и минимум своих желаний или требований. При этом минимум благоразумно (о, в высшей степени благоразумно!) прячется в карман. Опубликовывается (в листке от 7/20 августа) только максимум и при этом публично, прямо и ясно

заявляется, что этот максимальный проект устава «должен быть предложен II съезду Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, как *базис* для обсуждения (это заметьте!) вопроса о положении Бунда в партии». Оппоненты нападают, конечно, на этот максимум с особенной яростью именно потому, что это—максимум, что это — «последнее слово» *) направления, ими осуждаемого. Тогда, *через месяц*, люди, не испытывая ни малейшего смущения, вытаскивают из кармана «минимум» и грозно добавляют: «*ультиматум*»!

Это уже не «последнее слово», а настоящая *крайняя цена*... Только крайняя ли, господа? Нет ли у вас в другом кармане минимального минимума? Не выступит ли он на свет божий еще эдак, примерно, через месяц?

Мы сильно опасаемся, что бундовцам вся «красота» этих максимума и минимума плохо понятна. Запросить втридорога, затем сбавить 75% и заявить: «последняя цена»,—да разве иначе торговать можно? Да разве между торгашеством и политикой есть разница?

Есть, господа, смеем вас уверить, что есть. Во-первых, в политике некоторые партии проводят систематически известные *принципы*, а из-за принципов торговаться неприлично. Во-вторых, когда люди, причисляющие себя к одной партии, рассматривают некоторые свои требования, как ультиматум, т.-е. как условие самой принадлежности к партии, то политическая честность требует, чтобы это обстоятельство не скрывалось, не пряталось «*на время*» в карман, а, напротив, выдвигалось открыто и определенно с самого начала.

Мы давно уже проповедуем бундистам эти нехитрые истины. Еще в феврале (№ 33) мы писали, что играть в прятки неумно и недостойно, что Бунд выступил отдельно (с заявлением об О. К.), ибо хотел выступить, *как сторона*, ставящая всей партии *условия*. За такую оценку дела нас обдали тогда целым ушатом специфически-бундовских (можно сказать с равным правом: специфически-базарных) ругательств, а между тем *события показали теперь, что мы были правы*. Именно *стороной* выступает Бунд в решениях V съезда, ставя всей партии прямые ультиматумы! Именно такой постановки вопроса добивались мы всегда от бундовцев, доказывая, что она не-

*) Кстати. Чрезвычайно характерно для бундовской полемики, что за это выражение «Последние Известия» особенно на нас обрушились. Почему последнее слово, когда оно (требование федерации) больше двух лет тому назад сказано? «Искра» рассчитывает на беспамятство читателя!.. Успокойтесь, успокойтесь, господа: последним словом ваш устав-максимум назван автором статьи именно потому, что *это слово* было сказано два дня (примерно) перед № 46 «Искры», а не два года тому назад.

избежно вытекает из занятой ими позиции: бундовцы сердито протестовали, уклонялись и увертывались, а в конце концов должны-таки были показать свой «минимум».

Это курьезно, но еще гораздо курьезнее то, что Бунд продолжает увертываться и теперь, продолжает говорить о «лживости» «старого, всем известного искровского измышления о том», что Бунд хочет вступить в федеративный союз с Росс. Партией. Лживо это измышление потому, дескать, что в § 1 устава, предлагаемого Бундом, прямо сказано о желании Бунда быть частью партии, а не состоять с нею в союзе.

Очень хорошо, господа! Но не говорится ли в том же параграфе, что Бунд есть *федеративная* часть партии? не говорится ли во всем уставе-максимум о договаривающихся сторонах? не говорит ли устав-минимум об *ультиматуме* и об изменении «основных пунктов» лишь с взаимного согласия входящих в партию частей, при чем ни местные, ни районные организации частями партии в этом отношении не признаются? Вы сами говорите, что договаривающейся стороной не может быть ни местная, ни районная организация, а исключительно «сплоченная часть такого же характера как Бунд». Вы сами для примера указываете, что такой сплоченной частью могли бы быть «соц.-демократии польская, литовская, латышская», *«если бы они находились в партии»*, как вы благоразумно добавляете. Ну, а если они не находятся в партии? и если федерация национальных организаций, желательная для вас, не признается желательной и решительно отвергается всей остальной партией? Ведь вы прекрасно знаете, что дело обстоит именно так, вы сами прямо заявляете, что требование построить всю партию на базисе федерации национальностей вами уже не выдвигается. Спрашивается, *к кому же* обращаетесь вы с *ультиматумом*? Не очевидно ли, что ко всей партии, кроме Бунда? Вместо того, чтобы доказать лживость искровского измышления, вы только обнаруживаете минимум логики в ваших увертках.

Но, позвольте, — возражают нам бундовцы, — ведь мы даже и федерацию выкидываем из своего устава-минимум! Это устранение «страшного» слова, действительно, самый интересный эпизод в пресловутом переходе от максимума к минимуму. Нигде, может быть, беззаботность Бунда насчет принципов не выразилась так наивно. Вы — догматики, безнадежные догматики, вы ни за какие блага в мире не хотите признать федеративного «принципа организации». Но мы же ведь не догматики, мы «ставим вопрос на чисто-практическую почву». Вам не нравится какой-то там принцип? Чудаки! Так мы

обойдемся вовсе без принципа, мы «формулируем § 1 так, чтобы он не являлся декларацией определенного принципа организации». «Центр тяжести вопроса не в принципиальной формулировке, предпосланной уставу, а в конкретных пунктах его, выведенных из рассмотрения потребностей евр. рабочего движения, с одной стороны, и движения в целом—с другой» (стр. 1 листка от 9/22 сент.).

Это рассуждение до того прелестно по своей наивности, что так и хочется расцеловать его автора. Бундист всерьез поверил тому, что догматики боятся только некоторых страшных слов, и решил, что если эти слова удалить, то догматик в конкретных-то пунктах ничего не поймет! И вот бундист трудится в поте лица своего, составляет максимум, запасает (на черный день) минимум, готовит ультиматум № 1, ультиматум № 2... *Oleum et operam perdidisti, amice!* Друг мой, ты напрасно теряешь время и труд. Несмотря на хитрое (о, удивительно хитрое!) удаление вывески, догматик усматривает федеративный принцип и в «конкретных пунктах» минимума. Этот принцип виден и в требовании не ограничивать часть партии никакими районными рамками, и в притязании на «единственное» *) представительство еврейского пролетариата, и в требовании «представительства» в Ц. К. партии, и в отнятии у Ц. К. партии права вступать в сношения с частями Бунда без согласия Ц. К. Бунда, и в требовании признать основные пункты изменяемыми лишь с согласия *частей* партии.

Нет, господа. Центр тяжести того вопроса о положении Бунда в партии, который стоит перед нами, лежит именно в декларации определенного принципа организации, а отнюдь не в конкретных пунктах. Центр тяжести—в *выборе* пути. Узаконить ли особность Бунда, исторически сложившуюся, или отвергнуть ее в принципе и стать открыто, определенно, решительно и честно на путь большего и большего, теснейшего и теснейшего сближения и слияния со всей партией. Сохранить обособленность или *повернуть к слиянию*. Такова дилемма.

Решение этой дилеммы зависит от доброй воли Бунда, ибо «пассивно мил не будешь», как говорили мы еще в № 33. Если вы *хотите* повернуть к слиянию, тогда вы отвергнете федерацию и примете

*) «Это слово значения не имеет», уверяет нас теперь Бунд. Странно! К чему бы это вставлять не имеющие значения слова и в минимум, и в максимум? В русском языке это слово имеет вполне определенное значение. В данном случае оно включает в себе именно «декларацию» и федерализма, и национализма. Рекомендуем подумать над этим бундовцам, которые не видят связи национализма и федерации.

автономии. Тогда вы поймете, что автономия гарантирует такую постепенность процесса слияния, при которой переорганизация произошла бы с минимальной ломкой и притом так, чтобы еврейское рабочее движение ничего не теряло, а все выигрывало от этой переорганизации и от этого слияния.

Не хотите повернуть к слиянию,—тогда вы будете стоять за федерацию (в максимальной или минимальной ее форме, с декларацией или без декларации), тогда вы будете бояться «майоризирования», тогда вы превратите печальную обособленность Бунда в фетиш и станете по поводу уничтожения обособленности кричать об уничтожении Бунда, тогда вы станете искать обоснования своей обособленности и в этих поисках то хвататься за сионистскую идею еврейской «нации», то прибегать к демагогии и к сплетням.

Теоретически обосновать федерализм можно только националистическими идеями, и нам странно было бы доказывать бундовцам, что не случайно декларация федерализма приходится на тот самый IV съезд, который вынес декларацию о существовании еврейской нации.

Практически дискредитировать идею слияния можно только посредством науськивания несознательных и робких элементов против «чудовищного», «аракчеевского» организационного плана «Искры», желающей «остричь под одну скобку» комитеты и не позволять им «ни шагу делать без приказа свыше». Какие ужасы! Мы не сомневаемся, что теперь все комитеты поспешат взбунтоваться против ежовых рукавиц, аракчеевского кулака и проч... Но откуда вы взяли, господа, сведения об этом свирепом организационном плане? Из литературы? Отчего же вы ее не цитируете? Из рассказов досужих партийных кумушек, которые самым достоверным образом знают все, ну решительно все подробности насчет этой аракчеевщины? Последнее предположение, пожалуй, вероятнее, ибо даже при минимуме логики нелегко было бы смешать в одну кучу такое необходимое требование, чтобы Ц. К. «имел возможность дойти до последнего человека в партии», и такое заведомо сплетническое пугало, что Ц. К. будет «все делать» и «все регламентировать». Или еще: что за пустяки это насчет того, что «между периферией и центром» будут «lose Organisationen»? Мы догадываемся: наши добрые бундовцы слышали звон, да не поняли, откуда он. Как-нибудь при случае придется им разъяснить это подробно.

Хуже всего, однако, то, что взбунтоваться придется не только местным, но и Центральному Комитету. Правда, он еще не родился, но кумушки доподлинно знают не только день рождения, а всю судьбу

новорожденного. Оказывается, что это будет Ц. К., «*направляемый группой литераторов*». Не правда ли, какой это испытанный и дешовый прием борьбы? Бундовцы тут не первые и, наверное, не последние. Чтобы изобличить в какой-либо ошибке этот Ц. К. или О. К., надо найти доказательства. Чтобы изобличить людей в том, что они действуют не по собственному убеждению, а *направляемые* чужой рукой, надо иметь мужество выступить открытым обвинителем и взять на себя перед всей партией ответственность за такое обвинение! Это все—слишком дорого, во всех смыслах дорого. А кумушкины рассказы дешевы... Может быть, и клонет. Ведь так неприятно прослыть человеком (или учреждением), которого «направляют», которого водят на помочах, который является пешкой, кратурой, ставленником «Искры»... Бедный наш, бедный будущий Ц. К.! У кого будет он искать защиты от гнета аракчеевщины? Разве вот у «самодельных» и чуждых всякой «подозрительности» бундовцев?

Положение Бунда и партии.

«Искра» № 51, 22 октября 1903 года.

Под таким заглавием Бунд выпустил перевод статьи из № 34 «*Arbeiter Stimme*». Статья эта, присоединенная к решениям V съезда Бунда, является как бы официальным комментарием к ним. Здесь делается попытка систематически изложить все доводы, которые заставляют прийти к выводу, что Бунд «должен быть федеративною частью партии». Интересно рассмотреть эти доводы.

Автор начинает с того, что самый жгучий вопрос, стоящий перед Российской социал-демократией, это—вопрос об объединении. На каких основаниях может оно произойти? Манифест 1898 г. взял за основание принцип автономии. Автор разбирает этот принцип и находит, что он логически несообразен, внутренне противоречив. Если понимать под вопросами, специально касающимися еврейского пролетариата, только вопросы о способах агитации (применительно к особому языку, особой психологии, особой культуре евреев), то это будет техническая (?) автономия. Но такая автономия означает уничтожение всякой самостоятельности, ибо ею пользуется всякий комитет партии, а приравнение Бунда к комитетам есть отрицание автономии. Если же понимать под автономией автономию в некоторых программных вопросах, то нелепо лишать Бунд всякой самостоятельности в остальных программных вопросах; самостоятельность в программных вопросах непременно предполагает представительство Бунда, как

такового, в центральных органах партии, т.-е. не автономию, а федерацию. Прочного базиса для положения Бунда в партии надо искать в истории еврейского революционного движения в России. Эта история показывает нам слияние всех организаций, ведущих работу среди еврейских рабочих, в один союз—Бунд и расширение его деятельности с Литвы на Польшу, а затем на юг России. История, следовательно, опрокинула все районные перегородки и выдвинула Бунд, как единственного представителя еврейского пролетариата. Вот принцип, который не есть плод досужего ума (?), а является результатом всей истории еврейского рабочего движения: Бунд есть единственный представитель интересов еврейского пролетариата. А, разумеется, организация пролетариата целой национальности может войти в партию только при федеративном ее устройстве: еврейский пролетариат есть не только часть всемирной семьи пролетариев, но и часть еврейского народа, занимающего особенное положение среди других народов. Наконец, тесное единение между частями партии выражается именно в федерации, ибо основной признак этой последней—непосредственное участие в делах партии каждой составной ее части; все части партии чувствуют себя тогда равноправными. Автономия же предполагает бесправность частей партии, равнодушие к общим делам, взаимное недоверие, трения и столкновения.

Такова аргументация автора, изложенная нами почти исключительно в собственных его выражениях. Она сводится к трем пунктам: к соображениям общего свойства насчет внутренней противоречивости автономии и непригодности ее с точки зрения тесного единения частей партии; к урокам истории, которая выдвинула Бунд, как единственного представителя еврейского пролетариата, и, наконец, к ссылке на то, что еврейский пролетариат есть пролетариат целой национальности, занимающей особенное положение. Автор хочет опереться, следовательно, и на общие организационные принципы, и на уроки истории, и на идсю национальности. Автор старается—надо отдать ему справедливость—рассмотреть вопрос со всех сторон. И именно поэтому его изложение так выпукло оттеняет позицию, занятую Бундом в волнующем всех нас вопросе.

При федерации, говорят нам, части партии равноправны и участвуют в общих делах непосредственно; при автономии они бесправны и, как таковые, в общепартийной жизни не участвуют. Рассуждение это относится целиком к области наглядных несообразностей,—оно похоже, как две капли воды, на те рассуждения, которые математики называют математическими софизмами и в которых,—строго логичным, на первый взгляд, путем,—доказывается, что дважды

два пять, что часть больше целого и т. д. Существуют сборники таких математических софизмов, и учащимся детям они приносят свою пользу. Но людям, которые мнят быть единственными представителями еврейского пролетариата, неловко даже разъяснять столь элементарный софизм, как различное понимание «части партии» в двух половинах одного и того же рассуждения. Когда говорят о федерации,—под частью партии разумеют сумму организаций в разных местностях; когда говорят об автономии,—под частью партии разумеют каждую отдельную местную организацию. Поставьте рядом в один силлогизм эти якобы тождественные понятия, и вы получите неизбежный вывод, что дважды два пять. И если бундовцам все же не ясна суть их софизма, то они могут заглянуть в свой собственный устав-максимум и увидеть там, что именно при федерации местные организации сносятся с центром партии посредственно, а при автономии непосредственно. Нет, лучше бы уже не говорить нашим федералистам о «тесном единении»! Опровергая то положение, что федерация означает *обособленность*, а автономия—*слияние* частей партии, можно только людей насмешить.

Немногим удачнее попытка доказать «логическую несообразность» автономии, производимая посредством разделения этой последней на программную и техническую. Самое уже это разделение в высшей степени несуразное. Почему вопросы о специальных способах агитации среди еврейских рабочих могут быть названы техническими? При чем тут техника, когда речь идет об особенностях языка, психологии, условий быта? Как можно говорить о самостоятельности в программных вопросах по поводу, например, требования гражданского равноправия евреев? Программа социал-демократии выставляет только основные требования, общие всему пролетариату, независимо от профессиональных, местных, национальных, расовых различий. Эти различия обуславливают то, что одно и то же требование полного равенства граждан перед законом порождает агитацию в одном месте против одного вида неравноправности, в другом месте или по отношению к другим группам пролетариата—против другого вида неравноправности и т. д. Один и тот же программный пункт применяется различно в зависимости от различия условий быта, различия культуры, различия соотношения общественных сил в разных областях страны и т. д. Агитация за одно и то же программное требование ведется различными способами, на разных языках применительно ко всем этим различиям. Автономия в вопросах, касающихся специально пролетариата известной расы, известной нации, известного района, означает, следовательно, что определение специальных тре-

бований, выставляемых во исполнение общей программы, определение способов агитации предоставляется самостоятельному решению соответствующей организации. Партия в целом, ее центральные учреждения, устанавливает общие основные принципы программы и тактики; различные же способы проведения на практике и в агитации этих принципов устанавливаются различными подчиненными центру организациями партии соответственно местным, расовым, национальным, культурным и т. д. различиям.

Спрашивается, неужели такое понятие автономии не ясно? И не чистейшей ли схоластикой является разделение автономии в программных и в технических вопросах?

Посмотрите, как «логически разбирается» понятие автономии в рассматриваемой нами брошюре. «Из всей массы вопросов, с которыми приходится иметь дело социал-демократии,—говорит эта брошюра по поводу принципа автономии, положенного в основу Манифеста 1898 года,—выделяются (sic!!) некоторые вопросы, относительно которых признается, что они касаются специально еврейского пролетариата... Автономность Бунда кончается там, где начинается область общих вопросов... Отсюда вытекает двойственное положение Бунда в партии: в специальных вопросах он выступает, как Бунд... в общих вопросах он теряет свою физиономию и приравнивается к простому комитету партии»... Социал демократическая программа требует полного равенства всех граждан перед законом. *Во исполнение* этой программы еврейский рабочий в Вильне выставляет одно специальное требование, а башкир, рабочий в Уфе, совершенно другое специальное требование. Значит ли это, что «из массы вопросов» «выделяются некоторые»? Если общее требование равноправности проводится в жизнь выставлением ряда специальных требований об уничтожении специальных видов неравноправности, то неужели специальные вопросы *выделяются* тут из общих вопросов? Специальные требования не выделяются из общих, а ставятся *во исполнение* общих требований программы. Выделяется то, что специально касается еврея в Вильне, от того, что специально касается башкира в Уфе. Обобщение их требований, представительство их *общих классовых интересов* (а не специальных, профессиональных, расовых, местных, национальных и т. п.) есть дело всей партии, дело партийного центра. Казалось бы, дело это довольно ясное! Запутали же его бундовцы потому, что вместо логического разбора еще и еще раз дали нам образчики логических несообразностей. Они абсолютно не поняли отношения общих требований социал-демократии к специальным. Они вообразили, что «из всей массы вопросов, с которыми при-

ходится иметь дело социал-демократии, выделяются некоторые», тогда как на самом деле *каждый* вопрос, затрагиваемый нашей программой, есть обобщение целого ряда специальных вопросов и требований; *каждый* программный пункт является общим для *всего* пролетариата, подразделяясь в то же время на специальные вопросы в зависимости от различия профессий пролетариев, *их* условий, быта, языка и проч., и проч. Бундовцев смущает противоречивость и двойственность положения Бунда, состоящая, видите ли, в том, что в специальных вопросах он выступает, как Бунд, а в общих теряет свою физиономию. Небольшое размышление показало бы им, что такая «двойственность» существует в положении *безусловно всякого* рабочего социал-демократа, который в специальных вопросах выступает как представитель известной профессии, как член известной пации, как житель известной местности, а в общих вопросах «теряет свою физиономию» и приравнивается ко *всякому другому* социал-демократу. Автономия Бунда, по уставу 1898 года,—явление совершенно однородное с автономией Тульского комитета; только пределы этой автономии несколько иные и несколько более широкие в первом случае, чем во втором. И ровно ничего, кроме вопиющей логической несообразности, не заключается в следующем положении, которым Бунд опровергает такой вывод: «Если Бунду предоставляется самостоятельность в некоторых *программных* вопросах, то на каком основании он лишается *всей* самостоятельности в остальных программных вопросах?». Это противопоставление специальных вопросов общим, как «некоторых»—«*остальным*», есть бесподобный образчик бундовского «логического разбора»! Люди никак не могут понять, что это значит противопоставлять различный цвет, вкус и запах отдельных яблок *числу* «остальных» яблок. Смеем вас уверить, господа, что не только некоторые, а каждое яблоко имеет тот или иной специфический вкус, цвет и запах. Не только в «некоторых», *а во всех без исключения* программных вопросах предоставляется вам самостоятельность, господа, но именно постольку, поскольку речь идет о применении этих вопросов к специальным особенностям еврейского пролетариата. Mein teurer Freund, ich rath, Euch drum zuerst Collegium logicum!

Второй аргумент бундовцев состоит в ссылке на историю, которая будто бы выдвинула Бунд, как единственного представителя еврейского пролетариата.

Это положение, во-первых, неверно. Сам автор брошюры говорит, что «работа других организаций (кроме Бунда) в этом направлении (т.-е. работа среди еврейского пролетариата) или ничего не дала, или дала нестоящие внимания результаты». Значит, работа велась,

по его собственному признанию, и, следовательно, *единственным* представителем еврейского пролетариата Бунд *не был*; в оценке результатов этой работы никто, конечно, не положится на суждение самого Бунда; наконец, небезызвестно, что Бунд *противодействовал* работе других организаций среди еврейского пролетариата (достаточно назвать известный эпизод борьбы Бунда против Екатеринославского комитета партии, осмелившегося выпустить прокламацию к еврейским рабочим),—следовательно, если бы даже результаты действительно были настоящими внимания, то в этом есть доля вины самого Бунда.

Далее. Та доля истины, которая заключается в исторической справке Бунда, нисколько еще не доказывает правильности его аргументации. Факты, которые действительно имели место и которые имел в виду Бунд, говорят не за, а против него. Эти факты состоят в том, что Бунд существовал и развивался,—в течение тех пяти лет, которые прошли со времени первого съезда,—совершенно самостоятельно и независимо от остальных организаций партии. Вообще между всеми организациями партии фактическая связь за это время была чрезвычайно слаба, но связь Бунда с остальными частями партии не только была еще гораздо слабее, чем связь между другими организациями, но и ослабевала все более. Что Бунд сам *ослаблял* эту связь,—прямо доказывается историей заграничных организаций нашей партии. В 1898 г. члены Бунда входили в одну общую партийную организацию за границей; в 1903 году они выделились в совершенно самостоятельную и независимую заграничную организацию. Самостоятельность и независимость Бунда не подлежат сомнению, равно как и постепенное их усиление.

Что же вытекает из этого несомненного факта? Для бундовцев—отсюда вытекает необходимость преклониться пред этим фактом, рабски подчиниться ему, превратить его в принцип, в единственный принцип, дающий прочный базис для положения Бунда, узаконить этот принцип в уставе, который должен признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата в партии. По нашему же мнению, такой вывод есть чистейший оппортунизм, «хвостизм» худшего сорта. Из пятилетней истории разброда надо делать вывод не об узаконении разброда, а о необходимости раз навсегда покончить с ним. А неужели может еще кто-нибудь отрицать, что это был действительно разброд? Самостоятельно и независимо развивались за это время *все* части партии,—не следует ли уже отсюда вывести «принцип» федерации между Сибирью, Кавказом, Уралом, югом и проч.?? Бундовцы сами говорят, что партия в смысле организационного объеди-

нения частей фактически не существовала,—как же можно из того, что сложилось при несуществовании партии, делать вывод по вопросу о *восстановлении* организационного единства? Нет, господа, ваша ссылка на историю разброда, создавшую обособленность, ровно ничего не доказывает, кроме ненормальности этого обособленного состояния. Выводить *организационный* «принцип» из нескольких лет партийной *дезорганизации* значит поступать подобно тем представителям исторической школы, которые, по известному саркастическому замечанию Маркса, готовы были защищать кнут на том основании, что это кнут исторический.

Итак, ни «логический разбор» автономии, ни исторические справки решительно не могут дать ни тени «принципиального» обоснования бундовской обособленности. Зато, несомненно, принципиальный характер имеет третий аргумент Бунда, который состоит в апелляции к идее еврейской нации. К сожалению, только эта сионистская идея—совершенно ложная и реакционная по своей сущности. «Евреи перестали существовать как нация, немыслимая без определенной территории»,—говорил один из самых выдающихся марксистских теоретиков, Карл Каутский (см. № 42 «Искры» и отдельный оттиск из него: «Кипишевская резня и еврейский вопрос»—стр. 3). И недавно, рассматривая вопрос о национальностях в Австрии, тот же писатель, пытаясь дать научное определение понятию национальности, устанавливает два основных признака этого понятия: язык и территорию («Die Neue Zeit», 1903, № 2). Слово в слово то же самое пишет один французский еврей, радикал Альфред Накэ, полемизируя с антисемитами и сионистами. «Если Бернару Лязару,—говорит он про известного сиониста,—угодно считать себя гражданином особого народа, это его дело; по я заявляю, что, хотя я и родился евреем... я не признаю еврейской национальности... у меня нет другой национальности, кроме французской... Представляют ли из себя евреи особый народ? Хотя в очень давнем прошлом они, несомненно, были пародом, тем не менее я отвечаю на этот вопрос категорическим *нет*. Понятие народа предполагает известные условия, которых в данном случае нет на-лицо. Народ должен иметь территорию, на которой бы он развивался, а затем в наше, по крайней мере, время, покуда мировая конфедерация не расширила еще этого базиса, народ должен иметь общий язык. У евреев нет уже ни территории, ни общего языка... Бернар Лязар, наверное, как и я, не знал ни слова по-еврейски, и ему не легко было бы, если бы сионизм достиг своей цели, столкнуться с своими сородичами (*con-generes*) из других частей света» («La Petite Republique», 24 sept. 1903). «Евреи немецкие и французские совсем не похожи на евреев»

польских и русских. Характерные черты евреев не имеют ничего такого, что носило бы на себе отпечаток (*empreinte*) национальности. Если бы позволительно было вместе с Дрюмоном признать евреев нацией, то это была бы искусственная нация. Современный еврей есть продукт противоестественного подбора, которому его предки подвергались в течение почти 18 столетий». Бундовцам остается разве только разработать идею особой национальности русских евреев, языком которой является жаргон, а территорией—черта оседлости.

Совершенно несостоятельная в научном отношении *) идея об особом еврейском народе реакционна по своему политическому значению. Неопровержимым практическим доказательством этого являются общеизвестные факты недавней истории и современной политической действительности. Во всей Европе падение средневековья и развитие политической свободы шло рука об руку с политической эмансипацией евреев, переходом их от жаргона к языку того народа, среди которого они живут, и вообще несомненным прогрессом их ассимиляции с окружающим населением. Неужели мы опять должны вернуться к самобытным теориям и объявить, что именно Россия будет исключением, хотя освободительное движение евреев гораздо глубже и гораздо шире в России, благодаря пробуждению героического самосознания среди еврейского пролетариата? Неужели можно объяснять случайностью тот факт, что именно реакционные силы всей Европы и особенно России ополчаются *против* ассимиляции еврейства и стараются закрепить его обособленность?

Еврейский вопрос *стоит* именно так: ассимиляция или обособленность?—и идея еврейской «национальности» носит явно реакционный характер не только у последовательных сторонников ее (сионистов), но и у тех, кто пытается совместить ее с идеями социал-демократии (бундовцы). Идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского пролетариата, создавая в нем прямо и косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настроение «гетто». «Когда

*) Не только национальные, но даже и расовые особенности еврейства отвергаются современным научным исследованием, которое выдвигает на первый план особенности *истории* еврейства. «Вытекает ли особенность еврейства из его расового характера? — спрашивает К. Каутский и отвечает, что мы даже не знаем в точности, что такое собственно раса.—Нам нет никакой надобности прибегать к понятию расы, не дающему действительного ответа, а лишь поднимающему новые вопросы. Достаточно проследить историю еврейского народа, чтобы выяснить причины его характера». И такой знаток этой истории, как Ренан, говорит: «Особые черты евреев и уклад их жизни гораздо более являются результатом социальных условий (*necessités sociales*), влиявших на них в течение веков, чем расовым отличием (*phenomene de race*)».

Национальное Собрание 1791 года декретировало эмансипацию евреев,—писал Ренан,—оно очень мало занималось вопросом о расе... Дело XIX столетия—уничтожение всех «гетто», и я не поздравлю тех, кто стремится к их восстановлению. Еврейская раса оказала миру величайшие услуги. Будучи ассимилирована с различными нациями, гармонически слитая с различными национальными единицами, она и в будущем окажет услуги, имеющиеся за ней в прошлом». А Карл Каутский, имея в виду специально русских евреев, выражается еще энергичнее. Враждебность к инородным слоям населения может быть устранена «только тем, что инородные слои населения перестанут быть чужими, сольются с общей массой населения. *Это единственно возможное разрешение еврейского вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствует устранению еврейской обособленности*». И вот, этому единственно возможному решению противодействует Бунд, не устраняя, а усиливая и узаконяя еврейскую обособленность распространением идеи еврейской «нации» и проекта федерации пролетариев еврейских с нееврейскими. Это — основная ошибка «бундизма», которая должна быть и будет исправлена последовательными представителями еврейской социал-демократии. Эта ошибка доводит бундовцев до такой невиданной в среде международной социал-демократии вещи как возбуждение недоверия еврейских пролетариев к нееврейским, заподозривание этих последних, распространение неправды про них. Вот доказательство, взятое из той же брошюры: «Такая нелепость (чтобы организация пролетариата целой национальности была лишена представительства в центральных органах партии) может открыто проповедываться только (это заметьте!) по отношению к еврейскому пролетариату, которому в силу особенных исторических судеб еврейского народа еще приходится бороться за равноправное положение (!) в семье всемирного пролетариата». Мы встретили недавно такую именно выходку в одном сионистском листке, авторы которого рвут и мечут против «Искры», видя в ее борьбе с Бундом нежелание признать «равноправность» еврея с неевреем. И теперь бундовцы повторяют сионистские выходки! Распространяется прямая неправда, потому что мы не «только» по отношению к евреям, а и по отношению к армянам, грузинам и проч. «проповедывали» «лишение представительства» и по отношению к полякам призывали к сближению, единению, слиянию всего пролетариата, борющегося с царским самодержавием. Недаром же и громила нас П. П. С. (польская социалистическая партия)! Называть свою борьбу за сионистскую идею еврейской нации, за федеративный принцип организации партии «борьбой за равноправное положение евреев в семье всемирного про-

летариата»—значит низводить борьбу из области идей и принципов в область заподозриваний, науськиваний, разжигания исторически сложившихся предрассудков. Это значит воочию показывать неимение действительно идейных и принципиальных оружий в своей борьбе.

* * *

Мы пришли таким образом к выводу, что ни логические, ни исторические, ни националистические доводы Бунда не выдерживают никакой критики. Период разброда, усилив шатания среди русских социал-демократов и обособленность отдельных организаций, сказался в том же направлении и еще даже сильнее на бундовцах. Вместо того, чтобы поставить своим лозунгом борьбу с этой исторически сложившейся (и разбродом усиленной) обособленностью, они возвели ее в принцип, ухватившись для этого за софизмы насчет внутренней противоречивости автономии, за сионистскую идею еврейской нации. Только решительное и прямое признание этой ошибки и провозглашение поворота к слиянию может свести Бунд с того ошибочного пути, на который он встал. И мы уверены, что лучшие представители социал-демократических идей среди еврейского пролетариата рано или поздно заставят Бунд повернуть с пути обособленности на путь к слиянию.

Народничающая буржуазия и растерянное народничество.

«Искр » № 54, 1 декабря 1903 года.

Русские марксисты давно уже указывают на то перерождение старого русского, классического, революционного народничества, которое неуклонно происходит с восьмидесятых годов прошлого века. Тускнела вера в особый уклад крестьянского хозяйства, в общину, как зародыш и базис социализма, в возможность миновать путь капитализма посредством немедленной социальной революции, к которой готов уже народ. Политическое значение сохранили только требования всяческих мероприятий по укреплению крестьянского хозяйства и «мелкого народного производства» вообще. Это было уже, в основе своей, не более как буржуазное реформаторство; народничество расплывалось в либерализме; создавалось либерально-народническое направление, которое не хотело видеть или не могло видеть, что проектируемые мероприятия (все эти кредиты, кооперации, мелиорации, расширения землевладения) не выходят из рамок *существующего бур-*

буржуазного общества. Народнические теории г. г. В. В., Николая — она и их многочисленных перепевателей служили только quasi-научным прикрытием этого неприятного, но несомненного факта. Марксистская критика разбила прикрытия, и влияние народнических идей на русскую революционную среду с поразительной быстротой пошло на убыль. Эти идеи становились уже и на деле исключительным достоянием того слоя, которому они были сродни, — русского либерального «общества».

Западно-европейское бернштейнианство было новой струей, подкрепившей и в то же время видоизменившей отмеченное течение. Недаром говорится, верно, — «несть пророк в отечестве своем». Бернштейну не повезло на его родине, но зато его идеи «взяли всерьез» и применили на деле некоторые социалисты Франции, Италии, России, быстро проделавшие эволюцию в представителей буржуазного реформизма. Оплодотворенное этими идеями, наше либерально-народническое направление приобрело себе новых сторонников из ех-марксистов и, вместе с тем, возмужало внутренне, освободившись от некоторых примитивных иллюзий и реакционных привесков. Бернштейнианство сослужило свою службу — не тем, что преобразовало социализм, а тем, что дало облик новой фазе буржуазного либерализма и сняло облик социализма с некоторых quasi-социалистов.

В высшей степени интересный и поучительный образчик сближения и слияния европейских оппортунистических и русских народнических идей дает статья г. Л. «К аграрному вопросу» в № 9 (33) «Освобождения». Это — настоящая программная статья, добросовестно излагающая и общее credo автора, и систематическое применение этого credo к определенной области вопросов. Эта статья оставит веку в истории русского либерализма, знаменуя крупный шаг вперед в его оформлении и упрочении.

Автор облакает свой буржуазный либерализм в костюм, спитый по новейшей моде. Повторяя почти буквально слова Бернштейна, он с забавной серьезностью пытается уверить читателя, что «либерализм и социализм никоим образом нельзя отделять друг от друга или даже противопоставлять один другому: по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны, — социализм не угрожает опасностью либерализму, как этого опасаются многие, он приходит не разрушить, а исполнить заветы либерализма». Известное дело: чего хочется, тому верится, а г. Л. и присным его очень, очень хочется, чтобы социал-демократы не отделяли себя от либералов, чтобы они понимали социализм «не в смысле готовых догматов и застывших доктрин, которые претендуют наперед учесть весь ход исторического развития...»

«и т. д., вполне в духе «Рев. России»)... а «как общий этический идеал...» (относимый, как известно, всеми филистерами, и либералами в том числе, в область неосуществимого в сей земной юдоли, в область будущей жизни и «вещей в себе»).

Либералам, естественно, хочется—простите за вульгарное выражение!—показать товар лицом, отождествить политический либерализм в России с социально-экономическим демократизмом. Мысль эта весьма «добрая», но, вместе с тем, весьма путаная и весьма лукавая. Добрая, ибо выражает благое пожелание известной части либералов отстаивать широкие социальные реформы. Путаная, ибо покоится на противопоставлении демократического либерализма буржуазному (опять-таки совершенно в духе «Рев. России»!); автор, видимо, понятия не имеет о том, что во всяком капиталистическом обществе не могут не существовать известные *буржуазно-демократические* элементы, стоящие за широкие демократические и социально-экономические реформы; автору, как и всем русским Мильеранам, хочется приравнять *буржуазное* реформаторство к социализму, понимаемому, конечно, «не в смысле готовых догматов» и т. д. Мысль эта, наконец, весьма лукавая, ибо автор уверяет себя и других, что сочувствие реформам—«заботы о народных нуждах и интересах, «народничество» в подлинном и прекрасном этическом смысле этого слова»—известной части либералов в известный исторический момент есть или может быть постоянным свойством либерализма вообще. Это наивно до умиленности. Кто же не знает, что всякое буржуазное министерство в отставке, всякая «оппозиция Его Величества» всегда кричит о своем подлинном, прекрасном и этическом «народничестве», пока остается в оппозиции? Русская буржуазия играет в народничество (и искренно иногда играет) именно потому, что она находится в оппозиции, а не стоит еще у кормила власти. Русский пролетариат ответит на любовно-лукавые речи г. г. освободителей: *Pas si bête, messieurs!* Не так уж я глуп, господа, чтобы этому поверить.

От общих соображений насчет тождества либерализма и социализма г. Л. переходит к общей теории аграрного вопроса. На протяжении десяти строчек он уничтожает марксизм (паки и паки, в духе «Рев. России»), излагая его для этого, как водится, в вульгарно упрощенном виде, объявляя его и несоответствующим опыту, и научно-недоказанным, и вообще неверным! Чрезвычайно характерно, что единственным подтверждением является ссылка на европейскую *социалистическую* (курсив г. Л.) литературу,—очевидно, на бернштейнскую. Ссылка очень убедительная. Если европейские (*европейские!*) социалисты начинают думать и рассуждать по-буржуазному, то

отчего бы русским буржуа не заявить себя и народниками, и социалистами? Марксистское воззрение на крестьянский вопрос,—убеждает нас г. Л.,—«если бы оно было бесспорным и единственно возможным, ставило бы всю земскую (sic!) Россию в ужасное, трагическое положение, обрекая ее на бездействие, ввиду доказанной невозможности прогрессивной аграрной политики и вообще разумной, целесообразной помощи крестьянскому хозяйству». Довод, как видите, неперемослимый: *так как* марксизм доказывает невозможность сколько-нибудь прочного процветания сколько-нибудь широких слоев крестьянства при капитализме, *то поэтому* он ставит в ужасное, трагическое положение «земскую» (не описка ли это вместо «землевладельческую»?) Россию, т.-е. Россию, живущую именно на счет разорения и пролетаризации крестьянства. Да, да, в этом-то и состоит одна из всемирно-исторических заслуг марксизма, что он раз навсегда поставил в ужасное, трагикомическое положение идеологов буржуазии, наряжающихся в костюм народничества, социально-экономического демократизма и т. п.

Чтобы исчерпать теоретические упражнения г. Л., нам остается еще привести следующий перл. «Здесь (т.-е. в сельском хозяйстве),—говорят нам,—нет и не может быть того автоматического (!) прогресса, который возможен до известной степени в промышленности, в зависимости от объективного (!) развития техники». Это бесподобное глубокомыслие заимствовано целиком у г. г. Каблуковых, Булгаковых, Э. Давидов и tutti quanti, которые в «ученых» трудах оправдывают отсталость своих взглядов отсталостью земледелия в техническом, экономическом и социальном отношениях. Отсталость земледелия, несомненно, давно признана марксистами и вполне объяснима, а вот «автоматический (хотя бы до известной степени) прогресс в промышленности» и объективное развитие техники—это уже совсем сапоги в смятку.

Однако экскурсии в область науки—не более как архитектурное украшение статьи г. Л. Как настоящий реальный политик, он дает, наряду с величайшей путаницей в общих рассуждениях, в высшей степени трезвенную и деловую практическую программу. Правда, он скромно оговаривается—на своем казенно-русском языке,—что отстраняет от себя предначертание программы и ограничивается изъяснением своего отношения, но это только скромничанье. На деле же, в статье г. Л. мы имеем чрезвычайно обстоятельную и полную аграрную программу русских либералов, которой недостает только стилистической редакции и рубрицирования по пунктам. Программа—последовательно выдержанная в либеральном духе: политическая

свобода, демократическая податная реформа, свобода передвижения, крестьянско-демократическая аграрная политика, направленная к демократизации земельной собственности. В целях этой демократизации требуется свобода выхода из общины, превращение этой последней из принудительного в свободный союз, подобный всякому экономическому товариществу, создание демократического арендного права. «Государство» должно содействовать «переходу земель в руки трудящихся масс» посредством целого ряда мероприятий, как-то: расширение деятельности крестьянского банка, обращение в государственную собственность удельных земель, «создание мелких трудовых хозяйств на личных или кооперативных началах», наконец, принудительное отчуждение или обязательный выкуп необходимых для крестьян земель. «Конечно, этот обязательный выкуп должен быть поставлен на твердую почву законности и обставлен в каждом отдельном случае надежными гарантиями», но в некоторых случаях он должен быть проведен «почти (sic!) безоговорочно»,—например, по отношению к «отрезкам», создающим подобие крепостных отношений. С целью прекращения полукрепостных отношений, за государством должно быть признано право принудительного отчуждения и принудительного размежевания соответствующих участков.

Такова аграрная программа либералов. Параллель между ней и социал-демократической аграрной программой напрашивается сама собою. Сходство проявляется в одинаковости ближайшей тенденции и в однородности большинства требований. Различие состоит в двух следующих, имеющих кардинальное значение, пунктах. Во-первых, устранение остатков крепостничества (прямо выдвигаемое, как цель, обеими программами) социал-демократы хотят совершить революционным путем и с революционной же решительностью, либералы—реформаторским путем и нерешительно. Во-вторых, социал-демократы подчеркивают, что очищаемый от остатков крепостничества строй есть буржуазный строй, разоблачают наперед уже и немедленно все его противоречия, стремятся также немедленно расширить, сделать более сознательной ту классовую борьбу, которая таится в недрах этого нового строя, прорываясь наружу уже в настоящее время. Либералы игнорируют буржуазный характер очищенного от крепостничества строя, затушевывают его противоречия, стремятся притупить таящуюся в его недрах классовую борьбу.

Остановимся на этих различиях.

Реформистский и нерешительный характер либеральной аграрной программы ясно виден, прежде всего, из того, что она не идет дальше «обязательного выкупа», да и то признаваемого лишь «почти»

безоговорочно,—тогда как социал-демократическая аграрная программа требует безвозмездного отчуждения отрезков у их старых владельцев, выкуп же признает лишь в особых случаях, и притом выкуп насчет дворянского землевладения. И от экспроприации всей помещичьей земли социал-демократы, как известно *), не отказываются, считая лишь непозволительным и авантюристским включать это, не при всех условиях уместное, требование в программу. Социал-демократы с самого начала зовут пролетариат к первому революционному шагу вместе с зажиточным крестьянством, с тем, чтобы тотчас же идти дальше или с крестьянской буржуазией против помещичьего класса, или против крестьянской буржуазии, соединившейся с помещичьим классом. Либералы уже и тут, в борьбе с полукрепостническими отношениями, чужаются классовой самостоятельности и борьбы. Они хотят поручить реформу «государству» (забывая о классовом характере государства) при помощи органов самоуправления и «нарочитых» комиссий, сопоставляя—это как нельзя более характерно—принудительное отчуждение отрезков с принудительным отчуждением земель под линии железных дорог!! Яснее выразить или, вернее, *выдать* свое сокровенное желание обставить новую реформу такими же «удобствами» для правящих классов, какими обставлена бывает везде и всегда продажа земли железным дорогам,—наши либералы не могли бы. И это па-ряду с громкой фразой о смене сословно-аристократической аграрной политики крестьянско-демократической! Чтобы осуществить такую смену на деле, надо апеллировать не к «общественному интересу», а к угнетенному сословию—крестьянскому,—против угнетающего,—дворянского, надо *поднимать* первое против второго, надо звать к революционной самостоятельности крестьянство, а не к реформаторской деятельности государство. Далее. Говоря о прекращении полукрепостных отношений, либералы закрывают глаза на то, какие же именно отношения они очищают от крепостничества. Г. Л., например, повторяет словечки г. г. Николая. — она, В. В. и проч. насчет «принципа признания права земледельцев на обрабатываемую ими землю», насчет «жизнеспособности» крестьянства, но скромно умалчивает о «принципе буржуазного хозяйничанья и эксплуатации наемного труда этими жизнеспособными крестьянами. О том, что последовательное проведение демократизма в аграрной области означает неизбежное усиление и упрочение именно мелкобуржуазных представителей крестьянства,—буржуазные демократы не имеют и не хотят иметь представления. В пролетаризации крестьянства г. Л. отка-

*) Смотри заявление Плеханова в № 4 «Зари» и мое в ответе Иксу ¹¹²).

зывается (опять-таки вслед за народниками и в духе «Рев. России») видеть «тип развития», объясняя ее «переживаниями крепостного права» и «общим патологическим состоянием деревни»! Вероятно, у нас после конституции прекратится рост городов, бегство из деревень сельской бедноты, переход помещиков от отработочного хозяйства к батрацкому и т. д.! Изображая благотворное влияние французской революции на французское крестьянство, г. Л. патетически говорит об исчезновении голодовок, о подъеме земледелия и его прогрессе, но о том, что это был буржуазный прогресс, основанный на образовании «прочного» класса сел.-хоз. наемных рабочих и на хронической нищете массы *низших* слоев крестьянства, об этом народничающий буржуа не проронит, конечно, ни словечка.

Одним словом, различие аграрной программы г. Л. от социал-демократической аграрной программы с замечательной точностью воспроизводит в малом виде все общие отличия программ-минимум либеральной и пролетарской демократии. Возьмете ли вы эти программы в их теоретической постановке соответствующими идеологами или в их практическом проведении соответствующими партиями и направлениями, заглянете ли вы в историю, например, 1848 года,—вы увидите именно эти два коренные различия между либеральной и социал-демократической постановкой ближайших практических задач: с одной стороны, реформаторская половинчатость в борьбе с переживаниями крепостничества и затушевывание классовых противоречий «современного» общества, с другой—революционная борьба с остатками старины в целях расширения, развития и обострения борьбы классов на почве нового общества. Конечно, эти коренные отличия, свойственные самой природе развивающегося капиталистического общества, проявляются в весьма различных формах в разных национальных государствах и в разное время. Неумение разглядеть за новыми и оригинальными формами «старую» буржуазную демократию составляет характерную черту ее последовательных и непоследовательных идеологов. К последним, например, мы не можем не отнести представителя «растерянного народничества»—г. П. Новобранцева (см. №№ 32 и 33 «Рев. России»), который иронически замечает по поводу нападок «Искры» на «Освобождение», как на классовое буржуазное издание: «Нечего сказать, нашла буржуазию». Г. Струве,—снисходительно поучает нас «Рев. Россия»,—представитель «интеллигенции» а не «буржуазии, как класса», ибо никаких классов и сословий он не объединяет и не увлекает». Очень хорошо, господа! Но, немного вдумавшись в дело, вы увидали бы, что г. Струве—представитель *буржуазной* интеллигенции. Буржуазию же, как класс, русский

пролетариат увидит перед собой на исторической сцене лишь при политической свободе, когда правительство будет почти непосредственно представлять из себя «комитет» того или иного слоя буржуазии. И только «социалисты по недоразумению» могут не знать того, что их долг—раскрывать глаза рабочему классу на буржуазию как в ее деятельности, так и в ее мышлении, как в ее зрелом виде, так и в ее юношески мечтательном возрасте.

Что касается до мечтательности, то тут уже надо взять именно г. Новобранцева. Но наша статья так затянулась, а мировоззрение и аграрно-исторические взгляды г. Новобранцева представляют так много интересного, особенно параллельно с г. Л., что мы должны отложить беседу об этом до другого раза.

Часть II

ВТОРОЙ СЪЕЗД Р. С.-Д. Р. П.

и

РАСКОЛ СРЕДИ „ИСКРОВЦЕВ“

Р Е Ч И
НА II СЪЕЗДЕ Р. С.-Д. Р. П.
(АВГУСТ 1903 г.)

1. Первая речь по вопросу о порядке дня съезда.

Я хочу сделать одно замечание. Говорят, что не правильно ставить на первое место вопрос о Бунде, так как на первом месте должны быть доклады, на втором месте программа, а на третьем—Бунд. Соображения за этот порядок не выдерживают критики. Сводятся они к тому, что партия в целом не сталкивалась еще о программе: может случиться, что именно по вопросу о программе мы разойдемся. Эти слова меня удивляют. Правда, у нас нет теперь принятой программы, но предположение о разрыве по вопросу о программе является до последней степени гадательным. В партии, поскольку вопрос идет о литературе ее, в последнее время отражавшей мнения партии наиболее полно, таких течений не замечалось. Мотивы для постановки вопроса о Бунде на первое место имеются и формальные, и моральные. Формально мы стоим на почве Манифеста 1898 года, а Бунд выразил желание изменить коренным образом организацию нашей партии. Морально многие другие организации выразили несогласие с Бундом по этому вопросу; таким образом возникли резкие разногласия, вызвавшие даже полемику. Нельзя, поэтому, приступить к дружной работе съезду, не устранив этих разногласий. Что касается докладов делегатов, то возможно, что вообще *in pleno* они и читаться не будут вовсе. Поэтому я поддерживаю порядок вопросов, одобренный Организационным Комитетом.

2. Вторая речь по вопросу о порядке дня съезда.

После того, как съезд решил вопрос о *первом* пункте в нашем порядке дня, единственным *оспоренным* вопросом относительно порядка дальнейших пунктов является вопрос о третьем пункте. Этот пункт гласит: «создание Центрального Органа партии или утверждение такового». Некоторые товарищи находили, что этот пункт следует отодвинуть куда-либо дальше, ибо, во-первых, нельзя говорить о

Центральном Органе, пока не вырешены вопросы об организации партии вообще и ее центра в частности и т. п., а, во-вторых, по существу этого вопроса многие комитеты уже высказались. Я нахожу неправильным последний довод, ибо заявления комитетов для съездов необязательны и формально решающего голоса на съезде не имеют. Другое возражение неправильно, ибо прежде, чем решать вопрос об организационных деталях, об уставе партии и проч., необходимо вырешить окончательно вопрос о направлении русской социал-демократии. Именно по этому вопросу мы были разделены так долго, и устранить все *разделяющие* нас разногласия по этому вопросу нельзя одним утверждением программы: этого можно достигнуть, *только* решив немедленно после вопроса о программе вопрос о том, какой Центральный Орган партии должны мы создать заново или какой именно утвердить старый с теми или иными изменениями.—Вот почему я поддерживаю тот порядок дня, который был утвержден Организационным Комитетом.

3. Речь по 2-му пункту порядка дня съезда: „Место Бунда в Р. С.-Д. Р. П.“.

Я коснусь прежде всего речи Гофмана ¹¹³⁾ и его выражения «компактное большинство». Тов. Гофман употребляет эти слова с упреком. По-моему, не стыдиться, а гордиться должны мы тем, что на съезде есть компактное большинство. И еще больше гордиться будем мы, если вся наша партия будет одним компактным и компактейшим, 90% большинством. (Аплодисменты.) Большинство поступило правильно, поставив вопрос о положении Бунда в партии на первое место: бундовцы тотчас же доказали эту правильность, внося свой так наз. устав, а по сути предложив *федерацию*. Раз есть в партии члены, предлагающие федерацию, и члены, отвергающие ее, то иначе и нельзя было поступить, как поставить вопрос о Бунде на первое место. Насильно мил не будешь, и нельзя говорить о внутренних делах партии, не решив твердо и неуклонно, хотим ли мы идти вместе или нет.

Суть спорного вопроса иногда не совсем правильно излагалась в прениях. Дело сводится к тому, что, по мнению многих членов партии, *федерация* вредна, федерация противоречит принципам социал-демократии, в их применении к данной русской действительности. Федерация вредна, ибо она узаконяет особность и отчужденность, возводит их в принцип, в закон. Между нами действительно существует полная отчужденность, и мы не узаконять ее должны, не прикрывать фиговым листком, а бороться с ней, мы должны решительно признать и заявить необходимость твердо и неуклонно идти к *тесней*.

шему единству. Вот почему мы в принципе, с порога (по известному латинскому выражению) отвергаем федерацию, отвергаем всякие обязательные перегородки между нами. В партии всегда и без того будут разные группировки, группировки не вполне единомыслящих товарищей по вопросам и программы, и тактики, и организации, но пусть по всей партии будет *одно* деление на группы, т.-е. пусть все мыслящие одинаково соединяются в одну группу, а не так, чтобы сначала группы образовались *в одной части* партии, отдельно от группы в другой части партии, а потом соединялись между собой не группы разных взглядов и оттенков взглядов, а части партии, совмещающие разные группы. Повторяю: никаких *обязательных* перегородок мы не признаем, и потому федерацию в принципе отвергаем.

Перехожу к вопросу об автономии. Тов. Либер ¹¹⁴⁾ говорил, что федерация есть централизм, а автономия—децентрализм. Неужели тов. Либер считает членов съезда за шестилетних ребят, которых можно угощать такими софизмами? Неужели не ясно, что централизм требует *отсутствия* всяких перегородок между центром и самыми отделенными, самыми захолустными частями партии? Наш центр получит безусловное право доходить непосредственно до каждого отдельного члена партии. Бундовцы посмеялись бы только, если бы им кто-либо предложил *внутри* Бунда такой «централизм», чтобы Ц. К. Бунда не мог сноситься со всеми ковенскими группами и товарищами *иначе, как* чрез посредство Ковенского к-та. Кстати о к-тах. Тов. Либер восклицал с пафосом: «к чему говорить об автономии Бунда, как подчиненной одному центру организации? Ведь не дадите же вы автономию «какому-нибудь Тульскому к-ту»? Ошибаетесь, тов. Либер: мы безусловно и непременно дадим автономию и «какому-нибудь» Тульск. к-ту, автономию в смысле свободы от мелочного вмешательства центра, при чем, разумеется, обязанность подчинения центру остается. Я взял слова «мелочное вмешательство» из бундовского листка: «Автономия или федерация?»—Бунд выставил эту свободу от «мелочного вмешательства», как пункт *условия*, как *требование* к партии. Выставление таких смешных требований само по себе показывает, до чего запутанным представляется спорный вопрос Бунду. Неужели Бунд думает, что партия допустит существование центра, который «мелочно» вмешивался бы в дела *какой бы то ни было* организации или группы партии? Неужели это не сводится именно к тому «организованному недоверию», о котором уже было говорено на съезде? Такое недоверие сквозит во всех предложениях и во всех рассуждениях бундовцев. В самом деле, разве, например, борьба за *полную* равноправность и даже за *признание* права наций на самоопределение не

составляет *обязанности* всей нашей партии? Следовательно, если бы какая бы то ни было часть нашей партии не исполнила этой обязанности, то она безусловно подлежала бы осуждению в силу наших принципов, она безусловно должна бы была вызвать *поправку* со стороны центральных учреждений партии. И если бы эта обязанность не исполнялась сознательно и умышленно, несмотря на полную возможность ее исполнить, то неисполнение было бы *изменой*.

Далее тов. Либер патетически спрашивал нас: *как доказать*, что автономия в состоянии обеспечить движению еврейских рабочих безусловно необходимую для него самостоятельность? Станный вопрос! Как доказать, верен ли один из предлагаемых путей? Единственное средство—пойти по этому пути и испытать его на деле. На вопрос тов. Либера я отвечаю: *идите с нами*, и мы беремся доказать вам на деле, что все законные требования самостоятельности удовлетворяются вполне.

Когда идут споры о месте Бунда, мне всегда вспоминаются английские углекопы. Они превосходно организованы, лучше остальных рабочих. И они хотят за это провалить общее требование о 8-часовом рабочем дне, предъявляемое всеми пролетариями. Углекопы понимают единство пролетариата так же узко, как наши бундовцы. Пусть печальный пример углекопов послужит предостережением товарищам из Бунда.

4. Речь по 3-му пункту порядка дня съезда: „Программа партии“.

Прежде всего, я должен отметить чрезвычайно характерное смещение т. Либером предводителя дворянства с слоем трудящихся и эксплуатируемых. Это смещение знаменательно для всех дебатов. Везде смешивают отдельные эпизоды нашей полемики с установлением принципиальных базисов. Нельзя отрицать, как это делает т. Либер, что возможен переход и *слоя* (того или иного) трудящегося и эксплуатируемого населения на сторону пролетариата. Вспомните, что в 1852 г. Маркс, имея в виду восстания французских крестьян, писал (в «18 Брюмера»), что крестьянство выступает то представителем прошедшего, то представителем будущего: к крестьянину можно апеллировать, имея в виду не только его предрассудок, но и его рассудок. Припомните дальше, что Маркс признавал совершенно правильным утверждение коммунаров, что дело коммуны есть также дело крестьянства. Повторяю, нельзя сомневаться в том, что при известных условиях переход того или иного слоя трудящихся на сторону пролетариата

отнюдь не невозможен. Все дело в том, чтобы точно определить эти условия. И в словах «переходят на точку зрения пролетариата» условие, о котором идет речь, выражено с полной точностью. Именно эти слова отграничивают нас, социал-демократов, самым решительным образом от всяких якобы-социалистических течений вообще и от так называемых социалистов-революционеров в особенности.

Перехожу к тому спорному месту из моей брошюры «Что делать?», которое вызвало здесь столько толкований. Кажется, после всех этих толкований вопрос выяснился уже настолько, что мне остается добавить немного. Очевидно, что здесь смешивалась принципиальная установка крупного теоретического вопроса (выработка идеологии) с одним эпизодом борьбы против экономизма. И притом эпизод этот передавался совершенно неверно.

В доказательство этого последнего положения, я могу сослаться прежде всего на говоривших здесь товарищей Акимов¹¹⁵⁾ и Мартынова. Они показали наглядно, что именно об эпизоде борьбы с экономизмом идет здесь речь. Они выступили с воззрениями, которые были уже названы (и справедливо названы) оппортунизмом. Они дошли и до «опровержения» теории обнищания, и до «оспаривания» диктатуры пролетариата, и даже до «Erfüllungstheorie», как выразился т. Акимов. Правда, я не знаю, что это значит. Не хотел ли т. Акимов сказать об «Aushöhlungstheorie», о «теории опорожнения» капитализма, т.-е. об одной из самых популярных, ходячих идей бернштейнианской теории. Тов. Акимов в защите старых базисов экономизма выступил даже с таким невероятно оригинальным доводом, что у нас в программе слово пролетариат не стоит ни разу в именительном падеже. Самое большее,—воскликнул т. Акимов,—что пролетариат стоит у нас в родительном падеже. Итак, оказывается, что именительный падеж самый почетный, а родительный стоит на втором месте по почетности. Остается только передать это соображение,—может быть, через посредство особой комиссии,—т. Рязанову¹¹⁶⁾, чтобы он свой первый ученый труд о буквах дополнил вторым ученым трактатом о падежах...

Что же касается до прямых ссылок на мою брошюру «Что делать?», то мне очень нетрудно доказать их вырванность из связи. Говорят: Ленин ни о каких противоборствующих тенденциях не упоминает, а абсолютно утверждает, что рабочее движение всегда *«идет»* к подчинению буржуазной идеологии. В самом деле? А не сказано ли у меня, что рабочее движение влечется к буржуазности *при благоприятном содействии Шульце-Деличей и им подобных?* И кто разумеется здесь под «подобными»? Не кто иной, как экономисты, не кто иной, как люди, говорившие, например, тогда, что буржуазная демократия

в России есть фантом. Теперь легко так дешево говорить о буржуазном радикализме и либерализме, когда образцы их все видят перед собой. Но то ли было прежде?

Ленин не принимает вовсе во внимание, что и рабочие участвуют в выработке идеологии. В самом деле? А не говорится ли у меня много и много раз, что именно величайшим недостатком нашего движения является недостаток вполне сознательных рабочих, рабочих-руководителей, рабочих-революционеров? Не говорится ли там, что выработка таких рабочих-революционеров должна стать нашей очередной задачей? Не указывается ли там на важность развития профессионального движения и создания специальной профессиональной литературы? Не ведется ли там отчаянная борьба против всяких попыток принизить уровень передовых рабочих до уровня массы или до уровня середняков?

Закончу. Все мы знаем теперь, что экономисты согнули палку в одну сторону. Для выпрямления палки необходимо было согнуть палку в другую сторону, и я это сделал. Я уверен, что русская социал-демократия всегда будет с энергией выпрямлять палку, изгибаемую всяческим оппортунизмом, и что наша палка будет всегда поэтому наиболее прямой и наиболее годной к действию.

5. Первая речь при обсуждении аграрной программы.

Укажу прежде всего на одну частность, выплывшую в дебатах. Тов. Егоров ¹¹⁷⁾ выражал сожаление по поводу того, что нет доклада, который мог бы значительно облегчить и направить все наши дебаты. В докладчики был предложен я, и по поводу отсутствия доклада мне приходится как бы защищаться. И я скажу в свою защиту, что доклад у меня есть: это мой ответ тов. Иксу, который отвечает как раз на самые распространенные возражения и недоразумения, вызываемые нашей аграрной программой, и который был роздан всем делегатам съезда. Доклад не перестает быть докладом от того, что он печатается и раздается делегатам, а не читается перед ними.

Перейду к содержанию речей ораторов, которые, к сожалению, не принимали во внимание именно этого моего доклада. Тов. Мартынов, например, не принял во внимание даже более ранней литературы о нашей аграрной программе, когда он опять и опять говорил об исправлении исторической несправедливости, о напрасном возвращении за 40 лет назад, об уничтожении феодализма не современного, а феодализма, бывшего в 60-х годах, и т. д. Приходится повторяться, отвечая на эти доводы. Если бы мы опирались *только* на принцип

«исправления исторической несправедливости»,—мы руководились бы одной демократической фразой. Но мы ссылаемся на *существующие* вокруг нас пережитки крепостничества, на современную действительность, на то, что сейчас стесняет и задерживает освободительную борьбу пролетариата. Нас обвиняют в возвращении к седой старине. Это обвинение показывает только незнание самых общеизвестных фактов о деятельности соц.-дем. всех стран. Везде и всюду они выставляют и осуществляют задачу: *завершить то, чего не доделала буржуазия*. Именно это делаем мы. А чтобы делать это, необходимо приходится возвращаться к прошлому, и соц.-дем. каждой страны делают это, возвращаясь всегда к *своему* 1789, к *своему* 1848 году. Русские соц.-дем. точно так же *не могут не возвращаться и к своему* 1861 году и возвращаться тем энергичнее и тем чаще, чем меньшую долю демократических преобразований осуществила наша крестьянская, с позволения сказать, «реформа».

Что касается т. Горина ¹¹⁸), то он равным образом делает обычную ошибку, забывая о реально-существующей крепостнической кабале. Тов. Горин говорит, что «надежда на отрезки насильственно удерживает мелкого крестьянина в антипролетарской идеологии». Но ведь на деле-то не «надежда» на отрезки, а *теперешние* отрезки насильственно удерживают крепостническую кабалу, и нет иного выхода из этой кабалы, из этой крепостнической аренды, кроме преграждения якобы-арепдаторов в свободных собственников.

Наконец, т. Егоров поставил авторам программы вопрос об ее значении. Является ли программа, спрашивал он, выводом из наших основных понятий об экономической эволюции России, научным предвосхищением возможного и неизбежного результата политических преобразований? (В этом случае т. Егоров мог бы согласиться с нами.) Или же наша программа является практически агитационным лозунгом? и тогда нам не побить рекорда перед соц.-рев., тогда эта программа должна быть признана неправильной. Я должен сказать, что не понимаю этого различия, проводимого т. Егоровым. Если бы наша программа не удовлетворяла первому условию, то она была бы неверна и мы не могли бы принять ее. Если же программа верна, то она не может не дать практически пригодного лозунга для агитации. Противоречие между двумя дилеммами т. Егорова лишь кажущееся: его не может быть на деле, ибо верное теоретическое решение *обеспечивает* прочный успех в агитации. А мы стремимся именно к прочному успеху и нисколько не смущаемся временными неудачами.

Тов. Либер равным образом повторял давно отвергнутые возражения, удивляясь «мизерности» нашей программы и требуя «ради-

кальных реформ» и в аграрной области. Тов. Либер забыл о различии между демократической и социалистической частями программы: он принял за «мизерность» отсутствие чего-либо социалистического в демократической программе. Он не заметил, что социалистическая часть нашей аграрной программы находится в другом месте, именно в рабочем отделе, который относится и к сельскому хозяйству. Только соц.-рев. с характеризующей их беспринципностью могут смешивать и смешивают постоянно демократические и социалистические требования, а партия пролетариата обязана строжайшим образом отделять и различать их.

6. Вторая речь при обсуждении аграрной программы.

Прежде, чем перейти к деталям, хочу возразить на некоторые общие положения, и прежде всего т. Мартынова. Тов. Мартынов говорит, что мы должны бороться не с тем феодализмом, который был, а с тем, что теперь есть. Это справедливо, но я напомню ответ мой Иксу. Тот сослался на Саратовскую губернию, я взял данные той же Саратовской губернии, и оказалось: размер отрезков равен там 600.000 десятин, т.-е. $\frac{2}{5}$ всей земли, находившейся во владении крестьян при крепостном праве, а аренда равна 900.000 десятин; следовательно, $\frac{2}{3}$ арендной земли—отрезки. Значит, мы на $\frac{2}{3}$ восстанавливаем землепользование. Мы, значит, боремся не с привидением, а с реальным злом. Мы пришли бы к тому, что и в Ирландии, где понадобилась современная крестьянская реформа, превращающая фермеров в мелких собственников. На аналогию между Ирландией и Россией уже указывалось в экономической литературе народников. Тов. Горин говорит, что предлагаемая мной мера не лучшая, что лучше перевести в состояние свободных арендаторов. Но он ошибается, думая, что перевод полусвободных арендаторов в свободные лучше. Мы не выдумываем перевод, а предлагаем такой, где юридическое землепользование делается соответствующим фактическому, и этим уничтожаем современные кабальные отношения. Мартынов говорит, что мизерны не наши требования, а мизерен тот принцип, из которого они вытекают. Но это похоже на доводы, которые приводят против нас соц.-революционеры. В деревне мы преследуем две качественно различные цели: во-первых, мы хотим создать свободу буржуазных отношений, во-вторых, вести борьбу пролетариата. Задачи наша, вопреки предрассудкам соц.-рев.,—указать крестьянам, где начинается революционно-пролетарская задача крестьянского пролетариата. Поэтому несостоятельны возражения тов. Кострова ¹¹⁹⁾. Нам

говорят, что крестьянство не удовлетворится нашей программой, что оно пойдет дальше; но мы не боимся этого, для этого у нас есть наша социалистическая программа, и потому мы не боимся и передела земли, так пугающего т. т. Махова ¹²⁰) и Кострова.

Заканчиваю. Тов. Егоров назвал химерой нашу надежду на крестьян. Нет! Мы не увлекаемся, мы достаточно скептики, мы поэтому и говорим крестьянскому пролетарию: «Ты сейчас борешься заодно с крестьянской буржуазией, но ты должен быть всегда готов к борьбе с этой самой буржуазией, и эту борьбу ты поведешь совместно с городскими промышленными пролетариями».

В 1848 году Маркс сказал, что у крестьян есть не только предрасудок, но и рассудок. И, указывая теперь крестьянской бедноте на причину ее бедноты, мы можем рассчитывать на успех. Мы верим, что ввиду того, что соц.-демократия выступила теперь на борьбу за крестьянские интересы, мы в будущем будем считаться с фактом, что крестьянская масса привыкнет смотреть на социал-демократию, как на защитницу ее интересов.

7. Третья речь при обсуждении аграрной программы.

Тов. Либер напрасно удивляется. Он требует от нас одной общей мерки, но такой мерки не существует. Приходится выдвигать один раз одно, другой раз—иное. У нас нет шаблонов. Либер указывает, что наше требование об уничтожении крепостничества совпадает с требованиями либералов. Но либералы не говорят о том, как это требование будет проведено. Мы же говорим, что оно должно быть проведено не бюрократией, а угнетенными классами, а это есть уже путь революции. В этом—наше коренное отличие от либералов, которые своими рассуждениями о преобразованиях и реформах «испакощивают» народное сознание. Если бы мы стали конкретизировать все требования об уничтожении крепостничества, то у нас получились бы целые томы. Поэтому-то мы указываем только на важнейшие формы и виды закрепощения. А наши комитеты в различных местностях, в развитие общей программы, выставят и разработают свои частичные требования. Указание Троцкого ¹²¹), что мы не можем касаться местных требований, неверно в том отношении, что вопрос о хизанах и временно-обязанных не только местный вопрос. К тому же о нем известно в аграрной литературе.

8. Проект организационного устава Росс. С.-Д. Р. П., внесенный на II съезд Р. С.-Д. Р. П. Лениным.

1. Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций.

2. Верховным органом партии является партийный съезд. Он созывает Ц. К. (по возможности не реже одного раза в два года). Ц. К. обязан созвать съезд, если этого требуют комитеты, или союзы комитетов партии, имевшие вместе $\frac{1}{3}$ голосов на последнем съезде, или если этого требует Совет партии. Съезд считается действительным, если на нем представлено более $\frac{1}{2}$ всех наличных в момент съезда (правоспособных) комитетов партии.

3. Представительство на съезде имеют: а) Ц. К., б) редакция Ц. О., в) все местные комитеты, не входящие в особые союзы, г) все союзы комитетов, признанные партией, и д) Заграничная Лига. Каждая из перечисленных организаций имеет на съезде по два решающих голоса. Новые комитеты и союзы комитетов получают представительство на съезде только при условии утверждения их не меньше как за полгода до съезда.

4. Партийный съезд назначает Ц. К., редакцию Ц. О. и Совет партии.

5. Ц. К. объединяет и направляет всю практическую деятельность партии и заведует центральной партийной кассой, а равно всеми общепартийными техническими учреждениями. Он разбирает конфликты как между различными организациями и учреждениями партии, так и внутри их.

6. Редакция Ц. О. руководит партией идейно, редактируя Ц. О. партии, научный орган и отдельные брошюры.

7. Совет партии назначается съездом из числа членов Ц. О. и Ц. К. в составе пяти лиц. Совет решает дела о пререканиях или разногласиях между редакцией Ц. О. и Ц. К. в области вопросов общепартийных и тактических. Совет партии возобновляет Ц. К. в случае полного его провала.

8. Новые комитеты и союзы комитетов утверждаются Центральным Комитетом. Каждый комитет, союз, организация или группа, признанные партией, ведают делами, относящимися специально и исключительно к данной местности, к данному району, к данному национальному движению или к данной функции, особо порученной этой группе, обязуясь, однако, подчиняться постановлениям Ц. К. и

Ц. О. и давать средства в центральную партийную кассу в размерах, определенных Ц. К.

9. Каждый член партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией, вправе требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в Ц. К. или в Ц. О. или партийному съезду.

10. Всякая партийная организация обязана доставлять и Ц. К. и редакции Ц. О. все средства для ознакомления со всей ее деятельностью и всем ее личным составом.

11. Все партийные организации и все коллегиальные учреждения партии решают дела простым большинством голосов и имеют право кооптации. Для кооптации новых членов и исключения членов требуется две трети голосов.

12. Заграничная Лига русской революционной социал-демократии имсет целью пропаганду и агитацию за границей, а равно содействие русскому движению. Лига имеет все права комитетов, с тем только исключением, что поддержку русскому движению она оказывает не иначе, как через посредство лиц или групп, особо назначенных Центральным Комитетом.

9. Доклад по 6-му пункту порядка дня съезда: „Организация партии“.

Ленин (докладчик) даст объяснение по поводу предложенного им проекта устава. Основной идеей устава является разделение *функций*. Поэтому, напр., деление на два центра не есть результат разделения этих центров по месту (Россия и заграница), а логическое следствие разделения по функциям. Центральному Комитету принадлежит функция практического руководства. Центральному Органу—идейного руководства. Для объединения же деятельности этих двух центров, для избежания разрозненности между ними, и, отчасти, для разрешения конфликтов, необходим совет, который вовсе не должен носить характер чисто третейского учреждения. Параграфы устава, касающиеся отношений между Центральным Комитетом и местными и определяющие сферу компетенции Центрального Комитета, не могут и не должны перечислять все пункты, в которых Центральный Комитет компетентен. Такое перечисление невозможно и неудобно, потому что немыслимо предвидеть все возможные случаи и, кроме того, перечисленные пункты как будто бы не будут подлежать компетенции Центрального Комитета. Необходимо предоставить Центральному Комитету самому определять сферу своей компетенции, потому что во всяком местном деле могут быть затронуты общепартийные

интересы, и необходимо предоставить Центральному Комитету возможность вмешаться в местные дела, вопреки, быть может, местным интересам, но в целях обще-партийных.

10. Речь при обсуждении организационного устава партии.

Я прежде всего хотел бы сделать два замечания частного свойства. Во-первых, по поводу любезного (говорю это без иронии) предложения Аксельрода ¹²²) «сторговаться». Я охотно последовал бы этому призыву, ибо вовсе не считаю наше разногласие таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы еще далеко не погибнем! Но раз уже дошло дело до выбора из *двух* формулировок, то я никак не могу отказаться от своего твердого убеждения, что формулировка Мартова есть *ухудшение* первоначального проекта, ухудшение, которое *может* принести партии, при известных условиях, немало вреда. Второе замечание относится к тов. Брукэру ¹²³). Совершенно естественно, что, желая провести повсюду выборный принцип, тов. Брукэр принял мою формулировку, которая одна только определяет сколько-нибудь точно понятие *члена* партии. Мне непонятно поэтому удовольствие тов. Мартова по поводу согласия со мной тов. Брукэра. Неужели т. Мартов в самом деле за *руководство* для себя признает обратное тому, что говорит Брукэр, без разбора его мотивов и аргументов? Переходя к существу дела, я скажу, что т. Троцкий совершенно не понял основной мысли т. Плеханова и поэтому обошел в своих рассуждениях всю суть вопроса. Он говорил об интеллигентах и рабочих, о классовой точке зрения и о массовом движении, но не заметил одного основного вопроса: суживает или расширяет моя формулировка понятие члена партии? Если бы он задал себе этот вопрос, он легко увидал бы, что моя формулировка суживает это понятие, а Мартовская расширяет, отличаясь (по верному выражению самого Мартова) «эластичностью». И именно «эластичность» в такой период партийной жизни, как переживаемый нами, несомненно раскрывает двери для всех элементов разброда, шатания и оппортунизма. Чтобы опровергнуть этот простой и очевидный вывод, надо доказать, что таких элементов нет, а т. Троцкий и не подумал сделать это. Да и нельзя доказать этого, ибо все знают, что таких элементов немало, что есть они и в рабочем классе. Охрана твердости линии и чистоты принципов партии становится именно теперь делом тем более настоятельным, что восстановленная в своем единстве партия примет в свои ряды очень много неустойчивых элементов, число которых будет расти по мере роста партии. Тов. Троцкий очень

неправильно понял основную мысль моей книги «Что делать?», когда говорил, что партия не есть заговорщическая организация (это возмущение делали мне и многие другие). Он забыл, что я предлагаю в своей книге целый ряд различных типов организаций, начиная от самых конспиративных и самых узких и кончая сравнительно широкими и «свободными» (lose). Он забыл, что партия должна быть лишь передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего класса, который весь (или почти весь) работает «под контролем и руководством» партийных организаций, но который не входит весь и не должен входить весь в партию. Посмотрите, в самом деле, какие выводы получает т. Троцкий в силу основной своей ошибки. Он говорил нам здесь, что если бы ряды и ряды рабочих арестовывались и все рабочие заявляли о своей непринадлежности к партии, то странной была бы наша партия! Не наоборот ли? Не странно ли рассуждение т. Троцкого? Он считает печальным то, что всякого сколько-либо опытного революционера могло бы радовать. Если бы сотни и тысячи арестуемых за стачки и демонстрации рабочих оказывались не членами партийных организаций, это доказало бы только, что наши организации хороши, что мы выполняем свою задачу—законспирировать более или менее узкий круг руководителей и привлечь к движению возможно более широкую массу.

Корень ошибки тех, кто стоит за формулировку Мартова, состоит в том, что они не только игнорируют одно из основных зол нашей партийной жизни, но даже освящают это зло. Состоит это зло в том, что в атмосфере почти всеобщего политического недовольства, при условиях полной скрытности работы, при условиях сосредоточения большей части деятельности в тесных тайных кружках и даже частных свиданиях, нам до последней степени трудно, почти невозможно ограничить болтающих от работающих. И едва ли найдется другая страна, в которой бы смешение этих двух категорий было так обычно, вносило такую тьму путаницы и вреда, как в России. Не только в интеллигенции, но и в среде рабочего класса, мы страдаем от этого зла жестоко, и формулировка т. Мартова узаконяет это зло. Формулировка эта неизбежно стремится *всех и каждого* сделать членами партии; т. Мартов сам должен был признать это с оговоркой,—«если хотите, да», сказал он. Именно этого и не хотим мы! Именно поэтому мы и встаем так решительно против формулировки Мартова. Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем, чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии. Вот принцип, который мне кажется неопровержимым и который заставляет меня бороться

против Мартова. Мне возражали, что прав-то членам партии мы никаких не даем и поэтому и злоупотреблений быть не может. Такое возражение несостоятельно: если у нас не указано, какие именно особые права получает член партии, то заметьте, что у нас не приведено и никаких указаний об ограничении прав членов партии. Это—во-первых, а во-вторых, и это главное, независимо даже от прав, нельзя забывать, что всякий член партии ответственен за партию, и *партия ответственна за всякого члена*. При наших же условиях политической деятельности, при зачаточном состоянии настоящей политической организованности, было бы прямо опасно и вредно давать не членам организации право членства, и возлагать ответственность на партию за таких людей, которые в организацию не входят (и не входят, может быть, умышленно). Тов. Мартов приходил в ужас по поводу того, что на суде не член партийной организации не вправе будет, несмотря на свою энергичную работу, назвать себя членом партии. Меня это не пугает. Серьезным вредом было бы, наоборот, если бы на суде заявил себя с нежелательной стороны человек, который называет себя членом партии, не принадлежа ни к одной из партийных организаций. Невозможно опровергнуть, что такое лицо работало под контролем и руководством организации, невозможно именно в силу расплывчатости термина. Фактически,—в этом не может быть сомнения,—слова «под контролем и руководством» приведут к тому, что *не будет ни контроля ни руководства*. Никогда Ц. К. не в силах будет распространить настоящий контроль на всех работающих, но не входящих в организации. Наша задача—дать *фактический* контроль в руки Ц. К. Наша задача—оберегать твердость, выдерживать чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше.—и поэтому я против формулировки Мартова.

II. Речь при выборах редакции „Искры“.

Тов. Мартов говорил, что данным вотумом наложено пятно на его политическую репутацию. Выборы ничего общего не имеют с оскорблением политической репутации. (Крики: «Неверно! неправда!»). Плеханов и Ленин протестуют против перерывов. Ленин просит секретарей занести в протокол, что т. т. Засулич¹²⁴), Мартов и Троцкий его прерывали, и просит записывать, сколько раз его прерывали.) Встать на эту точку зрения—значит отрицать право съезда на новые выборы, на всяческое изменение состава должностных лиц, на переборку уполномочиваемых им коллегий. Какую путаницу вносит такая постановка вопроса, видно хотя бы из примера Организационного

К-та. Мы выразили ему полное доверие и благодарность съезда, но мы в то же время осмелили самую мысль о том, что съезд не вправе разобратся во внутренних отношениях О. К., мы в то же время отстранили всякое предположение о том, что старый состав О. К. стеснит нас в «нетоварищеской» переборке этого состава и в образовании излюбных элементов *нового Ц. К.* Повторяю еще раз: в воззрениях тов. Мартова на допустимость выборов *части* прежней коллегии проявляется величайшее смешение политических понятий.—Я перейду теперь к вопросу о «двух тройках». Тов. Мартов сказал, что весь этот проект «двух троек» есть дело одного лица, одного члена редакции (именно мой проект), и что никто больше за него не ответственен. Я *категорически протестую* против этого утверждения и заявляю, что оно *прямо неверно*. Я напоминаю тов. Мартову, что за несколько недель до съезда я прямо заявил ему и еще одному члену редакции, что я буду *требовать* на съезде *свободного выбора* редакции. Я отказался от этого плана лишь потому, что *сам тов. Мартов* предложил мне вместо него более удобный план выбора *двух троек*. Я формулировал тогда этот план на бумаге и послал его *прежде всего* самому тов. Мартову, который вернул мне его с исправлениями,—вот он, у меня этот самый экземпляр, где исправления Мартова записаны красными чернилами. Целый ряд товарищей видел затем этот проект десятки раз, видели его и все члены редакции, и *никто никогда* не протестовал против него формально. Говорю «формально», ибо тов. Аксельрод однажды, если я не ошибаюсь, бросил как-то частное замечание о несочувствии его этому проекту. Но само собою разумеется, что для протеста редакции требовалось не частное замечание. Редакция педаром приняла даже перед съездом формальное решение пригласить определенное *седьмое* лицо для того, чтобы, в случае необходимости выступить на съезде с каким-либо коллективным заявлением,—можно было принять непоколебимое решение, столь часто не достигавшееся в нашей коллегии из шести. *И все члены редакции знают*, что пополнение шестерки седьмым постоянным членом редакции составляло уже очень и очень давно предмет наших постоянных забот. Таким образом, повторяю, выход в виде выбора «двух троек» был совершенно естественным выходом, который я и ввел в свой проект, *с ведома и согласия* тов. Мартова. И тов. Мартов вместе с тов. Троцким и другими много и много раз после того защищал эту систему выбора «двух троек» на целом ряде частных собраний «искряков». Исправляя заявление Мартова о частном характере двух троек, я и не думаю, однако, затрагивать этим утверждения того же Мартова о «политическом значении» того шага, который мы сделали, не утвердив старой редакции. Напротив, я вполне и безусловно согласен с тов.

Мартовым в том, что этот шаг имеет крупное политическое значение— только не то, какое приписывает ему Мартов. Он говорил, что это есть акт борьбы за влияние на Ц. К. в России. И пойду дальше Мартова. *Борьбой* за влияние была до сих пор вся деятельность «Искры», как частной группы, а теперь речь идет уже о большем, *об организационном закреплении* влияния, а не только о борьбе за него. До какой степени глубоко мы расходимся здесь *политически* с тов. Мартовым, видно из того, что он ставит мне *в вину* это желание влиять на Ц. К., а я ставлю себе *в заслугу* то, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем. Оказывается, что мы говорим даже на разных языках. К чему была бы вся наша работа, все наши усилия, если бы венцом их была все та же старая борьба за влияние, а не полное приобретение и упрочение влияния. Да, тов. Мартов совершенно прав: сделанный шаг есть, несомненно, *крупный политический шаг*, свидетельствующий о выборе одного из наметившихся теперь направлений в дальнейшей работе нашей партии. И меня несколько не пугают страшные слова об «осадном положении в партии», об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать «осадное положение», и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как «осадное положение» для столь многочисленных источников *политической расплывчатости*. Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для *таких* законов и *таких* мер.

12. Резолюция об отношении к учащейся молодежи.

Второй съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии приветствует оживление революционной самостоятельности среди учащейся молодежи, предлагает всем организациям партии оказать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлениях организовать и рекомендует всем группам и кружкам учащихся, во-первых, поставить на первый план в своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного социалистического миросозерцания, серьезное ознакомление, с одной стороны, с марксизмом, а с другой стороны, с русским народничеством и западно-европейским оппортунизмом, как главными течениями среди современных борющихся передовых направлений; [во-вторых, остерегаться тех ложных друзей молодежи, которые отвлекают ее от серьезного революционного

воспитания пустой революционной или идеалистической фразеологией и филистерскими сетованиями о вреде и ненужности резкой полемики между революционными и оппозиционными направлениями, так как эти ложные друзья на деле распространяют только беспринципность и легкомысленное отношение к революционной работе;] в-третьих, стараться при переходе к практической деятельности заранее заводить связи с социал-демократическими организациями, чтобы воспользоваться их указаниями и избегать, по возможности, крупных ошибок в самом начале работы.

Речи на съезде заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии.

(Ноябрь 1903 г.)

Ленин *) прежде, чем приступить к докладу, останавливается на дебатах предыдущего заседания, относившихся к вопросу, насколько можно касаться частных заседаний искровцев, происходивших во время съезда партии. Вчерашнее решение съезда он толкует в том смысле, что докладчики должны касаться фактов незапротоколированных лишь в минимальной степени, и поэтому, рассказывая о собраниях членов организации «Искры», он намеревается касаться только результатов голосования.

После этого введения он переходит к рассказу о периоде, непосредственно предшествовавшем партийному съезду. В Орг. Ком., задача которого была подготовить съезд, преобладали искровцы, и деятельность его велась именно в искровском направлении. Но уже во время подготовки съезда обнаружилось, что в Орг. Ком. было далеко до полного единства. Прежде всего в состав его входил бундист, старавшийся пользоваться всяким поводом, чтобы затормозить дело созыва съезда искровского направления; этот член О. К. всегда вел свою собственную линию. Были еще в О. К. два члена «Южного Рабочего», хотя они и считали себя искровцами и даже объявили о своем присоединении к «Искре», о чем очень долго велись переговоры, но признать их вполне таковыми все же было нельзя. Наконец, даже у самих искровцев, входивших в состав О. К., не было полного единства, между ними самими были несогласия. Важно еще отметить решение О. К. по вопросу об императивных мандатах. Этот вопрос возник задолго до съезда и был решен в том смысле, что императивные мандаты должны быть отменены. В том же смысле и самым определенным образом высказа-

*) Тов. Ленин не представил конспекта своей речи, но просмотрел и одобрил конспект, составленный секретарем. Разумеется, на полноте изложения это отразилось.

лась по этому вопросу и редакция. Решение это распространялось и на нее самое. Было постановлено, что на съезде, представляющем высшую инстанцию партии, никто из членов партии, а также и редакции не должен считать себя связанным какими-либо обязательствами перед организацией, которая его туда послала. Ввиду этого решения я и выработал проект Tagesordnung'a съезда с комментариями к нему, который я реп'ял внести на съезд от своего имени. В этом проекте, при пункте 23-м, на полях была сделана отметка о выборе трех лиц в редакцию и в Ц. К. В связи с этим пунктом стоит еще одно обстоятельство. Так как редакция состояла из 6-ти лиц, то по общему согласию было решено, в случае, если во время съезда придется устроить совещание редакции и голоса поделятся поровну, пригласить на совещание с решающим голосом тов. Павловича.

Задолго до начала съезда стали съезжаться делегаты. О. К. предоставил им возможность предварительно познакомиться с редакцией. Вполне естественно, что искровцы желали явиться на съезд солидарными, спевшимися, и с этой целью с приезжавшими делегатами велись частные беседы, а также устраивались собрания для выработки единства во взглядах. На этих собраниях физиономии некоторых делегатов выяснились с достаточной определенностью. Напр., на одном из таких собраний, когда я прочел реферат по национальному вопросу, делегат от горнопромышленного района высказывался в духе П. П. С., обнаружив вообще крайнюю спутанность воззрений.

Таковы обстоятельства, предшествовавшие съезду.

Теперь объясню, каким образом я оказался единственным делегатом от Лиги, тогда как последняя выбрала двух. Оказалось, что от русской организации «Искры», которая также должна была прислать двух делегатов, ни один не приехал на съезд. Тогда перед началом съезда, на состоявшемся собрании искровцев решено было, чтобы один из 2-х делегатов, выбранных Лигой, отказался от своего мандата, передав его другому делегату, а сам явился бы делегатом от организации «Искры», взяв себе два ее мандата, с тем, чтобы, в случае приезда из России избранного делегата, он передал ему один из 2-х мандатов организации «Искры». И мне и Мартову, естественно, хотелось быть делегатом от «Искры», ввиду значительности той роли, которую играла Лига. Спор этот мы решили путем метания жребия.

Первый предварительный вопрос—о выборе бюро съезда—вызвал некоторое, хотя и незначительное, разногласие между мной и Мартовым. Последний настаивал на выборе 9-ти лиц, внося в это число даже бундиста. Между тем, я считал необходимым выбрать такое бюро, которое могло бы проявить твердую, стойкую политику, а в случае

надобности сумело бы даже применить и так называемые «ежовые рукавицы». Были выбраны: Плеханов, Ленин и Павлович ¹²⁵).

Кроме пяти бундистов на съезде были два делегата от Заграничного Союза русских социал-демократов и почти всегда вотиновавший вместе с ними делегат от петербургского «Союза Борьбы». Эти лица с самого начала сильно затягивали прения. Уже один регламент съезда отнял неимоверно много времени. Шли бесконечные споры о месте Бунда в партии, длившиеся несколько заседаний. Такие же проволочки производил бундист, попавший в комиссию по проверке мандатов. Он на каждом шагу чинил obstruction, ни по одному вопросу не соглашался с другими членами этой комиссии, в которую входил и я, и постоянно оставался при «особом мнении». На замечание, что таким образом может затянуться съезд, бундист ответил «и пусть затягивается», и изъявил готовность заседать в комиссии сколько угодно времени. Лишь далеко за полночь удалось закончить работы по проверке мандатов.

В первые же дни заседаний съезда произошел инцидент с Орг. Ком. По выработанному им уставу на съезд с совещательным голосом могли быть приглашены лишь «видные деятели партии»: комиссия по проверке мандатов отвергла просьбу группы «Борьба», чтобы от нее был допущен мандат. В этой комиссии участвовали два члена О. К., которые категорически высказывались против допущения на съезд представителя от «Борьбы». Когда докладчик от комиссии сообщил съезду это решение, возникли продолжительные дебаты «за» и «против» допущения, при чем одним из искровцев было высказано мнение, что представителя от «Борьбы» отнюдь не следует приглашать на съезд, так как эта группа занималась лишь интригами, старалась пролезть во всякие щели, всюду вносила раздор и пр. (Троцкий. Напрасно не называете фамилии оратора,—это говорил я.) (П. Аксельрод. Повидимому, референт не считает это для себя выгодным.) Действительно, это тов. Троцкий так резко характеризовал группу «Борьба». В самый разгар споров о допущении на съезд представителя от группы «Борьба» один из делегатов от «Южн. Раб.», опоздавший на съезд и только теперь явившийся сюда, попросил собрание сделать перерыв на 5 минут, чтобы ознакомиться со всеми обстоятельствами, относящимися к дебатруемому вопросу. Когда перерыв этот был разрешен, члены О. К. устроили совещание тут же у окна. Надо заметить, что еще до начала съезда у некоторых членов О. К. были некоторые неудовольствия против редакции. Так, член от «Бунда» в О. К. был крайне возмущен тем, что редакция свое пожертвование в 500 марок немецким социал-демократам для выборов обозначила как посланное от нее и от О. К.,

не получив на это предварительного разрешения от последнего. В этом невинном акте, вполне естественном при невозможности быстро споситься с российскими товарищами, бундист усмотрел, что живущая за границей редакция распоряжается именем О. К., не спрашивая его об этом. В Орг. Ком. было внесено даже предложение сделать за это редакции выговор, каковой и был сделан, так как к бундисту присоединился тов. Н. Н., бывший членом организации «Искры». Когда я сообщил об этом Мартову, последний сильно вознегодовал, заявив, что это «гнусность» (Мартов: Нет, слова «гнусность» я не употребил). Точного выражения я не помню. Мартов еще добавил, что он «этого так не оставит». Я же убеждал его, что это не столь важно и что лучше смолчать, не придавая этому инциденту значения. Когда закончилось происходившее у окна совещание Орг. Ком., тов. Павлович, входивший в его состав, сообщил двум другим членам бюро, что по предложению запоздавшего делегата от «Южн. Рабоч.», также входившего в Орг. Ком., большинством голосов, за исключением его, Павловича, принято решение пригласить на съезд представителя от «Борьбы», Рязанова, с правом совещательного голоса. Тов. Павлович энергично восстал против этого решения и, ввиду отсутствия императивных мандатов, счел себя вправе протестовать на съезде против такого решения. Нас, членов бюро, а также редакцию и других искровцев в сильнейшей степени возмутило это постановление О. К. Член О. К., о котором я уже упоминал, т. Н. Н., в заседании комиссии по проверке мандатов сам высказывался против допущения представителя от «Борьбы» на съезд; теперь же, в совещании О. К., он, наоборот, согласился на его приглашение. Он теперь сам протаскивал Рязанова на съезд. Мы таким образом оказались в ловушке. Тогда мы решились на энергичную борьбу с этим возмутительным постановлением О. К. Против него говорили многие. Я в своей речи по этому поводу сказал следующее: «какую бурю негодований вызывают на европейских конгрессах те люди, которые говорят в комиссиях одно, а на съезде другое». Говоря это, я имел в виду Н. Н., члена организации «Искры». Когда т. Павлович сообщил съезду о своем протесте против такого решения О. К., член из «Южн. Рабоч.» нашел в этом нарушение дисциплины, дезорганизаторский прием и т. п. и требовал от съезда достойного порицания для тов. Павловича за такой поступок. Но мы разбили все эти доводы. Большинство О. К. оказалось побежденным. Была принята резолюция, что О. К., как коллегия, не имеет права влиять на состав съезда после того, как съезд выбрал комиссию по проверке мандатов. Предложение о приглашении Рязанова было отклонено. Но мне и после съезда приходилось слышать от некоторых искров-

без сомнения, почему было не допустить на съезд члена «Борьбы». (Дейч: Я и на съезде это же высказывал.) Совершенно верно, да и по другим вопросам, о чем я еще буду говорить, тов. Дейч не всегда воти- ровал заодно со всеми искровцами, например, в вопросе о равноправ- ности языков. Высказываются теперь некоторыми искровцами и такие в высшей степени странные взгляды, будто Ц. К. должен отражать в своей деятельности всякие шатания и примитивные воззрения в партии. В этом же духе говорили некоторые нетвердые, колеблю- щиеся искровцы и на съезде. Таким образом оказывается, что взгляд, будто все, причисляющие себя к искровцам, являются таковыми и на самом деле, совершенно неверен. Есть искровцы, стыдящиеся даже называть себя искровцами, это—факт. Есть искровцы, борющиеся с «Искрой», ставящие ей разные препятствия, тормозящие ее деятель- ность. «Искра» стала популярна, сделалось модой называться искров- цем, но это не мешает многим оставаться тем, чем они были раньше, до признания ее многими комитетами. Такие ненадежные искровцы принесли ей много вреда. Если бы они еще боролись с нею прямо, открыто... Но нет, они действуют исподтишка, из-за угла, незаметно, тайно.

Второй пункт Tagesordnung'a и на партийном съезде был посвя- щен программе партии. Сторонники «Раб. Дела», бундисты и раз- ные отдельные делегаты, которым во время съезда дана была кличка «болото», делали неимоверную обструкцию. Прения о программе неве- роятно растянулись. Одним Акимовым внесен был не один десяток поправок. Спорили буквально из-за отдельных слов, из-за того или другого союза. Один бундист, входивший в комиссию по просмотру проекта программы, совершенно основательно спросил,—чей же проект мы рассматриваем, предложенный редакцией «Искры» или внесенный Акимовым?—до того много поправок приходилось обсуждать. Поправки эти были ничтожны, и программа была принята решительно без сколько- нибудь серьезных изменений; тем не менее дебаты о ней потребовали около 20 заседаний. Вот до чего непроизводительны были работы съезда из-за той оппозиции, которую ей делали разные анти-искров- ские и quasi-искровские элементы.

Вторым крупным инцидентом, происшедшим на съезде после инци- дента с О. К., был инцидент по поводу равноправия языков или, как его иронически называли на съезде, «о свободе языков». (Мартов: Или «об ослах».) (Смех.) Да, «и об ослах». Дело вот в чем. В проекте программы партии говорится о равноправности всех граждан, неза- висимо от пола, национальности, религии и пр. Бундисты этим не удовлетворились и стали требовать, чтобы внесено было в программу

право каждой национальности учиться на своем языке, а также обращаться на нем в разные общественные и государственные учреждения. В ответ на замечание одного многоречивого бундиста, указавшего, для примера, на государственное коннозаводство, тов. Плеханов заметил, что о коннозаводстве не может быть и речи, так как лошади не говорят, а «говорят лишь ослы». Бундисты на это обиделись, очевидно, приняв эту шутку на свой счет.

В вопросе о равноправии языков впервые проявился раскол. Кроме бундистов, рабочедельцев и «болота», за «свободу языков» высказались и некоторые из искровцев. Тов. Дейч своими вотами по этому вопросу вызывал в нас удивление, возмущение, негодование и пр.; он то воздерживался, то вотировал против нас. В конце концов этот вопрос был решен полюбовно и единогласно.

Вообще в первой половине съезда все искровцы действовали заодно. Бундисты говорили, что против них заговор. Один бундист в своей речи характеризовал съезд, как «компактное большинство». В ответ на это я выразил желание, чтобы вся наша партия превратилась в одно компактное большинство.

Совершенно иную картину представляет вторая половина съезда. С этого времени начинается исторический поворот Мартова. Разногласия, проявившиеся между нами, были вовсе не незначительны. Они вытекали из неправильной оценки Мартовым настоящего момента. Тов. Мартов уклонился от той линии, которой он придерживался раньше.

Пятый параграф Tagesordnung'a был посвящен уставу. Из-за первого пункта его между мною и Мартовым возникли споры еще в комиссии. Мы отстаивали различные формулировки. Между тем, как я предлагал признать членом партии того, который, разделяя программу партии и оказывая ей материальную поддержку, входит в какую-нибудь партийную организацию,—Мартов находил достаточным, кроме двух первых условий, работу под контролем одной из партийных организаций. Я стоял за свою формулировку и указывал, что иного определения члена партии мы не можем сделать, не отступая от принципа централизма. Признать членом партии лицо, не входящее ни в какую партийную организацию, это значит высказаться против всякого контроля партии. Здесь Мартов вносил новый принцип, совершенно противоречащий принципам «Искры». Формулировка Мартова расширяла пределы партии. Он ссылался на то, что наша партия должна быть партией масс. Он открывал настежь двери всяким оппортунистам, расширял пределы партии до полной расплывчатости. При наших же условиях это представляет большую опас-

ность, так как установить границу между революционером и празднично-болтающим очень трудно; поэтому нам необходимо было сузить понятие партии. Ошибка Мартова состояла в том, что он широко открывал двери партии всякому проходивцу, между тем, как обнаружилось, что даже на съезде целая треть принадлежит к числу подсаживающих. Мартов в данном случае проявил оппортунизм. Его формулировка вносила фальшивый диссонанс в устав: каждый член партии должен находиться под контролем организации так, чтобы Ц. К. имел возможность доходить до последнего члена партии. Моя формулировка давала стимул организоваться. Тов. Мартов принижал понятие «члена партии», оно же, по моему мнению, должно стоять высоко, очень высоко. На сторону Мартова перешли «Раб. Дело», «Бунд» и «болото», с помощью которых он провел первый параграф устава.

Тогда Мартов стал говорить о «позорящих слухах», распространяемых про него. В указаниях на то, с кем Мартов оказался в союзе, не было никакой обиды. Я сам подвергся тем же нареканиям, когда оказался в союзе с тов. Брукэр. И я нисколько не обиделся, когда Мартов послал мне записку, в которой говорил: «смотри, кто с тобой вотирует». Правда, мой союз с Брукэр был временный и случайный. Между тем союз Мартова с «Бундом» оказался прочным. Я был против формулировки Мартова, так как она являлась *Versumpfung*'ом. Я предупреждал Мартова об этом, и противники наши, идя за Мартовым, как один человек, красноречиво иллюстрировали эту ошибку. Но самое опасное заключается не в том, что Мартов попал в «болото», а в том, что, случайно попав в него, он не постарался выбраться из него, а погружался все больше и больше. Бундисты почувствовали, что они стали господами положения, и положили на устав партии свой отпечаток.

Во время второй половины съезда тоже составилось компактное большинство, но только оно уже состояло из коалиции мартовцев, плюс «болото», плюс компактное меньшинство из «Раб. Дела» и «Бунда». И это компактное большинство стояло против искровцев. Один бундист, видя распри среди искровцев, сказал: «Приятно спорить, когда вожди дерутся». Мне непонятно, почему «Бунд» ушел при таких обстоятельствах. Он оказывался хозяином положения и мог бы провести многое. Вероятнее всего, у него был императивный мандат.

После того, как первый параграф устава был испорчен, мы должны были связать разбитую посудину как можно туже, двойным узлом. У нас естественно явилось опасение, что нас подсилят, подведут. Ввиду этого необходимо было ввести обоюдную кооптацию в центральные учреждения, чтобы обеспечить партии единство их действий. Из-за

этого вопроса снова возникла борьба. Необходимо было сделать так, чтобы к III съезду партии не могло повториться того же самого, что произошло с О. К. Нужно было создать последовательное, честное искровское министерство. На этом пункте мы были опять побиты. Пункт о взаимной кооптации в центральные учреждения был провален. Ошибка Мартова, поддерживаемого «болотом», обнаружилась еще ярче. С этого момента коалиция сложилась вполне, и под угрозой поражения мы принуждены были зарядить свои ружья двойными зарядами. «Бунд» и «Раб. Дело» сидели и своими голосами решали судьбу съезда. Отсюда возникла упорная, ожесточенная борьба.

Перейдем теперь к частным заседаниям организации «Искры». На этих заседаниях мы, главным образом, занялись вопросом о составе Ц. К. В течение всех четырех заседаний организации «Искры» велись дебаты около тов. Н. Н., которому часть искровцев хотела выразить политическое недоверие, но отнюдь не в буквальном смысле этого слова, ибо абсолютно ничего позорящего никто Н. Н. не приписывал, а в специальном значении пригодности Н. Н. для искровского министерства; из-за этого происходили отчаянные драки. На последнем заседании 16-ти, 9 человек высказалось против Н. Н., 4—за, остальные воздержались. Здесь же решался вопрос о том, в каком составе провести теперь свое министерство.

Мартов и я предлагали различные «Тройки», на них сойтись мы не могли. Не желая разбивать голоса на съезде, мы решили предложить компромиссный список. Мы шли на всякие уступки: я соглашался на список с двумя мартовцами. Меньшинство не пошло на это. Между прочим, член «Южн. Рабоч.» не желал стоять в нашем списке, соглашаясь в то же время находиться в списке мартовцев. «Южн. Раб.»—посторонний элемент—решал вопрос о Ц. К. После того, как искровцы раскололись, мы должны были собирать своих единомышленников и пустились в горячую агитацию. Неожиданный уход «Бунда» сразу изменил все положение. С его уходом снова образовались компактное большинство и меньшинство. Мы оказались в большинстве и провели в Ц. К. уже тех, кого мы хотели.

Вот обстоятельства, приведшие к расколу. Крупною бестактностью со стороны Мартова было выносить на съезд вопрос об утверждении всех шестерых редакторов «Искры», когда он знал, что я буду настаивать на выборности редакции. Это значило свести вопрос о выборе редакции к выражению недоверия отдельным личностям из редакции.

В субботу, в 5 часов кончились выборы. Мы приступили к обсуждению резолюций. Для этого у нас оставалось всего несколько часов.

Вследствие тормозов и проволок со стороны «болота», нам пришлось выбросить из Tagesordnung'a массу важных пунктов; так что нам совсем не осталось времени для обсуждения всех вопросов о тактике.

Отношение съезда к резолюциям было до того единодушно, что мы вынесли впечатление о наладившемся примирительном настроении; нам казалось, что из происшедших разногласий Мартов не делал государственного вопроса. Он даже заметил по поводу вопроса одного из «Южн. Раб.» о законности выборов, что меньшинство подчиняется всем постановлениям съезда. Все резолюции принимались мирно и дружелюбно; разногласия возникли только по поводу резолюции Старовера о либералах. Она страдает расплывчатостью, и в ней сказался опять оппортунизм; против нее мы боролись и добились проведения еще другой резолюции по этому же вопросу.

Общее впечатление о съезде получилось такое, что у нас велась борьба с подсиживанием. Мы были поставлены в невозможность работать. Вывод являлся такой: «упаси нас, Господи, от таких друзей», т.-е. quasi-искровцев. Мартов совершенно не понял этого момента. Он возвел свою ошибочную позицию в принцип. В вопиющем противоречии с действительными нуждами партии стоит утверждение Мартова об «осадном положении», созданном большинством. Чтобы сделать работу успешнее, необходимо было удалить тормозящие элементы и поставить их в положение, при котором они не могли бы портить партии; только в таком случае на следующем съезде нам удастся работать плодотворно. Вот почему нужно было установить полное единство между центральными учреждениями партии.

Первая половина съезда диаметрально противоположна второй. Кардинальные пункты всего съезда сводятся к четырем крупным моментам, а именно: 1) инцидент с О. К.; 2) дебаты по поводу равноправия языков; 3) дебаты по поводу первого пункта устава и 4) борьба из-за выборов в партийные центры.

В первой половине съезда мы вместе с Мартовым были против О. К., «Бунда», «Раб. Дела» и «болота», во второй половине он попал случайно в болото. Из случайного Versumpfung'a теперь после съезда получается уже настоящий Versumpfung ¹²⁶).

Письмо в редакцию.

«Искра» № 53, 25 ноября 1903 года.

Статья «Чего не делать?» поднимает такие важные, такие насущные именно в данный момент вопросы нашей партийной жизни, что трудно удержаться от желания немедленно отозваться на любезное приглашение редакции гостеприимно открыть страницы своего органа,—особенно трудно постоянному участнику «Искры», особенно трудно в такой момент, когда опоздать с своим голосом на неделю, значит, может быть, вовсе отказаться от подачи голоса.

А мне хотелось бы подать свой совещательный голос, чтобы устранить некоторые возможные и едва ли не неизбежные недоразумения.

Скажу прежде всего, что автор статьи тысячу раз прав, по моему мнению, когда он настаивает на необходимости охранять единство партии и избегать новых расколов,—особенно из-за разногласий, которые не могут быть признаны значительными. Призыв к миролюбию, мягкости и уступчивости в высшей степени похвален со стороны руководителя вообще и в данный момент в особенности. Предать анафеме или исключать из партии не только бывших экономистов, но и группы социал-демократов, страдающих «некоторой непоследовательностью», было бы безусловно неразумно, неразумно до такой степени, что нам вполне понятен раздраженный тон автора статьи по отношению к представляющемуся его уму прямолинейным, упрямым, глупым Собакевичем, способным стоять за исключение. Мы думаем даже больше: когда у нас будет партийная программа и партийная организация, мы должны не только гостеприимно открывать страницы партийного органа для обмена мнений, но и давать возможность систематически излагать свои, хотя бы и незначительные, разногласия тем группам или, по выражению автора, группкам, которые по непоследовательности защищают некоторые догмы ревизионизма и которые по тем или иным причинам настаивают на своей групповой особенности и индивидуальности. Именно для того, чтобы не быть слишком прямолинейным и по-Собакевически резким по отношению к «анархи-

ческому индивидуализму», необходимо, по нашему мнению, сделать все возможное—вплоть даже до некоторых отступлений от красивых схем централизма и от безусловного подчинения дисциплине—чтобы предоставить свободу высказаться этим группкам, чтобы дать возможность всей партии взвесить глубину или незначительность разногласий, определить, где именно, в чем и с чьей именно стороны наблюдается *непоследовательность*.

Пора, в самом деле, решительно отбросить традиции сектантской кружковщины и—в партии, опирающейся на *массы*—выдвинуть решительный лозунг: *побольше света*, пусть партия знает *все*, пусть будет ей доставлен *весь, решительно весь материал* для оценки всех и всяческих разногласий, возвращений к ревизионизму, отступлений от дисциплины и т. д. Побольше доверия к самостоятельному суждению всей массы партийных работников: они и только они сумеют умерить чрезмерную горячность склонных к расколу группок, сумеют своим медленным, незаметным, но зато упорным воздействием внушить им «добрую волю» к соблюдению партийной дисциплины, сумеют охладить пыл анархического индивидуализма, сумеют одним фактом своего равнодушия документировать, доказать и показать ничтожное значение разногласий, преувеличиваемых тяготеющими к расколу элементами.

На вопрос: «Чего не делать?» (чего не делать вообще и чего не делать для того, чтобы не вызвать раскола) я ответил бы прежде всего: не скрывать от партии возникающих и нарастающих поводов к расколу, не скрывать ничего из тех обстоятельств и происшествий, которые являются такими поводами. Более того, не скрывать не только от партии, но, по возможности, и от сторонней публики. Я говорю: «по возможности», имея в виду то, что необходимо скрыть в силу требований конспирации,—но в наших расколах обстоятельства такого рода играют самую ничтожную роль. Широкая гласность—вот самое верное и единственно надежное средство для избежания расколов, которых можно избегать, для уменьшения до *minimum*'а вреда от тех расколов, которые стали уже неизбежными.

В самом деле, взвесьте в те обязанности, которые налагает на партию то обстоятельство, что она имеет уже дело с *массой*, а не с кружками. Чтобы не на словах только стать партией масс, мы должны к участию во всех партийных делах привлекать все более и более широкие массы, постоянно поднимая их от политического безразличия к протесту и борьбе, от общего духа протеста к сознательному принятию социал-демократических воззрений, от принятия этих воззрений к поддержке движения, от поддержки к организационному

участию в партии. Можно ли достигнуть этого результата, не внося самой широкой гласности в дела, от решения которых зависит то или иное воздействие на массы? Рабочие перестанут понимать нас и покинут нас, как штаб без армии, в случае расколов из-за незначительных разногласий—говорит автор и говорит совершенно справедливо. И для того, чтобы рабочие *не могли* перестать понимать нас, для того, чтобы их опытность в борьбе и их пролетарское чутье *научили кое-чему и нас*, «руководителей»,—для этого необходимо, чтобы организованные рабочие приучались следить за возникающими поводами к расколу (такие поводы всегда бывали и всегда будут возвращаться во всякой массовой партии), сознательно относиться к этим поводам, оценивать происшествие какого-нибудь русского или заграничного Пошехонья, с точки зрения интересов всей партии, интересов всего движения в целом.

Автор трижды прав, когда он подчеркивает, что нашему центру многое будет дано и многое с него взыщется. Именно так. И именно поэтому необходимо, чтобы *вся партия* систематически, исподволь и неуклонно *воспитывала* себе подходящих людей в центре, чтобы она видела перед собой, как на ладони, *всю деятельность* каждого кандидата на этот высокий пост, чтобы она ознакомилась даже с их индивидуальными особенностями, с их сильными и слабыми сторонами, с их победами и «поражениями». Автор делает замечательно тонкие и, очевидно, основанные на богатом опыте замечания о некоторых причинах подобных поражений. И именно потому, что эти замечания так тонки, надо, чтобы ими воспользовалась вся партия, чтобы она *всегда видела* каждое, хотя бы и частичное, «поражение» того или иного своего «руководителя». Ни один политический деятель не проходил своей карьеры без тех или иных поражений, и если мы серьезно говорим о влиянии на массы, о завоевании нами «доброй воли» масс, то мы должны всеми силами стремиться к тому, чтобы эти поражения не скрывались в затхлой атмосфере кружков и группок, чтобы они выносились на суд всех. Это кажется неловким с первого взгляда, это должно иногда представиться «обидным» для того или другого отдельного руководителя,—но это ложное чувство неловкости мы обязаны преодолеть, это наш долг перед партией, перед рабочим классом. Этим, и только этим, мы дадим возможность всей массе (а не случайному подбору кружка или группки) влиятельных партийных работников узнать своих вождей и *поставить каждого из них на надлежащую полочку*. Только широкая огласка направляет все прямолинейные, однобокие, капризные уклоны, только она превращает иногда нелепые и смешные «контры» «группок» в полезный и необходимый материал партийного самовоспитания.

Света, побольше света! Нам нужен громадный концерт; нам нужно выработать себе опыт, чтобы правильно распределить в нем роли, чтобы одному дать сентиментальную скрипку, другому свирепый контрабас, третьему вручить дирижерскую палочку. Пусть же осуществится на деле прекрасный призыв автора к гостеприимству для всех мнений на страницах партийного органа и всех партийных изданий, пусть судят все и каждый о наших «спорах и вздорах» из-за какой бы то ни было «ноты», взятой слишком резко, по мнению одних, фальшивой, по мнению других, сорванной, по мнению третьих. Только из ряда таких открытых обсуждений и сможет выработаться у нас действительно спевшаяся коллегия руководителей, только при таком условии рабочие будут поставлены в такое положение, чтобы они *не могли* перестать понимать нас, только тогда наш «штаб» будет опираться действительно на *добрую и сознательную* волю армии, идущей за штабом и в то же время направляющей свой штаб!

Почему я вышел из редакции „Искры“ *).

(Письмо в редакцию «Искры». Декабрь 1903 г.)

Это—вовсе не личный вопрос. Это—вопрос об отношении большинства и меньшинства нашего партийного съезда, и я обязан ответить на него немедленно и открыто, обязан не только потому, что делегаты из большинства осыпают меня запросами, но и потому, что статья «Наш съезд» в № 53 «Искры» дала *совершенно неверное* освещение того не очень глубокого, но очень дезорганизующего разделения между искровцами, к которому привел съезд.

Статья излагает дело так, что никто и с лупой не усмотрит в ней *ни одной* действительно серьезной причины разделения, никто не увидит и тени объяснения такого явления, как изменение в составе редакции Ц. О., никто не найдет и подобия уважительных причин моего выхода из коллегии. Мы разошлись по вопросу об организации центров партии,—говорит автор статьи,—по вопросу об отношении Ц. О. и Ц. К. о способе проведения централизма, о пределах и характере возможной и полезной централизации, о вреде бюрократического формализма.

*) Это письмо в редакцию было послано мной в «Искру» тотчас после выхода № 53. Редакция отказалась поместить его в № 54, и я вынужден выступить с отдельным листком.

В самом деле? А не *разошлись* ли мы по вопросу о личном составе центров, по вопросу о том, допустим ли из-за недовольства выбранным на съезде составом бойкот этих центров, дезорганизация практической работы, переделка решений партийного съезда в угоду некоторому *клубу* заграничных социал-демократов, вроде большинства Лиги?

Вы прекрасно знаете, товарищи, что дело было именно так. Но громадное большинство наиболее влиятельных и наиболее деятельных партийных работников еще не знают этого, и я вкратце намечу основные факты,—вкратце потому, что вскоре будут опубликованы, судя по заявлению № 53 «Искры», полные материалы по истории нашего расхождения.

На нашем съезде, как справедливо указывают и автор занимающей нас статьи, и делегация Бунда в се только что выпшедшем отчете, было значительное большинство «искровцев», по моему счету около $\frac{2}{5}$ голосов даже до ухода делегатов Бунда и «Рабочего Дела». В первой половине съезда эти искровцы шли дружно вместе против всех анти-искровцев и непоследовательных искровцев. Особенно наглядно сказалось это на двух инцидентах первой половины съезда, важных для понимания нашего расхождения: на инциденте с О. К. и на инциденте с равноправием языков (в этом случае компактное большинство искровцев единственный раз понизилось с $\frac{3}{5}$ до $\frac{1}{2}$). Во второй половине съезда искровцы *начали* расходиться и *совсем* разошлись к концу его. Споры о параграфе 1 устава партии и о выборе центров показывают отчетливо характер этого расхождения: меньшинство искровцев (с Мартовым во главе) спланивает вокруг себя постепенно большее и большее число неискровцев и нерешительных элементов, противостоя большинству искровцев (среди которых были Плеханов и я). На параграфе 1 устава эта группировка еще не отлилась в окончательные формы, но все же голоса бундовцев и два из трех голосов рабочедельцев дают перевес искровскому меньшинству. На выборах центров искровское большинство (вследствие ухода со съезда пяти бундовских и двух рабочедельских голосов) становится большинством партийного съезда. *И только тут мы расходимся* в настоящем смысле слова.

Нас глубоко разделяет прежде всего состав Ц. К. Уже после инцидента с О. К. в самом начале съезда, искровцы горячо обсуждают кандидатуру разных членов (и не-членов) О. К. в Ц. К. и на неофициальных собраниях организации «Искры», после долгих и жарких дебатов, отвергают одну из поддерживаемых Мартовым кандидатур девятью голосами против четырех при трех воздержавшихся; принимают десятью голосами против двух при четырех воздержавшихся список пяти, в который введен, *по моему предложению*, один лидер не искров-

ских элементов и один лидер искровского меньшинства. Но меньшинство настаивает на том, чтобы иметь трех из пяти, и в силу этого терпит полное поражение на партийном съезде. Так же кончается великий бой, завязавшийся на съезде по вопросу об утверждении старой шестерки или выборе новой тройки в ред. Ц. О. *).

Только с этого момента расхождение становится настолько полным, что наводит на мысль о расколе; только с этого момента начинается невиданное до того на съезде воздержание меньшинства (которое превращается уже в настоящее «компактное» меньшинство) от голосования. И это расхождение все более обостряется после съезда. Недовольное меньшинство переходит к бойкоту, который тянется целые месяцы. Что выросшие на этой почве обвинения в бюрократическом формализме, в требовании беспрекословного, механического повиновения и т. п. пустяки являются лишь попыткой свалить с больной головы на здоровую, это ясно само собою, и достаточно иллюстрируется хотя бы следующим типичным случаем. Новая редакция (т.-е. Плеханов и я) приглашает сотрудничать всех старых редакторов, приглашает, конечно, сначала без «формализма», словесно. Получает отказ. Тогда мы пишем «бумажку» (бюрократы!) к «уважаемым товарищам» и просим сотрудничать вообще и в частности *излагать свои разногласия на страницах редактируемых нами изданий*. Получаем формальное заявление о нежелании принимать *никакого участия в «Искре»*. Целые месяцы никто из не-редакторов и не работает в «Искре». Отношения становятся исключительно формально-бюрократическими,—по чьей «инициативе»?

Начинается создание подпольной литературы, которая заполняет заграницу, пересылается по комитетам и начинает уже отчасти теперь возвращаться из России за границу. Доклад сибирского делегата, письмо — на о лозунгах «оппозиции», «Еще раз в меньшинстве» Мартова полны забавнейших обвинений Ленина в «самодержавии», в создании робеспьеровского режима казней (sic!), в устройстве политических похорон старым товарищам (это выборы в центры есть

*) Ввиду необъятного количества толков и кривотолков, возбужденных этой пресловутой «тройкой», замечу сейчас же, что еще задолго до съезда всем сколько-нибудь близко стоящим товарищам был известен мой комментарий к проекту Tagesordnung'a съезда. В комментарии этом, ходившем по рукам на съезде, значится: «Съезд выбирает трех лиц в редакцию Ц. О. и трех в Ц. К. Эти шесть лиц *вместе*, по большинству $\frac{2}{3}$, дополняют, если это необходимо, состав редакции Ц. О. и Ц. К. кооптацией и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения съездом этого доклада дальнейшая кооптация производится редакцией Ц. О. и Ц. К. отдельно»

похороны!) и т. д. Оппозиция ходом вещей влечется к подыскиванию таких «принципиальных» разногласий по организационным вопросам, которые не допускают совместной работы. Особенно треплут при этом пресловутого «пятого члена» в Совете партии. Совет представляется во всех указанных произведениях дипломатией или фокусом Ленина, орудием подавления русского Ц. К. заграничным Ц. О.—точь в точь, как изображает дело и делегация Бунда в своем отчете о съезде. Нечего и говорить, что это принципиальное разногласие—такие же пустяки, как пресловутый бюрократический формализм: пятого члена выбирает съезд; следовательно, дело сводится к *личности*, заслуживающей наибольшего доверия большинства; а воля большинства партийного съезда всегда, при всякой организации партийных центров проявит себя подбором определенных лиц.

Как широко распространилась за границей вся этого рода литература, видно из того, что даже добрый Парвус пошел в поход против стремления соединять все нити в одной руке и «командовать» (sic!) рабочим из какой-нибудь Женевы (Aus der Weltpolitik. V. Jahrg. № 48, 30-XI-03). Пройдет месяц, другой, прочтет наш новый противник самодержавия протоколы партийного и лиговского съезда и убедится, что легко стать смешным, принимая за чистую монету всякий Parteiklatsch.

Апогеем военных действий оппозиции против центров явился съезд Лиги. Из протоколов его читатели увидят, правы ли были те, кто назвал его ареной для сведения счетов по партийному съезду, было ли в натиске оппозиции нечто такое, что провоцировало Ц. К. на меры совершенно исключительные (как выразился сам Ц. К., когда изменение в составе редакции подало надежду на установление мира в партии). Резолюции этого съезда показывают, какой характер имеют «принципиальные» разногласия по вопросу о самодержавном бюрократизме.

Атмосфера раскола после съезда Лиги надвинулась так грозно, что Плеханов решил кооптировать старую редакцию¹²⁷). Я предвидел, что оппозиция не удовлетворится этим и считал невозможным переделывать решение партийного съезда в угоду *кружку*. Но еще менее считал я позволительным становиться поперек дороги возможному миру в партии, и поэтому вышел из редакции после № 51 «Искры», заявив при этом, что от сотрудничества не отказываюсь и не настаиваю даже на опубликовании о моем выходе, если установится добрый мир в партии. Оппозиция потребовала не изменения несуществующей системы бюрократизма, формализма, самодержавия, механизма и пр., а восстановления старой редакции, кооптации представителей

оппозиции в Центральный Комитет, двух мест в Совете и признания законным съезда Лиги. Центр. Ком. предложил обеспечить мир, согласившись на кооптацию двух в Ц. К., на передачу одного места в Совете, на постепенность реорганизации Лиги. Оппозиция отвергла и эти условия. Редакция была кооптирована, а вопрос о мире остался открытым. Таково было положение дел ко времени выхода № 53 «Искры».

Что партия хочет мира и положительной работы, в этом вряд ли позволительно сомневаться. А такие статьи, как «Наш съезд», препятствуют установлению мира, препятствуют тем, что поднимают намеки и обрывки вопросов, которые непонятны и не могут быть понятны вне полного изложения всех перипетий расхождения, препятствуют тем, что сваливают вину заграничного кружка на наш практический центр, который занят тяжелой и трудной работой фактического объединения партии и который без того уже встречал и встречает слишком много помех на пути проведения централизма. Русские комитеты ведут борьбу против тормозящей всю работу дезорганизаторской деятельности и бойкота меньшинства. Резолюции в этом смысле уже присланы комитетами Петербургским, Московским, Нижегородским, Тверским, Одесским, Тульским, Северным Союзом.

Довольно с нас заграничного *Literatengezänk!* Пусть послужит оно теперь для практиков в России образчиком того, «*чего не делать*»! Пусть редакция Ц. О. партии призовет всех к прекращению всякого бойкота с какой бы то ни было стороны, к дружной работе под руководством Ц. К. партии!

* * *

А различие между оттенками искровцев? спросит читатель. Во-первых, ответим мы на это, различие состоит в том, что, по мнению большинства, можно и должно проводить свои взгляды в партии независимо от переделки личного состава центров. Всякий кружок, хотя бы рабочедельцев, имеет право, войдя в партию, требовать возможности высказывать и проводить свои взгляды, но ни один кружок, хотя бы и генералов, не вправе требовать представительства в центрах партии. Во-вторых, различие состоит в том, что, по мнению большинства, вина формализма и бюрократизма падает на того, кто своим отстранением от работы под руководством центров затруднил возможность неформалистического ведения дела. В-третьих, мне известно одно, и *только одно*, принципиальное разногласие по организационным вопросам, именно то разногласие, которое выразилось в прениях о параграфе 1 устава партии. Когда выйдут протоколы съезда, мы постараемся вернуться к этому вопросу. Мы покажем тогда, что фор-

мулировка Мартова была проведена неискровскими и quasi-искровскими элементами не случайно, а потому, что она делает шаг к оппортунизму, что этот шаг мы видим еще наглядней в письме — на й в «Еще раз в меньшинстве» *). Протоколы покажут фактическую неверность того мнения автора статьи «Наш съезд», будто «спор при обсуждении устава партии сконцентрировался почти исключительно на вопросе об организации центр. учреждений партии». Как раз наоборот. Единственным действительно принципиальным спором, разделившим сколько-нибудь определенно обе «стороны» (т.-е. большинство и меньшинство искровцев), был спор о параграфе 1 устава партии. Споры же о составе Совета, о кооптации в центре и т. п. оставались спорами между отдельными делегатами, между мной и Мартовым и т. п., споры эти касались сравнительно очень частных деталей, не вызывали никакой определенной группировки искровцев, которые своим голосованием поправляли увлечения то одного, то другого из нас. Сводить к этим спорам источник разногласия по вопросам о способах проведения централизма, его пределах, характере и т. п., значит, просто-напросто прикрашивать позицию меньшинства и приемы борьбы за изменение личного состава центров, которую оно вело и которая одна только вызвала между нами расхождение в полном смысле слова.

*) Тогда мы попросим также объяснить, что значат указания статьи «Наш съезд» на незаслуженное невнимание к неискровцам, на несоответствие строгих пунктов устава реальным отношениям сил в партии. К чему эти указания относятся?

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВ ИЗ ИСТОРИИ
Р. С.-Д. Р. П.

II съезд Р. С.-Д. Р. П. соби́рался в августе 1903 г. в Брюсселе—Лондоне; присутствовало 43 делегата от 26 организаций (в том числе от «Группы Освобождение Труда», организации «Искры», «Лиги революционной социал-демократии», «Заграничного Союза русских с.-д.», группы «Южный Рабочий», Центр. и Загр. Комитета Бунда и ряда местных комитетов) с решающим голосом и 14 лиц с совещательным голосом. Съезд был организован революционными с.-д., группировавшимися вокруг «Искры», и сразу взял твердый курс против оппортунистического крыла—«экономистов»; но на съезде произошел раскол среди «искровцев» по *организационному* вопросу на «большинство» с Н. Лениным во главе и «меньшинство» во главе с Л. Мартовым *).

Программа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, принятая II съездом.

Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата, российская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

Эта конечная цель определяется характером современного буржуазного общества и ходом его развития.

Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем, как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

*) Работа II съезда Р. С.-Д. Р. П. нашла исчерпывающую оценку в брошюре Н. Ленина: «Шаг вперед, два шага назад», напечатанной в Сборнике: «За 12 лет», см. V том Собрания сочинений).

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную; более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд, в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которым следуют более или менее продолжительные периоды промышленного зстоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного зстоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обуславливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и немущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Но, по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплуататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, т. е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно производительного процесса для обеспечения благосостояния

и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров.

Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем, она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи, как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого докапиталистического порядка, который основывался на закреплении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуя сохранению и усилению самых варварских форм эксплуатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и несправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы:

1. Самодержавие народа, т.-е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату.

2. Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок, достигших двадцати лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные учреждения; двухгодичные парламенты; жалование народным представителям.

3. Широкое местное самоуправление, областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения.

4. Неприкосновенность личности и жилища.

5. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов.

6. Свободу передвижения и промыслов.

7. Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности.

8. Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ, право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях.

9. Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

10. Право каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника.

11. Выборность судей народом.

12. Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

13. Отделение церкви от государства и школы от церкви.

14. Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует *отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.*

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

1. Ограничения рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих.

2. Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 42 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства.

3. Полного запрещения сверхурочных работ.

4. Воспрещения ночного труда (от девяти часов вечера до 6 час. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где

он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями.

5. Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничения рабочего времени подростков (16—18 лет) шестью часами.

6. Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождения женщин от работы в течение четырех недель до и шести недель после родов, с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время.

7. Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей; освобождения женщин, кормящих ребенка, от работы не реже, чем через три часа, на время не менее, чем на полчаса.

8. Государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов.

9. Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты деньгами по всем без исключения договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время.

10. Запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и прочее).

11. Назначения достаточного количества фабричных инспекторов во всех отраслях народного хозяйства и распространения надзора фабричной инспекции на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая казенных (труд домашней прислуги входит также в сферу этого надзора); назначение инспектрис в тех отраслях, где применяется женский труд; участие выбранных рабочими и оплаченных государством представителей в надзоре за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценок, приемкой и бражкой материала и результатов работы.

12. Надзора органов местного самоуправления, с участием выбранных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их внаймы, — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан.

13. Учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, при полной независимости всей врачебно-санитарной организации от предпринимателей, бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей, с сохранением содержания во время болезни.

14. Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда.

15. Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей.

16. Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых ра-

бочих (биржи труда) во всех отраслях производства с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

В целях же устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, партия требует прежде всего:

1. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

2. Отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землею.

3. Возвращения крестьянам денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей; конфискации с этой целью монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии, а равно обложения особым налогом земель землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ.

4. Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или, — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для передачи в собственность крестьян на Кавказе тех земель, которыми они пользуются, как временно обязанные, хизаны и проч.; в) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и других областях государства.

5. Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Стремясь к достижению своих ближайших целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

Со своей стороны, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь *путем низвержения самодержавия* и созыва *Учредительного Собрания*, свободно избранного всем народом.

Резолюции II съезда Р. С.-Д. Р. П.

1. О месте Бунда в партии.

Принимая во внимание: а) что теснейшее объединение еврейского пролетариата с пролетариатом тех рас, среди которых он обитает безусловно необходимо в интересах его борьбы за политическое и экономическое освобождение; б) что только такое теснейшее единство гарантирует социал-демократии успех в борьбе со всяким шовинизмом и антисемитизмом; в) что такое единство нисколько не исключает самостоятельности еврейского рабочего движения во всем, что касается частных задач агитации среди еврейского населения, создаваемых особенностями языка и условиями быта,—

Второй съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии высказывает свое глубокое убеждение, что перестройка организационных отношений между еврейским и российским пролетариатом на началах федерации явилась бы существенным препятствием для более полного организационного сближения сознательных пролетариев разных рас и неминуемо принесла бы огромный ущерб интересам всего вообще и в частности еврейского пролетариата России, и потому, решительно отклоняя, как безусловно недопустимую в принципе, всякую возможность федеративных отношений между Российской Социал-Дем. Рабочей Партией и Бундом, как ее составной частью, съезд устанавливает, что Бунд занимает в единой Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии положение автономной составной части, пределы автономии которой должны быть определены при выработке общепартийного устава. Ввиду изложенного, рассматривая предложенный делегатами Бунда «Устав»; как проект части общепартийного устава, съезд, относя обсуждение к § 6 порядка дня, переходит к очередным делам.

2. О местных организациях.

По отношению к местным организациям съезд признает необходимым существование лишь одной руководящей организации в каждом центре деятельности Партии и поручает Центральному Комитету принять меру к установлению такого единства. Что же касается не местных организаций—военной, издательской и т. п., то существование таких организаций съезд признает возможным под условием утверждения их Центральным Комитетом Партии.

3. О работе среди сектантов.

Принимая в соображение: что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений, направленных против существующего порядка вещей, Второй

съезд обращает внимание всех членов Партии на работу среди сектанства в целях привлечения их к социал-демократии.—

Съезд поручает Центральному Комитету заняться вопросом о предложении, заключающемся в докладе тов. Бонч-Бруевича.

4. О показаниях на следствии.

Принимая во внимание: а) что всякие показания, даваемые революционерами на жандармском следствии, независимо от воли революционеров, служат в руках следователей главным материалом для обвинения и привлечения к следствию новых лиц; б) что отказ от показаний, если он широко применяется, будет содействовать в сильной степени революционному воспитанию пролетариата,—

Второй съезд Российской Социал-Демокр. Рабочей Партии рекомендует всем членам Партии отказываться от каких бы то ни было показаний на жандармском следствии.

5. Об отношении к либералам.

(Плеханова.)

Принимая в соображение: а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом; б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявились эти ограниченность и недостаточность,—

Второй очередной съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии настоятельно рекомендует всем товарищам обращать в своей пропаганде внимание рабочих на анти-революционный и противопролетарский характер того направления, которое выразилось в органе г. П. Струве.

6. О центральном органе Партии.

(Резолюция членов группы «Южный Рабочий» и др.)

Принимая во внимание: а) заслуги «Искры» в деле идейного объединения, в деле развития и защиты принципов революционной социал-демократии и борьбы на почве этих принципов со всевозможными оппортунистическими течениями в нашей партии, а также с течениями, стремившимися совлечь движение рабочего класса с единственно верного пути; б) роль «Искры» в деле руководства практиче-

ской партийной работой, и в) руководящую роль «Искры» в объединительной работе,—

Второй съезд Российской Социал-Демокр. Рабочей Партии объявляет «Искру» своим Центральным Органом.

7. О районных организациях.

Съезд признает допустимым учреждение районных организаций, в виде союзов комитетов, в тех областях России, которые отличаются крупными особенностями в отношении языка, состава населения и т. п. Утверждение устава таких организаций поручается Центральному Комитету Партии.

8. О социалистах-революционерах.

Принимая во внимание: а) что интересы российского пролетариата вообще и его освободительного движения в особенности требуют, чтобы он в борьбе с абсолютизмом выступал, как вполне самостоятельная политическая сила; б) что только деятельность, направленная на объединение пролетариата в такую силу, вносит социалистически-революционное содержание в борьбу с абсолютизмом; принимая далее во внимание: в) что «социалисты-революционеры» теоретически и практически противодействуют усилиям социал-демократов сплотить рабочих в самостоятельную политическую партию, стараясь, наоборот, удерживать их в состоянии политически-бесформенной массы, способной служить лишь орудием либеральной буржуазии, съезд констатирует, что «социалисты-революционеры» являются не более, как буржуазно-демократической фракцией, принципиальное отношение к которой со стороны социал-демократии не может быть иное, чем к либеральным представителям буржуазии вообще.

Принимая затем во внимание: а) что свои буржуазные тенденции «социалисты-революционеры» преследуют под флагом социализма и б) что, кроме того, или именно потому, как буржуазно-революционная фракция, оказываются совершенно несостоятельными, съезд считает их деятельность вредной не только для политического развития пролетариата, но и для общедемократической борьбы против абсолютизма.

Исходя из всего этого, съезд безусловно осуждает всякие попытки затушевать принципиальное и политическое значение разногласий между «социалистами-революционерами» и социал-демократами. Наоборот, он признает необходимым как в интересах развития политической самостоятельности российского пролетариата, так и в специальных интересах освободительного движения против абсолютизма, чтобы социал-демократы выясняли и подчеркивали буржуазные тенденции «социалистов-революционеров» и их практическую несостоятельность с точки зрения обще-демократической.

Ввиду вышеуказанных соображений, съезд решительно осуждает всякие попытки объединения социал-демократов с «социалистами-революционерами», признавая возможным лишь частные соглашения с ними в отдельных случаях борьбы с паризмом, при чем условия таких соглашений подлежат контролю Центрального Комитета.

9. О демонстрациях.

Принимая во внимание: а) что при существующих в России условиях политические демонстрации представляют одно из самых важных средств политического воспитания самых широких масс народа и расширения и укрепления влияния социал-демократии; б) что демонстрации являются вместе с тем лучшим средством систематической дезорганизации правительственного механизма; в) что, постепенно разрастаясь, эти демонстрации должны привести и частью уже приводят к ряду вооруженных столкновений народа с правительственной властью, подготавливая тем самым народные массы к всероссийскому восстанию против существующего строя, Съезд признает необходимым, чтобы местные комитеты пользовались удобными случаями для организации политических демонстраций.

Вместе с тем, съезд констатирует, что в прежней постановке этого вопроса на практике замечались существенные недостатки, для устранения которых съездом рекомендуется: 1) Комитеты должны широкой предварительной агитацией стараться обеспечить сочувственное отношение к целям демонстрации самых широких слоев населения и осведомленность их о задачах партии; 2) для организации демонстраций следует пользоваться такими моментами, когда существует подходящее для этого настроение рабочих масс, избегая искусственного возбуждения демонстраций при отсутствии такого условия; 3) активное ядро демонстрантов должно быть достаточно многочисленно, хорошо организовано и подготовлено к своей роли; 4) должны быть применяемы меры для того, чтобы, в случае необходимости, демонстранты могли давать активный и, по возможности, вооруженный отпор полицейским ордам; 5) ввиду того, что при демонстрациях все чаще против народа применяются регулярные войска, следует заботиться об ознакомлении солдат с характером и целью демонстраций и призывать их к братанию с народом; следует не допускать ненужного раздражения их со стороны демонстрантов.

Второй съезд Р. С.-Д. Р. П. признает желательным, чтобы Центральный Комитет направлял и объединял усилия местных комитетов по организации демонстраций и взял в свои руки организацию общерусских политических демонстраций по одному общему плану.

10. О профессиональной борьбе.

Принимая во внимание: а) что профессиональная борьба рабочих является необходимым следствием положения пролетариата в капиталистическом обществе; б) что эта борьба рабочих является одним

из главных средств для противодействия тенденции капиталистического строя к понижению жизненного уровня рабочих; в) что эта борьба поскольку она развивается вне связи с политической борьбой пролетариата, руководимой социал-демократией, ведет к дроблению пролетарских сил и к подчинению рабочего движения интересам имущих классов,—

Съезд признает, что задачей Р. С.-Д. Р. П. в области профессионального движения является руководство повседневной борьбой рабочих за улучшение условий труда и агитация за устранение всех тех препятствий, которые ставятся профессиональному движению законодательством русского самодержавия, словом — объединение частных столкновений отдельных групп рабочих в одну организованную борьбу класса.

Вместе с тем, ввиду все более выясняющегося стремления царского правительства под формой «легализации рабочего движения» захватить в свои руки экономическую борьбу рабочего класса и, развратив его политически, сделать игрушкой своей политики, ввиду того, что эта, так называемая «зубатовская политика», помимо ее реакционно-политической подкладки и полицейской-провокаторских методов ее проведения, есть политика систематического предательства интересов рабочего класса в пользу капиталистов,—

Съезд рекомендует всем товарищам продолжать неустанную борьбу против зубатовщины во всех ее видах, разоблачать пред рабочими своекорыстный и предательский характер тактики зубатовских демагогов и призывать рабочих к объединению в одном классовом движении борьбы за политическое и экономическое освобождение пролетариата. В интересах этой задачи съезд признает желательным, чтобы партийные организации поддерживали и направляли стачки, вызванные легальными рабочими организациями, и пользовались в то же время этими столкновениями для разоблачения реакционного характера союза рабочих с самодержавием.

II. Об антиеврейских погромах.

Ввиду того, что движения, подобные столь печально известному кишиневскому погрому, не говоря уже об их отвратительном зверстве, служат в руках полиции средством, с помощью которого она пытается задержать рост классового самосознания пролетариата,—съезд рекомендует товарищам употреблять все зависящие от них средства для борьбы с такими движениями и для выяснения пролетариату реакционной и классовой подкладки антисемитических и всяких других национально-шовинистических подстрекательств.

12. О фабричных старостах.

Исходя из положений, развитых в резолюции о профессиональной борьбе и принимая во внимание: а) что новый закон о фабричных старостах по мысли правительства является средством укрепления

полицейской опеки над рабочим классом; б) что—как и все попытки правительства к «легализации рабочего движения»—этот закон может и должен стать исходным пунктом для агитации против самодержавия и для развития классового самосознания пролетариата,—

Съезд рекомендует всем организационным товарищам принимать участие в выборах фабричных старост согласно новому закону и вести агитацию при таких выборах для проведения наиболее надежных представителей рабочих и для разоблачения тактики властей и капиталистов при этих выборах.

13. О постановке пропаганды.

Принимая во внимание: а) что рост рабочего движения в России далеко обгоняет рост кадра сознательных рабочих социал-демократов, могущих быть руководителями все осложняющейся борьбы русского пролетариата; б) что конспиративно полицейские условия в высшей степени затрудняют правильную постановку кружковой пропаганды в сколько-нибудь широких размерах; в) что такого рода пропаганда встречает значительные препятствия в отсутствии достаточного количества опытных и умелых пропагандистов,—

Съезд признает необходимым, чтобы местные комитеты обратили самое серьезное внимание на правильную постановку пропаганды, руководясь при этом, прежде всего, задачей выработки сознательных и активных агитаторов с определенным революционным мировоззрением. Съезд предлагает местным комитетам обратить особое внимание на подбор умелых пропагандистов и поручает Центральному Комитету принять все необходимые меры для систематизации и объединения пропагандистской работы на местах, как-то: систематические указатели для занятий в кружках, ряд систематически подобранных брошюр пропагандистского характера и т. д.

14. Об отношении к учащейся молодежи.

Второй съезд Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии приветствует оживление революционной самодеятельности среди учащейся молодежи, предлагает всем организациям Партии оказать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлениях организовать и рекомендует всем группам и кружкам учащихся, во-первых, поставить на первый план в своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного социалистического мирозерцания, серьезное ознакомление, с одной стороны, с марксизмом, а с другой стороны, с русским народничеством и западно-европейским оппортунизмом, как главными течениями среди современных борющихся передовых направлений; во-вторых, стараться при переходе к практической деятельности заранее заводить связи с социал-демократическими организациями, чтобы воспользоваться их указаниями и избегать, по возможности, крупных ошибок в самом начале работы.

15. Об Амстердамском конгрессе.

Международные социалистические конгрессы должны не только свидетельствовать о солидарности рабочих всего мира, но в известной мере и руководить идейной и практической борьбой пролетариата. Поэтому Второй съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии рекомендует Совету Партии позаботиться о соответствующем представительстве на Амстердамском конгрессе 1904 года, чтобы и там защищать те принципы революционной социал-демократии, которыми партия руководствуется во всей своей деятельности.

16. О партийной литературе.

Принимая во внимание: а) что развитию рабочего движения вширь должно соответствовать возможно более ясное понимание рабочими массами ближайших и конечных целей социал-демократии; б) что насущной задачей Партии в данный момент является создание строго выдержанной литературы, доступной для возможно более широкой массы читателей, и считаясь с состоянием партийных сил в данное время, —

Съезд признает необходимым: 1) чтобы Ц. О. Партии уделял возможно более места вопросам политической и общественной жизни в форме, возможно более доступной широкому кругу читателей, с устранением, по возможности, статей чисто теоретического характера; 2) чтобы в этих видах и в целях более систематического выяснения вопросов социалистической теории «Заря» превращена была в орган Партии, при чем об условиях издания этого органа съезд поручает Центральному Комитету согласиться с редакцией Центрального Органа; 3) чтобы была создана обширная брошюрная литература, которая ставила бы себе задачей систематическую популяризацию партийной программы и резолюций съезда по вопросам тактики.

Съезд поручает центральным учреждениям Партии озаботиться принятием всех нужных мер для проведения в жизни этих решений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ По возвращении из Сибирской ссылки в начале 1900 г., группа с.-д. «сталиков» (членов Спб. Союза борьбы за освобождение рабочего класса в 1895 г.) решила начать организационное строительство Р. С.-Д. Р. П., существовавшие в данный момент лишь номинально. Нужно было создать в партии прочной идейное единство, немислимое без руководящего Центрального органа. Попытке издавать (под ред. В. И. Ленина, Ю. О. Мартова и А. Н. Потресова) «Рабочую газету», Ц. О. партии, по постановлению I Съезда, не удалось. Основались на решении, что Ленин и Потресов эмигрируют за границу и будут издавать при содействии «Группы Освобождение Труда» обще-русскую с.-д. газету. План газеты был установлен в мае 1900 г., на Псковском совещании, где присутствовали, кроме В. И., Мартов, Потресов, Радченко, Струве и Туган-Барановский. Осенью 1900 г. в Швейцарии В. И. достиг окончательного соглашения с «Группой Осв. Труда» об издании газеты. В декабре 1900 г. вышел № 1 «Искры», с эпиграфом «Из искры возгорится пламя», при участии: Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, В. И. Засулич, В. И. Ленина, Ю. О. Мартова и А. Н. Потресова. На II Съезде Р. С.-Д. Р. П. «Искра» была признана Центральным партийным органом. При участии В. И. вышли первые 51 №№ «Искры»; 1 XI 1903 г. В. И. вышел из редакции «Искры», которая с тех пор и до конца своего существования (осень 1905 г.) сделалась меньшевистским органом.

²⁾ *Бернштейниада*—тесно связанное с именем видного теоретика марксизма Эд. Бернштейна оппортунистическое течение в рядах немецкой с.-д-тии, а потом и *международного социализма*. Бернштейн в 80 гг. стоял на крайнем левом крыле с.-д-тии, судился за оскорбление величества, жил эмигрантом в Цюрихе; оттуда вынужден был переехать в Лондон, где стал учеником Ф. Энгельса. К концу 90 гг. он значительно меняет свою позицию. В напечатанной книге: «Предпосылки социализма и задачи с.-д-тии» Б. подвергает «пересмотру» философское и экономическое учение Маркса. Исторический процесс ведет не к углублению пропасти между враждебными классами—буржуазией и пролетариатом, а к ее заполнению; ожидание социалистического переворота, «прыжка из царства необходимости в царство свободы», заменяется верой в постепенное достижение социализма через парламентскую борьбу: фабричное законодательство, демократизация местного самоуправления—важнейшие этапы на путях к конечной цели. Неверен тезис, что у пролетария нет отечества, что социализм знаменует торжество интернационализма. Таково «ревизионистское» течение в рядах с.-д-тии в противовес «ортодоксально-марксистскому», которое возглавлял Каутский. Империалистская война 1914 г. сблизил врагов: Бернштейн сделал шаг налево, Каутский—направо, и оба они очутились в стане «независимых с.-д-тов»,—колеблющегося центра между последовательными революционерами «спартаковцами» и соглашателями с буржуазией—«шейдемановцами».

3) *Экономизм*—оппортунистическое направление в рядах русской с.-д.-ии, с особой силой выявившееся в конце 90 гг., и самом начале 900 гг. Экономизм захватил «Заграничный союз русских с.-д-тов» и многие русские комитеты. Его руководящие органы «Рабочая Мысль» (прим. 5) и, в большей степени, «Рабочее Дело» (прим. 6); ярко запечатлен экономизм в «Credo» (Символе веры), составленном Е. Кусковой. Главные тезисы экономизма: 1) в рабочем движении преобладающее значение играет чисто *экономическая* борьба с капиталом за *злободневные* нужды, за развитие нейтральных политически профсоюзов, рабочих кооперативов и т. д., а политика, борьба с самодержавием— дело интеллигенции— в союзе с либералами; 2) обесценивается роль *сознательных* революционных вождей («идеологов»), *централизованной* партийной организации, центр тяжести переносятся на *массовые, стихийные* проявления рабочего движения, к которым должны приспособляться вожди; 3) революционная борьба отходит на задний план, подменяется стачками за мелкие повседневные интересы.

С экономизмом повели ожесточенную борьбу «Группа Освоб. Труда» во главе с Плехановым, «искровцы» во главе с Н. Лениным (особенно в брошюре «Что делать?»). Экономизм в начале 900 гг. быстро угасает, переходя в другое оппортунистическое русло—в меньшевизм.

4) «Credo» (Символ веры) составлено Кусковой, отражает взгляды «молодых» с.-д.; здесь под практику «экономистов» был подведен модный теоретический фундамент в духе бернштейнианства. Рабочий класс в России может и должен вести, как класс, одну только экономическую борьбу за непосредственные «*реальные*» улучшения, не притязая на самостоятельные выступления за свободу политическую; политическая борьба—достоинство «общества—буржуазно-либеральной оппозиции», рабочий класс должен только поддерживать либералов. «Credo» вызвало резкий протест со стороны 17 представителей революционного крыла с.-д-тии во главе с Н. Лениным.

5) «Рабочая Мысль»—с.-д. газета возникла в Спб. в 1897 г (первые 2 №№: 3—11 и 16 (последний—в декабре 1902 г.) вышли за границы; виднейшие ее работники: К. Тахтарев-Петербуржец, Н. Лохов-Ольхин. «Р. М.»—самая яркая выразительница «экономизма». Программа газеты: «борьба за *экономическое* положение, борьба с капиталом на почве *ежедневных насущных интересов* и *стачка*, как средство этой борьбы,—вот девиз рабочего движения. Эта *борьба понятна всем*, закаляет силы и сплачивает рабочих, в ней каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть средство к дальнейшим победам... Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что они борются не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей»... «Р. М.» не только отстаивала необходимость сосредоточить все силы на профессионально-экономической борьбе, но и противопоставляла эту борьбу политической, непосредственно направленной против самодержазия, как движение «чисто рабочее», классовое—движению революционно-демократическому, не входящему в задачи рабочей партии. С увеличением чисто экономической агитации соединялось отвращение к централистической организации партии, необходимой для широких политических задач, преклонение перед *стихийностью* рабочего движения, приспособленчество к *неоформленным* рабочим союзам, недоверие к интеллигентным, сознательным вождям, к с.-д-ской теории.

Горячую борьбу с «Р. М.» вела «Искра» во главе с Н. Лениным, отстаивая во всей полноте задачи и тактику революционной с.-д-тии.

6) «Рабочее Дело»—с.-д. орган (вышло всего 12 №№ с IV 1899 по III 1902), издавался «Союзом русских соц.-демократов» (редакторы Б. Кричевский и Мартынов),—выразитель оппортунистических течений в рядах русской с.-д-тии. «Р. Д.» пытается сделать шаг вперед сравнительно с «Рабочей Мыслью», но постепенно срывается в плоскость «экономизма». Тезисы «Р. Д.»: 1) пропаганда «экономистов» и «политиков»—различные, но необходимые *стадии* одного и того же процесса; 2) самое важное—*стихийное* движение рабочих масс, идеологам с.-д-тии нужно считаться с особенностями русского рабочего движения на данной ступени его развития; 3) переход к «политике» обусловливается лишь прямой невозможностью при условиях самодержавно-полицейского режима вести стачечную борьбу и т. д.

С тенденциями «Р. Д.» вели ожесточенную борьбу «Искра» и Н. Ленин (см. его брошюру: «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения»).

7) *Легальный марксизм*—оппортунистическое течение в рядах русской с.-д-тии 90 гг.; его главные представители—Струве, Булгаков, Туган-Барановский—стремились облечь революционные идеи марксизма в легальные рамки ученой, чисто теоретической разработки экономических вопросов рабочего движения, чтобы иметь возможность высказываться при существовавшем тогда цензурном гнете со стороны самодержавия. Такое приспособленчество невольно понижало силу и ценность боевых лозунгов, постепенно подменяло их мыслями о сотрудничестве классов, о мирной эволюции к социализму и т. д.: представители «легального марксизма» постепенно переходили в стан буржуазных идеологов.

8) «Группа Освобождение Труда»—первая русская революционная группа за границей, ставшая на почву научного социализма. В ее состав вошли в 1883 г. бывшие народники-«чернопередельцы»—Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод и В. Н. Игнатов. Группа занялась изданием «Библиотеки современного социализма», куда вошли в русском переводе важнейшие произведения Маркса и Энгельса. В 80 гг. появляются самостоятельные работы Плеханова и Аксельрода преимущественно по вопросам критики русского народничества, а в 1884 г. группа выпускает «Проект программы русских социал-демократов». В начале 1895 г. по инициативе группы был основан «Союз русских социал-демократов», при чем редакция изданий Союза принадлежала группе. В ноябре 1898 г. на I Съезде «Союза» группа отказалась от редактирования его изданий, разойдясь с большинством членов Союза (Кричевский, Акимов, Иваньшин, Прокопович, Кукова и др.) в оценке очередных задач рабочего движения в России. В апр. 1900 г. на II Съезде Союза произошел окончательный раскол. Группа и примыкающие к ней члены Союза (Д. Кольцов, Л. Ортодокс) покинули Съезд и в мае создали Революционную Организацию «Социал-Демократ». Группа все время неуклонно выдерживала строгую, тактическую линию революционного социализма и резко восстала против оппортунизма Союза, который подменил революционные задачи мелкой стихийной борьбой за злободневные экономические интересы. Все попытки в 1901 г. привести к тактическому единству действия Группы и Союза не увенчались успехом по вине оппортунистов; в конце 1901 года Группа слилась вместе с организацией «Заря» и «Искра» в «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии». Группа принимает ближайшее участие в издании «Искры» и «Зари» и ведет деятельную работу в подготовке II партийного Съезда (в области программных и тактических вопросов). На

съезде Р. С.-Д. Р. П. группа заявляет о прекращении своего обособленного существования.

⁹⁾ *Манифест Р. С.-Д. Р. П. 1898 г.* констатировал развитие капиталистических отношений в России, пробуждение у русского пролетариата классового самосознания, пропитанного сознательно или бессознательно духом с.-демократических идей. Первый шаг для русского пролетариата—добыть политическую свободу, как основу для успешной борьбы с буржуазией до полной победы социализма. Необходимо собрать все разрозненные силы организации в единую Р. С.-Д. Р. П. и перевести стихийное революционное движение в России в сознательную классовую борьбу.

¹⁰⁾ *Петр Алексеев*—смоленский крестьянин, петербургский ткач, яркий и сильный революционер 70 гг. На-ряду с представителями революционной народнической *интеллигенции*, П. Алексеев—живое олицетворение союза революционного пролетариата с революционным крестьянством. Ведет агитацию среди рабочих в Москве, видный участник «процесса 50» (II—III 1877); на суде отказался от защитника, в заключительном слове бросил «дерзкий» вызов деспотизму, присужден к 10-летней каторге и убит в Сибири.

¹¹⁾ *Китайская война 1900 г.*—проявление империалистской политики крупного русского дворянства и буржуазии на Дальнем Востоке. Захват Порт-Артура после японско-китайской войны 1895 г. естественно должен был вести к оккупации Маньчжурии («Желтороссии») под предлогом отражения «агрессивных действий» китайских мятежников из партии «Большого кулака». Дальнейшие авантюры в Маньчжурии привели к позорной войне с Японией в 1904—1905 гг.

¹²⁾ *«Порт-Артур»*—до 1898 г. китайская крепость, после—в разгар империалистских устремлений придворных кругов на Дальний Восток, в «Желтороссию»—перешел в русские руки, в японскую войну позорно капитулировал со всей армией ген. Стесселя, по Портсмутскому миру 1905 г. достался японцам.

¹³⁾ *Идея «Земского Собора»*—сословного законосовещательного органа в духе учреждения Московского Государства XVI—XVII вв.—выдвигалась реакционной бюрократией в противовес конституционным стремлениям либералов.

¹⁴⁾ *Либкнехт, В.*—отец убитого вождя спартаковцев, К. Либкнехта—видный деятель немецкой с.-д.-тии, неуклонный революционный борец; свою деятельность начал в революции 1848 г. в Бадене и Пфальце. С наступлением реакции эмигрировал в Швейцарию, а оттуда в Лондон, где сблизился с Марксом и Энгельсом. С 1860 г. по амнистии возвращается в Берлин, где ведет упорную борьбу с тактикой Лассалья. С 1865 г., высланный из Пруссии, живет в Лейпциге, сближается с Бебелем, вырывает его из либерального лагеря. Отныне Либкнехт и Бебель—два столпа немецкой с.-д.-тии и одновременно два мощных революционных борца. С 1868 г. основывает «Демократический Еженедельник» (с 1869 г. «Народное государство» и затем «Вперед»—орган Ц. К. немецкой с.-д.-тии). В 1872 г. с Бебелем арестован за государственную измену, за протест против аннексии Эльзас-Лотарингии. Вместе с Бебелем выносит на своих плечах тяжесть борьбы с Бисмарком во время господства исключительных законов против социалистов. Революционный пафос не покидает его до конца; на эрфуртском партийтаге (съезде немецкой с.-д.-тии) ожесточенно борется против социалиста Фольмара, вотиравшего за правит. бюджет, зорко стережет чистоту революционной тактики пролетариата от примесей соглашательства с буржуазией, постоянно подвергается репрессиям за выпады против автократических замашек кайзера Вильгельма I.

¹⁵⁾ *«Новое Время»*—петербургская газета, с 1876 г., под руководством Суворина. После оппортунистических шатаний в конце 70 и нач. 80 гг. (Щедринское «Чего изволите»), газета становится органом консервативных дворянских кругов, занимается усердной травлей «иностранцев». С ростом обществ. движения в нач. XX в., газета становится «парламентом мнений», делающих «высокую политику» петербургск. бюрократических сфер.

¹⁶⁾ *Катков, М. Н.*—публицист-идеолог русского дворянства во второй полов. XIX в. Принадлежал некогда к кружку Станкевича, был близок к Белинскому и Бакунину. С 1856 г. во главе «Русского Вестника» играет роль либерального англомана, мечтает о пересадке английской знати с ее конституцией на русскую почву; рост революционного движения в 60 гг. быстро срывает с него либеральную маску. Он кричит о польской интриге, о необходимости классицизма в школе, чтобы убить бактерии крамолы, о военной диктатуре. После 1 марта вместе с Победоносцевым и гр. Толстым—один из трех китов беспощадной дворянской реакции и «твердой власти».

¹⁷⁾ *«Московские Ведомости»*—орган реакционных дворянских кругов, возглавляемый сначала Катковым, потом Грингмутом. С 1905 г. центр, около которого группируется «черная сотня».

¹⁸⁾ *Закон 2 июня 1897 г.* о продолжительности рабочего дня был вызван крупными стачками петерб. текстильщиков в 1896 и 1897 гг., он сокращал продолжительность рабоч. дня до 11¹/₂ ч. в сутки при дневной работе в обычные дни, до 10 ч.—в субботу и накануне праздников, до 10 ч. в ночное время. На практике закон сводился почти к нулю, благодаря широкому применению сверхурочных работ.

¹⁹⁾ *Брошюра В. И. «Задачи русских социал-демократов»* написана им в ссылке в Сибири в 1897 г., напечатана в Женеве в окт. 1898 г. «Группой Освобождение Труда» с предисловием П. Б. Аксельрода, в 1902 и 1905 гг. вышли 2 и 3 издания ее с предисловием самого автора.

²⁰⁾ *Ермолов, А. С.*—министр земледелия, проводник крепостнических дворянских тенденций в сельско-хозяйственной промышленности. В книге «Неурожай и сельское хозяйство» он доказывал, что нет надобности разрешать переселение в Сибирь тем крестьянам, которые могут найти «заработки» у местных помещиков. Содействовал хищническому переходу казенных земель в Сибирь в руки дворянства и крупной буржуазии.

²¹⁾ *«Гражданин»*—газета кн. Мещерского, защищавшая розгу, земских начальников и крепостные порядки доброго старого времени—детище крайней дворянской реакции 80 гг.

²²⁾ Приблизительно в этот же период времени В. И. выступал с заявлениями на июньской конференции заграничных групп русской с.-д.-тии и на «объединенном» их съезде в октябре 1901 г.

1) Заявление на июньской конференции 1901 г.

«Конференция из представителей Союза Р. С.-Д., заграничной организации «Искры» и «Зари» и Рев. Организации «Социал-Демократ», констатирует, что между представленными организациями не существует таких разногласий по принципиальным и тактическим вопросам, которые служили бы препятствием для совместной работы в пределах единой организации; что русская социал-

демократия в целом, несмотря на частные разногласия, всегда стояла и продолжает стоять на общей почве основных принципов, впервые сформулированных «Группою Освобождение Труда», что насущные интересы социал-демократического движения настоятельно требуют тесного сплочения всех социал-дем. сил в России и в частности социал-демократических заграничных организаций,— сплочения, для которого особенно работал Союз Р. С.-Д. своею издательскою и организационною деятельностью, что составляет его заслугу перед русским социал-демократическим рабочим движением,—заявляет, что названные организации объединяются в «Заграничный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» и кладут в основу своего соглашения нижеследующие пункты:

Принципиальное соглашение.

1) Признавая основные принципы научного социализма и действуя солидарно с международной революционной социал-демократией, мы отвергаем всякие попытки внесения оппортунизма в классовую борьбу пролетариата,—попытки, выразившиеся в так называемом экономизме, бернштейнианстве, милитаризме и т. п.

2) Заявляя свою солидарность с манифестом (1898 г.) Р. С.-Д. Р. П. и с основными традициями русской социал-демократии, мы признаем ближайшей политической задачей рабочего класса в России низвержение самодержавия, как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения.

3) Условия исторического развития России выдвигают перед Р. С.-Д. Р. П., стоящей на почве классового движения пролетариата, задачу вести борьбу с абсолютизмом во главе всех угнетенных слоев нации.

4) В круг деятельности социал-демократии входит:

- а) руководство всеми проявлениями борьбы пролетариата против всех форм политического, экономического и социального угнетения в целях превращения недовольства и возмущения рабочего класса в сознательную борьбу за демократическую республику и социалистический строй;
- б) поддержка направленных против существующего строя прогрессивных движений в интересах развития политического и классового сознания пролетариата и борьбы за демократию;
- в) распространение идей научного социализма, обоснование и развитие социалистической теории и идейная борьба со всеми противниками революционного марксизма.

5) Мы признаем, что в своей практической деятельности Р. С.-Д. Р. П. неуклонно должна руководствоваться следующими *тактическими положениями*:

- а) во всех сферах организационно-агитационной деятельности социал-демократия не должна ни на минуту упускать из виду ближайшую политическую задачу русского пролетариата—низвержение самодержавия;
- б) к развитию политического и социалистического сознания рабочего класса следует стремиться путем агитации не только на почве повседневною борьбы наемного труда с капиталом, но и на почве общего положения пролетариата и трудящихся масс вообще в государстве и обществе;

- в) не признавая, чтобы социал-демократия в своей агитации могла приступить к постановке общих политических задач только после того, как пролетариат предварительно пройдет стадию чисто экономической борьбы и борьбы за частные политические требования, мы находим, что общее содержание социал-демократической агитации должно всегда определяться общим социально-политическим положением рабочего класса и основными положениями социал-демократической программы;
- г) признавая, что в своем отношении к элементарным формам проявления классового движения пролетариата социал-демократия должна быть движущей вперед силой, мы потому и считаем важной для движения критику течений, возводящих в принцип социалистической деятельности элементарность и вытекающую из нее узость этих низших форм движения;
- ц) при выборе средств борьбы с современным режимом социал-демократия должна руководствоваться соображениями политической целесообразности и соответствия приемов борьбы с необходимостью сохранения за движением классового характера.

2) *Заявление заграничного отдела организации «З.» и «И.» и револ. организации «С.-Д.» (на объединительном съезде в октябре 1901 г.).*

Принимая во внимание

1) что организации «Социал-Демократ» и «Искра-Заря» с самого возникновения своего ставили главнейшей задачей русской социал-демократии организацию рабочего класса в самостоятельную политическую партию, тактика которой обеспечила бы за ним гегемонию в борьбе с царизмом.

2) Что деятельность «Союза русских социал-демократов», как она выражалась в его органе «Р. Д.», в очень существенных пунктах, резко противоречила этой задаче и тем самым косвенно подготавливала почву для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии.

3) Что ввиду этого названные организации с самого начала стали в отрицательное отношение к тому направлению, которое выражалось для них в органе Союза.

4) Что принятое на предварительной конференции принципиальное соглашение, категорически констатируя полную солидарность участвовавших в ней организаций в вопросе о бернштейнианстве, экономизме, мильеранизме, равно как и в резко критическом отношении к преклонению перед элементарными, стихийными формами рабочего движения, означало отказ Союза от его заблуждений и присоединение к революционной социал-демократии, представляемой «Искрой-Зарей» и «Социал-Демократом».

Принимая далее во внимание:

5) Что статьи в № 10 «Р. Д.», прения на съезде, смысл поправок, предложенных Союзом к июньским резолюциям и мотивировка их от имени Союза в речи редактора Кривежского коренным образом отступают от принципиальных пунктов соглашения и показывают с очевидностью, что Союз возвращается к прежним заблуждениям.

6) Что заблуждения эти, распространяясь под флагом социал-демократии, могут привести к тому, что все трудности борьбы с царизмом падут на рабочий класс, а все плоды победы над ним достанутся эксплуатирующим классам.

Принимая все это во внимание, организация «Социал-Демократ» и заграничный отдел организации «Зари-Искры», признавая возможность частичных соглашений с «Союзом» в практических областях революционной деятельности, в то же время констатируют, что более тесное объединение с организацией, неспособной обеспечить политическую устойчивость своего органа, в настоящее время, к сожалению, немислимо, и потому, считая дальнейшее продолжение прений бесполезным, покидают съезд.

23) *Сипягин*—министр внутр. дел (1899—1902), без «царя в голове», по выражению своего приятеля Витте. Вел беспощадную борьбу с рабочими (знаменитое Обуховское дело), с голодающими крестьянами, студентами (отдача в солдаты целыми согнями) и с земством (закон о предельности земского обложения, изъятия продовольственного дела из земских рук и т. д.). Убит 2 IV 1902 г. с.-р. Балмашевым.

24) Речь идет о «военно-социальной реформе» знаменитого временщика Аракчеева, который превратил несколько десятков тысяч государственных крестьян в бессрочных солдат и прибавил таким образом к цветочкам крепостного быта ягодки казарменных порядков той эпохи.

25) *Бобриков*—финляндский генерал-губернатор, яркий исполнитель полицейско-руссификаторской политики Плеве. Грубые приемы при уничтожении политической самостоятельности, культурных достижений финляндского народа повлекли достойную для него казнь со стороны финляндского «активиста», сына сенатора, Е. Шаумана.

26) «*Южный Рабочий*»—с.-д. орган, созданный екатеринославцами (Г. Наумов, И. Лалаянц, С. К. Харченко) к концу 1899 г.; в отличие от Спб. «Рабочей Мысли» и Киевского «Вперед», «Ю. Раб.» заострил свою агитацию на борьбе не с одними предпринимателями, но и с самодержавием. В то время «Южн. Раб.» не стоял в резкой оппозиции к «экономизму», но более рельефно подчеркивал политические мотивы, стоял за более революционный тон в агитации. После временного разгрома, группа «Ю. Р.» (Г. Наумов, С. К. Харченко, В. Н. Розанов) возобновила свою деятельность, но теперь в существенных вопросах организации и тактики примкнула к «Искре». «Ю. Р.» принимал живое участие в создании О. К. по созыву II партийного съезда; группа прекратила свое существование после съезда.

27) *Зубатов*—начальник Московского охранного отделения. Усердный исполнитель провокационной политики Плеве—направить грозно растущее пролетарское движение по желательному для высших сфер руслу, хотя бы при помощи организации среди рабочих профессионально-экономических союзов под непосредственным руководством жандармских органов. Под руководством Зубатова возникло в Москве в 1902 г. «Общество взаимопомощи рабочих механических мастерских». Во главе общества стояли рабочие, бывшие одновременно агентами охраны. Общество развило энергичную деятельность, организовало несколько стачек—из них особенно шумела на фабрике Гужона—и в результате привело лишь к углублению классовой вражды против буржуазии и к развитию организационных навыков среди пролетарских масс. «Зубатовщина» стала нарицательным именем для полицейских провокационных маневров по отношению к рабочему классу.

²⁸⁾ *Гедисты*—сторонники Геда, лидера французских социалистов революционного крыла. Гед вел в начале XX в. резкую борьбу против соглашательства с буржуазией, против попыток отдельных социалистов взять министерский портфель («Мильерановский инцидент»). Империалистская война отбросила непримиримого Геда в лагерь социал-патриотов, проповедников «священного единения» с буржуазией для «защиты отечества».

²⁹⁾ *Мартинов, А.* (псевдоним А. Пиккера)—видный работник Р. С.-Д. Р. П. в конце 90 гг. и начале 900 гг.—член «Заграничного союза русских с.-д.-тов», один из редакторов «Рабочего Дела» (прим. 6), еклонялся к «экономизму» (прим. 3.) На II партийном съезде выступил в качестве делегата от Союза, примкнул к фракции меньшевиков. На «Объединительном» стокгольмском съезде, где выступал докладчиком по вопросу о «современном моменте и классовых задачах пролетариата», отверг и бойкотистскую тактику по отношению к Государственной Думе и радикальный разрыв с буржуазным либерализмом. В 1908 г. принимает горячее участие в меньшевистском «Голосе Соц.-Дем.» и вместе с Даном, Аксельродом, Мартовым защищает «ликвидаторство». Империалистская война, расколовшая меньшевиков, привела М. вместе с Мартовым в лагерь «интернационалистов», (между прочим, его участие в Бернском совещании 5—8 II 1916 г.). В настоящее время Мартинов член Р. К. П.

³⁰⁾ *Ф. Лассаль*—один из вождей и организаторов рабочего движения в Германии после революции в 1848 г., основатель Обще-Германского Рабочего Союза, считал необходимой предпосылкой для захвата власти пролетариатом введение всеобщего и равного избирательного права. Чтобы добиться «четырёххвостки», Лассаль не стеснялся войти в сношения с главой реакционного прусского правительства, Бисмарком. Лассальянцы только в 1874 г. в Готе слились с марксистами, руководимыми Бебелем и Либкнехтом, в одну Германскую с.-д. партию, образуя в ней правое, оппортунистическое крыло.

³¹⁾ Здесь идет речь о брошюре В. И. «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», вышедшей в феврале 1902 г. Брошюра дает резкую всестороннюю критику «экономизма».

³²⁾ *Витте, С. Ю.*—русский государственный деятель конца XIX в. и нач. XX в.; много содействовал развитию капитализма в России: развитием железнодорожной сети, укреплением валюты, протекционизмом. Как политик, Витте—яркий оппортунист: то доказывает в союзе с Победоносцевым несовместимость существования земства с самодержавием, то создает «Совещание о нуждах с.-х. промышленности», где с удобством разворачивается земская оппозиция; здесь он сталкивается с новым временщиком, Плеве, и, побежденный, отступает временно на задний политический план. Неудачная японская война 1904—1905 гг. выдвинула его, как единственного годного дипломата, для ликвидации дальневосточного позора. В октябрьские дни 1905 г. «граф Портсмутский» является незаменимой опорой шатающегося престола. Витте создает манифест 17 октября и заводит двойную игру: заигрывает с либералами земских съездов, уговаривается с общественными деятелями о вступлении в его «конституционный» кабинет, а одновременно его коллега по министерству, Дурново, организует патриотически-черносотенные банды. Перед созывом I Гос. Думы Витте получил отставку и с тех пор не играл уже видной государственной роли.

³³⁾ *Стахович*—видный представитель умеренно-либеральных земских кругов. В 1901 году на миссионерском съезде в Орле выступил с защитой свободы совести против гнета тогдашнего полицейского православия; участник земских

съездов, правого их крыла; в 1905—1907 гг. колеблется между октябризмом и мирно-обновленчеством. Буржуазная революция 1917 г. сделала его финляндским ген.-губернатором, а затем дипломатом.

34) *«Пролетарская Борьба»*—с.-д. сборник, вышедший на Урале в начале 900 гг.; большое участие принимал в нем В. Португалов, впоследствии редактор газеты *«Товарищ»* («левее к.-д.»).

35) *«Социал-демократическая библиотека»* издавалась в 1893—1895 гг. под ред. будущего вождя «экономизма» и руководителя «Рабочего Дела», Б. Кричевского. Вышли труды Маркса: «Наемный труд и капитал» и «18 брюмера Луи-Наполеона» и Каутского «Эрфуртская программа», а также брошюры самого Кричевского: «Борьба английских рабочих за свободу» и «Как бельгийские рабочие боролись за свободу».

36) *Надеждин*—псевдоним Зеленского—основателя и редактора изданий революционно-социалистической группы «Свобода» (1901—1903 гг.). Его собственные работы: 1) «На родной стороне» № 1; 2) «Церковные речи о рабочих невзгодах и волнениях» и 3) «Канун революции».

37) Речь идет о нашумевшем деле французского капитана еврея Дрейфуса, невинно обвиненного антисемитскими кругами в шпионаже в пользу Германии.

38) *Конфиденциальная записка Витте: «Самодержавие и земство»*. Характерна для реакционного похода полицейско-бюрократических сфер против земства в конце XIX в. и нач. XX в.; здесь развивается тезис, что «в самодержавном строе государства с неизбежным при нем бюрократическим центром земство—непригодное средство управления..., что конституция вообще—великая ложь нашего времени» и, в частности, к России, при ее разноязычности и разноплеменности, эта форма правления неприменима без разложения госуд. режима. С этой точки зрения никакого дальнейшего расширения деятельности земству давать нельзя, надо провести для него ясную демаркационную линию и не позволять ни под каким видом переступать эту линию, но вместе с тем надо возможно скорее озаботиться правильной и соответствующей организацией правительственной администрации, твердо памятуя, что «кто хозяин в стране, тот должен быть хозяином и администрации».

39) *Давид*—видный деятель немецкой с.-д-тии правого ее крыла, защитник мелко-буржуазных крестьянских интересов. Его книга: «Социализм и сельское хозяйство»—ярко «ревизионистского» характера; в ней отрицается марковский прогноз относительно гибели мелкого землевладения и неизбежной их консолидации в капиталистические латифундии. При современных условиях производства, при заокеанской конкуренции будущее принадлежит мелкому землевладению. Империалистская война застала Д. в лагере социал-патриотов—шейдемановцев: он вотирует за военные кредиты, стоит за «гражданский мир» с буржуазией. После ноябрьской революции 1918 г. был членом соглашательского правительства в Германии.

40) *Герц*—один из критиков Маркса в аграрном вопросе. Его книга «Аграрные вопросы с точки зрения социализма» доказывает живучесть мелкого землевладения в современном капиталистическом обществе вопреки теории Маркса.

41) *Чернов, В.*—народник, ученик Михайловского, потом лидер партии с.-р. Во время империалистской войны стоял на Циммервальдовской платформе. Когда разразилась 2-ая русская революция, вошел в коалиционное правительство Керенского, где стал лавировать между интернационализмом и оборончеством. Октябрьская революция отбросила Чернова вправо. После неудачного

дебюта в качестве председателя Учредительного Собрания, Ч. скоро оказывается в стане контр-революции под защитой взбунтовавшихся чехо-словаков. С тех пор продолжает бороться против Советской власти.

42) *Булгаков*—представитель т. наз. «легального марксизма» — в 90 гг. вместе с Струве и Туган-Барановским; он очень скоро перешел в ряды «критиков Маркса» в аграрном вопросе («Капитализм и сельское хозяйство»), а потом покатились по наклонной дорожке «от марксизма к идеализму». Проповедь мистицизма, совершенствование личности в целом ряде статей и книг, участие в знаменитых «Вехах» сделали его одним из вождей общественной реакции, охватившей русское общество после разгрома 1-й русской революции в столыпинские дни.

43) *Прокопович*—экономист и общественный деятель. Некогда — член «Союза русских с.-д-тов», защитник «экономизма», отсюда делает следующий шаг, переходит к либералам—вступает в «Союз Освобождения»; в октябре 1905 г.—член Ц. К. организовавшейся к.-д. партии, которую скоро бросает, заняв своеобразную позицию «левее к.-д.». Либеральный оппортунизм характерен для Прокоповича и во 2-ой русской революции, когда он занимает министерский пост в правительстве Керенского; организатор Кооперативного Института в Москве, автор ряда работ по рабочему вопросу с буржуазно-демократической точки зрения.

44) *Тотомианц*—экономист, защитник мелко-буржуазной кооперации.

45) *Каблуков*—видный статистик, проф. Московск. унив. и заведующий Статистич. отделом Московск. губернс. земства; поставил на образцовую высоту статистическое дело в Московской губ. Специалист в области теории сельскохозяйственной промышленности; его труды: 1) «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве» и 2) «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России».

46) *Карышев*—ученый экономист, проф. Московск. Сельско-Хозяйств. инстит., сотрудник «Рус. Ведомостей», «Рус. Богатства» и др. либерально-народнических органов. Его труды касаются, главным образом, *арендных отношений*: 1) «Вечнонаследственный наем земель на континенте Зап. Европы» и 2) «Крестьянские внеземельные аренды».

47) *Бастия*—французский экономист, яркий представитель либерально-буржуазной школы, исповедывал учение полного невмешательства государства в хозяйственные отношения, защищал «экономическую гармонию» всех враждебных в процессе производства общественных классов. В революции 1848 г. выступил с резкими выпадами против идей коммунизма.

48) *Шульце-Делич*—член прусского Национального Собрания в революцию 1848 г., председатель комиссии для расследования причины бедности рабочего и ремесленного класса. Идеолог мелко-буржуазных масс, организатор *кредитных кооперативов*, как наиболее целесообразного орудия самозащиты этих масс против растущего ига капитализма.

49) *Предисловие г. Р. Н. С. к записке Витте*. Под псевдонимом г. Н. С. кроется П. Струве, который здесь окончательно сбросил в себя маску марксиста и перешел в ряды либеральной буржуазии.

50) «*Группа Инициаторов*», по созыву примирительного съезда между различными заграничными ветвями русской с.-д-тии. Ее члены — Н. Рязанов, Ю. Невзоров (Стеклов), Б. Даневич (Е. Смирнов),—после неудачи «объединительного» съезда в октябре в 1901 г., выступили, как издательская группа «Борьба».

⁵¹⁾ *«Союз русских с.-д-тов»* возник в 1895 г. по инициативе «Группы Освобождение Труда». Очень скоро Союз, заполнявшийся молодежью, отошел от строго революционной позиции Группы, стал склоняться к «экономизму». В ноябре 1898 г. Группа была вынуждена отказаться от редактирования изданий Союза; тогда в Союз вошли новые члены: Б. Кричевский и Сибиряк, был создан журнал «Рабочее дело» (см. прим. 6). На апрельском съезде 1900 г. Группа окончательно вышла из Союза, решительно вступившего на путь оппортунизма, бернштейнианства (прим. 2). Объединительные попытки в 1901 г. между революционными и оппортунистическими крыльями заграничной с.-д-тии кончились ничем по вине Союза. «Группа Осв. Тр.» и «Искра» ведут с ним ожесточенную борьбу, значение Союза за границей и в России все падает, и на II съезде Р. С.-Д. Р. П. «Союз» был объявлен распущенным.

⁵²⁾ *Революционная организация «Социал-Демократ»* образовалась в мае 1900 г. после II съезда «Союза русских с.-д-тов», в ее состав вошли «Группа Освоб. Труда» и члены «Союза», придерживавшиеся строгой революционной тактики. После неудачи объединительного съезда в октябре 1901 г. Рев. Орг. вместе с организацией «Заря» и «Искра» объединились в «Заграничную Лигу Русской Революционной Социал-демократии».

⁵³⁾ Проект программы Р. С.-Д. Р. П. к II съезду был составлен Г. В. Плехановым.

⁵⁴⁾ *Балмашев*—студент Киевского университета, член «боевой организации» с.-р., ученик Гершуни, 2 апреля 1902 г. убил министра вн. дел Сипягина.

⁵⁵⁾ *«Вестник Русской Революции»*—теоретический орган партии с.-р. (№ 1 вышел в июле 1901 г. под ред. Русанова).

⁵⁶⁾ *«Революционная Россия»*—орган партии с.-р., посвященный злободневным вопросам (№ 1 вышел в 1901 г. в Финляндии по инициативе вождей «Северного Союза с.-р.»).

⁵⁷⁾ *Плевэ*—наиболее яркий представитель полицейско-бюрократической реакции в эпоху Александра III и Николая II. В 80 гг. упорно борется с остатками «народовольчества», в 90 гг. воюет с независимостью и свободной культурой финляндского народа. После убийства Сипягина делается министром вн. дел, сталкивает Витте и на некоторое время делается полицейским диктатором России: гонитель рабочих, студенчества, земцев, он сумел изолировать самодержавие от самых умеренных слоев общества. Чувствуя надвигающуюся революционную грозу, Плевэ провоцировал войну с Японией. Убит 15 VII 1904 г. Е. Сазоновым.

⁵⁸⁾ *Сазонов*—реакционер-народник. В своей работе об «Общине» доказывает живучесть общинного землевладения, ценность его, как непосредственного базиса будущего социалистического строя.

⁵⁹⁾ *В. В.* (псевдоним В. П. Воронцова)—видный теоретик народничества в 80 и 90 гг. В главном труде «Судьбы капитализма в России» развивается идея творческого бессилия русского капитализма, невозможность для России достигнуть высшей ступени промышленного развития путем капитализма. Нельзя утверждать, что «хозяйственное развитие по типу, указанному Зап. Европой, есть процесс общий и однообразный, приводящий к одинаковым результатам всякую страну». Запоздалость нашего капитализма ведет к тому, что промышленность не может развиваться за отсутствием расхваченных уже иностранными рынками и за слабостью внутреннего рынка. Необходимо совершенное устранение рынка и планомерная организация производства в прямой связи с потреблением.

«Антикапиталистическая» теория В. В. вызвала резкую критику со стороны марксистов, особенно Н. Ленина.

⁶⁰⁾ Юзов (псевдоним Каблица)—идеолог правоверного, реакционного народничества 70—80 гг., враждебного иноземствующей бюрократии и либералам-конституционалистам. Прошел через «хождение в народ», много писал в «Неделе». В его главных работах: «Ум и чувство, как факторы прогресса» и «Основы народничества» идеализируется «народ» с его непрестанным стремлением к правде в противоположность гордой умом и знанием интеллигенции, отвергаются ее притязания «мудрить над народом», навязывать ему формы жизни, чуждые всему его мировоззрению; вот отчего народ «убегает» от государства, спасаясь от чуждой иноземной муштровки, вот отчего ложно все дело либералов, ибо конституция—только смена одной формы государственной кабалы на другую.

⁶¹⁾ Н.—он (псевдоним Н. Даниельсона)—видный теоретик народничества в известном труде: «Очерки нашего общественного пореформенного хозяйства» (1893). Основной тезис книги—«искусственность» русского капитализма; в России господствует «народное производство» и оторванный от него капитализм, охватывающий лишь «горсть» рабочих, при росте капитализма невозможен рост народного богатства, понижается потребительная способность у народа, сокращается внутренний рынок. Н.—он—переводчик, не совсем удачный, «Капитала» Маркса.

⁶²⁾ Бабеф—видный деятель Великой Французской революции, выступил с проповедью коммунизма в своей газете «Народный Трибун» и в брошюре: «Манифест равных». Цель революции не достигнута, пока идеалы равенства не будут осуществлены полностью в экономической области так же, как они осуществились в сфере политической. В истинном, правильно организованном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных. Самое высшее и справедливое начало—общность имуществ. Не должно быть личной собственности на землю; земля не принадлежит никому, плоды ее принадлежат всем. Необходимо, чтобы общественные учреждения отняли у каждого гражданина надежду сделаться когда-либо более богатым, могущественным или выдающимся по своим знаниям, чем кто-либо из равных. Французская буржуазия предала Бабефа и его сторонников смертной казни в 1797 г.

⁶³⁾ Левитский—член партии с.-р., защитник идеи национализации земли.

⁶⁴⁾ Победоносцев—обер-прокурор синода, глава русской церкви и фактический премьер при Александре III и Николае II (до октября 1905 г.); вождь темной реакции 80 и 90 гг., защитник полицейского «православия» (с угнетением всех инаковерующих—особенно старообрядцев и сектантов), дворянского «самодержавия» (с преследованием либералов и революционеров) и «народности» (с насильственной руссификацией окраин, травлей инородцев). Был сметен революцией 1905 г.

⁶⁵⁾ Московское общество взаимопомощи рабочих в механическом производстве—было организовано в 1902 г. начальником моск. охранки Зубатовым (прим. 27) в провокационных целях. Вопреки замыслу своих творцов, оно сыграло крупную роль в развитии классового самосознания у московских пролетариев.

⁶⁶⁾ «Освобождение»—журнал, выходивший с 1 VII 1902 г. в Штуттгарте под ред. бывшего марксиста и с.-д.-та П. Струве,—орган земцев-конституциона-

листов и либерально буржуазных интеллигентских кругов до революции 1905 г.

⁶⁷⁾ *Бердяев*—писатель и публицист; некогда с.-д. (член Киевского комитета партии в конце 90 гг.), но быстро прошедший путь от марксизма к идеализму и мистицизму.

⁶⁸⁾ Написано в сентябре 1902 г. и тогда же получило распространение в гектографированном издании. В 1903 г. перепечатано Сибирским Союзом Р. С.-Д. Р. П., а в 1904 г. переиздано в Женеве с добавлением предисловия и послесловия. Вошло в V т. Собр. соч.

⁶⁹⁾ *Шипов, Д. Н.*—известный земский деятель, председатель Московской губернской земской управы. Шипов—душа зарождающегося во 2-ой половине 90 гг. земского движения, неизменный участник земских «слетов» и съездов; здесь он занимает правое крыло, боится западно-европейского «парламентаризма», мечтает лишь о законосовещательном органе. После 1905 г. входит в «Союз 17 октября», потом в партию мирного обновления но как политический деятель ничем себя не проявляет.

⁷⁰⁾ *Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности*, образованное 22 III 1902 г. по почину Витте, явилось удобной почвой для организации оппозиционных земских сил; в губернских и уездных комитетах вопросы экономические о развитии с.-х. промышленности скоро получили политическую окраску—требования правового государства «Земцы-конституционалисты», заполнившие комитеты, подверглись жестоким репрессиям со стороны Плеве (прим. 57).

⁷¹⁾ *Гонители земства и Аннибалы либерализма* напечатаны в V томе Собрания сочинений.

⁷²⁾ *Дюринг*—немецкий философ и экономист, враг революционного социализма, защитник «природных устремлений индивидуального духа, как основы общественного строя», пропагандировал в Германии идею о возрастании абсолютной доли рабочих в распределении благ в связи с общественным прогрессом, о необходимости гармонии антагонистичных в процессе производства общественных классов. В «Антидюринге» Ф. Энгельс подверг резкой критике основные пункты учения Дюринга.

⁷³⁾ *Степняк*—псевдоним революционера-народника Кравчинского. Участвовал в «хождении в народ», яркий пропагандист (его брошюра: «Мудрица Наумовна» и друг). Балканские осложнения увлекают его, он едет сражаться в рядах герцеговинских повстанцев, оттуда перебирается в Италию, где пытается в рядах итальянских социалистов вызвать революцию на юге страны. По возвращении в Россию попадает в горнило жестокой правительственной реакции и 4 августа 1878 г. убивает одного из главных ее вдохновителей шефа жандармов Мезенцова. Типичный для народника 70 гг. аполитизм, отказ от борьбы за представительный строй и политич. свободы из-за их буржуазности уступают в Кравчинском место другим тактическим соображениям: демократический строй—необходим как базис для борьбы за осуществление социалистического идеала («Чего нам нужно?»). Последние годы жизни Кравчинский провел в эмиграции.

⁷⁴⁾ *Мюльбергер*—один из представителей немецкого «вульгарного социализма», его теоретические и публицистические работы обнаруживают крайнюю примитивность мышления, неспособность дифференцировать основные и производные формы эксплуатации трудящихся масс; для характеристики отношений между «хозяином» и «работником» у него наивная аналогия с отношениями между

домовладельцем и квартирантом. Такая манера мыслить могла только затемнить идеи революционного социализма.

⁷⁵⁾ *Михайловский, Н. К.*—видный теоретик народничества, «властитель дум» второй половины 70 гг. Ярко выдвинул в своих работах идею «долга перед народом», который должны уплачивать «кающиеся дворяне». Идеализирует крестьянское «трудовое» хозяйство, как полную противоположность буржуазному. Долго колеблется между старым народническим аполитизмом—народу нужна не конституция, а земля, конституцией воспользуется только дворянство—и требованием представительных учреждений. Примыкает к «народовольцам», не порывая с легальной средой, составляет знаменитое письмо Исполн. Комит. Народной Воли к Александру III после 1 III 1881 г. с требованиями Учред. Собрания и народоуправства. В 80 гг. борется с дворянской реакцией. С появлением в 90 гг. «легального марксизма», ведет с ним ожесточенную полемику. Из школы Михайловского вышли многие н.-с. (члены редакции «Русского Богатства») и с.-р. (В. Чернов и друг.).

⁷⁶⁾ *«Заграничный Союз с.-р.»*—группа из молодых народовольцев во главе с Житловским, организовавшаяся в Берне с 1894 г., издавала газету «Русский Рабочий» (всего 11 №№ по февр. 1899) и «Социально-революционную библиотеку»: 1) Программная брошюра: «Социализм и борьба за политич. свободу», 2) брошюра П. Л. Лаврова «Из рукописей 90 гг.» и 3) брошюра «Наши задачи» — 1900 года.

⁷⁷⁾ *«Рабочая партия политического освобождения России»*—с.-р. организация (1897—1900 гг.), выросшая в Минске из кружка Родионовой-Клячко. Выпустила брошюру «Свобода», где излагалась программа партии и ее организационные задачи.

⁷⁸⁾ *Боголепов*—министр народн. просвещения, борец против студенчества; по его инициативе были изданы временные правила (29 VII 1899 г.) об отдаче в солдаты студентов «за учинение скопом беспорядков». Был убит 24 II 1901 г. студентом Карповичем.

⁷⁹⁾ *Трепов, Д. Ф.*—сын Спб. градоначальника Трепова, в которого стреляла В. Засулич, московский обер-полицеймейстер, ближайший помощник в. кн. Серг. Александровича и сотрудник Зубатова (прим. 27). После 9 янв. 1905 г. назначен Спб. генерал-губернатором. В октябрьские дни 1905 г. в приказе полиции бросает фразу: «патронов не жалеть» и становится во главе высокопоставленных черносотенных погромщиков. Во дни 1 Думы—«либерал», ведет переговоры с Милюковым о создании кадетского министерства.

⁸⁰⁾ *Фон-Валь*—Спб. градоначальник, а потом товарищ министра Плеве, прославился борьбой с петербургскими рабочими, студентами потом разгром Курского земства.

⁸¹⁾ *Кн. Оболенский*—харьковский губернатор; известен, как «образцовый» усмиритель крестьянских волнений весной 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях; после убийства Бобрíkова был сделан финляндским ген.-губернатором, откуда его вымела революция 1905 г.

⁸²⁾ *Карпович, П.*—Студент, член «боевой организации» партии с.-р., убил министра нар. просвещ. Боголепова 24 II 1901 г. за отдачу в солдаты волновавшихся студентов, погиб во время 2-й рус. революции от подводной лодки, возвращаясь на родину после долголетней эмиграции.

⁸³⁾ *Лекерт*—с.-р., член «боевой организации», покушался на убийство фон-Валя (прим. 80)

⁸⁴⁾ *Народная Воля*—партия революционного народничества, выделилась в 1879 г. после Липецко-Воронежского съезда из недр организации «Земля и Воля». Прежнее аполитическое бунтарство народников сменилось у народовольцев политическим реализмом: бороться с самодержавием и его агентами при помощи террора. Исполнительный Комит. Народной Воли—строго законспирированный революционный центр—подготавливал террористические акты, вел пропаганду среди рабочих, учащейся молодежи и в войсках. По приговору И. К. был убит 1 III 1881 г. Александр II. Вслед затем И. К. обратился к Александру III с письмом, где требовал амнистии, политич. свобод и Учредительного Собрания. К половине 80 гг. правительство с помощью провокаторов разгромило «народовольцев», как активных революционеров, но народовольческая организация пережила своих творцов и послужила образцом для создания новых революционных союзов в начале XX в.

⁸⁵⁾ *Прокламация Донского Комитета*—К гражданам всей России. Правительство изменило своей обычной тактике—замалчивать рабочие волнения или сообщать о них тогда, когда уже вся Россия знает о происшедших событиях из частных слухов, писем или подпольной печати, 4 ноября рабочие мастерских Владикавказской жел. дор. в Ростове забастовали, а 19-го в разгар стачки, в «Правит. Вести.» появляется официальное сообщение, по обыкновению полное лжи и лицемерия: оно стремится приписать «буйной толпе» рабочих «назойливость», «глумление» и полную бессознательность требований, а войско и администрацию представить в умилительном образе ангела-хранителя порядка и законности. Дипломированные писатели департамента полиции пытаются придать рабочим «беспорядкам» в Ростове и Тихорецкой исключительно экономический характер,—и в этом первая, самая грубая и возмутительная ложь официального сообщения. Правда, начав стачку, ростовские рабочие предъявили ряд требований, не заключающих в себе политической тенденции,—иного характера и не могла носить их первоначальная борьба с хозяевами. Но достаточно было агитаторам приложить усилия—и смутное политическое брожение превратилось в ясное политическое сознание. Да и само правительство способствовало этому. Уже на третий день стачки рабочим стало известно, что в их борьбу с предпринимателями вмешалось правительство, что их требования встретили отказ не в управлении дороги, а со стороны правительства, в лице министра путей сообщения. Рабочие увидели, как вся несметная стая царских слуг слетелась для того, чтобы задуть рабочее движение, подавить стремление рабочих к счастью и свободе. Тысячи казаков были мобилизованы против ростовских рабочих. Весь город превратился в военный лагерь, двинули и артиллерию... Пользуясь смятением властей, растерявшихся в первое время, Донской комитет, пока не прибыли войска, организовал народные собрания, каких еще не знало революционное движение в России. В течение целой недели сперва в мастерских, а затем в громадной «балке», самой природой предназначенной для народных митингов, собиралась многотысячная толпа рабочих, чтобы впервые услышать свободное, смелое слово о рабочей нужде, о политическом гнете, давящем Россию, чтобы впервые открыто читать ежедневно появлявшиеся прокламации. Несколько ораторов в ряде речей разъясняли рабочим значение выставленных стачечниками требований, подвергали резкой критике самодержавно-политический строй, выясняли сущность политической свободы, ее необходимость для рабочих. Собрания эти, протекавшие в изумительном порядке и ничем не отличавшиеся от митингов на Западе, не могли не оставить глубокого следа в рабочих, не могли

не вывести экономической борьбы на широкую дорогу политической демонстрации и протеста всего рабочего населения Ростова. Проклятия по адресу самодержавного правительства и призыв к политической свободе встречали взрыв энтузиазма в рабочей массе, которую не теория, не фраза, а сама жизнь приближала к сознанию необходимости свободы стачек и союзов, собраний и печати,— к сознанию, что без участия народных представителей в управлении страной масса никогда не добьется лучших условий жизни. Удивительно ли, что правительственное сообщение ни словом не обмолвилось об истинном характере Ростовской стачки? Организованные 20-ти и даже 30-ти-тысячные собрания рабочих, политические речи, строгая дисциплина стачечников и единодушные резолюции в пользу политических прав народа—как все это далеко от «буйной» шайки нарушителей «общественной тишины и спокойствия»—этого трафарета, по которому строятся все сообщения правительства об освободительном движении народных масс!

Зато для восхваления славного воинства правительственное послание не жалеет слов и красок... «Рабочие позволяли себе глумиться над войсками»... «назойливость рабочих достигла крайних пределов»... «Рабочие не только не пожелали разойтись, но даже стали бросать в войска камни»...—этим правительство пытается оправдать ружейные залпы в беззащитную толпу. Здесь все от первого до последнего слова гнусная ложь!

В Ростове бойня была произведена 11 ноября. С раннего утра казаки стали разгонять прикладами и пиками являвшихся на сходку. И тогда началась героическая борьба. В кровавом бою, ценою человеческих жизней,—рабочие покупали себе свободу сходов и свободу слова. Десять раз они отбивали и обращали в бегство казаков. В конце концов, казаки отступили, и обычный митинг состоялся. И уже после собрания, когда на месте сходки остались дети да кучка любопытных, брошенный мальчишкой камень попал в казака, и этого было достаточно, чтобы воспламенить воинственный пыл донских башибузуков. Казаки врзались в кучку женщин и детей, началось избиение; и вот среди этой свалки, без всякого предупреждения, раздался внезапно залп, рассеявший толпу. Убитых оказалось, вопреки сообщению правительства, не 4, а 6, а раненых более 2-х десятков.

Еще ужаснее были действия войск в Тихорецкой: здесь в малонаселенном поселке, среди пустынной степи, вдали от нескромных взоров любопытствующих горожан, зверства царских опричников достигли высших размеров. 17 ноября не успели рабочие собраться, как на них была пущена дикая рать казаков. Рабочие, по примеру ростовских товарищей, сели, а потом даже легли на землю в надежде, что казацкая нагайка не коснется лежащего. Но напрасная надежда: казаки врзались в грудь человеческих тел, рассекая ее шашками и нагайками. Рабочие поднялись на ноги, с беспримерным мужеством отбивались от казаков и обратили их в бегство. Тогда в толпу посыпались ружейные выстрелы. Подавленные силою, рабочие разбегаются по домам, но казаки, опьяненные жаждой крови, преследуют их, как загнанных зверей, и колотят, никого и ничего не разбирая... Рабочий Обоенко, не бывший даже на сходке, идет домой с ведрами воды на плечах,—казак выстрелом в упор убивает его наповал; другой казак, преследуя рабочего, врывается в его домишко, жена рабочего пытается остановить бандита, но тот выхватывает шашку и одним взмахом распарывает ей живот... Не довольствуясь дикой расправой, атаман отдает приказ выселять всех рабочих из железнодорожной казармы. Начинается настоящий погром.

Убогие пожитки пролетариев летят на улицу, грудных младенцев швыряют через окна. Кубанцы ломают сундуки и грабят имущество бедняков!.. На месте сражения валяются отрубленные части человеческого тела, несколько трупов и масса тяжело раненых. Так действовало славное русское воинство, так расправлялось со стачечниками народолюбивое царское правительство! Так правда глаголет устами департамента полиции!

Тяжела и самоотверженна борьба рабочих, многими жертвами и поражениями сопровождается она, но каждый день приближает нас к победе, все больше появляется фактов, свидетельствующих о силе революционной энергии скрывающейся в недрах рабочей массы. Кто мог предвидеть, что в 1900 году харьковские рабочие первые поднимут красное знамя политической демонстрации? Кто за неделю до стачки мог предсказать, что рабочие почти всех ростовских фабрик обнаружат чисто европейскую дисциплину, с сочувствием будут слушать политические речи и на вопрос, поставленный собранию: «нужна ли нам политическая свобода?»—единодушно ответят: «да, нужна». Вихрь событий, пронесшийся в течение нескольких дней по юго-востоку России, показал пробуждение рабочего класса, силу развившейся в нем классовой солидарности и политического сознания. Достаточно было возникнуть стачке на Ростовских железнодорожных мастерских, чтобы забастовали рабочие еще нескольких крупных фабрик; стоило проникнуть прокламациям в Тихорецкую и Новороссийск, как там все рабочие бросили работу. Движение сразу приняло ярко политический характер; тысячи рабочих, до того слабо затронутые пропагандой, воочию убеждались в истинном значении самодержавного строя и до боли осязательно почувствовали насущность политической свободы. Такой характер ростовской стачки, охватившей несколько тысяч рабочих, не должен пройти бесследно, теперь, в минуту крайней реакции, общественной растерянности и предсмертных судорог самодержавия. В то время, как университетская молодежь колеблется и готова примириться с объедками жалкой «автономии», а либералы, польщенные учреждением комитетов о нуждах сельского хозяйства, изобретают подпорки для гнилого здания самодержавия и униженно выслушивают издевательства лейб-жандарма Плеве,—один только пролетариат высоко держит знамя борьбы и среди всеобщего мрака не угашает светоча свободы. Эта позорная трусость командующих классов в настоящую минуту особенно рельефно оттеняет революционную и социально-прогрессивную роль пролетариата. Политические тенденции Ростовских событий дают лишний повод подчеркнуть первенствующее значение пролетариев в освободительном движении и потому должны повсюду вызвать сочувствие и поддержку, чтобы этим подкрепить их значение и показать солидарность всего рабочего класса России; зверская расправа со стачечниками, трупы убитых борцов и страдания сотни раненых вызывают к протесту и открытому негодованию. Стыдно сказать—насилия против рабочих проходили до сих пор для правительства безнаказанно. Мученическая смерть Марии Ветровой, избиение московских студентов дворниками, побоище на Казанской площади в Петербурге—приводили к протесту и даже демонстрациям, в то время, как смертоносные выстрелы в рабочих «молодцов-фанаторийцев», кубанских и донских зулусов замирали с последним вздохом жертв... Пора положить конец столь постыдному равнодушию! Пора дать почувствовать правительству, что каждый выстрел в рабочих, каждая пущенная в ход нагайка всколыхнет революционную волну, которая с увеличенной силой про-

катится по всей Руси, как грозное напоминание о смерти дряхлому самодержавию, как заря грядущей молодой России...

Ростовская стачка, как частное дело ростовских рабочих, закончена; требования рабочих, по всей вероятности, будут удовлетворены, а политическое значение прошедших волнений не замедлит сказаться в будущем. Но этого, конечно, мало. Для великого дела политического освобождения страны ростовская стачка только тогда сыграет свою роль, когда она встретит сочувствие среди всех протестующих элементов, когда в той или иной форме ее поддержат революционные организации русского пролетариата. Пусть же пожар, вспыхнувший на Дону, разгорится грозным пламенем, пусть в ответ на ружейные залпы могучим эхом прогремят демонстрации, пусть стоны жертв покроет гром протеста, пусть повсюду так же единодушно, как в Ростове, вынесут смертный приговор самодержавию, гнетущему страну!

Долой самодержавие! Да здравствует грядущая революция!

⁸⁶⁾ *Петербургский Союз Борьбы за освобождение рабочего класса*—вырос из кружка пропагандистов с.-д.-тов—«Центральной группы для руководства рабочим движением». При энергичном воздействии В. И. Ленина, кружок организуется в Союз. Вместе с Старковым, Кржижановским, Ваневым, Сильвиным, Запорожцевым, Мартовым, В. И. работает в Союзе, в его литературной группе, ведет районные рабочие кружки. Особенно оживилась деятельность Союза после поездки В. И. летом 1895 г. за границу, где он вошел в контакт с «Группой Освоб. Труда» и наладил транспорт революционной литературы. В ночь на 9 XII 1895 г. Союз был разгромлен полицией, видные вожди арестованы. С отправкой в ссылку вождей в 1897 г. деятельность Союза замирает, пышно расцветает «экономизм», и тактика «малых дел» заслоняет главную цель—освобождение рабочего класса. Когда «старики» вернулись в 1900 г. из Сибири, они уже не могли опереться на петербургских товарищей. Формально Союз прекратил свое существование на II Съезде Р. С.-Д. Р. П.

⁸⁷⁾ *Ц. К. объединенных южных Комитетов*—с.-д. организация на юге России, выросшая в конце 90 и начале 1900 г.г., принимала участие в 1-й Белостокской конференции 1902 года, где был избран О. К. по созыву II Партийного Съезда. После провала 1-го О. К. к осени 1902 г., Союза южных комитетов и организаций, как выяснилось из доклада делегатов группы «Южный Рабочий» на 2-й Белостокской конференции, уже не существовало.

⁸⁸⁾ *Бунд*, или «Всеобщий еврейский рабочий союз в России и Польше». Образован в 1897 г.; в качестве автономной организации вошел в Р. С.-Д. Р. П. на 1-м ее съезде 1898 г. Руководящий орган Бунда—«Рабочий Голос» («Arbeiterstimme»). На II съезде, когда в организацию партии был внесен принцип строгого *централизма* в интересах успешности революционной борьбы, Бунд вышел из состава партии. Вторичное объединение произошло уже после стокгольмского «Объединительного» съезда 1906 г. Бунд в своей тактике по преимуществу вращался в плоскости меньшевизма. Только во 2-ю русскую революцию, после успехов, достигнутых пролетарской властью, принципы меньшевизма начинают изживаться Бундом,—часть его переходит на сторону Р. К. П.

⁸⁹⁾ *«Последние Известия»*—орган Заграничного комитета Бунда, отставивший независимость Бунда от Р. С.-Д. Р. П.

⁹⁰⁾ *Тьер*—французский ученый, историк и политический деятель, идеолог крупной буржуазии. Автор «Истории великой франц. революции», где восхваляется доблесть третьего сословия, которое отобрало власть у феодального

дворянства и установило «порядок» после анархии «старого режима». Тьер выступил на политическую арену в момент агонии «Рестаурации» при Полиньяке; в июльскую монархию—лидер левого крыла крупной «буржуазии, стоящей у власти»; в революцию 1848 г. стоит за диктатуру Кавеньяка. После крушения 2-й империи, Т.—организатор 3-й республики и первый ее президент. Глава буржуазного «Версальского правительства» заливает рабочей кровью Париж в знаменитую «майскую неделю» 1871 г.

⁹¹⁾ *Горемыкин*—один из «столпов» правительства Николая II, в конце XIX в., в качестве мин. вн. дел воюет против рабочих, студентов и голодающих крестьян, в эпоху I Думы—премьер «конституционного кабинета»; в первые годы империалистической войны—организатор «обороны отечества» и неустанный борец с «прогрессивным блоком» IV Госуд. Думы.

⁹²⁾ *Ив. Гюйо*—французский министр публичных работ (1889—1892), первоначально радикал, потом умеренно-правый; много писал о «нуждах» пролетариата

⁹³⁾ *«Новое Слово»*—легальный марксистский журнал, продержавшийся, начиная с весны 1897 г., целых 8 месяцев под страшным цензурно-полицейским гнетом. Его сотрудниками были Плеханов, Потресов, Засулич, Мартов, Струве, Булгаков; Н. Ленин поместил здесь статью: «К характеристике экономического романтизма».

⁹⁴⁾ *Водовозов, Н. В.*—экономист, выпустил книгу «Экономические этюды», где заявляет себя сторонником идей Мальтуса, рисует историю рабочего движения в Бельгии, партийную борьбу в Соед. Штатах, отношение французск. палаты депутатов к рабочему движению.

⁹⁵⁾ *«Русские Ведомости»*—московская «профессорская» газета—легальный орган русского либерализма, стойко державший оппозиционное знамя в мрачные годы дворянской реакции 80—90 гг. С 1905 г. «Р. Вед.» становятся руководящим органом к.-д. партии. Во 2 русскую революцию «Р. Вед.» стали прибежищем для испуганных и кающихся либералов и народников, и так. образом перебрались в контр-революционный стан.

⁹⁶⁾ *К. Каутский*—крупнейший теоретик марксизма и видный деятель немецкой с.-д.тии. Основал с Дием в 1883 г. руководящий орган с.-д. партии «Новое Время», был близким сотрудником газеты Ц. К. партии «Вперед». Его работы: «Эрфуртская программа», где с наибольшей точностью изложена программа с.-д.тии, «Аграрный вопрос», «Экономическое учение К. Маркса», ряд исторических трудов, освещающих крупнейшие эпохи прошлого с точки зрения классовой борьбы, приобрели международное значение. Представитель строго ортодоксального марксизма, он вел упорную борьбу с критиками, особенно с «ревизионизмом» Бернштейна. К его авторитету за решением сложных социально-экономических проблем, программных и тактических задач, какие только выдвигает современность, обращались неоднократно представители международного социализма. Когда наступила империалистская война 1914 г., Каутский растерялся, не поднял авторитетного протеста против соглашательской позиции немецкой с.-д. и очутился в рядах колеблющихся «изависимых». К русской пролетарской революции Каутский отнесся отрицательно, обнаружив свойственные русским меньшевикам качества: оппортунизм и сильное преклонение перед буквой, а не духом Марксова учения (см. брошюру В. И.: «Пролетарская революция и ренегат Каутский» в XV томе Собрания сочинений и брошюру Л. Троцкого: «Терроризм и коммунизм»).

⁹⁷⁾ *Суворин, А. С.*—журналист, редактор «Нового Времени» (см. прим. 15), влиятельного органа консервативных дворянско-бюрократических кругов.

⁹⁸⁾ *Озмидов*—издатель «Новороссийского Телеграфа», реакционной газетки с лозунгом травить инородцев.

⁹⁹⁾ *Крушев*—издатель «Бессарабца», черносотенной погромной газеты. Член II Гос. Думы, где примыкал к крайнему правому крылу.

¹⁰⁰⁾ *Гр. Н. Н. Игнатьев*—дипломат, подписавший Сан-Стефанский договор с турками в 1878 г.; после ухода Лорис-Меликова—министр внутр. дел.; мечтал о созыве «земского собора», об единении царя с народом в славянофильском духе, но скоро был заменен ярым реакционером, гр. Толстым.

¹⁰¹⁾ *Мезенцов*—шеф жандармов—кровавый борец с революционным народническим движением 70 гг.: добивается казни Ковальского, взятого с товарищами в Одессе после вооруженного сопротивления, в янв. 1878 г., настаивает перед Александром II на увеличении при конфирмации наказаний по «делу 193» Убит 4/VIII 1878 г. Степняком-Кравчинским.

¹⁰²⁾ *Лорис-Меликов*—начальник «верховой распорядительной комиссии» для борьбы с крамолой в 1880 г., проводит политику «лисьего хвоста», пытается заигрываниями с либералами отвлечь их от растущего революционного движения. Лорис-Меликовская «конституция», которая сводилась к организации совещательных комиссий из местных людей при высших бюрократических органах, показалась настолько опасной столпам развернувшейся после 1 марта реакции, что Л.-Меликову пришлось уйти в отставку.

¹⁰³⁾ *Тотлебен*—военный инженер, прославившийся в Севастопольскую кампанию и при осаде Плевны. После выстрела Соловьева (1879 г.) был сделан одесским генер.-губ. и вел кровавую борьбу с революционными народниками.

¹⁰⁴⁾ *Генерал Богданович*—прославился изданием бесплатных патриотических брошюр, листовок и картин черносотенного содержания.

¹⁰⁵⁾ *И. Кронштадтский*—кронштадтский священник с громадным влиянием среди невежественных народных масс, считавших его за святого и чудотворца. Известен резкими выпадами против интеллигенции и «освободительного движения».

¹⁰⁶⁾ *Польская социалистическая партия (Р. Р. S.)* образовалась в 1893 г. в период реакции против т.н. «варшавского позитивизма»—идеологии польского капитализма с программой «органического труда». Социализм Р. Р. S. был окрашен в яркие националистические цвета, отражая стремление профессиональной интеллигенции и наиболее революционной части мелкой буржуазии. Центральный пункт программы—восстановление национального польского государства, основной тактический путь—подготовка национального восстания. После революции 1905 г. Р. Р. S. распалась на 2 фракции: 1) «левицу»—социалистическую и 2) «правую»—националистическую.

¹⁰⁷⁾ *«Новая Рейнская Газета»*—издавалась в Кельне кружком коммунистов во главе с Марксом и Энгельсом (1/VI 1848—19/V 1849)—в самый разгар немецкой революции. Это ярко революционный орган, поддерживавший в качестве крайнего левого крыла буржуазную демократию. Маркс считался с тогдашней отсталостью германских общественных отношений, а с другой стороны, еще не потерял надежды на революционные способности немецкого бюргерства: отсюда его попытка известного, хотя бы временного, политического контакта с ним. Когда окрепшая реакционная власть стала давить на буржуазное Национальное Собрание, газета призывает народные массы противопоставить реакционным

силам тоже силу—вооруженного восстания, организовывать комитеты общественной безопасности, захватывать всюду коммунальные советы. Сочувствие «Н. Р. Г.» майским инсургентам 1849 г. повело к ее закрытию властями. Последним, прощальным словом ее сотрудников было: «Освобождение *рабочего класса*».

¹⁰⁸⁾ *Руге*—немецкий политический деятель. Левый гегельянец, он в 40 гг. эмигрировал во Францию, где с Марксом издавал радикальный журнал «Немецко-французский ежегодник». Революция 1848 г. сделала его членом общегерманского франкфуртского парламента. При наступлении реакции Руге эмигрировал в Лондон, где с Ледрю-Ролленом и Мадзини пытается организовать международную ассоциацию радикальных демократов-буржуа для борьбы с надвинувшейся всюду реакцией. По возвращении в Германию Руге поворачивает руль в сторону воинствующего национализма, и накануне австро-прусской войны 1866 года открыто заявляет себя сторонником политики Бисмарка; радикальный буржуа сближается с реакционным юнкерством и сочувствует созданию «железом и кровью» «центрально-европейской державы» с империалистскими тенденциями

¹⁰⁹⁾ *Франкфуртский парламент*—Учредительное Собрание, созданное в эпоху революции 1848 г. для выработки общегерманской конституции. Нерешительность и слабость бюргерства, составлявшего большинство в парламенте, окрылили старые реакционно-феодальные силы, и парламент во Франкфурте был ликвидирован без каких-либо реальных для Германии социально-политических результатов.

¹¹⁰⁾ *Домбровский и Врублевский*—польские революционеры, видные деятели Парижской Коммуны 1871 года, защитники ее против Версальского правительства, возглавляемого Тьером.

¹¹¹⁾ *Меринг*—выдающийся деятель немецкой с.-д-тии. В 80 гг. он резко порвал с либеральным лагерем и перешел в ряды с.-д. партии, где примкнул к левому ортодоксально-марксистскому крылу. Редактировал «Лейпцигскую народную газету» и вместе с Каутским «Новое Время». Труды его жизни: «Из литературного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассалья», «К. Маркс. История его жизни» и «История немецкой с.-д-тии». Когда грянула империалистическая война 1914 г. и угар шовинизма охватил немецкую с.-д-тию, Меринг выступил с резким протестом против войны, военных кредитов и «гражданского мира» с буржуазией, который проповедывало оппортунистическое крыло партии (шейдемановцы). Вместе с Розой Люксембург издал № журнала «Интернационал», одно название которого—программа и боевой вызов оппортунистической политике большинства партии. Лозунгам революционного социализма Меринг остался верен до конца своих дней.

¹¹²⁾ *Ответ Иксу (Маслову) об аграрной программе* напечатан в IX т. Собрания сочинений.

¹¹³⁾ *Гофман* (псевдоним Коссовского)—делегат Загр. Комитета Бунда на II съезде Р. С.-Д. Р. П.

¹¹⁴⁾ *Либер* (псевдоним Гольдмана)—делегат Ц. К. Бунда.

¹¹⁵⁾ *Акимов* (Махновец)—делегат «Заграничного Союза русских социал-демократов».

¹¹⁶⁾ *Рязанов* (Д. Б. Гольдендах)—представитель группы «Борьба», не допущенный на II съезд Р. С.-Д. Р. П.

¹¹⁷⁾ *Егоров* (псевдоним Е. Левина)—представитель группы «Южный Рабочий».

¹¹⁸⁾ *Горин* (псевдоним Галкина)—делегат Саратовского комитета.

¹¹⁹⁾ *Костров* (псевдоним Н. Жордания)—впоследствии меньшевик, председатель совета министров меньшевистского правительства Грузии.

¹²⁰⁾ *Махов* (псевдоним Калафати)—делегат Николаевского комитета.

¹²¹⁾ *Троцкий, Л. Д.*—представитель «Сибирского Союза» на II съезде, теперь нар. ком. воен. и мор., председатель Рев. Воен. Сов. Респ.

¹²²⁾ *Аксельрод, П. Б.*—член «Группы Освобождение Труда», представитель редакции «Искры» на II съезде с совещат. голосом; впоследствии видный меньшевик.

¹²³⁾ *Брукэр* (псевдоним Лидии Махновец)—делегат от Петербургской рабочей организации.

¹²⁴⁾ *Засулич, В. И.*—член «Группы Освобождение Труда», представитель от редакции «Искры» с совещательным голосом.

¹²⁵⁾ *Павлович* (псевдоним П. А. Красикова)—представитель Киевского комитета; теперь член коллегии Наркомюста.

¹²⁶⁾ После корреферата представителя «меньшинства» Мартова на съезде Лиги с резкими выпадами против доклада Н. Ленина, последний выступил с след. заявлениями:

1) «Я протестую самым решительным образом, как против *жалкого* приема борьбы, против постановки Мартовым вопроса о том, кто солгал или кто интриговал в изложении частной беседы между мною, им и Старовером. Я констатирую, что этот прием противоречит вопиющим образом вчерашним заявлениям самого Мартова о беззгливости, мешающей доводить дело до неразрешимого вопроса о правдивости изложения частных бесед. Я заявляю, что Мартов *совершенно неверно* изложил частный разговор en question. Я заявляю, что принимаю всякий третейский суд и вызываю на него Мартова, если ему угодно обвинять меня в поступках, не совместимых с занятием ответственного поста в партии. Я заявляю, что нравственный долг Мартова, выдвигающего теперь не прямые обвинения, а темные намеки, что его долг иметь мужество поддержать свои обвинения открыто и за свою подписью перед всей партией, и что я, как член редакции Ц. О. Партии, предлагаю Мартову от имени всей редакции немедленно *издать* отдельной брошюрой *все* его обвинения. Не делая этого, Мартов докажет только, что он добивался одного скандала на съезде Лиги, а не нравственного очищения партии».

2) «Я заявляю, что после того, как вчерашний, так называемый, корреферат Мартова перенес прения на недостойную почву, я считаю ненужным и невозможным участвовать в каких бы то ни было прениях по этому пункту Tagesordnung'a, а, следовательно, отказываюсь и от своего заключительного слова, тем более, что если Мартов имеет мужество выдвигать определенные и открытые обвинения, то он обязан сделать это перед всей партией в той брошюре, на составление которой я вызывал вчера Мартова формально».

¹²⁷⁾ Плеханов кооптировал Мартова, Засулич, Дейча и Аксельрода.

IV том Собрания сочинений **Н. Ленина** подготовлен к печати
и снабжен примечаниями **В. Пановым**
под ред. **Л. Каменева.**

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>Часть I. Статьи из «Искры» 1900—1903 г.г.</i>	3
Объявление об издании «Искры» (статья коллективная).	5
Насущные задачи нашего движения («Искра» № 1, дек. 1900 г.).	11
Китайская война (И. № 1, дек. 1900).	15
Отдача в солдаты 183 студентов (И. № 2, февр. 1901).	20
Рабочая партия и крестьянство (И. № 3, апр. 1901).	24
С чего начать? (И. № 4, май 1901).	31
Ценное признание (И. № 6, июль 1901).	37
Уроки кризиса (И. № 7, авг. 1901).	43
Крепостники за работой (И. № 8, 10 сент. 1901).	47
Борьба с голодающими (И. № 9, окт. 1901).	51
Каторжные правила и каторжный приговор (И. № 10, ноябрь 1901).	57
Протест финляндского народа (И. № 11, 20/XI 1901).	62
Беседа с защитниками экономизма (И. № 12, 6/XII 1901).	66
По поводу государственной росписи (И. № 15, 15/I 1902).	73
Политическая агитация и «классовая точка зрения» (И. № 16, 1/II 1902).	78
Из экономической жизни России (И. № 17, 15/II 1902).	83
Письмо к земцам (И. № 18, 10/III 1902).	91
Из партии (И. № 19, 1/IV 1902).	100
Проект программы Р. С.-Д. Р. П. (И. № 21, 1/VI 1902).	101
Революционный авантюризм. I (И. № 23, 1/VIII 1902).	108
Революционный авантюризм. II (И. № 24, 1/IX 1902).	116
Проект нового закона о стачках (И. № 24, 1/IX 1902).	125
Задачи революционной молодежи («Студент» № 2—3).	132
Письмо к товарищу о наших организационных задачах (брошюра).	145
К вопросу о программе (И. № 25, 15/IX 1902).	161
Политическая борьба и политиканство (И. № 26, 15/X 1902).	168
Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социал-революционерами (И. № 27, 1/XI 1902).	174
Все о том же (И. № 27, 1/XI 1902).	180
Новые события и старые вопросы (И. № 29, 1/XII 1902).	182
Извещение об образовании «Организационного Комитета» (И. № 32, 15/I 1903 года).	186
По поводу заявления Бунда (И. № 33, 1/II 1903).	191
Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату? (И. № 34, 15/II 1903).	195

	<i>Стр.</i>
Самодержавие колеблется (И. № 35, 1/III 1903).	200
Г. Струве, избалованный своим сотрудником (И. № 37, 1/IV 1903). . . .	204
Les beaux esprits se rencontrent (свой своему поневоле брат) (И. № 38, 15/IV 1903).	210
Мобилизация реакционных сил и наши задачи (И. № 41, 1/VI 1903). . .	213
Национальный вопрос в нашей программе (И. № 44, 15/VII 1903). . .	221
Эра реформ (И. № 48, 15/VIII 1903).	229
Сорвалось! (И. № 48, 15/IX 1903).	235
Максимум беззастенчивости и минимум логики (И. № 49, 1/X 1903). . .	239
Положение Бунда в партии (И. № 51, 22/X 1903).	244
Народническую буржуазию и растерянное народничество (И. № 54, 1/XII 1903).	254
<i>Часть II. Второй съезд Р. С.-Д. Р. П. и раскол среди «искровцев».</i> . .	261
Речи на втором съезде Р. С.-Д. Р. П.	263
Речи на съезде «Заграничной лиги русской революционной социал-дем.»	282
Письмо в редакцию (И. № 53, 25/XI 1903).	291
Почему я вышел из редакции «Искры».	294
Приложение	301
Примечания.	317

